

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

11-12 (429)

2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Анатолий Бузулукский. Менеджер и охранник. Сын-полуночник. *Рассказы* 3

Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен. *(Окончание)* 15

Михаил Окунь. Тюремный футбол. *Рассказ* 233

ПОЭЗИЯ

Владимир Друк. Спи, Шанхай! < version 1.9 c, beta > 9

Светлана Бунина. Вариации на темы Энн Секстон 220

Андрей Пермяков. «Начитавшийся «Опытов», сядешь в кровати...» *и др.* 223

Наталия Черных. Элегии Сокольникам 226

Галина Рымбу. «Дай мне тему, и тема забудется....» *и др.* 229

ДЕБЮТ

Борис Белкин. Прогулки у залива. *Стихи* 236

ЗАОЧНЫЙ ДИАЛОГ

Разговоры с **Андреем Пермяковым: Олег Дозморов – Данила Давыдов** 239

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Анна Голубкова. Избавление от избыточного 250

Алексей Колобродов. Роман с лекарством 254

Олег Рогов. Воспоминание о 60-х – воспоминание о будущем 256

Сергей Трунев. Умный пристеб – основа демократии? 257

КИНООБОЗРЕНИЕ

Иван Козлов. Три русских фильма с двумя героями 259

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «ВОЛГА» ЗА 2010 ГОД 261

© «Волга», 2010

Анатолий БУЗУЛУКСКИЙ

РАССКАЗЫ

МЕНЕДЖЕР И ОХРАННИК

Осипову стукнуло полвека, а он работал менеджером. Эта должность, в понимании Осипова, не могла выглядеть ни почтенной, ни устойчивой, ни даже эксцентричной. Среди прочих новых профессий эта казалась самой абстрактной, рассчитанной на молодых перекати-поле. С ней не грех было пересидеть трудные времена, чтобы затем возвратиться на круги своя. Но ходить в менеджерах на шестом десятке это уже был особый, юмористический крест. Осипову думалось, что быть в его возрасте, например, учителем – совсем не смешно, врачом – тем более, чиновником – и говорить нечего, сантехником не смешно, дворником тоже, а вот менеджером – и смешно, и нехорошо. Что-то в самом звуке «менеджер» слышалось анекдотичное. Осипов понимал, что с годами и это слово в России обветрится и заматереет, но пока оно пелось фальцетом. Даже охранник – не фальцетом, а пятидесятилетний менеджер среднего звена, будь он хоть семи пядей во лбу, – пискляво, смешно.

Именно охранник теперь портил Осипову кровь. Охранников в обихоженном офисе фирмы, где тянул менеджерскую лямку Осипов, было хоть отбавляй – равнодушных, несмотря на то, что вышколенных, полусонных, несмотря на то, что бдительных. Но этот, ставший осиповской помехой, с чернявыми усиками, очкарик-мещанин, оказался каким-то чрезвычайно горделивым формалистом, с внутренней упрямой мукой, святее папы, то есть педантичнее самого генерального директора. Охранники, считал Осипов, должны славиться отменной въедливостью, но усатый повел себя с Осиповым больше, чем буквоед, он повел себя как сладострастник-буквоед.

Одним грязным и знобким утром Осипов, как всегда, в первых рядах явился на работу с обычной угрюмой задумчивостью, похожей на мизантропию. Он спросил ключи от своего отдела у охранника за стеклом. Но тот ни головы не поворачивал, ни ключей не подавал. Это был охранник новый для Осипова, усатый. Среди охранников и некоторые другие были усачами, но только у этого усы росли такими цыганскими и подстриженными и только у этого из всего лица именно усы так много значили. Осипову и раньше доводилось видеть этого усатого в цепи охраны на различных мероприятиях, но на вахте Осипову он встретился впервые.

Осипов решил, что ключи еще находятся у уборщицы, что та еще домывает отдел, как бывало почти каждое утро. Осипов приезжал в офис ни свет ни заря, задолго до официального начала работы – выбирался Осипов из дома с тем расчетом, чтобы избегать толчею в транспорте, чтобы сидя ехать в трамвае в час, когда пробками в городе еще не пахло.

Осипов сделал привычную запись в журнале, что ключи получил, и еще раз поинтересовался у усатого охранника: «Посмотрите десятый». – «Разденьтесь», – буркнул усатый Осипову, потому что именно на Осипова скосил глаз, и продолжил говорить что-то о каком-то карбюраторе

Анатолий Бузулукский родился в городе Куйбышеве (ныне Самара) в 1962 году. Окончил филфак Ленинградского госпединститута им. А. И. Герцена. Служил в армии, учительствовал. Живет в Санкт-Петербурге. Член Союза писателей России. Автор книг прозы «Время сержанта Николаева» (СПб, 1994), «Антипитерская проза» (СПб, 2008) и публикаций в журналах «Звезда», «Знамя», «Крещатик», «Волга», «Интерпоэзия». Лауреат премий им. Гоголя и журнала «Звезда» за лучшую прозу.

своему напарнику, сидящему невидимым в отдалении. «Десятый посмотрите», – четче повторил Осипов с застывшей в руке ручкой. «Снимите сначала верхнюю одежду», – поднял наконец на Осипова усатый крепкие усы и металлические очки.

Осипов не был еще в этот день раздраженным, напротив, вопреки непогоде, он успел порадоваться вспененному, низкому, утробному небу, но теперь вдруг жар ударил Осипову в виски. Осипов бросил ручку об журнал и произнес баритоном, который у него появлялся в редких случаях: «Это уже хамство!» Он развернулся и мимо гардероба одетым, не стягивая с головы вязаной шапочки, направился к своему рабочему месту. Уборщица, слава богу, копошилась в отделе. Осипов помнил, что в фирме действовали запреты, в том числе и запрет находиться в помещениях в верхней одежде. Но пока ни один охранник за три года работы Осипова в этом офисе не требовал у него, ранней птахи, раздеться взамен на ключи. Осипов и его коллеги никогда не сдавали свои пальто в гардероб – в отделе испокон веков стояли платяные шкафы. И потом, – негодовал Осипов, – даже если бы я пользовался гардеробом, почему необходимо соблюдать именно такую последовательность – сначала разоблачиться, а затем получить ключи? Почему нельзя исполнить то же самое, но наоборот? И опять же, где, в каком циркуляре генерального, у которого на каждый служебный чих имелся свой нотный знак, было зафиксировано это правило? Осипов не верил, что знакомился с соответствующим распоряжением и ставил свою согласную закорючку под ним. Наверное, – не унимался Осипов, – это всего лишь отсебятина начальника охраны или дурость усатого. А если не отсебятина и не дурость, и не провокация, тогда и делать мне здесь больше нечего, тогда надо ко всем чертям увольняться отсюда. Это казарма или современная коммерческая структура? Я свободная личность или последний идиот на свете?

Осипов вспомнил, что его уже отчитывали за пальто, вернее, не так за пальто, как за кепку. В кепке Осипов однажды шествовал по второму этажу навстречу генеральному. Поравнявшись с начальством, Осипов не столько сдернул кепку долой, сколько как бы приподнял ее для приветствия, старинного, но получившегося вынужденным. На следующий день старший менеджер с негодованием передал Осипову замечание генерального: вы, дескать, Осипов, хоть у нас и на хорошем счету, но зачем в головном уборе по зданию ходить? Осипов понимал, что дресс-кодовая реакция генерального была бы куда более бескомпромиссной, если бы Осипов после пугливо-фамильярного взмаха этой несчастной кепкой не догадался глубоко поклониться в сторону генерального. В последнее время бросалось в глаза, как быстро генеральный становился адептом консервативного этикета.

Осипову казалось, что педантизм генерального можно было назвать душевным, как всякую искреннюю и трудную абсурдность. И трепет коллектива перед этим честным педантизмом можно было тоже назвать душевным. Осипов помнил, как женщины в канцелярии ломали голову над тем, почему генеральный не подписал один из документов, если тот был составлен без сучка и задоринки, и доломали ее до того, что решили, что генеральному разонравилась его собственная подпись и он теперь хочет отдохнуть от нее. Иногда Осипов преувеличивал автократическую душевность генерального. Осипов помнил, как на новогоднем корпоративном празднестве в тосте обмолвился, что генеральный для пользы человека может этого человека и через колено сломать. «Я могу лишь коленом под зад», – отшутился генеральный. Видимо, он посчитал, что менеджеру не по чину смущать генерального директора разговорами о его властном нраве. Осипов тогда грустно осекся, потому что ломать через колено ему не казалось грубостью, а давать коленом под зад казалось.

Осипов думал, что можно по-разному нивелировать усатого. Можно перестать приходить на работу первым и тем самым перестать брать ключи на вахте раз и навсегда. Можно потихоньку сделать для себя на всякий пожарный дубликаты ключей. Можно по-прежнему уповать на копотливость уборщицы. Можно, наконец, позорно смириться и начать раздеваться в гардеробе. Но благороднее всего, – воодушевлялся Осипов, – уволиться. Послать этого усатого охранника вместе с генеральным ко всем чертям. Вдохнуть полную грудь нового воздуха и – будь что будет.

Не любил Осипов, помимо усатого, и буфет в вестибюле: там в обеденный перерыв накап-

ливалась очередь, потому что вне очереди кормили гостей фирмы, заместителей генерального и бухгалтерию. Не любил Осипов даже кассу фирмы, к окошку которой в первый день выдачи зарплаты тоже надо было прорываться, а дотерпеть до второго или третьего дня Осипов не пробовал. Раздражала Осипова и коллега Савинова с нежными, бессильными глазами. Она по гороскопу высчитывала свои неблагоприятные дни и отпрашивалась на это время с работы. Как ни странно, коллега Савинова не обманывалась: клиенты, когда она отсутствовала, звонили всё больше для разведки, рутинных уточнений, по ошибке и с претензиями. Кроме того, генеральному именно без Савиновой от подчиненных вдруг требовалась сверхурочная занятость. Осипову тогда приходилось думать, что он отдувается за двоих.

Осипова осенило, что он может и помириться с усатым. Стычка с усатым напомнила Осипову казус с интеллигентной уборщицей-пенсионеркой, мывшей в офисном здании коридор. Два года подряд каждое буднее утро они видели друг друга, но не здоровались. Интеллигентке-уборщице, кажется, нравилось, что мужчина приезжал на работу заблаговременно и на нем никогда не бывало грязных ботинок. Однако то, как она, заметив его, приосанивалась, говорило о том, что приосанивалась она для осуждения его бестактности, ибо он так и не соблаговолял с ней здороваться. Наконец она, кажется, догадалась, что этот чистоплотный менеджер был вовсе не законченным невежей, а одним из бесчисленных бирюков мегаполиса, которые ради своей герметичности никогда не здоровались не только с незнакомыми сослуживцами, тем паче пожилыми уборщицами, но и с соседями по дому, где жили, по лестничной площадке. Невольно привыкнув к Осипову, интеллигентная уборщица стала пытаться его разговорить: предостерегала, чтобы он не поскользнулся на влажном линолеуме, просила пройти по левой или, наоборот, по правой стороне, ближе к стеночке. Однажды, на следующее утро после того, как она накануне посетовала, что опять не успевает до его прихода закончить свой участок, Осипов проронил: «Доброе утро!» С того раза они дружелюбно здоровались каждый день. Интеллигентная уборщица видела, что от этих приветствий он смущенно веселел, а Осипов видел, что старая уборщица наконец-то провожала его успокоившимся взглядом и была не столько седовласая, сколько будто бы белокурая, и не столько приосанивалась, когда встречала его, сколько выпрямлялась. Осипов думал, что и с усатым, быть может, он со временем также невзначай найдет общий язык.

Первую ночь после столкновения с усатым Осипов мерз, обливаясь потом. Во сне он не мог найти единственный, завершающий компонент для симметрии. Последние годы Осипов всякий раз доподлинно знал, какой именно психологический пустяк будет ему мешать в грядущей ночи. С этим точным знанием Осипов не мог совладать. Чтобы хотя бы рассеянно задремать, он слушал на ночь культурные аудиозаписи из интернета: то «Евгения Онегина» голосом Смоктуновского (голос Юрского казался Осипову излишне артикулированным), то моцартовский «Реквием», то сонаты Бетховена (избегая знаменитые), то Андрея Кураева. Правда, дьякон Кураев Осипова разочаровывал. Мало того что кураевские лекции были для Осипова чересчур адаптированными и чересчур публицистическими, Осипова раздражал в Кураеве светский, интеллигентско-московский, высокомерный, неистребимый юморок.

Утром Осипов сквозь стекло трамвая наблюдал на Пролетарской у павильона «Закусочная» одних и тех же счастливых алкашей-жаворонков, скрюченных, больных, но, казалось, навеки забывших о тревоге. Осипов в транспорте любил про себя молиться. Он молился о дочери Марише, чтобы она стала-таки матерью.

Он думал, что без симптоматичных пар не обходится ни одно общество – без Хоря и Калиныча, толстого и тонкого, хозяина и работника, Аполлона и Диониса, Авеля и Каина. Вот и он как менеджер попал в переплет с охранником.

Осипов к дверям офисного корпуса подходил с желанием схватки. Он подзуживал себя: «Ты боишься всех, кроме Бога, а надо – наоборот». Он убеждал себя быть хладнокровным, но не презрительным с усатым. Он старался последние метры идти небрежно и широко. Однако на крыльце Осипов подвернул ногу, шагнул мимо ступеней, оступился. Щиколотка остро заболела. Осипов чувствовал, что не сможет двигаться дальше, но пошел. Среди охранников на вахте усатого не

было. Замечать оплошность Осипова было некому. Для охранников оступившийся человек – не происшествие. Осипов подумал, что обусловленность наших надежд запасом нашей прочности необорима. Он подумал, что остальные охранники своего усатого коллегу, наверное, недолюбливают. Осипов знал, что и его самого, менеджера Осипова, его собственные коллеги, включая коллегу Савинову, тоже недолюбливают. Они не понимают, почему так долго, уже разменяв полтинник, человек не может стать уравновешенным и непринужденным. Осипов подозревал, что если он дотянет до старости, то и стариком будет незрелым.

Осипов замечал или догадывался, что усатый тоже мучился, тоже не знал, как себя вести с менеджером-скандалистом по-человечески: упереться, настоять на своем или спустить на тормозах этот чертов запрет. Правда, одно дело спустить на тормозах единожды, другое – спускать на тормозах систематически. Возможно, безупречная сговорчивость представлялась ему не столько философским отдохновением, сколько началом деградации.

Вероятно, усатый выбрал иную тактику: он передоверял Осипова напарнику. Когда Осипов приближался к вахте, усатый уступал место у ключей второму охраннику, усатый умывал руки. Второй охранник, кто бы им ни был, отличался благосклонностью.

Осипов слышал, как усатый (специально для него, для Осипова) выговаривал даме-менеджеру: «Сегодня даю вам ключи, но имейте в виду, верхнюю одежду надо снимать». «Конечно, конечно», – не противилась дама.

Осипов думал, что, когда будет подписывать обходной лист, подойдет и к усатому с прощаньем и прощеньем. «Простите, – скажет он усатому. – Я, видимо, вверг вас в замешательство». Осипову казалось, что именно так нужно завершить противостояние с усатым, вывернуть наизнанку нелепость – не для скоморошества, а для радостной ясности мира.

СЫН-ПОЛУНОЧНИК

Дома в пятницу вечером Вадима Сергеича ждала спрессованная духота. Вадим Сергеич начал злиться на жену: та, уезжая на дачу, захлопнула все стеклопакеты наглухо, видимо, не помня, что он в эти выходные решил остаться в городе, видимо, забыв, что последние четыре года из квартиры почти никуда невозможно было выпроводить (во всяком случае, в дневные часы) их взрослого, двадцатиоднолетнего сына Олежика.

Она должна бы уже знать, – досадовал Вадим Сергеич, – что окон сын не откроет даже в своей комнате, он будет задыхаться, но будет спать. Она уехала поближе к лесу, к листикам, ягодам, к своей внутренней речи, с беспамятством то ли несчастной алкоголички, то ли счастливой монашки. Ни тою, ни другою она не является, – как будто вдогонку жене твердил муж.

В квартире копилось запустение. Вадим Сергеич распахнул окна повсюду, в том числе у сына, где воздух был, казалось, наполовину новым, наполовину прошлогодним.

Спал сын раздраженно и оборонительно, даже во сне сознавая, что на него опять смотрят. В комнате находился голый, пыльный книжный шкаф, который сын потребовал освободить от книг, потому что он не мог их видеть, на место которых он набросал диски, водрузил колонки и даже телевизор напротив кресла с обивкой, ободранной когтями еще юного, а теперь уже скончавшегося от долголетия кота. В комнате сына радушно попыхивал лишь компьютер, готовый к немедленному действию. Сын не раскладывал диван, ютился на нем скрюченным, как на вынужденном ложе. На полу валялись несколько грязных белых носков, скомканные трусы и даже наволочка, на столе перед монитором и на колонках стояли тарелки с засохшей сукровицей кетчупа.

Сын спал, вероятно, мучительно, потому что по-другому, не мучительно, спать днем в течение стольких лет, думал отец, невозможно. Ночью сын шатался во дворах с такими же бездельниками, уклонистами от армии, почему-то неостроумными и непрактичными отщепенцами. Отец знал, что сын не был наркоманом, но кем он был, отец не мог понять.

Уже в сумерках сын проснулся и прошел в ванную. Отец не удержался и бросил сыну: «Доброе утро!» Сын хмыкнул, удивляясь, как еще отцу не надоело так несмешно шутить.

После душа и «завтрака» сын разговаривал по телефону, стараясь не гоготать.

Внезапно он предстал перед читающим отцом. «Ты не можешь мне денег дать? Я схожу в магазин, куплю что-нибудь вкусненькое, а то у нас ничего вкусненького давно уже нет», – сказал сын, как маленький, и выражение его лица, выморочного после дневного сна, было действительно не заискивающим, а оскорбленным, как у ребенка. Обычно, становясь приветливыми, глаза сына говорили: потерпите, пожалуйста, я ведь не всю жизнь буду таким, вы ведь знаете это и любите меня, несмотря ни на что, так же, как и я вас люблю.

«Я болею, простыл, хочется чего-нибудь вкусненького», – сказал Олежик, замечая, как у отца появились гипертонические разводы на лбу.

Отец отшвырнул газету и несколько секунд молчал, формулировал тираду, которая смогла бы вразумить сына своей выразительностью.

Наконец отец начал говорить: ты, Олежик, окончательно потерял совесть, ты несколько лет валяешься на боку и еще требуешь себе вкусненького, я не знаю в мировой истории другого такого случая, когда бы человек ничего, абсолютно ничего не делал годы и при этом не находился бы ни в тюрьме, не пьянствовал бы и, слава богу, не употреблял бы, кажется, наркотики. Ведь даже английским принцам после школы бывает позволительно отдохнуть лишь один год, точнее, не отдохнуть, а привести свои мысли к общему знаменателю.

«А Обломов?» – зачем-то опять по-детски возразил разозленному отцу рослый сын.

Отец проглотил со слюной беззвучную заготовку для крика и вдруг мягко, каверзно изрек фразу, неожиданную и для себя, и для сына: «Я вообще, Олежик, стал сильно сомневаться, мой ли ты сын. Я не припомню в нашем роду аналогов твоего поведения. В тебе замешаны какие-то чужие и чужеродные гены. Поразительно, но ты напрочь, в принципе, ни капельки не похож на меня не только характером, но и физически».

Отец не заметил, как от него удалился сын.

Вскоре, привлеченный долгой тишиной, отец обошел всю квартиру: она была безлюдной, сын ушел неслышно. Обычно так неслышно раньше Олежик не уходил.

Вадим Сергеич надеялся, что сын ему возразит: мол, неправда, папа, я очень похож на тебя, я в главном похож на тебя, я, как и ты, смущаюсь этого закоренелого мира, поэтому я его сторонюсь, он меня бесит и терзает, я не хочу искать себя в этом мире, как ты говоришь, социализироваться в нем, я хочу быть невидимым, никем, чем быть кем-то неприятным или жалким.

В три часа ночи Вадим Сергеич проснулся от ощущения несвежей пищи во рту, он подумал – от вкуса собственной подлости. Он набрал номер Олежика. Телефон сына был отключен. Вадим Сергеич еще раз пронесся по квартире – сына в ней не было.

Вадим Сергеич решил искать сына. Он думал, что ждать – это все равно, что скрываться. Он думал, что с сыном сейчас что-то произошло – и не метаморфоза (хотя и она не исключена), а конкретная беда, какое-то горе, отвратительный несчастный случай.

В подъезде пахло бетонной пылью, остатками хлорки, переполненным мусоропроводом.

Ночь была теплая, сухая и не темная. Верхушки деревьев в худосочной мгле не покачивались. То тут, то там возникали молочные тени. Некоторые голоса были юношескими и истошными. Вадим Сергеич прошел к дороге мимо двух азиатов, медоточиво присмиревших на корточках, мимо пьяной, пухлой тетки, не понимающей, куда ей идти. Вадима Сергеича озадачил надрывный плач ребенка с высокого этажа, ребенка, по крику еще грудного. На автобусной остановке Вадим Сергеич обнаружил низенькую, выспавшуюся, свежую старушку в ярко белеющем платочке. Какого автобуса она ждала в эту пору?

На середине дороги, будто на перевале, Вадим Сергеич остановился и начал озираться. Машин не было слышно. Светофор поблизости мерцал по-ночному, желтым. Вдруг Вадим Сергеич догадался, что сын теперь наблюдает за ним. Раздался какой-то допотопный, хлипкий девичий свист,

а следом – смешливый возглас: «Мужик, свали с дороги – задавят». Вадим Сергеич послушался и перебрался на тротуар тесными шажками, давая таким образом понять, что он извиняется и, может быть, немного не в себе. Через мгновение по дороге пронеслись две приземистых легковушки, одна рядом с другой, почти без грохота, без удушающего сопротивления в воздушных слоях.

Уличная ночь с выцветшим светло-серым асфальтом не выглядела опасной. Не было в ней запаха подожженной шины, не гуляли игривые, как воры, сквозняки, не давила плашмя луна. Это будет потом, – думал Вадим Сергеич, – будет осенью, поздней, нехорошей, разрушительной, кипящей слякотью.

Вадим Сергеич вернулся домой выдохшимся. Он лег на спину, ноги слитно, руки раскинуты по сторонам. Так, казалось ему, будет надежнее лежать перед тревожно постанывающим окном. Он вспомнил Олежикины слова: «Вы ничего не понимаете и только мешаете. Вы даже в политике ничего не понимаете».

Вадим Сергеич представлял материнскую, горделивую походку сына, его материнские чистенькие губы, его материнскую, смуглую матовость. Он задумался об ушах сына: уши у сына были не материнскими, уши у сына были его, отцовскими. По крайней мере, они теперь становились такими, отцовскими, тонко раскатанными, прижатыми. В детстве у сына уши были материнскими, аморфными, без козелока. «Уши, – думал Вадим Сергеич, – вещь изменчивая. А вот конфигурация плеч с шеей и головой – вещь постоянная». Верх у сына, вспоминал Вадим Сергеич, эти его повороты и довороты, резкое поеживание, застенчивая линия плеч, несмотря на то, что плечи у Олежика были крепкими, – всё это у сына было его, отцовским, хотя у него, у отца, шея всегда казалась слабовольной, а плечи узковатыми. Но линии, линии, их движения с этой мнимой беззащитностью, как ни странно, у отца и сына были одними и теми же.

«Зачем я ему вещал о нашем роде? – грустил Вадим Сергеич. – Что в нашем роду было такого благонравного?»

Вадим Сергеич дремал и шептал: «Как ему помочь? Как помочь сыну? Когда он вернется?»

Отец вспомнил, как несколько дней назад увидел на лице сына, человека внешне мужественного, не миловидные, а отчаянные проблески слез. Сын говорил в тот вечер с отцом доверительно. Отец сказал тогда: «Ты, Олежик, падаешь, ты падаешь уже на землю».

«Я – ниже», – ответил сын с этими его слезами.

«Надо подниматься, надо подниматься», – говорил отец.

«Я поднимусь», – сказал сын.

2010 г.

Владимир ДРУК

СПИ, ШАНХАЙ!
< version 1.9 c, beta >

помнишь иосиф маму с папой
помнишь иосиф тихой сапой
помнишь родину свою?

бывшая одна шестая – на обочине китая
ищет рифму к букве «ю»

скажем – полночь, скажем – углич

скажем – кремль
часовые
дальний флигель
коридоры, коридоры ...
потайная
дверь четвертого отдела:

«министерство ожиданий. департамент беспредела»

комната, пока пустая,
стулья стол вода в графине
среди прочих канцтоваров – сорок восемь мониторов
в рамке – фотка вальтасара

бьют куранты: текел, фарес!
опа дрица!
мене! мене!

кто тут ботает по фене?

на экранах мониторов
проявляется контора воспаленных кровососов

Родился в Москве в 1957 году. Окончил факультет психологии МГПИ (1980) и аспирантуру факультета интерактивных коммуникаций Нью-йоркского Университета (2001). Один из создателей Московского клуба Поэзии (1986). В 1991 году основал независимый Институт Виртуальных Реальностей (позднее – лаборатория РАН). Печатался в журналах «Юность», «Знамя», «Огонек», «Третья модернизация», «Иерусалимский журнал», «Черновик», «Крещатик», «Интерпоэзия», «НЛО», «Дети Ра» и др. Книги стихов: «Нарисованное яблоко» («Дет.Литература», 1991), «Коммутатор» (изд. «ИМА-ПРЕСС», 1992); в Нью-Йорке в самиздате вышла в 1999 году рукописная книга «Второе Яблоко», ставшая победителем конкурса «Русская Америка» (2002); книга избранного «Одноразовые Птицы» (НЛО, 2009) получила диплом премии «Московский Счет». Стихи в переводах и в оригинале выходили в английских, израильских, немецких, французских, финских, румынских, бельгийских, польских, итальянских и американских литературных журналах, альманахах и сборниках, вошли в несколько антологий современной русской поэзии.
С 1994 года живет в Нью-Йорке, работает над различными проектами и экспериментами в области виртуалистики и информационной архитектуры.

это тени убиенных в нежном возрасте вопросов
фенотип их одинаков
генотип их одинаков

это клоны это тролли это взрослые подростки
обезумевшие внуки
окуджав и пастернаков

жизнь проходит счастья нет
кто уходит в партизаны
кто уходит в талибаны
мы уходим в интернет...

заходите к нам на чай
заходите к нам на чат

входит главный модератор мазохист и провокатор
предъявитель документа председатель интернета

у него большой винчестер чип поболе гигабайта
(у него две тыщи френдов но его никто не любит
потому что модератор – был он сука есть и будет –
предводитель юденрата)

входит пользователь пушкин кличка pushkin
крест свисает между почек
облысевший неприметный исписавшийся до точки
нервно курит сигарету
в стиле позднего дантеса

входит бродский кличка «рыжий» кличка «shnobel» ник «iosif»
что с того что он гундосит у него картинка супер фотка с фликера
а в профиль –
мефистофель

(у него три тыщи френдов,
стиль похожий на картофель
сайт с поэмой мег на восемь
сайт с порнухой лет на восемь)

следом входят аватары под гавайские гитары
прибегает телеграмма к нам летит барак обама
входит вирус обезьяний

входит штамм свиного гриппа
говорит – помойте руки
мы отменим всю свинину, кушать будем только кошер
а пока – сидите тихо
вот вам кипа!

кьеркегор тебе товарищ
что ты сука хулиганишь
это член а не заточка
вы мамаша или дочка
пропустите я с норд-оста
так мы все – согласно госта...

входят горе и обида не показывают вида
входит статуя свободы и протягивает руку
в направлении куда бы
надо каждому стремиться:

штирлиц, мюллер, я свобода! –
изменить настройки входа –
я свобода, я свобода...
где темница?

виснут клоны на балконе лезут тролли с антресоли
буратино тарантино тартарен из тараскона
отменяются гастроли
с некто джоли в главной роли
объявляется открытым заседание месткома

председатель: все ли в сборе?
эта кнопка для вопроса
эта кнопка для ответа
время для голосованья

жесть на жести, из оффтопа как гарантия вопроса и гарантия ответа
появляется тамбовский волк-который-не-товарищ неприметный протокольный
два прихлопа три привета
и один щелчок контрольный

от барвихи до шанхая
он ишачит
мы шакалим

это клоны типа «наши»
это клоны типа «ваши»
это клоны типа «фаши»

бородищи в манной каше
отсосали у папаши
знают место у параши

вот они заходят в чат и по клавишам стучат
а потом заходят в чат и молчат молчат молчат
а потом заходят в чат и торчат торчат торчат

но от гугла вам не спря-тать-ся
не-скры-ть-ся

брать-я жел-ты-е ска-жи-те
что- вам-снит-ся

председатель: все ли в сборе?
эта кнопка для вопроса
эта кнопка для ответа
время для...

гексоген! заколебало!
принесите дацзыбао!
да заткнитесь, просто скотство! в чем вопрос-то?
первородство?
самозванство?
сумасбродство?

отвалите от лаптопа
дам лизнуть, но пахну потом!

кто-там дрочит на закат?
подрочи себе под кат!

в чем вопрос-то?

стало тихо стало тесно
стало душно если честно
если честно
стало честно

тут выходит эзра паунд
говорит красивым басом:
мы заточим весь компаунд
пидорасы! фантомасы!
только twitter нам поможет!

встань проклятьем заклейменный
встань замоченный в сортире
встань и стой посередине
слушай смысл сокровенный
этой родины и пьесы

как ромео льнет к джульетте
как к портосу гнет атоса
лезет каждый в эти сети
без зазрения и спроса
каждый хочет жить и знать
что его не миновать

чтоб грядущие потомки
и грядущие подонки
отыскали подлеца бы
на какой-нибудь помойке

чтоб вбежали в избу дети
разбудили бы отца
оживили б мертвеца

потому что наши дети
знают смысл в интернете

двинем пост духовный в топ
чтоб он в массах не утоп!

...в тихом сумраке белесом в синих бликах монитора
между тучами и морем гордо реет буревестник

в безыдейной ноосфере
ради смысла идеала
лэруа – шарден – вернадский
человек мамардашвили
ищет время ищет место
улететь куда попало...

глядь – время словно жид
по веревочке бежит
убегает убежит

по закону халифата
все мы дети арафата

скажут пли – ответим бля

утро красит нежным цветом
стены древнего кремля

голос аццкий – или – или – на чистейшем суахили:
тьфу на всех, какая горечь ваша рыба заливная...
то ли рыба то ли овощ...

славься, дмитрий алексаныч!

царствуй, дмитрий анатолич!

тили-тили трали- вали а в реале вы бывали?
или вам мозги засрали так, что вы уже едва ли?
ясно и на суахили: или – или

наступи себе на граблю!
линк поставишь? линк? поставлю!
башни сложенные в пазле выше тайны всех пародий
председатель со словами «всех зафрендим» убегает
увлекая за собою необученную массу

от шинелей благородий
пахнет шипром пахнет квасом
разливают по пластмассам
пьют в молчанке кто свободней
тихо музыка играет на ордынке на полянке

чтобы было без обид
сам живи и делай вид

будет все как царь велит
у кого несвежий tweet
будет бит

жизнь проходит счастья нет
на фиг этот интернет!

спит усталая контора мышки спят... м-м-м... .
спит синяк от монитора... м-м-м..

даже сказка спать ложится
чтобы выйти на подмостки
ловят в каждом отголоске
кайф шпионы и подростки...

помнишь, иосиф, маму с папой?
помнишь, иосиф, тихой сапой?
помнишь клавишу свою?

не чета твоим китаям
мы китаем не считаем!
спи мамаша на краю
дырка с палкой, буква «ю»

баю-баюшки-баю

значит – углич?
значит, углич

если честно
если тихо –

стало честно
стало тихо

стало тихо?
будет лихо

спи, шанхай!
гуляй, барвиха!

Алексей СЛАПОВСКИЙ

БОЛЬШАЯ КНИГА ПЕРЕМЕН*

30. ЛИ. Сияние

⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊

Внешне все обстоит превосходно, но в действительности это не так.

– Возможно, – говорит Егор, – на обложке будет только название, фамилия драматурга и фотография. Из Интернета возьмем и обработаем, если классик. А живые авторы мне сами пришлют, попрошу.

– Это правильно. А то копирайты всякие, то, се.

– Именно. С классиками легче, они умерли.

– Ну да. Шекспир какой-нибудь.

– У Шекспира нет фотографий.

– Почему?

– Не было фотографий в его время.

– А он когда жил?

– В шестнадцатом веке. И семнадцатый прихватил.

– Я даже не могу представить, когда это. А мне казалось – ну, век девятнадцатый примерно.

– Темная ты, Дашенька, оказывается.

– А я тебя спрошу, что такое экспокоррекция, скажешь?

– Нет.

– А брекетинг?

– Нет.

– Пиксели хотя бы знаешь, что такое?

– Нет, – с удовольствием признается Егор.

– Вот и все, – говорит Даша. – Каждый знает по своей специальности.

– Шекспир вне специальности, Дашечкин. Хотя, по сути, ты права, мне тоже иногда кажется, что он жил всего лишь в прошлом веке, а не в шестнадцатом. Очень современный автор, извини за банальность. Между прочим, в Англии в то время жило всего около четырех миллионов человек. А в Лондоне около двухсот тысяч, это считался огромный город.

– Меньше, чем сейчас в Сарынске?

– В четыре раза, как минимум. Да и людей-то было миллионов пятьсот на всей планете вообще.

– Это ты мне грамотность повышаешь?

– Ты против? Я, Дашкин, все время забываю, что тебе только двадцать лет. Ты много чего не знаешь, и это нормально.

– Выбери что-нибудь одно, а то – Дашкин, Дашечкин.

*Окончание. Начало см.: «Волга». 2010. №9–10

– А тебе что нравится?

– Даша.

– Хорошо, Дариа.

– Даша, без вариантов. Все эти уменьшительные штучки – вранье. Я заметила, когда люди долго живут друг с другом, они только на этом и выезжают. Пашечка! Дашечка! Костенька! Настенька!

– Не любишь вранья?

– Не люблю. Унижает. Поехали дальше. Название, автор пьесы, фотография или портрет какой-нибудь. От Шекспира портреты остались?

– Остались. Правда, неизвестно, был ли он вообще.

– То есть?

– Я тебе дам интересную книгу, там доказывается, что Шекспир на самом деле не мог написать эти пьесы. Родился в неграмотной семье, неизвестно, где учился, если вообще учился, книг не читал, рукописей от него не осталось, только какие-то корявые записки, никто из современников не называл его драматургом, когда умер, не было ни одного упоминания, будто не великого человека схоронили. В общем, ни одного документального подтверждения, что человек по имени Шекспир был великим драматургом и поэтом Шекспиром. Потому что, вроде того, великий Шекспир должен был иметь блестящее образование. Один словарный запас – пятнадцать тысяч слов, это очень много.

– А кто же тогда все написал?

– Группа товарищей. Учитывая объем и разнообразие. Марло, был такой драматург, аристократы разные, которым западло было пьесы писать, это считалось непочтенным занятием.

– А ты сам как считаешь, был он или нет?

– Я считаю, могло быть и так, и так. Есть такая штука, как необъяснимость творчества. Вот Шолохов написал «Тихий дон», когда был чуть старше тебя. Огромная книга.

– Тоже не читала. Стоит?

– Не для девушек.

– Я обижусь – кроме шуток.

– Тогда читай на здоровье. В общем, есть куча примеров, когда автор не мог написать чего-то, а он все-таки написал.

– Обидно.

– Кому? Шекспиру?

– Мне – за него обидно. Мне за всех обидно, с кем несправедливо поступают.

– Дашенций, ты прелесть.

– Опять?

– Извини.

Они продолжали обсуждать обложки и дизайн, хотя Даша давно уже поняла, что это только повод для встречи с ней. Что ж, приятно.

И с ним легко. Общаются уже так, будто у них уже все было. Сидят рядом на диване плечом к плечу, вернее даже полулежат, вполне интимно, если посмотреть со стороны.

Когда Егор говорит о том, что ему действительно интересно, Даша чувствует себя почти влюбленной. Сам красивый, говорит красиво, увлечение его красиво. Но вдруг в нем будто что-то перещелкивает, он вспоминает, наверно, о каком-то своем имидже, и начинает ему соответствовать. И Даша тут же впадает в легкое раздражение.

Такой вот контрастный душ.

Егор предложил кофе, Даша согласилась, он пошел варить, она оглядывала гостиную.

Вернувшись с подносом, Егор заметил это.

– Нравится, как живу? – спросил он.

– Кто тебе это придумал?

Егор придумал сам, но вопрос был так задан, что он решил не признаваться.

– Один человек.

– Руки оторвать этому человеку. Видно, что хотел, чтобы не как у всех, а получилось, что как у всех тех, кто хочет, чтобы не как у всех, блин, запуталась.

– Да нет, ты очень ясно выразилась. И даже красиво. Что именно тебя коробит?

– Ну, что все в формате, что ли. Четко. Диваны – не слишком богатые, чтобы в глаза не било, но не дешевые, как бы стильное, самое то. Картины – явно для интерьера, но такие, будто настоящие, будто они тебе действительно нравятся.

– Они мне действительно нравятся. И это очень хороший московский художник. И очень дорогой, извини, конечно.

– Может быть. Даже телевизор – не совсем во всю стену, чтобы не считали, что выделываешься, но и не маленький, чтобы не совсем уж бедно. Не знаю, как объяснить, но – напрягает это все как-то. Как-то нарочно сделано.

Егору было досадно слушать Дашу, потому что он увидел все ее глазами и обнаружил – так оно и есть. Нарочно, нарочито. Чтобы понравилось людям со вкусом. Недаром ему самому неуютно здесь, он больше любит свой кабинет. Правда, и там, пожалуй, есть многое напоказ – антикварный стол из карельской березы, принадлежавший якобы сто с лишним лет назад вице-губернатору, бюро у окна, старинный барометр на стене, часы с боем и маятником, тоже антикварные... Зато в спальне ничего лишнего – кровать, две тумбочки, прикроватный пуфик, обычное одеяло. Туда будет не стыдно повести.

Но он умел управлять своими эмоциями. Он знал, к тому же, что мужчина, признающий правоту женщины, выглядит выигрышней, чем мужчина спорящий.

– Грустно, – сказал он. – Но, похоже, ты права. Я, когда въезжал, торопился, не люблю возиться с бытоустройством. Поэтому как придумалось, так и придумалось. Чтобы понравилось, да, наверно. Но любой хозяин дома хочет, чтобы гостям в его доме нравилось, чтобы им было хорошо.

Дашу его откровенность, как говорили раньше, подкупила, ей даже стало неловко, что она так бесцеремонно все охаяла.

– Да нет, нормально все. Это я так. Я нарочно дразню иногда людей.

– Зачем?

– Чтобы знали, какая я язва.

– А ты язва?

– А ты не заметил? Надо замечать такие вещи. Я вот все замечаю. Ты вот кофе пьешь, а сам в это время на мои ноги смотришь. Через чашку.

– Это правда, – с покаянным видом сознался Егор. (Похоже, все переходит в русло игры, это его более чем устраивает.) – Но ты тоже, когда я пошел кофе варить, осмотрела меня с головы до ног. Там зеркало на стене, я видел.

– Нарочно повесил?

– Конечно.

– Осмотрела, да. Я люблю, когда у людей красивая походка. У тебя ничего. А у меня не очень. Это от природы. Хотела поучиться, времени жаль.

– Не прибедняйся, у тебя очень естественная походка. Легкая.

– Да? Ладно. Что еще у меня привлекательное, давай, говори. А то все думают, что мне каждый день комплименты говорят.

Игра продолжается, подумал Егор. Это хорошо.

Что это я из себя такую дурочку леплю? – подумала Даша. Это плохо.

Но она уже увлеклась, хотелось и дальше дурачиться.

Егор подробно описал красоту ее лица и фигуры, находя для этого деликатные выражения. Даша послушала, одобрила, но сказала:

– А все-таки про Шекспира у тебя интереснее получается. Давай, образовывай меня, расскажи еще что-то.

Егор с удовольствием начал рассказывать.

Потом, вспомнив о спектакле, показал Даше рецензии в сарынских газетах. Были и хвалеб-

ные, и ругательные, но хвалебные явно умнее – без приторности, дельно, с разбором постановки и ролей, в ругательных же были только брызги раздраженных слов.

Потом предложил выпить вина.

Выпили.

Вечерело.

Все это смахивает на то, что он меня хочет перевести в горизонтальное положение, а я, похоже, не против, думала Даша. Давай, девушка, не врать себе, ты его хочешь? Да. Ты считаешь, что его надо поканителить и не сдаваться так быстро? Пусть другие этим занимаются – и почему сдаваться? Никто никого приступом не берет. Два красивых человека захотели друг друга, нормальное дело. А Володя не муж и даже, пожалуй, не любовник. Друг. Не бойфренд, дурацкое слово, именно друг. (Некстати вспомнилось, как встретила одноклассницу Верочку, и Верочка рассказала, что у нее все хорошо – учится, ушла наконец от родителей, живет с любовником, встречается с одним парнем. «А парень – не любовник, значит?» – спросила Даша. «Любовник – когда намного старше и богатый, – объяснила Верочка. – А парень – когда красивый и молодой, но пока бедный».)

Даше было интересно, как Егор перейдет к тому, чего он больше всего желает, судя по его глазам, которые становятся не по теме озабоченными (не Шекспир же его заботит!)

И дождалась.

Прервав сам себя, Егор долго и внимательно смотрел в ее глаза и сказал:

– Я не люблю суеты и всяких дурацких подкрадываний. Ты мне страшно нравишься. Я очень хочу, чтобы ты осталась у меня.

– Навсегда?

– Сегодня.

– Испугался? Ладно, не бойся, шучу. Ну, хорошо, попробуем. Ты заманчивый вообще-то.

Егор встал и протянул руку.

Даша поняла его, протянула руку, поднялась.

Он повел ее в спальню.

Как у елки, подумала она, мальчик-зайчик повел девочку-белочку попрыгать под игрушками. И получить подарок. Ей стало смешно, она мысленно приказала себе быть серьезней. А то ведь иногда такое накатывает, сама не рада. Не хочется портить – все довольно романтично.

В спальне Егор остановился у постели, обнял Дашу, поцеловал. Губы были сладковатыми – после вина. После этого он начал медленно раздевать Дашу.

Грамотно, отметила она, стоящую женщину раздеть легче, чем лежачую – не надо вырывать из-под тела одежду и ворочать с бока на бок. Хотя мог бы и самой предложить, она умеет. Но пусть, если это ему нравится.

– Это оставь, – шепнула Даша. – Сам одетый стоишь, я стесняюсь.

Егор разделся сам, но тоже оставил последнее.

Повел в ванну.

Ванна, увидела Даша, сделана с умом и явно с учетом не просто помыться, но и провести с кем-то время. Однако похожа при этом на место общего пользования – может, из-за величины. Не Даше бы привередничать, она дома моется под самодельным душем, который Коля выгородил в углу, летом там задохнешься, зимой ноги к полу примерзают. А в квартире Володе она вообще не заходит в ванную, где всегда висит таджикское разноцветное белье. Володя обычно приносит ведро воды, у него под кроватью таз, на стуле кружка, ничего, обходятся...

Егор подвел ее под душ, снял с нее и с себя то последнее, что оставалось, налил на ладонь зеленого геля.

Пустив мелкий дождик душа, сыплющий со всех сторон, Егор начал обмыливать Дашу.

И это должно быть очень приятно (впрочем, не так уж для нее ново – с Володей они тоже друг друга мыли), но смешинка, возникшая при мысли о мальчике-зайчике и девочке-белочке, вместо того, чтобы исчезнуть, росла и превратилась во что-то рвущееся наружу, подпрыгивающее где-то

в животе – что Егор может принять за спазмы желания. Что ж, пусть принимает.

Однако смешило все – и цвет геля, который стекал зелеными струйками и только потом под рукой Егора превращался в пену, и его серьезные заговорщицкие глаза, и последовательность, с которой он обрабатывал поверхность ее кожи – движениями привычными и опытными, как у массажиста, который оглаживает и разминает пациента перед тем, как приступить к основным процедурам... А когда Егор подобрался пальцами туда, куда ведут естественные складки тела, сводя две линии в одну, Даше стало не только смешно, но еще и щекотно, она согнулась, затряслась, отбросила руки Егора.

– Тебе неприятно? – огорченно спросил Егор. – Или уже так хорошо?

Даша не выдержала. Держась за стену, чтобы не упасть на скользком полу, она села в угол и, как говорит Володя, не раз это наблюдавший, разоржалась. Она безудержно, взахлеб смеялась, не могла остановиться – до боли в животе, почти до истерики. Егор стоял боком к ней и молчал. Даша, опустив голову, постепенно успокаивалась. Но подняла голову, увидела уныло опавший профиль умелого Егора – и опять приступ.

Просмеявшись окончательно, уткнувшись головой в колени, она подождала, не возникнет ли опять, поняла, что успокоилась, и сказала:

– Прости. Я просто идиотка.

Молчание.

Егор ушел из ванной.

Через некоторое время Даша вошла в спальню, его там тоже не было.

Она оделась.

Вышла в гостиную.

Егор спокойно сидел за столиком и пил вино маленькими глотками.

– Егор...

– Помолчи, ладно?

– Понимаю. Секс – дело серьезное.

– Дура, – сказал Егор, вкладывая в это слово максимум разочарования. – Ты просто провинциальная дура, только умеешь выдавать себя за умную.

– Пусть будет так.

– Не пусть будет, а так.

Даша разозлилась. Кто ему виноват, что он придумал себе какие-то приемы и использует их наверняка с каждой девушкой, очень уж все спланировано, хотя вид импровизации сохраняется.

– Да не так, – сказала она, – а просто я тебе не сцена, а ты мне не актер. Захотел – трахнул, и все, и никакого театра не надо. А тебе обязательно все обставить. Музыка, свет, декорации. Почему музыки, кстати, не было? Я без музыки не возбуждаюсь.

– Тебе что? «Белые розы»?

– Именно! А то у тебя там, наверно, – Даша показала на полки с музыкальными дисками, – одни Бахи с Шопенами, а у меня от Бахов с Шопенами полный нестояк!

– К сексологу со своими проблемами, до свидания!

– А тебе к психиатру! У тебя явно все извилины в спираль закручены. Перед тобой девушка, а ты о ней, что ли, думаешь? Ты думаешь, как бы показать, что ты хороший! Что умелый! Да верю на слово!

Егор вскочил и пошел на Дашу.

– Слушай, ты! Не дразни во мне кавказца! Я не позволяю женщинам с собой так говорить, ясно?

– О, ё! Я думала, ты режиссер, а ты джигит! Вот повезло!

Егор сделал шаг, замахнулся.

И ударил бы.

Даша поняла – ударил бы. Ждал, что она закроется руками, а он ударит по рукам. То есть как бы и ударил, но по рукам, не по лицу.

Вот так и бывает: всю жизнь никто не трогал, а тут подряд пошло. У одного выпросила, дру-

гой сам лезет.

Даша отскочила, схватила со столика бутылку:

– Только попробуй!

Егор опустил руки и сказал:

– Ладно, бей.

Угадала, подумала Даша. Человек на самом деле хотел не ударить, он ищет выход из мучительного положения. Все-таки она обломала его, кому это понравится?

Она поставила бутылку, пошла к двери. Остановившись, сказала:

– Ты прав, я дура. И язва. И идиотка. Я все испортила. Не надо было тебе вообще связываться со мной. Я неадекватная, разве не ясно?

Егор промолчал, она вышла.

Егор взял бутылку и выпил из горлышка – до дна.

Нет, она не дура.

Он ей нравится, это ясно. Но оказалась слишком стеснительная. Видимо, не привыкла к таким любовным мизансценам. Наскоро где-нибудь, где взрослых нет, пять-десять минут, а после сигареты в зубы, задымили, выдохнули:

– Хорошо!

Ибо в таком возрасте им часто нужен не секс (в котором они ничего не понимают), а факт секса. Отметились, как взрослые. Молодцы.

Не дура, не дура, напоследок все сделала правильно – постаралась утешить, успокоить.

Но от этого не легче.

Ничего. Все поправимо.

Но ему нужна компенсация, позарез нужна компенсация.

И Егор позвонил Яне.

А Даша опять была ночью у Володи.

Как всегда, в начале он немного стеснялся, и Даша поняла, что ей это нравится: стесняться – естественно. Она и сама тоже. И это хорошо. Потому, что когда перестают стесняться и привыкают, тогда и наступает конец всему.

31. СЯНЬ. Взаимодействие

——— ———
———————
———————
———————
——— ———
——— ———

Близится несколько неожиданных, очень выгодных для вас событий.

Закончив самые неотложные из дел (а все закончить невозможно), Павел позвонил Даше и напомнил о второй встрече из трех обещанных. Договорились, что она будет ждать на углу Прогульной и Пушкина, а он заедет.

Павел сам был за рулем одной из своих машин.

Предложил Даше:

– Поедем на природу, душно в городе.

– В самом деле, должна же я вас на пленэре снять.

– Мы на ты.

– Тебя. На пленэре. Снять.

Поехали по относительно свободному городу (была суббота), Павел поглядывал на Дашу, улыбался.

– Всё думал, чем же мне тебя еще заинтересовать, – сказал он.

– И?

– Не придумал. Скажи сама, что тебе в мужчинах нравится?

– Да ничего мне в вас не нравится.

– Нет, я серьезно.

– В мужчине мне обычно нравится то, что он мне нравится. Остальное мелочи.

– Опять смеешься?

– Слегка, – сказала Даша, хотя ответила вполне буквально.

И подумала: обязательно им нужно, чтобы их похвалили. Ведь чего он ждет? Он ждет, чтобы я назвала те замечательные качества, какие есть у него. Ладно, мне не жалко, дадим леденчика мальчику (потому что все-таки пацаны они – до самой старости).

– Ну, – сказала она, – мне нравятся мужчины сильные, волевые, энергичные. Те, кто ведет, а не те, кого ведут.

Павел кивал головой, словно подтверждая что-то. То есть не что-то, а именно то, что у него все это имеется.

– А правда, что ты чуть ли ни самый влиятельный человек в городе? – спросила Даша?

– Нет. Но из первой десятки.

– Значит, у тебя власть?

– В какой-то мере. Я ведь депутат ко всему прочему. Правда, хожу туда редко, за меня там представитель отдувается. На голосования иногда приезжаю, да и то не всегда. В комиссиях состою, вопросы решаю. Социальные, экономические.

– Значит, ты – коррупция?

– Даша, это скучно. Заладили – коррупция, коррупция. Вот первобытно-общинный строй. Забили мамонта. Делят. Вождю и его близким, жрецам, первым охотникам – самые большие куски. А потом вождь и жрецы делят остальное, кому что. Почему? Потому что без этого все раздерутся. Каждый будет хватать, что попало.

– У нас что, первобытно-общинный строй?

– Недалеко ушли, Дашенька, очень недалеко. И человек существо корыстное, к сожалению. Мне это не нравится, но так оно есть. За малые деньги он работать не будет. Вопрос не в том, берет человек что-то или не берет, а в том, делает он после этого дело или нет. Если делает, значит – заработал. Только хамничать и беспредельничать не надо. Недавно, представь себе, один подонок, лет двадцать ему, соседку, девочку совсем, пятнадцать лет, напоил, изнасиловал, синяков наставил. Само собой, следствие, у этого подонка папа какой-то шиш районного значения, сынка отмазывает, следователь до того доследовался, что начал доказывать, будто бы девчонка сама напоила соседа, изнасиловала его, а потом наставила себе синяков, чтобы запутать картину преступления. Девочке повезло, мы с ее отцом учились вместе. Сам, конечно, ничего сделать не может – ни денег, ни влияния. Приехал ко мне, плачет: помоги. Ну, послал я одного человека, он следователю объяснил, что к чему. То есть: или он работает по-человечески, или он завтра вообще нигде не работает. Тем более, газеты уже пишут, резонанс идет. Имей совесть хоть немного! Тот исправился, доказал и изнасилование, и побои, все, как положено. Дали подлецу пять лет.

– Маловато.

– Могли и столько не дать. Ничего, и за пять лет ума наберется. А если совсем дурак, то хоть пятнадцать ему давай, толку не будет. И опять же, отец его тоже ко мне приезжал, тоже рыдал, не губите сына, вроде того. Пожалел щенка.

– Да... Интересно у вас. Прямо высшие сферы.

– Не смеши.

– А покажи свою власть, – неожиданно предложила Даша. – Мне интересно. Может, ты просто хвастаешься. Вон мент стоит, а вон светофор. Поезжай на красный – что будет?

– Я на красный никогда не езжу.

– Я прошу!

– Подначиваешь, как пацана?

– Подначиваю.

– Эх, старый я дурак! – заранее осудил себя Павел. – Сколько раз себе говорил: не слушай женщин, особенно если они тебе нравятся! Ну, ладно, дурить так дурить!

И пролетел на красный, благо перекресток был свободен.

И замедлил ход, медленно поехал к стоящему за светофором милиционеру, который в этот момент отвернулся и внимательно смотрел куда-то в сторону.

Павел, нажав на кнопку, приоткрыл стекло со стороны Даши, крикнул:

– Служба, ты что, не видишь? Нарушают!

– Кто? – повернулась служба. – А, здравствуйте, Павел Витальевич!

– Здравствуй. Я говорю: не смотришь на дорогу!

– Отвлекся на минутку, извините. Какие-то проблемы?

Павел, не ответив, закрыл стекло.

– Вот тебе и власть. Он меня издали по номерам узнал, у них все нужные номера записаны. А кто ас своего дела, тот в памяти держит. И все, неинтересно об этом. Лучше вот, посмотри налево, в этом микрорайоне я вырос. Сначала там бараки были, потом снесли, пятиэтажки поставили.

– А давай свернем туда?

– Зачем?

– Интересно. Хочу посмотреть, где ты жил, когда был, как я.

Идея понравилась и самому Павлу: давненько он здесь не бывал.

Такие дома до сих пор называют «хрущевками», хотя на самом деле логичней было бы – «брежневки», их много нагородили здесь с конца шестидесятых до конца восьмидесятых, возводили целыми микрорайонами по типу квартальной застройки, без ярко выраженных улиц, зато здесь, в отличие от центра, просторней. И по-домашнему уютней: тополя выше крыш, заросли бурьяна во дворах, белье висит на веревках: жители первых этажей, не имеющие балконов, вывешивают. Грибки на деревянных столбиках, крытые ржавой жестью, кучки песка, сломанные качели – детские площадки...

Они въехали во двор, по периметру которого стояли четыре панельные пятиэтажки-близнецы.

– Вот тут, – показал Павел на крайний подъезд одного из домов. – Четвертый этаж, восемьдесят седьмая квартира. Торцевая, четырехкомнатная.

– Ого!

– В этом «ого» было всего метров семьдесят, три комнаты смежные, одна отдельно. Кухня шесть метров. Нет, но для нас это рай был, что ты! У каждого своя комнатка, а родители в зале были, там просторней. Как отец говорил: чтобы через других в сортир не ходить. А ходил часто, сжег себе всякой дрянью и почки, и печень. Извини за подробности. Зато во дворе, – оживился он, показывая на заросшее кустами и дикой травой пространство, – какая была жизнь! Каждую зиму ставили хоккейную коробку, лед заливали, как мы тут рубились! А летом футбол, ворота ставили – причем настоящие, с сетками, мы их после игры забирали, чтобы никто не стырил. А вон столб видишь? Там щит был баскетбольный с кольцом, напротив другой, был, в баскетбол тоже играли. Да во все играли, не то, что сейчас. Сейчас их от компьютеров не оторвешь.

– Ты спортсмен, значит, был?

– Хочешь сказать – дворовый? Я кандидат в мастера спорта, между прочим. Захотел бы, сделал карьеру. Как-то пусто здесь. Детей не видно. И старушки не сидят. Нет, вон, сидят! – обрадовался Павел, увидев в дальнем углу под акацией трех старух, сидящих на лавке. Поодаль дремали, раскинувшись вольготно вразброс, полдюжины дворняжек.

Павел усмехнулся:

– Знаешь, что заметил? А нас в Сарынске бродячие собаки довольно мелкие. А видела бы ты, какие коблы в Москве! Отборные, заразы, сантиметров по шестьдесят-семьдесят в холке, прямо

гладиаторы. А если в маленький город заехать, там вообще мелочь, шавки. Так что по величине бродячих собак можно судить о благосостоянии российских городов. Хотя лучше, если бы их не было.

– Отстреливать?

– Пристраивать куда-нибудь.

– Организуй собачий питомник.

– Тут для людей питомников не хватает, а ты – собачий.

– Наверно, какой-нибудь дом престарелых содержишь? – предположила Даша.

– Ну, содержу, – неохотно сказал Павел. – Нет, странно как-то. Пустой двор совсем.

– Суббота, отсыпаются люди после рабочей недели.

– Или после пятничной пьянки. Святое дело выпить в пятницу, даже если кто раз в неделю пьет.

– Почему именно в пятницу?

– Жалко выходные на это тратить. Я нормальных людей имею в виду. А давай зайдем в мой подъезд?

Павел пристроил машину к стоящим вдоль дома местным таратайкам – все больше «девятки», «пятерки», ветхие подержанные иномарки; «майбах» Павла, стоимостью в полмиллиона евро, выглядел здесь чужеродно – как океанская яхта среди обшарпанных моторных лодок.

Металлическая дверь подъезда оказалась с кодовым замком.

– Цивилизация! – оценил Павел.

– Будем ждать, когда кто-то выйдет или зайдет?

– Зачем? Позвоним в какую-нибудь квартиру.

Павел нажал на две кнопки, долго слышался повторяющийся зуммер, потом далекий, но резкий и громкий старушечий голос спросил:

– Кто это?

– Сантехник, бабушка, в подвал попасть надо!

Запищало, замок щелкнул.

– Доверчивая старушка, – сказала Даша.

– У нас народ вообще доверчивый.

В подъезде Павел нажимал на кнопки звонков, спрашивал выходящих или через дверь, здесь ли живут Симоновы, Росляковы, Кашкалины? Нет, отвечали ему, нет тут никаких Симоновых, Росляковых, Кашкалиных.

– Все поразъехались, – сокрушался Павел. – Или умерли.

Но вот одну из дверей открыл сонный и хмурый мужик в трусах, лет пятидесяти.

– Жора! – узнал его Павел. – Ты?

– Ну.

– А меня не помнишь? Я Павел Костяков. Мы на четвертом жили, помнишь? Максим, Леня, я, мы дружили, помнишь?

– Ну.

– Как поживаешь?

– Нормально. Я не понял, чего надо?

– Да ничего, заехал вот. Места детства и юности.

– Ясно. И чего?

– Да ничего.

– Ну, пока.

– Пока...

Мужик закрыл дверь.

– Понять можно, – оправдал его Павел. – Столько лет прошло. Интересно, а кто в нашей квартире живет?

Поднялись на четвертый этаж, позвонили крайнюю правую дверь (всего на площадке их было три). Послышались какие-то крики, какой-то стук. Потом молчание. И опять крики, опять стук. Женский голос приближался, будто преодолевая какие-то препятствия. Наконец дверь распахнулась, вышла женщина лет не то пятидесяти, не то шестидесяти, а может, и сорока, растрепанная, с

волосами наполовину седыми, наполовину рыжими, в грязном халате.

– А! – закричала она, обернувшись. – Дождался, пришли за тобой! Выходи, пусть с тобой разберутся! Тут уполномоченный пришел! Выходи, я сказала! Безобразничать ты есть, а отвечать тебя нет? На родную мать руку поднял!

Женщина заплакала, рукавом халата вытерла слезы. Из комнаты высунулись часть головы мужчины лет тридцати, костистое плечо и тощая рука, которая неуверенно и вяло придерживала косяк.

– Какой еще уполномоченный? – с трусливым вызовом спросил он.

– Я уполномоченный! – тут же сориентировался Павел и шагнул в квартиру. – Иди сюда!

Мужчина не посмел ослушаться. Подойти не подошел, но выдвинулся весь. Голый худой торс с пучком рыжих волос на впалой груди, выпуклый животик, спортивные дешевые штаны, застиранные, не достающие до щиколоток, в них он, возможно, еще в старших классах занимался на уроках физкультуры.

– Ты действительно мать бьешь? – спросил Павел.

– Не просто бьет, а убивает! Денег ему дай, а где я возьму? На, зарежь меня в таком случае! – закричала женщина сыну, раскидывая руки и подставляя материнскую грудь.

Павел шагнул к нему, быстрым движением взял за руку, дернул на себя, схватил его за ухо и начал выкручивать, приговаривая:

– Если еще раз мать тронешь, сядешь в тюрьму! Понял меня? Понял? Это я тебе обещаю. Павел Витальевич Костяков, запомни. Костяков, запомнил?

– М-м-мама! – взмыкнул жалобно мужчина.

– Да что же это вы делаете? – закричала женщина.

Она оттолкнула Павла, обняла голову сына, стала дуть ему на красное ухо и причитать:

– Чуть не оторвал ухо, смотри-ка, паразит! Ты думаешь, если ты начальник, тебе все можно? А ну, идите отсюда все! Быстро, а то милицию сейчас вызову!

Павел и Даша вышли.

На улице Павел глубоко задышал:

– Какой же у них воздух страшный!

– Да. Чистой бомжатиной воняет. От мамаши так разит, я чуть не задохнулась, она сама пьяная.

– Пьет Россия, – с горечью констатировал Павел. – Кстати, я запойный алкоголик. – Могу год не пить, два, а потом... Это я предупреждаю.

– А как она поняла, что ты начальник? Ты в джинсах, в футболке, без галстука.

– Социальное чутье.

– Думаешь, подергал за ухо, и он исправится?

Павел задумчиво покачал головой.

Ответил уже в машине:

– С одной стороны, горбатого могила исправит, я в воспитание людей плохо верю. Социализм показал – не воспитываются они. Но я знаю примеры, когда одним движением можно заставить человека вести себя иначе.

– Ты кого-то заставлял?

– Отца. Он нас с матерью гонял, дрался. Мы огрызались, но несерьезно. А потом я вырос и однажды сказал: ну все, папа, хватит. И кулаком его в ухо. В полную силу. Так, что он через комнату пролетел и торшер сломал. А я говорю: все, папа, еще будешь бузить – убью. А братики помогут. И – как отрезало. Пил, да, это святое, по выходным напивался, что-то бурчал, но драться даже не пробовал. Представляешь? Один удар – и как гвоздь в доску, человек вошел в норму. По самую шляпку.

– Ты не любил отца?

– Нет, если честно. И Максим не любил. Леня жалел его по слабости характера. Или просто по слабости.

– Младший брат? Который утонул?

– Средний.

Выбрались наконец за город, Даша увидела рощицу на холме, попросила проехать туда. Павел сказал, что хотел отвезти ее подальше, где воздух чище, где у него есть, как он выразился, избушка на курьих ножках.

– Успеем в твою избушку. Там, смотри, березы, я люблю березы.

В рощице оказались не только березы, но и разместилось среди деревьев небольшое кладбище, принадлежавшее раскинувшейся у холма деревеньке.

– Тут мертвых больше, чем живых, – сказал Павел, оглядывая деревеньку, состоящую из двух десятков домов, и кладбище, на котором могил, действительно было раз в три больше.

– Ничего. Поэтично.

– На фоне могил снимать будешь?

– На фоне берез.

Занялись съемкой, но Павлу быстро надоело, он сказал:

– Все, Даша, извини, хватит. Что мы дурака валяем? Давай откровенно.

– Давай.

– У меня каждый год сейчас за десять. Ну, за пять. Возраст, сама понимаешь. А у тебя вся жизнь впереди. Я предлагаю так: поживи со мной хотя бы год.

– Без свадьбы?

– Нет, извини. Все, как положено. И в церкви обвенчаемся.

– А вдруг я мусульманка?

– Уже поверил. Короче, все серьезно. Хотя бы на год. Потому что я без тебя не смогу. Говорю открытым текстом.

– А я не могу так, как ты предлагаешь.

– А как ты можешь?

– Посмотреть, подумать.

– То есть нет ты тоже не говоришь?

– Не говорю. Если ты хочешь откровенно, тогда слушай. У меня есть парень. Друг. Я очень хорошо к нему отношусь. Я недавно ему сказала: а что если я выйду замуж за другого, стану богатой, а года через три вернусь? То есть даже не через год, заметь себе. Хотя ты сначала про пять лет говорил.

– И что он?

– Ударил меня. И правильно сделал.

Тут Даша слегка слукавила, несмотря на условие говорить откровенно, но, если не докапываться до мелочей, то Володя за это и ударил. Так что все почти честно.

– Ты меня имела в виду? – спросил Павел.

– Вообще-то да. На самом деле я пока замуж не хочу. Но самое смешное, то есть смешного ничего нет, самое интересное, что ты мне нравишься. Не убиться, конечно, но нравишься. Только этого маловато.

– На первый случай хватит, – сказал Павел. – Я потерплю, только скажи – сколько?

– Что значит – сколько? Через сколько я соглашусь за тебя замуж выйти? Или скажу, что нет?

– Да, срок назови.

– Ну... Месяц хотя бы.

– Спасибо, я думал больше. Ты не представляешь, что со мной делается. Я смотрю на тебя, у меня все в душе... – Павел хмыкнул. – Бог слов не дал. Ну, цветет. Поет, ликует.

Лицо у него было действительно восторженное, будто пьяное, все это казалось Даше странноватым – в этой рощице возле могил. Хотя, когда у кого-то сносит голову, он всегда выглядит немного ненормальным.

– Я тебя люблю, Даша, от одного этого, что я это говорю, у меня там что-то обрывается. Горячо, будто меня внутри ранили. Дашенька, девочка моя, пожалей, а?

Даша подняла фотоаппарат и щелкнула.

Она редко видела такую перемену в людях: только что человек романтически пылал, летел,

парил, сентименталился, не стесняясь сентиментальности – и вдруг глаза потемнели, будто даже поменяли цвет, он оскалился, стиснул зубы, будто зажимал ими что-то, с шумом втянул воздух, а потом сказал, начав говорить, еще не разжав зубов:

– Послушай, я, конечно, идиот, я влюбился, но если ты попробуешь надо мной смеяться, я тебе твою красивую голову оторву. И здесь вот закопаю. И мне ничего не будет. Вот дурак я, ну и дурак! Дай сюда!

– Э, э, ты не очень-то!

Даша прятала за спину аппарат, Павел подошел, вырвал его и хрястнул о дерево. А потом растоптал. Поднял, что осталось, схватил за ремешок, раскрутил и кинул – далеко, куда-то в кусты за кладбище.

– Не горюй, куплю новый. Но больше не шути со мной. Я с тобой по-человечески, а ты... Ладно, сам виноват.

Павел пошел в машине. Сел. Высунулся:

– Едешь?

– Спасибо, мне тут хорошо.

– Не дури, тут никакого транспорта нет.

– Пешком дойду.

– Дело твое.

И машина Павла тронулась, стала пробираться по кочкам и рытвинам, заросшим травой. Может быть, это были старые, брошенные могилы.

Даша злилась и на него, и на себя. Человек чудит, конечно, это смешно, но не врет, действительно влюбился, а она фотиком начала щелкать. Детский сад. Но орать на себя она тоже не позволит. Как сразу покривился весь, как его расперло! Но, опять же, не в себе человек...

Даша взяла телефон, набрала номер Павла.

Тот ответил сердито и коротко:

– Ну, чего?

– Извини. Возвращайся.

Через пять минут Павел вернулся, Даша села в машину.

– Я не потому, что не хочу пешком идти, – сказала она. – А просто – ну, неприлично себя повела, конечно. Давай сделаем паузу, ладно? А то, извини, ты как танк, а я как муравей. Мне страшно.

– Правда, что ли?

– Конечно. Ты вон какие клыки показал.

– У танков клыков не бывает. Просто не надо меня заводить.

– А на меня не надо орать.

– Ладно, договорились.

Довольно долго ехали молча. Потом Павел спросил:

– А чем твой парень занимается? Где живет?

Даша рассказала – так, как было. Рассказала даже о проекте Володи снять помещение и открыть фотостудию.

– Могу помочь. Это ведь и для тебя тоже.

– Ты понимаешь, как это выглядит?

– Да никак. У меня площадь есть в торговом центре «Меркурий», сдам вам метров сорок, хватит?

– И меньше хватит. Но мы будем платить!

– А куда вы денетесь? Рассрочку разве что дам в виде исключения.

– Это хорошо бы, – сказала Даша деловитым голосом деловитой девушки.

В городе она вышла при первой возможности, сказав, что нужно кое-куда зайти. На самом деле ей нужно было в ту же сторону, что и Павлу, к «Водокачке». Но она не могла уже находиться с ним рядом, слишком как-то стало неловко. Ничего, на маршрутке доедет. Или к Володе опять? Нет, домой, к Лиле.

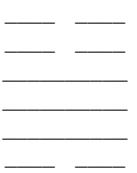
Даша вернулась, весело обедала с Колей, весело говорила с Лилей, затеяла стирку и уборку.

Но на душе было как-то мутно, темно, непонятно. Странный был сегодня день. Очень странный.

Вдобавок ко всему, когда ехала в маршрутке, был звонок от друга Коли, от того самого Сторожева, который рассказывал ей про свою «я-болезнь». Просит сделать фотографии сотрудников. Хорошо, если дело только в фотографиях. А если и тут личный интерес? Они что, с ума все сошли?

Даша сказала, что очень занята, позвонит, как только освободится.

32. ХЭН. Постоянство

Вы разрываетесь на части, пытаясь двигаться сразу в двух направлениях.

Дубков опять пыхтел в кабинете, привыкший таким нечленораздельным образом общаться сам с собой, а жена Татьяна прислушивалась. Она знала, что Вячик вчера встречался с Максимом Костяковым, что тот вторично предложил ему написать книгу. И Вячик вчера был весел, возбужден, доволен собой. Но сегодняшнее пыхтенье было настораживающим, с преобладанием междометий «це-це-це», «ну, ё!», «ы-хы-хы». Это и раньше бывало, но, как правило, муж преодолевал сомнения и все кончалось победительным «баям-бадам!» или окончательно торжествующим «ёптарида!»

На этот раз период колебаний затянулся.

Дубков и в самом деле не мог понять, как подступиться к материалу. Максим Костяков опять обратился к нему, предложил сделать на этот раз не книгу, а что-то вроде альбома с подписями. Правда, и денег меньше, но зато в две-три недели можно осилить эту халтурку.

Халтурка-то халтурка, но, оказалось, не так все просто.

С утра Дубков засел перебирать фотографии и читать подготовительный текст Максима (фотографии и фрагменты текста были пронумерованы, чтобы не искать, где что должно быть).

Фотографии оказались не только семейные, было много и таких, где Павел фигурировал среди уважаемых персон, находясь, как правило, в центре.

И большинство из этих персон Дубков знал, поскольку в разное время писал о том, что с ними было прямо или косвенно связано.

Но сначала разложил по хронологии – детство, школа, институт и т.д.

А вот папа с мамой. Большая раскрашенная фотография – сейчас в такой стилистике снимают кино и сериалы о пятидесятых. Мама в крепдешиновом платье, смотрит из ниоткуда, никуда и никак. Аналогично и папа. Кроме внешней схожести с оригиналами, в лицах ничего личного. Умели прежние фотографы запечатлевать такие выражения, ретушировали, если чего не хватало до золотой середины или, наоборот, было лишним, понимали: заказчику нужно именно такое внеиндвидуальное сходство с собой. Любая особинка в выражении лица принималось в штыки: «Я в жизни лучше!» А тут придраться не к чему при всем желании. Он никакой, она никакая, вместе – идеальная пара. Есть в таком подходе и наивность, и великое хитроумие: если представить, что такие портреты десятками и сотнями повешены в ряд, никто не выделится, не обособится, то есть – не демонстрирует стремления быть лучше коллектива. И все умеренно симпатичны.

Казалось бы, просто наблюдение, а ведь за ним эпоха, подумал Дубков. Вот бы что подписать под портретом. Но там всего лишь: «В.Д. и Е.М. Костяковы». И примечание Максима: «Тот хоро-

шо бы подпись в стихах, что значат отец и мать для нас, для людей вообще. Про святое отношение к родителям. Можно придумать или поискать в Интернете».

Дубков поискал в Интернете, но там были все больше поздравительные вирши, адресованные живым. С ужасающим дурновкусием, естественно. А надо об ушедших и все-таки чуть покультурнее. Однако даром, что ли, он не только прозаик, но и поэт? Две книги лирики – не собачий хвостик! Правда, последние лет восемь ни строчки не написал – очень уж прозаическая пошла жизнь.

Вячик повозился, поприкладывал слова к словам, и за час сочинилось следующее:

Святее нет имен – Отец и Мать.
Мы будем вас всечасно вспоминать.
Ведь это вы открыли дверь
Туда, где живы мы теперь!
И весь прекрасен этой жизни свет.
Одна печаль: что вас средь нас уж нет.

Он даже руки потер – здорово получилось! Красиво, достойно, без пошлости.

Идем дальше. Детские фотографии Павла, Леонида, Максима. Павел и Максим с малолетства крепыши, Леонид похудее, побледнее. Может, тоже в стихах попробовать?

О детство, ты прекрасная пора!
Мы короли и школы, и двора.
И это безгранично королевство,
Которое мы называем Детство!

Вячик даже вспотел от творческого усилия, но и от удовольствия: усилие оказалось приятным, второе стихотворение далось намного легче первого. Впрочем, надо остыть. А то понапишешь, а им не понравится. Надо проконсультироваться сначала. Он позвонил Максиму, извинился за беспокойство, рассказал о своей придумке, прочел то, что сочинил. К его удовольствию, Максиму очень понравилось.

– Даже не знал, Вячеслав Ильич, что у вас такой талант. В самом деле, стихи – самое то, звучит празднично. И никаких лишних деталей. Но конкретики кое-где подсыпьте все-таки.

– Постараюсь.

И Дубков начал стараться. Машинально он бормотал и напевал, и Татьяна наконец услышала то, чего ждала – и «баям-бадам!», и «ёптарида!» И с легким сердцем пошла готовить обед.

Братья в школьной форме. Пишем:

Веселые вы, школьные деньки!
В душе о вас мерцают огоньки.
Хотели б мы и за порогом школьным,
Чтоб мир казался звонким и прикольным!

Несколько смущало слово «прикольным», но Вячик успокоил себя: как о школе писать без юмора? Но тут он вспомнил про конкретику. Надо, надо. Пробуем.

Был Павел заводила там и лидер...

Хорошо, но рифмы нет. Выскочило вдруг слово «пидор», не подходящее ни по созвучию, ни по смыслу. Но смешно – Вячик даже коротко хохотнул. Уберем лидера.

Был Павел первый школьный заводила...

И опять выскочило: «Мудила». Чертовщина какая-то. А, нет, можно и без похабной рифмы:

О Павле слава по пятам ходила.
А Леонид, и младший брат Максим
Ходили вместе с славой вслед за ним.

Опять получилось с юмором, но это хорошо: в поздравления всегда стараются добавить юмора, чтобы не звучало слишком елейно или казенно. «С славой» немного неблагозвучно, но почему Лермонтову можно «звезда с звездою», а мне нет? Дубков предвкушал не просто одобрение Максима, а его восторг – автор сделал намного лучше, чем его просили, такие стихи и вслух на юбилее прочитать приятно. Может, и денежек добавит, подумалось мимолетно, стихи же дороже всегда стоили, чем проза.

Дело ладилось:

Вот Павел уж не мальчик, а студент.
В душе воздвиг науке монумент.
И бастионы всяких сопроматов
Он брал без пушек и без автоматов.
Максиму с Леонидом дал пример,
Достигнув в обученье высших сфер.
В то время, как у многих был облом,
(это опять немного юмора)
Он получил с пятерками диплом!

С женитьбой тоже вышло отлично:

Тут встретилась красавица Ирина.
Его любовь была почти старинна.
(Вячик гордился этой строчкой).
А вскоре за любовь была награда:
Сперва Егор, а чуть попозже Рада.

Одно плохо – лапидарно. Это, конечно, признак таланта, но они-то в этом ничего не смыслят, скажут, мало работал, легко отделался. Ничего, сначала сочиним болванки, а потом раскатаем каждое четверостишие еще на три-четыре куплета.

Рассматривая свадебные фотографии Павла и Ирина (редкостная красавица, в самом деле), Вячик взгрустнул, вспомнил свою свадьбу с первой женой. Женился, конечно, глупо, наспех, на четвертом курсе ввиду беременности Юлии, кстати, сто лет ее не видел, да и дочь тоже, но было много веселых моментов. В ту пору (конец семидесятых) на все был сплошной дефицит. Справку для покупки обручальных колец выдавали в загсе после подачи заявления (некоторые специально подавали, не собираясь вступать брак – просто прикупить золотишка), после этого надо было выстоять многочасовую очередь в магазин «Кристалл», единственный ювелирный магазин в городе на ту пору. И кольца были одинаковые по фасону, а точных размеров на всех не хватало, Юле купили слишком большое, пришлось потом ужимать его в Доме быта, у мастера, к которому посоветовали обратиться, сидел он, помнится, в комнатке металлоремонта. На их глазах все сделал, варварски зажав кольцо в специальные тиски, и содрал за это пять рублей, барыга. И платье свадебное купить – проблема, и костюм. Их можно было приобрести опять-таки по справке из загса в «Салоне новобрачных», но там либо размеры не те, либо пошив идиотский. Наконец Юля присмотрела себе подходящее платье. Вертелась, крутилась – всем хорошо, но великовато. Делать нечего, купила, чтобы самой ушить. А через день позвонила Вячику: пойдем со мной, нужна

твоя помощь! Выяснилось: в Торговом центре на Второй Садовой она нашла точно такое же платье – и своего размера, сидело, как влитое! И тут же придумала аферу, в которую втянула Вячика: он засунул в свой портфель-дипломат то платье, что было велико, Юля взяла с вешалки то, что ей подходило, скрылась в примерочной, Вячик незаметно передал ей дипломат, она достала оттуда прежнее платье, а новое запихала в дипломат. Появилась со старым платьем – будто оно не подошло, спокойно (Вячик поражался ее хладнокровию) повесила на место, и они неторопливыми честными шагами удалились из магазина. Юля была счастлива. Веселый и авантюрный вообще она была человечек, если бы позже встретилась, женился бы – навсегда. Ибо выяснилось, что остальные оказались еще хуже. Разве что Татьяна – исключение. Пока.

Ему, между прочим, костюма в «Салоне» тоже не нашлось. Родители выделили на покупку сто двадцать рублей, столько тогда стоили в среднем свадебные черные костюмы. И тут Вячик натыкается в обычном магазине на темно-синий, слегка кургузый, зато – семьдесят всего рублей! Он покупает его, срывает ценник с дорогого костюма (за сто десять) и предъявляет его родителям, возвращая десятку. Родители хвалили за экономию, а Вячик на сэкономленные сорок рублей устроил шикарную пьянку с друзьями на острове Барадым, что двумя километрами выше Сарынска, посредине Волги, куда приплыли на двух моторках. А там приятная неожиданность: четыре девчонки из педучилища, тонкие, загорелые, скучающие, потому что их кавалеры опились портвейном «Кавказ» и валялись по кустам: кто блевал, кто спал. С одной из них уже через час (тоже после «Кавказа», но в умеренных количествах), Вячик устроился на дне лодки. До сих пор помнит – хороша была девушка, брюнетка с приятными веснушками у носика, глаза ореховые, смеющиеся, сама гибкая, горячая, как печка – весь день была под солнцем, прогрелась насквозь. Губы ее упругие, какие-то необыкновенно мускулистые, властные, дерзкие, он никогда не забудет... Жаль, не дошло дело до конца: очнувшийся кавалер выбрел на лодку, увидел измену подруги и, недолго думая, ошарашил Вячика веслом – хорошо, что деревянным, а не дюралевым, и плашмя, и по спине, а не по голове. Прибежали свои, очнулись чужие, началась драка, девчонки визжали, разнимая, а потом братались и дружно пили, мешая кровь на губах с приторным «Кавказом», а веснушчатая красотка, предательница, обнимала за плечи своего милого, делая вид, что все было случайностью и пустяком...

Хорошие были времена...

Так, а у нас на фотографиях зрелый возраст – уже труднее. В тексте Максима сухие биографические сведения, с трудом поддающиеся поэтической переработке. Слишком все специфично. В сугубую лирику тянет, без юмора:

Вся наша жизнь – железная дорога.
Там Павел был опора и подмога.
(«подмога» плохо, надо потом заменить).
Но сделано для РЖД немало.
В дороге этой есть и Павла шпалы.

«Но» – почему «но»? И РЖД не всегда были РЖД. В советское время было МПС. Ладно, это тоже потом.

Совсем трудно с групповыми фотографиями. Вот одна из недавних (Вячик брал фотографии не подряд): Сарынск посетил Виктор Викторович Шестаков, сарынский выходец, большой человек в Кремле. Пребывая там, он имеет в Сарынске свои политические и экономические интересы, к нему постоянно ездят из Сарынска ходоки, ходатаи, просители, обиженные и оскорбленные. Благодетель, одним словом. На этой фотографии он в центре, справа губернатор Сезонтьев, слева Павел Витальевич Костяков собственной персоной (причем Шестаков, отвернувшись от губернатора, улыбается именно ему, Павлу Витальевичу). Тут же и Максим Костяков. В этом же первом ряду мэр Кублицын, партийный деятель Лешков, депутатша и жена губернатора Анна Владимировна в жакете, еле стягивающем ее дородную полноту, люди из областного правительства

– Мехлоев, Аничкин, Несолюк, Егоров, Дзяпуновский. Во втором ряду люди помельче, но тоже тузы. Можно ли об этом написать, да еще с теплым юмором? Напряжемся – сможем:

А здесь мы видим единенья час,
Когда Земляк наш осчастливил нас.
Павел Витальевич, как видим, ближе всех,
То не карьеры – дружества успех.
Сезонтьев тут, наш славный губернатор,
И тоже друг, а заодно оратор.

(юмор в том, что губернатор заикается и картавит, над этим все подшучивают, он не обижается, говорит: главное не слово, а дело; если альбом попадет в его руки – не оскорбится)

Супруга здесь его, а также мэр,
Не признает он в жизни полумер.
Максим стоит, как в жизни, возле брата,
Мехлоев рядом, это не заплата,
А полноценная в созвездии звезда.
Здесь и Лешков, при власти он всегда.
К полемике готовый Дзяпуновский,
И Аничкин, он бравый, он таковский,
Здесь и принципиальный Несолюк,
Егоров здесь не покладает рук.

(двойной юмор – нарочито корявая грамматика и несуществующий в данной форме глагол «покладать»)

Здесь Богачев, дорожный покровитель,
Здесь Луков, медицины повелитель,
И зубры бизнеса Малатьев и Шаргин,
Алексанян, богаче всех один,
Образованья светоч Курнакова,
И Чепраков, он озабочен снова,
А также...

Дубков притомился, утратил запал.

Рассматривал фотографию.

Он знал подноготную всех этих людей и, хотя считал, что в любой жизненной ситуации из всех зол выбирают лучшее, поэтому и примкнул когда-то к Сезонтьеву, при этом не только не был отблагодарен, но даже толком замечен, понимал: все эти красавцы (и одна красавица) с ног до головы замазаны нашим проклятым временем, которое никого не оставило чистым, кроме тех разве, кто лежал в параличе или жил в глухом сибирском селе. А если уж говорить о людях власти, тут без грязи совсем никак. Путь к власти лежит через болото больших и малых интриг, денег, подсиживаний и предательств. И обхода нет, и не перепрыгнешь, не перелетишь, и на плотике не переплывешь, таковы правила – только самолично через болото, по грязи, разгребая тину, опираясь на головы близстоящих (а не обопрешься – они на тебя обопрутся), угадывая, где дно, а где яма, хлебая зловонную жидкость. Там, на другом берегу, тоже болото, но уже не тинное, а травянистое, почти комфортное, гнилая вода покрыта толстым слоем дерна – покачиваешься, но не тонешь. Хотя время от времени и там проваливаются.

Ну и рожи, рассматривал Дубков. Тузы, великие люди местного масштаба, и одновременно удивительно мелкие жулики. Оратор Сезонтьев, человек пришлый, давно на все махнул рукой и уже не пытается разобраться в склоках групп и группировок, делящих сферы влияния, от него

ничего не зависит, гораздо больше значим благодетель Шестаков, который, по некоторым слухам, готовит себе отступное губернаторское место, вот и греет это место Сезонтьев, и рад будет уступить в любой момент, жить в своем пригородном поместье и разводить фазанов. Мэр Кублицын действительно не знает полумер, увлеченно переводя все, что можно, из муниципальной собственности в частную для тех, кто попросит, не бескорыстно, конечно. Звезда Мехлоев, возглавляющий департамент межведомственного контроля, а на досуге владеющий двумя спиртозаводами. Лешков, курирующий землепользование и в силу этого имеющий в личном распоряжении два бывших совхоза, которые платят ему оброк – настоящий оброк, как крепостные платили двести лет назад. Дзяпуновский, балагур, спорщик, добродушный мужик, коллекционирующий в своем гараже машины, и набрал их уже на полтора миллиона долларов, Дубков это точно знает. Бравый Аничкин, начальник УВД, вечно огорченный коррупцией и беспределом в рядах милиции, утешающийся на даче – домик восемьсот квадратных метров, пруд с карасями, теннисный корт... Принципиальный Несолюк, принципиально сдавший свою тещу в дом престарелых, поскольку надоела, жена была против, но он и ее обещал в том же дом отправить – и отправил бы, хоть жене до престарелости еще далеко. Егоров, действительно не покладающий рук и не прикладающий их ни к чему, ибо ждет пенсии, но не совсем бездельничает, пытается провести закон, чтобы члены правительства и облдумы получали при выходе на заслуженный отдых пенсионное обеспечение в размере жалованья. В качестве награды за непосильный труд. Дорожный покровитель Богачев, разворовавший со товарищи половину денег на ремонт и строительство дорог, повелитель медицины Луков, человек практически честный, но большой любитель чистоты, поэтому заставляет медперсонал раз в месяц устраивать субботники: приводить в порядок дворы больниц, мыть в коридорах полы и стены, белить потолки, ремонтировать окна... Светоч образования Курнакова, из-за которой ушли за один год три директора школ: задолбала проверками и комиссиями, отчетностью, требованиями немедленно повысить уровень успеваемости, и, к тому же, директивно потребовала при каждой школе построить или восстановить, если раньше были, теплицы – не для уроков ботаники, а для обеспечения школьного стола помидорами, огурцами, петрушкой и луком. Кто там будет работать? Школьники. А если родители начнут недовольно бухтеть? Значит, плохо их воспитываете, сами тогда будете высаживать рассаду и поливать кустики. Озабоченный Чепракин, бессовестно жадные Малатьев и Шаргин, подминающие под себя мелкий бизнес не мытьем, так катаньем – и все эти люди, между прочим, не из бандитов (за редким исключением), не от сохи, не кухарки, мечта В.И. Ленина, все – бывшие голодные советские студенты, которые жрут – не нажрутся, хапают – не нахапаются.

А я, значит, стишки о них писать буду? Уже пишу. Вместо того, чтобы под фотографией крупно: «Россия воровская».* Красиво, кстати, звучит, хоть и трагично.

Дубков схватил листок и, не отрывая пера, махом написал:

Мы всё в начале славных дел,
А продолженья нету.
Кто опоздал, тот не успел,
Гони, дружок, монету.

Надо же. Восемь лет ни строки – и вдруг. Публицистика, конечно. Мелковато. Хотя, другими словами говоря, – гражданская лирика. А гражданская лирика – понятие крупное.

Монеты нет – садись в тюрьму,

**Кто только из персонажей у меня не пишет стихи: и в «Качестве жизни», и в «Оно», и в ранних книгах «Я – не я» и «Анкета», легче найти книгу, где их нет, имеется даже цикл рассказов, который называется «Общедоступный песенник», он весь сдобрен куплетами. Это что, в пародийном виде выраженная нереализованная тяга к рифмоплетству? Возможно. (Еще, кстати, и песни были, но это чистая самодеятельность, детская прошедшая болезнь.) Хотя для меня важнее отразить неискоренимую тягу русских людей к стихотворчеству. Любят у нас писать стихи, и пусть не всегда хорошие, но сама любовь к этому занятию – знак добрый.*

Молчи, авось дозреешь.
Нечистых в трюм иль на корму,
Им корму дать и зрелищ.

А на носу под крик «ура»,
Сама себя лаская,
Гуляет с ночи до утра
Россия воровская...

У Дубкова даже сердце заколотилось, так взволновали его собственные стихи.

А Татьяна уже второй час прислушивается, недоумевает – из кабинета тишина. На всякий случай она достала из укромного места бутылку водку и поставила в холодильник – запотевать заманчивой росой.

33. ДУНЬ. Бегство

———————
———————
———————
———————
———— ————
———— ————

Эта гексаграмма благоприятна для интересного отдыха и развлечений.

Сторожев после неудачного звонка Даше вдруг почувствовал очень странную вещь: неприязнь по отношению к собственным чувствам. Ему противна стала собственная влюбленность, он будто увидел себя со стороны: почти пожилой мужчина, с возрастной полнотой и сединой, с нездорово красноватым цветом лица, распустил слюни, эротически мечтает, желает вкусить девической прелести и почему-то надеется, что у него есть шанс.

А тут еще жара и несколько подряд вызовов к тяжелым больным. Мать вызвала к сыну, в квартире, кроме матери, оказалась жена и неожиданно воспротивилась лечению.

– Мама, мы его своими руками погубим! Он срывается, мы тут же зовем врача, он опять срывается – мы опять. Он привык, понимаете? Он знает, что его всегда спасут, поэтому не боится! А вот если бы знал, что ему дадут пить хоть до смерти, он тогда будет опасаться!

– Потом поговорим, Марина, – просила мать. – Пусть доктор капельницу поставит, ты посмотри, Дима весь синий уже.

– Да хоть фиолетовый! Мне надоело! Или он сдохнет – или опомнится. Или сдохну я!

Дима в это время спал, раскинувшись, и лицо у него было действительно нехорошее. Поэтому Сторожев не стал слушать дальнейшие препирательства, поставил капельницу, прокачал больного, дал матери таблетки, сказал, когда и что принимать, обещал ей, что утром сын проснется в тяжелом состоянии, но пить не захочет (как правило, так и бывало: главное в работе нарколога – притушить желание продолжить питье, остальное само наладится).

Другой недужащий оказался бодрствующим и строптивым. Он согласился, чтобы семья вызвала врача, но, как только Сторожев приехал, заявил, что дал согласие только для того, чтобы отстали. Все взялись его уговаривать (жена, теща, тесть, двое взрослых детей), он куражился и кричал:

– Смерти моей хотите?

Наконец согласился, но попросил напоследок полстакашка водки. Без этого – ни за что.

Сторожев, услышав это, стал собирать свою сумку:

– Будет готов, позовете. Он вас просто дурит.

– Он готов! Сейчас дадим ему немножко, и он ляжет.

– Не ляжет, я же знаю. Глаза горят у человека. Когда начал?

– Позавчера.

– Ну, пусть еще денек попьет.

– Что вы такое говорите, а еще врач!

– Правду говорю: он сам должен почувствовать, что больше не может.

Третий больной был из постоянных клиентов, бизнесмен, запивший недавно и тоже еще не готовый прекратить. Но жена упросила Сторожева, авансом дав ему энное количество денег, подождать в гостиной, пока муж заснет, а потом обработать его сонного, как уже бывало.

Сторожев ждал. Бизнесмен заснул, Сторожев поставил капельницу.

– Ради бога, я еще заплачу, посидите, пожалуйста, еще! – просила жена. – Он прошлый раз проснулся и все трубки выдернул. И заново начал.

– Почему не позвонили?

– Да постеснялась, других врачей вызвала.

Ладно, Сторожев согласился. Среди ночи бизнесмен действительно проснулся, захотел в туалет, Сторожев сказал, что ему нельзя, жена принесла тазик, перевернули страдальца, он облегчился в тазик. После этого взбодрился и вознамерился встать.

– Сейчас, только укольчик еще один, – сказал Сторожев.

И вкатил ему снотворного.

А утром сон сморил и жену, и Валеру, проснулись – бизнесмен сидит в кресле, перед ним столик на колесах, он с аппетитом выпивает и закусывает.

Упустили.

Сторожев уехал, но к вечеру бизнесмен сам позвонил и хрипящим голосом сказал:

– Подыхаю. На все согласен. Приезжайте.

И еще одна ночь...

А тут приближался день рождения. Сторожев то отмечал его, то нет, в зависимости от настроения, то собирал в гостей, то оставался вдвоем с Наташей – так было в прошлый раз. Сейчас не хотелось ничего.

Позвонил Немчинов, спросил:

– Извини, у тебя когда день рождения? Не сегодня?

– Завтра. Но я не отмечаю, настроение паршивое. Уехать, что ли, куда-нибудь...

– А давай! – вдруг подхватил Илья. – Есть одно хорошее местечко на Медведице, я там, правда, не был, но все хвалят. Рыбки половим, костерок разведем, посидим вечерком, выпьем по-человечески, поговорим. Ты наверняка давно свежим воздухом не дышал.

– Дачу построю, буду дышать.

– У тебя же была.

– Бывшей жене оставил.

– Благородно. Ну, так как? Колю позовем, еще кого-то, если хочешь.

Дашу, подумал Сторожев. Но кто тогда с Лилей будет?

– Ладно, – сказал он. – Позвони ему, предложи. Больше никого не надо.

Немчинов позвонил, Коля согласился, попросив Дашу пару дней побыть с Лилей. Та, конечно, была не против:

– В самом деле, тебе пора чуть-чуть развеяться.

Выехали на машине Сторожева утром с тем, чтобы через два-три часа добраться до Медведицы возле большого села Куромыш. Именно где-то там утонул Леонид Костяков.

– Хочешь заодно обследовать место преступления? – спросил Илью Сторожев.

– Да не было, скорее всего, никакого преступления. Но почему-то тянет меня посмотреть на

эти места.

– Ну да, ты же книгу пишешь. Воссоздание атмосферы?

– Типа того, – Немчинов не стал говорить, что книгу он уже не пишет.

Вернее пишет, но не ту. Идея создания художественного повествования вернулась. Только не надо никаких предков и вообще никакой семейной истории. Будет книга о человеке, который пошел против правил времени и был уничтожен. Как – неважно. Может, даже и не говорить до самого конца, пусть читатель сам додумает.

Коля отдыхал от всей души, любовался из окна пейзажами, радовался плавному ходу машины, несмотря на скверную дорогу. Чувствовал себя – как на каникулах.

Ехали сначала трассой республиканского значения, потом свернули на областную, всю в заплатках, потом на районную, волнистый асфальт которой напоминал стиральную доску, а потом и вовсе на грунтовку, которая, впрочем, оказалась получше асфальта – дождей давно не было, ее гладко раскатали. Въехали в село Куромыш – длинное, растянутое километра на полтора. Тут начались мучения. Главная улица села была необыкновенно широкой. Когда-то посередке были погреба и сараи, объяснил Немчинов, демонстрируя свою эрудицию краеведа. Потом их снесли, насыпали грейдер. Грейдер разбили вдрызг тяжелой техникой, тракторами и комбайнами. Вдоль грейдера наездили другую дорогу, но раздолбили и ее. Тогда проторили и третью, и четвертую, и вся улица стала в результате хитроумным переплетением более или менее проезжих участков, и каждая машина вынуждена была петлять и выделывать хитроумные зигзаги, чтобы не пропороть днище или не засесть намертво в колдобине.

Даже на внедорожнике Сторожева пришлось помучиться не меньше получаса.

Наконец выехали опять на полевую дорогу.

– Не прошло и полгода, – грустно заметил Илья.

– Только не о судьбах Родины! – закричал Сторожев. – Сегодня мой день рождения, запрещаю говорить о политике и вообще!

– Вообще – это что? – уточнил Коля.

– Это все!

Поехали перелеском, потом лесом, места пошли довольно дремучие.

– Чувствуется, река рядом, – сказал Коля, улыбаясь. – Посвежело.

И точно, вскоре показались густые прибрежные заросли, сквозь которые блеснула вода.

Дорога вывела к мосту, переехали на другой берег, более высокий, с соснами над небольшим обрывом, свернули и вскоре выехали на полянку, где посредине была куча золы, валялись камни, сучья, ветки, бутылки, банки, пластиковые пакеты.

– Вот и стойбище, – сказал Сторожев. – Я думаю, больше никуда не надо. Очистим этот хлам и обоснуемся.

Убрали мусор, бутыли и пакеты Сторожев собрал в большой полиэтиленовый мешок и сунул в багажник.

– Экологическое сознание! – с приятельским ехидством воскликнул Коля.

– А ты думал!

Остальное сожгли в разведенном костре.

Потом Илья и Валера ставили палатку, а Коле не терпелось пойти с удочками к реке.

– Я в детстве каждое лето в деревне жил и всех облавливал, – хвастался он. – Но у нас там мелочь была – пескари, красноперки, а тут, говорят, окунь густо идет, щуренка подцепить можно.

– Ну, подцепи, – напутствовал Сторожев.

Через час Коля появился с пустыми руками.

– Я не знаю, как тут ловить! – с веселой досадой сказал он. – Течение быстрое, я кидаю – и тут же клюет. Я подсекаю – срывается. Не успевает зацепиться. Я стал по берегу бегать. Бегу, он клюет...

– Кто?

– Окунь! Тут их тьма, плывут нагло прямо перед глазами. Бегу, он клюет, я уже готов подце-

пить, а там кусты начинаются, пройти нельзя. Я опять – то же самое. То есть клюет – сразу, не ловится – ничего! Сплошная нервотрепка.

– Такое быстрое течение? – спросил Илья.

– Смотри, как он встрепенулся, – сказал Валера Коле. – Сейчас наконец раскроет загадочное преступление.

– Запросто, – ответил Немчинов и пошел к реке.

В этом месте была небольшая песчаная отмель, справа и слева от нее – непролазные кусты, свисающие над водой. Течение действительно быстрое. Илья разделся, вошел в воду – довольно холодную. Поплыл поперек реки, его тут же понесло. Встал. Все равно кренило течением. Наклоняясь навстречу ему, он пошел дальше и понял, что в этом месте Медведицу можно перейти вброд, только на середине проплыть несколько метров. «А быстрая река больно глубока», – вспомнил он слова песни. Да нет, быстрые реки глубокими не бывают. А может, и бывают, много ли он видел рек?

И все же утонуть – вероятно. И лодку может перевернуть, если зацепиться о донную корягу, а если без лодки – ногу судорогой сведет, течением обескуражит, оступишься и угодишь в донную яму, хлебнешь воды... Дело нехитрое.

Ему стало не по себе, будто он плавает в одной воде с утопленником. Выбрался на берег, вернулся к друзьям.

– Нашел? – спросил Валера.

– Что?

– А что ты искал? Может, берцовая кость разложившегося трупа между коряг застряла?

– Отстань.

– Нет, но как же мы без рыбки? – сокрушался Коля.

– А вот так! – Валера достал из машины пластиковое ведерко, сквозь матовую полупрозрачность которого виднелись красные куски.

– Шашлык свиной, маринованный, готовый, в магазине купленный! – тут же догадался Илья.

– Ну и что? У знакомой продавщицы беру, дает только самое свежее.

– Тебе да не дать! – тут же отреагировал Коля. – Но я все-таки пойду еще попытаюсь. На реке без рыбы – извращение.

– Постой, – Валера опять полез в машину.

– Динамит ищешь? – спросил Илья. – Смысла нет глушить, рыбу все равно снесет. Или будешь ее ниже по течению подбирать?

Сторожев достал сеть.

– Вот тебе и экологическое сознание, – сказал Коля. – Браконьер!

Однако пошли ловить все трое. Размотали небольшой бредень метра в четыре длиной.

– Ну, беритесь и попробуем, – сказал Валера.

– А ты на бережку будешь, эксплуататор?

– Тут вода холодная, а у меня простатит.

– Уважительная причина.

Коля и Илья полезли в воду. Стояли, чувствуя, как в бредень что-то постоянно тычется и эти тычки отдавались в палках, которые они держали. Минут через десять замерзли, стали выводить бредень к берегу.

К общей радости, улов оказался щедрым: множество окуньков, плотва, пескарики, даже один щуренок, которого, однако, отпустили.

– Есть тут нечего, но уха выйдет роскошная, – констатировал Валера.

Немного перекусили, чтобы не сбивать аппетит, побродили по окрестностям, Коля нашел кусты черемухи, обсыпанные мелкими ягодами, уже спелыми, обрадовался, позвал друзей, которые, оказывается, никогда этой ягоды не пробовали и очень удивились, что, кроме цветов, у черемухи есть и плоды.

– Они и в городе есть, – сказал Коля, – просто вы их не замечали.

Попробовали, одобрили. Нашли также немного земляники, несколько грибов неизвестного

вида, набрели на густые заросли кустов, усыпанных красными ягодами. Поспорили – клюква это, бузина или вообще волчья ягода. Пробовать не стали.

– У меня там машина, между прочим, – спохватился Валера. – Совсем бдительность потеряли.

Вернулись к машине, начали чистить рыбу, готовить уху. Стало прохладнее, но тут же появились комары – и все больше, и вскоре вились уже тучами.

– Ты куда нас завез, Валера? – плакал и смеялся Коля, хлопая себя по щекам и рукам – и везде были кровавые пятна.

– Это вы меня завезли.

Валера кинул сырых веток в костер, чтобы погуще был дым, достал завитую в спираль антикомариную штуковину, отломил несколько кусков и разложил их, тлеющие, в разных местах.

Наконец уха была готова, несколько шампуров с шашлыком шипели на подпорках, над углями жарко тлеющего костра, Валера достал контейнер, в котором оказался лед, а во льду – водка.

– Да ты опытный пикни... Как сказать, кто пикники умеет устраивать? – спросил Коля.

– Пикникер, – предложил Илья.

– Пикникист, – не согласился Коля.

– Пикникмейкер, – нашел слово Валера, и друзья оценили его, как наиболее подходящее.

Попробовали уху, восхитились, налили по первой.

– А мастер ухи – ухарь, – сказал Коля.

– Не мешай, – сказал Валера. – Видишь, у человека глаза мыслью наливаются? Сейчас тост скажет. Давай, Илья, я хочу услышать что-нибудь содержательное.

Илья действительно в это время обдумывал, но не тост, а будущую книгу. Вот готовая сцена для нее: три товарища, встретившиеся после долгой разлуки.*

Один отошел от всего, чтобы сохранить душевную чистоту, это как бы Коля. То есть не Коля, но около того. Другой вынужден сотрудничать со временем, изо всех сил пытаясь избежать компромиссов. Это он, Илья. И третий должен быть – для конфликта – почти злодей. Человек, предавший заветы юности. Полностью подчинивший себя злобе дня. Воротила, богач, циник. Это Валера. То есть не Валера, какой он воротила и богач, хотя циник, конечно, а кто-то в духе Валеры, но намного жестче и подлее. Они встретились, умиляются, вспоминают юность, и тут вдруг выясняется, что Валера виноват в несчастной судьбе Коли. Отбил женщину, например. Вспыхивают старые обиды. Начинается ссора. И – убийство. Нет, это уже детектив. Главное другое. Главное – тема сохранения себя. И не надо бояться диалогов. Один скажет, другой возразит, третий поспорит. И не надо так всех делить – хороший, полухороший (или полуплохой), плохой. Все по-своему хороши. Потому что не уподобились многим другим, прогнувшимся.

Илья, подняв стаканчик, сказал так, как мог бы сказать персонаж его будущего романа, то есть многозначительней и философичней, чем это обычно бывает в жизни:

– Валера, дорогой наш именинник. Здесь не хочется спешить...

– Перед лицом вечной природы, – вставил Коля.

– Не мешай. Поэтому я не хочу, как обычно: поздравляю, будь здоров и молод – и сразу выпили.

– А что плохого? – спросил Валера. – Я хочу быть здоровым и молодым. Отличный тост. Выпьем!

– Сейчас, потерпи. Я вот все время слышу: интеллигенция проиграла, интеллигенция сдалась. Надоело. Я не сдался – значит, и интеллигенция не сдалась.

– Если бы знать, что такое интеллигенция, – опять перебил Валера.

– Могу объяснить. Хотя ты сам знаешь. Это образованные люди, которые думают не только о себе. Раньше считалось, что они думают о себе даже меньше, чем об... – Илья запнулся...

– Он что, в кустах без нас пил? – тут же поинтересовался Валера у Коли.

– Постой, – сказал Коля. Ему стало интересно дослушать Илью – тот, видимо, пытался вымолвить нечто заветное. Коле хотелось сравнить это заветное со своими мыслями.

– Что про себя они думают даже меньше, чем про общество. Но, к сожалению, ход новейшей

*См. «День денег».

истории показал, что таких людей почти нет. Очень мало. Поэтому я бы занизил планку: которые думают не только о себе. Которые умеют что-то делать не за деньги. Которые, это главное, чувствуют боль других людей, извини, Валера, за тональность. Так вот, я не сдался. И Коля не сдался. И ты Валера, ты каждый день спасаешь людей...

– За деньги. Людей, которым, может, лучше сдохнуть. И им лучше, и их близким.

– Не утрируй, – сказал Илья, но подумал, что это плохое слово, выбивающееся из той стилистики, которая ему уже грезилась в его романе. – Не преувеличивай, – исправился он. – Да, за деньги, но я же знаю, как ты иногда работаешь. Потому что людей жалеешь, хоть, может быть, сам не хочешь в этом себе признаться. Короче, друзья мои. Мы состарились и испоганились. Но что-то в нас осталось от юности. Что-то светлое. За это светлое, Валера, в тебе!

– Спасибо, – сказал Валера.

Выпили, закусили, но Валера все же проворчал:

– Нет бы за всего человека выпить, за светлое во мне, видите ли. А за темное во мне кто пить будет? У светлого, значит, день рождения, а темное в сторонке нервно курит? Так оно обидится и свое возьмет, как профессионал тебе говорю. Не делай добра не по силам, не то твое же зло тебе отомстит. И так, блин, компенсирует, что замажет все твое светлое на десять лет вперед.

– Хорошая мысль, – всерьез оценил Коля.

Валера налил еще по одной, поднял:

– Что-то совсем не взяло, давайте догонимся. Кстати, насчет гонки. Тост такой: обгоняя других, не обгони себя.

– Сам придумал? – спросил Илья.

– Где-то слышал. Выпьем за то, что мы выпиваем!

Выпили. Некоторое время молча и с увлечением ели уху. Выхлебав по тарелке и еще по одной для добавки, выпили за уху.

– А теперь, – сказал Валера, – я тебе отвечу, Илья. Спасибо за поздравление и за то, что ты меня назвал интеллигентом. Добрая душа. Но ты перехлестнул. Ты говоришь: что-то в нас осталось от юности. Подразумевая, что оно светлое, так?

– Конечно.

– Ага. Так вот я тебе скажу, что в юности я был тем еще поганцем. И не я один. Нет, в самом деле, вы вспомните: идеологии у нас не было, то есть была, но не наша, мы над ней хихикали, Бога для нас не существовало, слово «патриотизм» нам тут же напоминало уроки начальной военной подготовки и припадочного придурка майора Зайчихина, помните его? И всякие субботники, принудительные праздники, и прочее разное. Не знаю, как вы, а я хотел только щупать девочек и получать удовольствие любыми способами. Ну, не любыми, иначе бы я в криминал пошел или в крутой бизнес, а я был труслив и ленив. Поэтому жил, как живется, женился на нелюбимых женщинах, делал свое дело и этим хоть как-то спасался. И я, может, только недавно начал от этой юношеской погани избавляться. Я серьезно говорю, не знаю, кто я сейчас, то есть сейчас я врач и предприниматель, но я намного честнее, чем раньше. Так что юность у нас была подлая, ребята, а если кто не согласен, то спорить я не буду.

– Ну, особо подлого ничего не было, – сказал Коля. – Все-таки мы хотели чего-то хорошего.

– Для себя – да. Обычное дело.

– Не только. Какие-то идеи были, хотели мир переделать хотя бы слегка. Но ты, Валера, прав. Я вспоминаю и тоже думаю, что в молодости я был, как ты сказал, поганей.

– А сейчас получшел? – спросил Илья.

– В какой-то степени.

– Это возраст, – заметил Валера. – Желания угасают, следовательно, и грешим меньше. Все очень просто.

– Нет, – не согласился Немчинов. – Мы были лучше, и я вам докажу. Потом. А сейчас мы экзистенциальные банкроты! – не без труда выговорил он.

– Ему больше не наливать, – засмеялся Сторожев, и тут же налил. – Ну вас к шуту с вашим

экзистенциальным банкротством. Я вам лучше анекдот расскажу.

И рассказал.

И Коля тоже рассказал.

И Илья вспомнил анекдот из тех штук пяти, которые он помнил. Валера и Коля знали этот анекдот, но дослушали до конца и посмеялись.

А потом Илья почувствовал, что пьянеет. И Валера с Колей пьянели, несмотря на обильную еду и чистый воздух. А может, как раз еще и от этого. Опять вспоминали юность, опять Илья пытался свернуть на серьезное, поговорили о поколении, о политике, о судьбе России – довольно горячо, но бестолково, Илья все старался это запомнить, чтобы потом воспроизвести в романе, но диалоги получились какими-то неглубокими, бытовыми, тривиальными.

Нехудожественными.

34. ДА ЧЖУАНЬ. Мощь великого

⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊

Вы готовы растоптать окружающих, что, мягко говоря, не доставило бы им удовольствия.

Даша (не наша Даша, не Соломина, а ее тезка, совсем другая девушка) была в солярии, когда ей позвонил Максим.

Летом в солярии?

А где еще, если в окрестностях Сарынска нет ни одного приличного пляжа, а море Максим обещал ей не раньше сентября, когда его жена поедет навестить мать, а он придумает себе зарубежную командировку? И что же, ходить до сентября бледной поганкой? Конечно, солярий действует на кожу, сушит, но не больше, чем солнце, надо просто знать, какими кремами пользоваться.

Она увидела его звонок после выхода из капсулы облучателя и тут же перезвонила: Максим терпеть не может, когда ему не отвечают сразу же.

– Где шляешься? – весело спросил он.

– В ванной была, не взяла телефон, – сказала Даша.

Соврала, потому что солярий – слишком интимно. Даша обычно не рассказывает о таких вещах, как и об эпиляции и об окраске волос – пусть думают, что она от природы смугловатая, гладкая и блондинка. А если кто додумается самостоятельно, сам дурак. Умный человек не должен вникать в подробности, от этого одно расстройство. Видишь результат, доволен им – и не надо вопросов. Это как с колбасой: если уж ешь ее, не надо представлять, из чего ее делают. Даша, правда, колбасы, конечно же, не ест. Мяса тоже очень мало, предпочитает рыбу, креветки. И фрукты, и овощи. Брокколи, шпинат, морковь – для цвета лица. Ну, и вдобавок, зерна льна, лесной орех и миндаль. Алкоголь, никотин – в запрете. Фитнесс обязательно – но без лишнего напряга. А главное – спать. Чем дольше, тем лучше. Софи Лорен не дура была, что спала по четырнадцать часов. Под восемьдесят старушке, а выглядит, Даша наткнулась в Интернете, великолепно. Нет, видно, что старая, но по сравнению с другими – фантастика.

Это цель Даши – до старости сохранить молодость и красоту. Чтобы ее любили, потому что она без этого не может.

Но дело, конечно, не только в овощах, зернах льна и здоровом сне. О душе тоже надо подумать. Не читать негатива в книгах и в сети, верить в Бога, не делать того, что не хочется, это очень нервирует, не комплексовать, утром обязательно психологическая зарядка: вставать перед зеркалом и говорить себе: «Я самая красивая», – не меньше десяти раз.

И выбор знакомств, это тоже очень важно. Даше повезло, полгода назад она встретила Максима. Тот отнесся к ней сначала как к девушке, клюющей на дешевые брильянтики, модный телефончик и прочие подарки, за которые нужно тут же расплачиваться. Она не приняла ни брильянтиков, ни телефончика, зато через месяц он снял ей квартиру, подарил машину – при единственном условии сохранения глубокой тайны. Мог бы и не предупреждать.

– Это хорошо, что в ванной, – сказал Максим. – Будь готова к вечеру, подъедешь к гостинице «Славянская», там машину легче поставить, позвонишь мне, я скажу, куда дальше.

– В гости едем? – догадалась Даша.

И продолжила процедуры – грязевая ванна, потом массаж, потом сауна, потом опять массаж – успокаивающий.

Вечером была у «Славянской». Припарковала свою «Мазду»-шестерку, позвонила Максиму. Он оказался в своей секретной машине, о которой никто не знает: что-то безликое, отечественное (в российских брендах Даша не разбирается, не различает их), стекла тонированные, кто за рулем – не видно. Даша пошла – как бы мимо, дверца быстро открылась, Даша нырнула.

Поехали.

– Здравствуй, милый, – сказала Даша, целуя Максима в щеку. – Куда едем?

– К брату.

– А что у него? Если гости, то рискуешь. Я засвечусь.

– Он один. Беда у человека. Влюбился.

– Это хорошо.

– Не в того, в кого надо. У него уже третью неделю все у него из рук валится, дела стоят, мне люди уже намекают: что там с Павлом Витальевичем? Говорю: так, прихворнул немного. Но не запой.

– А у него запои бывают?

– Бывают.

– И сейчас пьяный?

– Нет. Зарок дал.

– И зачем мы едем, я не поняла? Развеселить его?

– Именно. Посидим, поговорим. Потом я уеду, ты останешься.

– То есть...

– Хороший секс – лучшее средство от любви.

Даша помолчала, чтобы ее последующие слова прозвучали весомей. И сказала:

– Макс, мы с самого начала договаривались: я твоих друзей и знакомых обслуживать не буду. Ни под каким видом. Я тебя люблю, мне больше никого не надо. Можешь отнять у меня машину, квартиру, я не согласна!

Даша не блефовала: у нее действительно были крепкие принципы, она не хотела чувствовать себя ни шлюхой, ни проституткой, ни даже содержанкой. Любовница – да. И только так. К тому же, у нее есть куда отступать: на карманные деньги, которые ей выдавал Максим и которые она сэкономила, она купила небольшую квартирку в новом благоустроенном районе, подальше тот центра – чтобы не попадаться на глаза, если что. А уж мужчину достойного она себе найдет, без проблем. Особенно если переехать в Москву.

Максим глянул на нее с усмешкой, как бы не веря: неужели действительно так все строго? Даша смотрела вперед: да, вот так. Без вариантов.

– Это мой брат, – сказал Максим. – Я ни для кого бы не попросил, потому что я тоже тебя люблю, малышка. А для него я на все готов. Я бы ему сам отдался, если бы он захотел, – Максим засмеялся от нелепости своего предположения. – Ты пойми, у него давно не было женщин.

– В разводе, что ли?

– Жена умерла. Давно. Знать надо такие вещи о великих людях нашего города.

– Теперь знаю.

– Если у мужика долго нет женщины, он может влюбиться в кого попало. Со мной тоже так

было. И тут самое лучшее – проверить на другой. Если ты после нее еще хочешь ту, в которую влюбился, значит и в самом деле что-то есть. А если желание пропадет, значит, ты не влюбился, а просто ее очень захотел.

– А без этих экспериментов не понять?

– Мужик дурак, у него в таких случаях мозги в яйцах.

Даша поморщилась:

– Не ругайся, ты же знаешь, что не люблю.

– Значит – договорились? Только без халтуры, Дашенька. Надо, чтобы он тебя захотел. Ты это можешь.

– Не могу и не хочу.

– Тогда извини. Квартира и машина останутся у тебя, но мы больше не будем встречаться.

Проверка на гнусность, поняла Даша. Если я на это соглашусь, он поймет, что квартира и машина мне дороже. Если не соглашусь, он подумает, что я готова ему изменить, но из-за любви к нему же. Что ж, это выход.

– Ты сволочь, – сказала она, приложив пальчики к глазам. – Ты же знаешь, как я тебя люблю.

– Теперь знаю. Спасибо тебе.

– Помолчи! Не говори ничего!

Даша и сама молчала до самого дома Павла. Она об этом доме много раз слышала, хотелось посмотреть. А вдруг она старшему Костякову понравится? Взять да и переметнуться к нему, он солидней и богаче, все знают. Но ссорить братьев – нехорошо, Даша не любит таких подлостей. И отбивать мужчин у других женщин не любит, хотя могла бы. На ее век хватит и свободных. (То, что у Максима жена, не в счет, в этой ситуации Даша не отбивает, а существует параллельно).

Павел Витальевич был удивлен, Даша это заметила.

Поздоровавшись, выразился очень неприятно, будто Даши тут и не было:

– Все блудишь, брательник?

– Нет. Просто знакомая девушка, студентка, занимается социальной статистикой, кое в чем мне помогает.

– Тогда извините, пожалуйста, – Костяков-старший даже слегка поклонился и протянул руку.

– Павел.

– Даша.

– Как?

– Даша. А что?

– Ничего. Вовремя приехали, будем ужинать.

Ужинали, братья говорили о каких-то делах, в которых Даша ничего не понимала. Что-то бизнес-экономическое. Потом она отлучилась в туалет, а, вернувшись, поняла, что говорили о ней – слишком уж резко замолчали. Через полчаса Максим распрощался и уехал.

– Ты знаешь, для чего осталась? – спросил Павел.

– Да.

– Это правда, что ты его подруга?

– Правда.

– Похоже, вы все современные люди, кроме меня. Ладно, располагайся. Что будешь пить?

– Я не пью.

– И не куришь?

– А вы не заметили?

– Молодец. У меня есть знакомая девушка, тоже Даша. Но она и курит, и может выпить. Зато взрослый человек, сама зарабатывает себе на жизнь.

И Павел Витальевич начал рассказывать об этой Даше. Ничего существенного в рассказе не было, то есть Даша не узнала, как одевается ее тезка, на чем ездит, что любит, что не любит, поэтому ей стало неинтересно, она отключилась и только кивала. Улавливала только интонации. Вот

интонация изменилась, стала почему-то жесткой, злой, Даша включилась.

– Вот скажи, можно ли понять вас, женщин, если вы сами не понимаете себя?

– Трудно, – улыбнулась Даша.

– Не просто трудно, невозможно! Я бы спросил тебя кое о чем, чтобы понять, но ты все равно ничего путного не посоветуешь. Знаешь почему? Потому что женщина может дать совет только одной женщине – себе.

Приятно общаться с человеком, который сам спрашивает и сам отвечает, подумала Даша.

– Ты знаешь, почему среди женщин практически нет великих писательниц? – задал другой вопрос Павел Витальевич и опять-таки сам ответил. – Потому, что женщина в принципе не способна думать и чувствовать за другого человека. Она не способна влезть в его шкуру.

– А актрисы?

– Хороший вопрос! Там все поверхностно, там надо изображать. А по-настоящему, как это бывает у больших писателей, перевоплотиться в персонажа – нет, не получится. Это противоречит женской природе. Поднатужиться на среднем уровне – еще да, кое-как, а в полную силу – ни за что. Так что, увы, ты мне не поможешь. И жена моя, Царство небесное ей, тоже себя не понимала. Кстати, пойдем, я тебе ее покажу. То есть не ее, портрет, известная картина, не с нее писали, но – один в один!

Павел Витальевич повел Дашу в кабинет, где ей очень понравилось – стильно и уютно, показал портрет. Действительно, красивая женщина. И нарисовано красиво, маслом. Даша хотела бы, чтобы ее так нарисовали.

Павел Витальевич начал рассказывать о жене. Даша совсем запуталась, то он говорит, что жена его безумно любила, то – что ненавидела. Любила, но хотела уйти. Ненавидела, но не могла без него жить. Попыталась влюбиться в другого человека, в брата (в Максима, что ли? – недоумевала Даша). Не получилось, но она себя убеждала, что влюбилась. А игры получились плохие, пришлось брата убрать (не Максима, подумала Даша; в самом деле, Максим говорил, что был еще один брат). На ком грех? – спрашивал Павел Витальевич. На ней или на брате? И отвечал, что грех на нем самом, надо было перетерпеть. После этого закричал, что терпеть нельзя, что надо было ее отпустить на все четыре стороны, хотя она никуда бы не ушла. Есть судьба, предопределение, против этого не попрешь.

У Даши голова шла кругом. Ну, умеют же люди накрутить вокруг себя, думала она. А сама рассматривала, чтобы чем-то заняться, Павла Витальевича. Ничего мужчина, если месяца на три отправить его в тренажерный зал, убрать живот. Вообще Даша не любила в мужчинах именно живот, а еще слишком продолговатую голову, длинную шею, ненавидела тонкие безволосые ноги, слишком гладкое тело без растительности, зато любила, когда широкие плечи, пресс шоколадками, крепкий, как мрамор, зад, хорошо развитые икроножные мышцы, но не бугром, это слишком, а дынькой – визуально удлиняет ногу, а длинная нога не только девушке идет.

Опять изменилась интонация, будто Павел Витальевич о чем-то сожалеет, опять Даша включилась.

– Нет, нормальные женщины были только у Хемингуэя. Читала?

– Конечно, – уверенно сказала Даша, не знавшая, кто это такой. – Правда, в школе еще, давно.

– Что читала?

– Не помню названия.

– А зачем врешь?

– Я не вру! – оскорбилась Даша.

– Он хотя бы чей писатель, английский, немецкий, американский?

– Зарубежный.

– Молодец. Да ладно, не в этом суть. Вот у него женщины были – женщины! Самостоятельные, понимающие, любящие, иногда резкие. Женщина-товарищ, но при этом все-таки женщина! Хотя, есть такая. Даша, твоя тезка. С другой стороны, я иногда думаю, что все он наврал. Нет таких и не было. И не бывает. Идешь к женщине – возьми с собой плеть, так говорил Заратустра, то есть Ницше, хотя сам считал, что надо подчиняться женщине. Разберись тут, если сам Ницше, и тот себе противоречил!

Слова про плеть Даше не понравились. Она однажды, на заре глупой юности, попала в лапы

идиоту, который хватался за все, что было под рукой, запускал в голову, истерил, топал ногами. Спасибо хоть, что плети у него не было. Даша осторожно оглядела комнату, нет ли признаков увлечения хозяина всякой дурью типа БДСМ.* Но нет, ни плетей, ни кожаных ремней или намордников.

И еще что-то говорил Павел Витальевич о мужчинах и женщинах и вдруг замолчал.

Даша улыбнулась:

– Вы очень интересно рассуждаете.

– Что я сейчас сказал?

– Что жизнь – сложная штука, – попробовала вывернуться Даша.

– Дура. И я дурак. Всю жизнь на том горел, что считал людей лучше, чем они есть.

– Я тоже, – поддержала разговор Даша.

– Помолчи, не зли меня.

Он действительно стал злым, неприятным. У Даши появились нехорошие предчувствия. Может, у него плети и намордники в другой комнате? Да нет, непохоже, не стал бы так долго тянуть. Просто заметил, что она плохо слушает, и рассердился. Даша потянулась, так, чтобы маечка приподнялась и обнажила ее тонкую, загорелую талию, сказала:

– А может, в постельку? Что-то меня поласкаться тянет. Ты меня заводишь.

– Ага, ври дальше! – не поверил Павел Витальевич. – В постельку? Ну, пойдем.

Он схватил ее за руку, повел коридорами и лестницами.

Спальня. Большая, как положено, с широкой кроватью, с примыкающим санузлом.

В этот санузел Павел Витальевич ее сначала и потащил. Включил воду, резко наклонил Дашу над ванной и начал поливать ее голову из душа. Одной рукой держал, второй поливал. Потом с грохотом бросил лейку душа и начал тереть ей лицо какой-то губкой. И опять поливал водой.

– Не надо! Перестаньте! Что вы делаете? – кричала Даша жалобно, но не слишком громко, чтобы его не злить его еще больше.

Павел Витальевич грубо, резкими движениями вытер ей лицо полотенцем, потом поставил перед зеркалом, сказав:

– Так и я думал! Смотри на себя!

Даша посмотрела с неохотой. Она уже поняла, зачем этот старый хрыч все это проделал – унизить ее. Без макияжа ее лицо, конечно, сильно проигрывало. Ресницы и брови слишком светлые, сейчас их почти не видно, бледные веки с синеватыми прожилками, глаза будто поблекли, из голубых превратились в водянисто-серые, губы из эффектных, алых с блеском, что ей очень идет, стали двумя бледно-розовыми лепешечками, и даже подбородок, с которым ничего не произошло, будто заострился, как у деревянной куклы. В общем, увы, Даша знала, что без макияжа она дурнушка, именно это ей хотел показать Павел Витальевич. Будто она не знала. Она и психологическую свою зарядку со словами «Я самая красивая!» не делает без предварительной подкраски.

– Вот! – сказал Павел Витальевич. – Вот это ты и есть! Уродина и дура! Ты посмотри, у тебя же в глазах ни одной мысли! Вот так вас и проверять надо – умыть. И не только лицо, а и другое все. То, что внутри, тоже. И эту красавицу, твою тезку, я тоже умою, и посмотрим, что там на самом деле!

Даша молчала, боялась что-то сказать. Даже заплакать боялось, а хотелось – очень.

Правда, тут же начала разгораться мстительная мысль: а вот когда Максим узнает о том, как себя вел брат, что будет?

Но тут же себя урезонила: ничего не будет. Она таких людей знает. Если уж Максим свою женщину отдал на растерзание брату-самодуру, то ссориться из-за того, что он над ней измывался, точно не будет. Да и не посчитает он, что измывался. Посмеется, вот и все.

От этих мыслей Даша сама рассердилась и спросила довольно дерзко:

** Для неискушенных читателей: БДСМ – от BDSM: Bondage, Discipline (неволя и дисциплина, воспитание, связывание, ограничение подвижности, игровое подчинение, унижение, наказания), DS: Domination, Submission (доминирование и подчинение); SM: Sadism, Masochism (садизм, мазохизм) – виды сексуальных игр с применением насилия, физической боли.*

– Что-то еще будет или я свободна?

– Свободна! Что я, себя не уважаю, с такой страхолюдиной спать? У меня на тебя реакции не возникнет, красота ты моя! Не сердись. Не надо под горячую руку попадаться. А попалась, так хотя имей терпение послушать человека. Я ей всю душу вывернул, а она сидит и в носу ковыряет.

– Я не...

– Молчи! Иди вниз, я позвоню шоферу, он тебя отвезет.

Даша пошла вниз. Ее мелко потрясывало.

Вышел огромный мужчинище, молча кивнул на выход.

Почти всю дорогу Даша молчала – боялась этого бессловесного гиганта.

Но перед самым домом все-таки не выдержала, разрыдалась.

– Ну, ну, – добродушно сказал мужчинище. – Не надо. В жизни все бывает.

– За что он так? За что?

Мужчинище, само собой, ничего ей на это ответить не мог.

35. ЦЗИНЬ. Восход

———————
——— ———
———————
——— ———
——— ———
——— ———

Положитесь на свою счастливую звезду и смело шагайте вперед.

Немчинов, Сторожев и Иванчук отдыхали на речке как раз в тот самый вечер, когда Максим Костяков пытался вылечить брата от влюбленности.

Утром им было плохо (имеются в виду друзья, хотя и Костякову-старшему было не очень-то хорошо). Слишком они вчера увлеклись, засиделись, заговорились и, главное, умудрились выпить все, что было.

– Как же это мы? – с горестным недоумением спрашивал Коля, оглядывая груду пустых бутылок.

Не привыкший к таким количествам Илья, морщился и прикладывал к голове бутыль с водой.

– Сейчас ухи разогрею, она хорошо оттягивает, – сказал Валера.

– Неужели у тебя ничего нет? – спросил Коля. – А еще нарколог!

– Потому и нет, что нарколог. Собираясь на пьянку, нужно брать такое количество, чтобы не оставалось на утро. Иначе опохмелка. А опохмелка дело опасное.

– Валера, поехали домой, – страдающим голосом попросил Коля. – А в Куромыше найдем магазин и – хотя бы пива бутылочку. Что-то мне совсем худо.

– И мне, – сказал Илья.

– Однако вы шустрые! Вы будете пиво пить, а я за рулем терпи? Ладно, алкоголики, собираемся.

Собрались, уместили все в машину, мусор собрали в пластиковый мешок. Сели. И тут выяснилось, что машина не заводится. Валера вышел, открыл капот, посмотрел и опять закрыл.

– Кто-нибудь в машинах разбирается? – поинтересовался Валера и тут же махнул рукой. – Кого я спрашиваю!

– Сам-то, ездок! Не знаешь собственной машины! – парировал Коля.

– Я именно ездок, а не ремонтник. Ты даже не представляешь, сколько тут контактов и датчиков. И компьютер в придачу. У меня уже было так, прошлый раз ремонтники говорили что-то про контакты реле бензонасоса и форсунок.

– И ты не можешь найти, где там бензонасос?

– Могу. А реле вряд ли.

– И что будем делать?

– Не знаю! – сердито сказал Сторожев. – Достал телефон, посмотрел и выругался. – И сеть не ловится! Кто-нибудь звонил отсюда?

– Я звонил жене, – сказал Илья. – Но не отсюда, из Куромыша. А тут у меня тоже не берет.

– До Куромыша километра полтора, – прикинул Коля.

Валера ходил по окрестностям, взбирался на холмики.

– Ты на дерево залезь, – посоветовал Илья.

Валера посмотрел на него свирепо, но, выбрав дерево повыше, полез на него.

Илья и Коля наблюдали.

– Это какое дерево? – спросил Илья.

– Черт его знает. Тополь, вроде.

– А еще хвастался, что в деревне каждое лето жил!

– В деревне и сами давно ничего не знают. Дуб от березы еще отличат, а больше ничего. А всякие травы как называются, только старухи помнят. Ну, подорожник, ромашку, лопух я тоже сам узнаю, а их же сотни и тысячи, и каждая травинка со своим названием. Вот помню, в какой-то книге вычитал, девясил есть такая трава. Красивое название, а что за трава, не знаю. Шалфей, лебеда, белена, чего проще-то? А встречу – не узнаю.

– Главное, белены не нажраться. Но ты прав.

– Конечно, прав. Умрут старухи, и все травы придут в первобытное безымянное состояние. Латинские названия для ученых останутся – и все.

– А дерево я вспомнил, – сказал Илья. – У нас возле дома такие деревья росли, где я в детстве жил, я вспомнил – осина.

– В самом деле, – обрадовался Коля. – И я вспомнил. Точно: высокое дерево, кора светло-зеленая, немного пачкается...

– Это для вас немного! – послышался голос Валеры. – А я весь уже зачухался!

– Ты еще здесь? – удивился Коля. – А мы думали, на вершине.

– Ага, уже взлетаю.

– Осина – дерево особенное, – вспоминал Илья. – Из нее будто бы крест сделали для Христа. И вампирам в могилы осиновый кол вбивают. И Иуда на осине повесился.

– Точно, – подтвердил Коля. – Между прочим, у осины очень хрупкие ветки. Падал, помню. Напрашивается мысль: почему Иуда вешался на осине? Потому, что надеялся, что ветка не выдержит и обломится. И тогда, значит, не судьба. А у него не обломилась.

Тут послышался треск, вниз рухнуло что-то большое. То есть – Сторожев.

Друзья испугались, бросились к Валере. Тот охал, постанывал, сел у ствола и начал последовательно, по врачебному, себя ощупывать. Добрался до ступней, покрутил правую и вскрикнул.

– Вывих, похоже, – поставил он себе диагноз. – Еще легко отделался. Вот так вот, дошутились: крест, осина, Иуда! – раздраженно передразнил он друзей.

– Мы еще и виноваты?

Обсудили, что делать. Валера решил: Коля и Валера идут в Куромыш, там, как только появится связь, звонят одному человеку, Паше Дымкину, тот обслуживает машину Валеры и всегда готов прийти на помощь – не задаром, конечно. Пусть тот приедет, надо пообещать ему хорошо заплатить. Правда, ждать придется часа четыре – пока соберется, пока доедет. Поэтому хорошо бы подстраховаться, в Куромыше поискать какого-нибудь доку по автомобилям. Коля и Валера уже было пошли, но Валера остановил их:

– Минутку. А чего вы вдвоем пойдете?

– Сам сказал.

– Зря сказал. Я что, буду тут один с порченой ногой и с дорогой машиной? Мало ли кто набредет.

Коля охотно остался (очень уж худо себя чувствовал), Илья отправился один.Вдоль реки выбрался к мосту, пошел по дороге. Через некоторое время оказался на развилке. Этой развилки он не помнил. Обе дороги обкатанные, торные, по какой идти? Илья пошел по правой. Не Куромыш,

так другое будет село, без разницы.

Через полчаса нудной ходьбы он вышел к селу, обрадовался. Однако кругом пусто, ни прохожих, ни проезжих. Только стая гусей на лужайке. Зато появился сигнал телефонной сети, Илья набрал номер, который списал у Валеры, дозвонился до Паши Дымкина, все ему объяснил, тот сказал, что уже выезжает. Потом позвонил Люсе, сообщил, что все в порядке, только у Валеры машина сломалась. К вечеру обязательно должны вернуться, а то и раньше.

Теперь надо попробовать найти местного умельца. Илья собирался постучать наугад в первую калитку, но тут увидел возле забора, под светлой легкой ивой, троих мужиков. Они выпивали на свежем воздухе. Выпивали культурно: на клеенчатой скатерти аккуратно разместились пара бутылок, помидоры, огурцы, картофелины, консервы. Мужики возлежали в непринужденных позах, ведя свойскую беседу.

– Здорово! – поприветствовал их Илья – тоже по-свойски.

– Здорово, я бык а ты корова! – ответил мужик в грязной красной майке, плотный, крепкий. Комбайнер или тракторист, видимо.

Илья решил не обижаться на народный юмор.

– Это Куромыш или что?

– В Куромыш по дороге три километра вон туда. А лесом напрямую – километр, – добродушно объяснил белобрысый парень лет двадцати пяти.

– Куромыш – это Куромыш. А у нас Бизяево, – поучительно сказал третий – смуглый от загара и пыли мужчина в синем комбинезоне, подчеркивающем, что у него не просто сельское занятие вроде скотника, а настоящая профессия, специальность: к примеру, электрик. Такие люди в деревнях самые важные, вспомнил Илья.*

– А у вас никого нет, чтобы в машинах разбирался? – обратился он к нему. – Мы там заглохли.

– Что за машина? – уточнил комбинезон.

– Большая. Это друга машина, а я в них не разбираюсь. «Тойота», вроде.

– Не мой профиль, – сказал комбинезон.

– А еще есть кто-нибудь?

– Мы больше по тракторам, – сказал мужик в майке. – Или, ну, «копейку» посмотреть, «москвич». А «тойоты» ваши сами чините. Сломаешь еще окончательно, а потом отвечай.

– Ладно, – сказал Илья. – Вообще-то я вызвал из города человека, просто ждать долго. Отдохну сейчас и пойду к своим.

Он сел на траву, глядя в сторону, чтобы не смущать людей.

Но мужики все же, наверное, слегка смутились, не наливали, не закусывали. Видимо, решали, прилично ли пить при постороннем человеке. То есть пить-то прилично хоть при ком, а угощать ли его? – вот вопрос. Мужик в майке взял ответственность на себя: разлив из бутылки водку в три пластиковых стакана, он взял четвертый и спросил Илью:

– Будешь?

– Не откажусь.

Илья с благодарностью принял стакан. Он видел, что мужики благорасположены к нему – хотя бы потому, что он дал им повод проявить себя добрыми людьми. И тоже в ответ хотел быть добрым и великодушным (похмельная сентиментальность нам вообще свойственна, особенно когда стакан уже в руке):

– Вот, – сказал он, – чего-то ищешь, мечешься, а встретишь вот так вот нормальных людей – и чего еще надо? За вас, мужики!

Они выпили, крякнули, закусили.

– Это ты прав! – сказал мужик в майке, глядя на Илью уважительно. – Ты просто на сто процентов прав. Потому что, в самом деле, чего от жизни надо? Чтобы люди вокруг были нормальные! Так ведь?

** И это верно: электрик Мурзин из «Участка» тому подтверждение. Имеется в виду книга, а не сериал – книга, которую многие критики всерьез не принимают (не прочитав, естественно).*

Комбинезон подумал, словно взвешивая, не уронит ли он поспешным согласием свою профессиональную честь. Но слова друга были слишком бесспорны, и он поэтому веско сказал:

– Точно. Без хороших людей – никуда.

Белобрысый, дождавшись своей очереди, поддержал:

– Именно. А то вот пишут в газетах, по телевизору показывают: люди сволочи. И это правда. Но если бы хороших людей не было бы, все бы друг друга давно загрызли бы!

– Запросто! – и в этом случае не мог не согласиться электрик.

Мысль, до которой они дошли, показалась им такой большой и серьезной, что ее нельзя было не отметить. И они налили еще по одной.

Через четверть часа водка кончилась. Мужики пошарили по карманам, у всех было пусто.

– У меня есть, – сказал Илья. – Сотни три хватит? – он достал из бумажника три купюры.

Мужики смотрели так, будто увидели нежданное несметное богатство.

– Не просто хватит, а очень хватит! – воскликнул парень. – Я мигом сбегаю! На все брать?

– Естественно, – пожал плечами электрик, удивляясь глупому вопросу.

Пока ждали парня, беседовали. Электрика интересовал вопрос, когда все это кончится, а мужик в майке, напротив, спрашивал, когда хоть что-нибудь начнется.

Время шло, парня не было.

– Куда ж он делся-то? – спросил мужик в майке.

Электрик ответил уверенно, будто знал:

– Жена перехватила. Теперь до вечера не выпустит. Она прошлый раз его в курятник заперла.

– Какое она право имеет? У него наши деньги!

– Вот сходи и возьми, – сказал электрик. – Мы тут будем.

Мужик в майке подхватился, ушел скорым шагом.

Электрик задремал.

Время шло.

Электрик очнулся, спросил:

– Где они?

– Не знаю.

– Ах, етит же их персону! – вычурно выразился электрик. Встал и неверными шагами пошел искать приятелей.

А Илья, посидев немного, вспомнил, что друзья ждут его с известиями, решил, что пора возвращаться.

Пошел обратно, думая о простых вещах, простых людях и отношениях, которые только в сельской местности и остались. Где еще это возможно: угостили, хотя самим было мало, поговорили, как с человеком, не допытываясь, кто он и откуда. Все с открытой душой!

Но что-то долго он идет. Пора быть развилке, а потом мосту.

Илья вспомнил, что, выйдя из села, он взял влево, туда, откуда, как ему казалось, он пришел. Но была еще дорога и вправо. Может, он ошибся?

Однако возвращаться было лень. Да и настроение неплохое после поправки. Все дороги тут все равно ведут к реке, решил он.

Но эта дорога вывела к деревне, вернее, деревеньке, а еще вернее – к пяти или шести домам. Они были заколочены или полуразрушены. Илья зашел в один из домов. В нем было несколько крохотных комнаток, оклеенных блеклыми обоями. Печь, покосившийся кухонный столик с дверцами, в выдвинутом верхнем ящичке видны несколько перекрученных и поломанных вилок и ржавый нож. Табуретка о трех ногах прислонена к стене. Календарь за 1998-й год с репродукциями классики – «Джоконда», «Неизвестная», «Грачи прилетели»... На окнах, на проволочках, пожелтевшие занавесочки с драными кружевными оборками. Высокая металлическая кровать с продавленной сеткой. На кровати старая телогрейка без одного рукава. Илья сел на кровать, задумчиво покачался, представляя, какая жизнь была тут. Потом прилег, подложив под голову телогрейку. И задремал.

Через полтора часа Валера встревожился.

– Сколько тут идти до Куромыша, ну, полчаса от силы. И столько же назад.

– Он там, наверное, по пиву соображает, – со вздохом сказал Коля. – И полемизирует с местными мужиками по вопросам краеведения и политики. Давай я схожу за ним.

– И тоже пропадешь?

– Я серьезно. Илья человек увлекающийся.

Валера пнул колесо машины, сказал:

– Ладно. Но учтите, если Дымкин раньше вас приедет, я вас ждать не буду! На автобусе будете добираться – и то, если он тут ходит!

– Без проблем!

– Продублируй звонок Дымкину, если уже едет, спроси, где он.

– Ладно!

Приободренный возможностью подлечиться, Коля бодро перешел мост и направился в сторону Куромыша. Как и Илья, наткнулся на развилку. И тоже свернул вправо, и тоже оказался в Бизяево. Первым делом позвонил Дымкину, тот сказал, что уже в пути, едет с предельной скоростью, а вот когда под руку торопят – не любит. После этого набрал номер Ильи, телефон не ответил (звонок был, но Илья не слышал – спал).

Потом Коля увидел троих мужиков, выпивающих у забора под деревом.

– Привет, мужики! – крикнул Илья.

– И тебе тем же концом по тому же месту, – шутливо ответил мужик в грязной майке.

– Я в Куромыш попал?

Парень лет под тридцать, с выгоревшими волосами, ответил:

– Нет, это Бизяево. Куромыш в другой стороне, километра три будет.

И мужики при этом странно переглянулись.

– А к вам никто не заходил сюда посторонний? – спросил Коля.

– Вот ты зашел, – ответил мужик в синем комбинезоне.

– Не туда зашел, я в Куромыш хотел. Друг у меня пошел туда. Мы тут неподалеку день рождения отмечали вчера. Не рассчитали, он за добавкой пошел и в город позвонить. И пропал.

– Бывает, – сказал мужик в майке. – А что, тяжело?

– Да грустно вообще-то.

– Сейчас полечим.

И мужик в майке щедрой рукой вбухал ему полный пластиковый стакан.

Выпили, закусили.

– Хорошо тут у вас, – сказал Коля, вытирая слезы, которые испустил благодарный облегчившийся организм. – Воздух, лес, река, простор.

– Поживи тут лет двадцать, вот тогда скажешь, хорошо или нет, – хмуро возразил мужик в комбинезоне.

Стали спорить – без горячки, разумно, с доводами, о преимуществах жизни в городе и в деревне. Пришли к общему выводу, что с деньгами везде хорошо.

Коле хотелось продолжать этот замечательный разговор с этими замечательными людьми, принявшими его в свой круг, хотя у самих было мало выпивки – и вот уже она кончилась.

– Кстати, о деньгах! – сказал парень, выворачивая карманы. – Гулять больше не на что!

– Да не вопрос! – обрадовался Коля, доставая деньги.

Парень взял их и ушел.

Долго не возвращался.

– Верка его тормознула, наверно, – сказал мужик в майке.

Комбинезон возмутился:

– Какая еще Верка! Его она может тормознуть, а деньги? Сходи, Саша, разберись.

Мужик в майке ушел разбираться.

И тоже пропал.

Мужик в комбинезоне пошел искать его.

Коля посидел в одиночестве некоторое время, потом догадался, что никого не дождется и побрел назад.

Он шел задумчиво, предполагая, что возвращается той же дорогой. Но через полчаса увидел околицу большого села. Оттуда ехала женщина на небольшом колесном тракторе, который страшно тарахтел и подпрыгивал на ухабах, женщину бросало то вправо, то влево, руль выскакивал из ее рук. Коля поднял руку, она притормозила.

– Это какое село? – прокричал Коля.

– А?

– Какое село?

– Куромыш!

– А вы куда?

– А тебе что?

– Мне к мосту надо. Подвезете?

– Залезай. Только у меня трактор одноместный, стоя поедешь!

– Ничего!

Коля влез, встал на ступеньку. Поехали. Молчать было неудобно, но и говорить при таком тарахтенье невозможно. Все же Коля прокричал:

– Работаете?

Женщина услышала, но, поскольку привыкла переспрашивать, то и сейчас переспросила:

– А?

– Работаете?

– Нет, б., катаюсь! – ответила она и засмеялась.

Вскоре Коля увидел с радостью мост. Переехали, он спрыгнул, поблагодарил женщину, пошел к стоянке. А там уже находился прибывший Дымкин, и уже починил машину, посмеиваясь над Валерой и советуя ему почитать хотя бы учебник для начинающих автолюбителей: вся проблема оказалась в отсоединении каких-то двух проводков.

Валера сидел под деревом, щупал забинтованную ногу, беспокоясь, не помешает ли ехать.

– Красавец! – укорил он Колю. – Полечился, да? Где Илья?

– Я думал, он уже здесь.

– Черт бы вас... И где его теперь искать?

– Он звонил, – сказал Дымкин. – Значит, там у него связь есть. Значит, надо поехать туда, где у нас связь тоже опять будет. В тот же Куромыш.

Поехали в Куромыш. Валеру нога слушалась, скорее всего, это был даже не вывих, а ушиб.

А Илья в это время проснулся, вяло встал и потащился с больной головой в направлении реки – он с пригорка увидел окаймляющую ее гущину деревьев.

Вышел – и к своей радости увидел на противоположном берегу знакомое место. Вон осина, стоящая особо, вон три сосны, он их запомнил. Правда, машину и Валеру с Колей не видно, но они вроде чуть дальше, за кустами. Но к мосту берегом он не пройдет, сплошные заросли, деревья и кусты подступают к воде, нависая ветками, сухого берега нет. А если огибать, можно опять заблудиться. Поэтому Илья, продираясь, выбрался к воде, вынул из карманов телефон, ключи от дома, бумажник, зажал их в кулаках, поднял руки и пошел в воду, осторожно ступая. Течение показалось ему еще более быстрым, чем вчера. Он наклонялся навстречу ему, делал шаг за шагом, и вот уже на середине. Нога попала на донный камень, соскользнула, Илья торопливо переступил другой ногой вперед, а там и вовсе не оказалось дна, он рухнул в воду. Поплыл, продолжая цепко держать бумажник и телефон, быстро двигая ногами. Его развернуло боком, потом еще, но берег все же понемногу приближался. И тут сзади что-то ударило по затылку. От неожиданности Илья ушел под воду, хлебнул воды, выпустил бумажник с ключами и телефон, забарахтался, вынырнул, увидел бревно, застрявшее у берега и коварно торчавшее поперек реки; об него он и ударился.

Кашляя, выплевывая воду, Илья доплыл да берега. Посидел немного, приходя в себя, глядя на такую неширокую, такую мелкую и безобидную с виду реку. Вот так и тонут, подумал он.

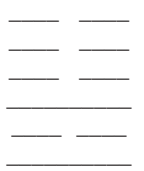
Выбрался на высокий берег, пошел к осине и трем соснам. Там никого не было. Он снял мокрую одежду, повесил сушиться и решил, что самое правильное – оставаться на месте. По крайней мере, пока не высохнет одежда.

Через час показались две машины, одна из них – Валеры. Он выругал Илью за блуждания и похвалил за то, что хватило ума вернуться на стойбище.

Отправились домой. Чем ближе к Сарынску, тем смешней казалось пережитое приключение. Валера хмурился, ворчал, а потом сказал:

– Приходится признать, что это мой лучший день рождения за последние лет десять.

36. МИН И. Поражение света

Действуйте обдуманно и предусмотрительно, не увлекайтесь любовными авантюрами.

Егор распустил персонал театра на каникулы, спектаклей и репетиций не было – следовательно, у Яны не было повода появиться в «Миксе». Она очень хотела увидеть Егора, но – как? Просто позвонить ему? Почему нет? Егор позвал ее во второй раз, следовательно, Яна ему понравилась, хоть он об этом и не говорил. Нет, говорил: «Обожаю!» Во время того, как. Но это немножко другое. И повел он себя иначе – без долгой прелюдии, а прямо у порога начал срывать одежду, они вместе сползли на пушистый мягкий ковер у двери, там все и произошло. Яне это понравилось еще больше. Нестандартный человек во всем нестандартен, а Яне хотелось думать, что она любит Егора не просто как мужчину, а и за человеческие качества. Оно, впрочем, так и было.

Яна терпела несколько дней, а потом все же позвонила.

– Что поделываешь?

– Читаю.

– Ясно. Я тоже отдыхаю. Может, увидимся?

– Я не отдыхаю, я читаю, – сказал Егор.

Яна, несмотря на влюбленность, не могла не подумать с иронией о том, насколько Егор любит выставлять важным все, что он делает.

– Ну, извини. А вечером?

– Можно.

– Зайти к тебе?

– Нет, я буду в театре с ремонтниками.

– Что-то переделываешь?

– Так, косметика.

– Я туда зайду, ладно?

– Хорошо.

Яне не понравилось, как он говорил: спокойно, вежливо, равнодушно.

Егор стоял на сцене с рабочими, которые обивали фанерными листами заднюю стену. Он был раздражен. Яна знала это его выражение – когда актеры не могут выполнить элементарного задания. Рабочих было двое, постарше и помоложе. Оба хмурые. Мрачно глядели на нижний ряд листов, который, ясно видно, съезжал куда-то вниз и вправо.

– Мы по полу ориентировались, – говорил старший.

– Слушайте, не смешите меня! – корректно, на «вы», но жестко говорил Егор. – Я не строитель,

но даже я понимаю, что такое отвес. По отвесу надо делать, а не по полу! Когда вы к верху листы начнете пришивать, у вас там вообще под углом получится.

– Мы выправим, – сказал младший. – Справа зазорчик побольше сделаем, слева плотнее. Наверху все будет тип-топ.

– Мне везде надо тип-топ! – сердито возразил Егор.

Старший, хоть и видел, что напортачил, не выглядел виноватым, скорее злым. Это Яне известно: у нас если кого уличишь в том, что плохо сработал, он вместо того, чтобы признаться, тут же начинает тебя ненавидеть. Недавно она носила в мастерскую перешить джинсы, все изгадили, испортили, да еще и обхамили: «У вас, девушка, фигура такая, вот к ней и все претензии!» Яна, конечно, сказала им все про фигуру и про претензии.

– Я так понимаю, что вы это все равно чем-то закрывать будете? – спросил старший рабочий.

– Ну и что?

– Тогда чего загоняться? Не видно же будет.

– Мне нравится ваша логика. Значит, если трусов не видно под штанами, можно в грязных ходить?

– А вы не оскорбляйте! – обиделся младший. – Не нравится, нанимайте других. Только заплатите сначала.

– Ничего подобного, – сказал Егор. – Вы переделаете это и сделаете все до конца. Тогда и заплачу.

– Наглеешь, парень, – сказал старший. – Ты думаешь, если я плотник, ты можешь меня на деньги кинуть? Думаешь, я с тобой разобраться не сумею? У меня брат в зареченском РОВД замначальника, это я не пугаю, а так, к слову.

– Очень приятно, – хладнокровно ответил Егор. – Можете передать, что Егор Павлович Костяков хочет с ним познакомиться.

– А это кто?

– Это я.

– Ну и что?

– Ничего.

Старший и младший переглянулись. Чутье подсказывало им, что, если человек так представляется, это неспроста. Как бы не нарваться.

И старший неохотно сказал:

– Ладно, переделаем. А про пол предупредить надо было, что косой.

– Моя ошибка, согласен, – дипломатично ответил Егор.

Кивнув Яне, он спустился в зал.

– Есть хочешь?

– Можно.

– Ресторанчик в «Меркурии» знаешь? «Untitled». Там неплохо кормят.

– Да, я бывала, – зачем-то соврала Яна.

На самом деле она знала только, что это один из самых дорогих ресторанов в городе. И расположен хитро: проходишь через торговые залы и попадаешь к лестнице на второй этаж – с позолоченными (то есть желтыми) металлическими перилами, красной ковровой дорожкой. А там, на втором этаже, говорят, охрана, фейс-контроль и дресс-код. Интересно, ее джинсы и футболка подойдут? Но Егор и сам в джинсах и футболке. Да еще и в красных кедах с черными шнурками и белой подошвой. Значит, нет проблем.

Это было недалеко, через несколько минут вошли в «Меркурий». Пошли по длинному коридору, Егор вдруг остановился у отдела с вывеской «Фотостудия», двери которого были распахнуты, а внутри велись работы: передвигали столы, на столы ставили компьютеры, принтеры, еще что-то. Егор вошел, Яна встала в дверях. Всем распоряжалась девушка, которая показалось со спины знакомой. Повернулась, и Яна узнала свою ненавистницу – Дашу.

– Привет! – улыбнулась она Егору приятельски (слишком приятельски, подумала Даша). – А мы вот обустраиваемся. Сняли помещение.

– Хорошее дело, – оценил Егор.

Даша кивнула и Яне, Яна снисходительно усмехнулась (не почему-либо, а так, на всякий случай – чтобы Даша много о себе не думала).

– А это Володя, – Даша показала на худого черноволосого юношу, возившегося с другими работниками, устанавливая и налаживая оборудование.

Ничего, симпатичный, подумала Яна, и ей это было приятно. Значит, Даше есть кем заняться.

Володя приветственно махнул рукой, не отрываясь от дела.

– Мы знакомились, – сказал Егор.

– Когда? А, да, после спектакля. Вспомнила.

Яна тоже там была, но тогда не обратила внимания, слишком была занята Егором, стояла рядом с ним, а потом сидела за столом. Это хорошо, подумала она, что девушка не помнит, как она знакомила своего парня с кем-то. Значит она этому кому-то, то есть Егору, не придает значения. Да, они нравились друг другу, Яна это видела, но мало ли кто кому нравится на минутку?

– А чья фирма? – спросил Егор.

– Я же говорю: наша. Моя и Володи. Все виды фотоуслуг. Взяли кредит, будем отрабатывать.

– Отлично, – сказал Егор. – От всей души поздравляю.

Прозвучало, действительно, от всей души. При этом без каких-то оттенков. Человек рад за человека, вот и все. Яне это очень понравилась.

Они отправились ужинать, в дверях Егора приняли как своего и отвели, не спрашивая, в дальний уголок. Жаль, курить там нельзя, но Яна и не будет курить при Егоре. Пора вообще бросать.

Егор ел очень мало, разборчиво и долго, Яна тоже постаралась растянуть, хотя обычно считала, что тратить на еду больше, чем пять минут, только тратить время. «Ты не ешь, а лопаешь», – говорит ей мама. Ну и что, у каждого своя манера. Если долго есть и спать – жить когда?

И все было нормально, все было хорошо, но Яну что-то беспокоило, что-то было не так. Егор говорит о спектаклях, которые будут в следующем сезоне, о том, каким будет новое оформление сцены, потом на общие темы – например, почему он не любит красное вино, а любит белое, которое есть только в этом ресторанчике, он назвал его, Яна не запомнила. Да и то, оговорился Егор, это все равно суррогат, вино надо пить там, где его производят.

– А ты был там, где его производят?

– Да.

– Завидую.

– Ничего особенного, французское захолустье.

Яна чуть не засмеялась. В их кругу это называется понты кидать. Разве может быть во Франции захолустье? Но тут же подумала – почему бы и нет? Это ей, которая нигде не была, кроме двух раз в Турции с родителями, вся Франция кажется экзотикой, а бывает и там, наверное, в самом деле, такая глушь...

Но что-то было не так, что-то не так.

Наконец Яна поняла. То есть она поняла это раньше, как только позвонила Егору, но не хотела признаваться себе. Что-то не то – это то, как он с ней говорит. А говорит он так, будто ничего не было. Совсем.

И это что – намек? Что больше ничего не будет? А яснее нельзя?

Только не напрашиваться, приказала себе Яна. Ни в коем случае. И почувствовала, что сейчас заплачет. Чтобы сдержаться, глотнула той кислятины, которую он так любит, и сказала (мысленно проклиная себя) легким и веселым голосом:

– Ужасно секса сегодня хочется. Пойдем потом к тебе?

– Не совпали. Мне сегодня секса не хочется, – сказал Егор, поморщившись, будто сама мысль о сексе была ему неприятна.

– Ладно, в другой раз.

– Может быть.

Не заводись, сказала себе Яна. Только не заводись.

Но было уже поздно.

– Только не надо тут фигурным катанием заниматься, ладно? – сказала она Егору.

– Чем?

– Это мой отец говорит, когда кто-то вместо того, чтобы говорить нормально, начинает вилять и хитрить.

– Я виляю и хитрю? – Егор посмотрел на Яну так, будто его оскорбили.

Дура, сказала себе Яна. Он только того и ждет, ему повод нужен для ссоры. Уймись, не говори больше ничего!

– Конечно! – сказала Яна. – Не надо так со мной разговаривать вообще. «Может быть!», тоже мне, хрен с бугра.

– Это тоже выражение твоего папы?

– Неважно! Может быть или не может быть, это я сама решу!

– Даже так?

– Даже так. Я не напрашиваюсь, понял? Ты сам меня позвал, разве нет?

– Абсолютно верно.

– Ну и нечего вести себя так, будто ты принц, а я, б., золушка! Колбасится тут, нах, будто в театре! «Может быть!»

Яна замолчала.

Все. Это конец.

Они больше никогда не встретятся.

Женщина должна уходить последней.

Надо встать и уйти.

Надо.

Сделай это.

Я очень тебя прошу – если хочешь себя уважать.

Яна встала.

– Спасибо за ужин. Все было очень вкусно. Особенно вино. Дома поблюю – и все вообще будет прекрасно.

Егор рассмеялся – весело, будто ему выпады Яны очень понравились.

– Не спеши, пойдем вместе, – сказал он.

– Куда?

– Ко мне. Если хочешь. Мне тоже почему-то ужасно захотелось секса. Глядя на тебя.

Даже если и врет, ну и фиг с ним, подумала Яна. Сейчас я ему все прощу.

Проходя мимо будущей фотостудии, где продолжалась работа, Яна помахала Даше рукой. Жаль – та не заметила.

37. ЦЗЯ ЖЭНЬ. Домашние

_____
_____
____ ____
_____
____ ____
_____

Ваше место там, куда тянет сердце. Наслаждайтесь семейной жизнью.

Даша удивлялась своей деловой хватке, хотя и раньше знала, что на многое способна. В считанные дни они с Володей оформили всю документацию, зарегистрировались оба как индивидуальные предприниматели, взяли кредит, оборудовали помещение, да еще, увидев, что места многовато, разгородили комнату надвое и половину сдали в субаренду. Конечно, это Павел Витальевич зажигал им везде зеленый свет, а кредит дали в том банке, которого он сам был совладельцем, но Даша не чувствовала, что одолжается, они ведь за все будут платить, хоть и на льготных

условиях. Льгота причем только в сроках, а не в процентах, даром и со скидкой она ничего от Павла Витальевича не приняла. Пришлось объяснить Володе, почему Павел Витальевич оказался таким благодетелем: узнал о тяжелом положении Лили, захотел помочь, но деньги давать неудобно, тогда он нашел вот такой способ. Ну, вдобавок, еще слегка в Дашу и влюбился, но это ничего не значит.

– Как это не значит? – удивился Володя. – А если он потребует заплатить? Натурой?

– От меня кто-то может потребовать заплатить натурой? Ты представляешь этого человека?

– Ты, случайно, не за него собиралась замуж, чтобы разбогатеть, а потом выйти за меня?

– Девушке пошутить нельзя? Да, он такой вариант предлагал, я не согласилась.

– Вот сволочь.

– Почему? У человека свои понятия. Если бы он сказал: на тебе миллион и отдайся, тогда сволочь. И то не совсем, опять же остается выбор – брать или не брать, отдаваться или нет. Сволочь тот, кто не оставляет выбора.

– Не знаю...

Володю все это смущало, но он утешился тем, что взял немного денег взаймы у родителей и вложил их в дело. Теперь он был полноправный компаньон.

Планы были грандиозные. Обработка и печать фотографий – это само собой, это мелочь, хотя и стабильная мелочь. Останется также и устоявшийся бизнес со съемкой свадеб. А кроме этого – эксклюзивные фотоальбомы на все случаи жизни, образцы будут в витрине, выходящей на Немецкую улицу. Там тысячи людей проходят. Другому и в голову не придет, что к серебряной свадьбе родителей можно сделать классный альбом, обработав старые фотографии и сделав новые, а увидит в витрине – зайдет. Отдельная история – превращение фотографий в картины с помощью технологии «pho-graphic» (оборудование не дешевое, пришлось потратиться) – на холсте, на бумаге. В витрине будут образцы – вот фотография, а вот картина, почувствуйте разницу. Сплошной Репин и Айвазовский!

Каждый вечер Володя и Даша горячо обсуждали перспективы, детали, возможности, она для экономии времени оставалась у него на ночь. Володя был счастлив, Даша тоже – почти. Она ведь не совсем всё говорит Володе о предложениях Павла Витальевича. Но и сказать нельзя, он такой человек, слишком чистый, поймет неправильно.

Даша решила съездить домой и посоветоваться с Лилей.

Да и совесть скребла: совсем все бросила на Колю. Тот, конечно, понимает, что у Даши горячий период, но после небольших каникул в полтора дня, когда он съездил куда-то с друзьями, у Коли совсем нет продыха. А у Лили участились приступы болей, она капризничает...

Но в этот вечер она чувствовала себя хорошо. Даша вошла, поцеловала ее, села рядом.

– Постой, ничего не говори, – сказала Лиля.

– Откуда ты знаешь, что я хочу поговорить?

– Вижу. Помолчим пока. Хочу на тебя полюбоваться. Красивая ты, Дашка. И счастливая, кажется. Я была тоже красивой, а счастливой нет. Скажи спасибо маме, я была в двух шагах от аборта.

– Спасибо.

– Я серьезно. Уже в приемном покое больницы оформлялась, ждала врачей. Сбежала.

– Ты рассказывала.

– Да? Атрофия памяти. Я многое стала забывать. Но это даже хорошо. Ну, что у тебя интересного?

Даша, которая с Лилей была откровенной настолько, насколько редко бывают откровенны дети с родителями (причем, что важно, еще до болезни Лили), рассказала: изо всех сил создают с Володей фотостудию, уже очередь из клиентов, хотя толком не начали работать, богатый человек Костяков предлагает выйти за него замуж хотя бы на пару лет, настолько влюбился. Она взяла время на размышление. Одновременно чуть не переспала с его сыном Егором.

– Ты прямо какая-то интриганка, – сказала Лиля со слабой улыбкой.

– Да нет, он мне просто понравился. Подумала, что влюбляюсь, поторопила события. Инте-

ресно же все-таки, как это бывает, когда влюбляются.

– Наверно. Я тоже знаю только по книгам, по кино. Может, у нас наследственное? Органа любви нет? Я даже себя толком не любила.

– Нет, себя-то я люблю.

– Уже хорошо. Наверно, нам мозги мешают. И то, что врать не хотим, а в отношениях мужчин и женщин, даже когда у них любовь, столько всякой неправды...

– Я знаю, меня тоже от этого тошнит. Егор мне дал одного автора почитать, пьесы пишет. Там люди говорят все прямо. Вроде того: здравствуй, девушка, ты мне нравишься, хотя у тебя кривой нос, но голубые глаза. А она ему: здравствуй, юноша, ты мне тоже нравишься, хотя я люблю другого и у тебя изо рта воняет.*

– Ну, это еще хуже. Значит, ты взяла время на размышление – зачем? Действительно можешь выйти за него замуж?

– Могу. Он такой... Он большой человек. Не в смысле, что богатый и... Ну, большой, понимаешь?

– Понимаю.

– Умеет очень сильно чего-то хотеть, мне это нравится. Мне вообще он нравится. Хотя, говорят, в прошлом чуть ли ни бандит.

– Не боишься?

– Ну, при мне-то он не будет бандитом. Я ему дам шанс, я его исправлю, – Даша сжала и выставила кулак, показывая, как она исправит Павла Витальевича. – И потом, я все равно ведь сейчас никого не люблю. Могу ждать и не дождаться. А тут зато сразу – стабильность, обеспеченность. Ничего, что я так нагло рассуждаю?

– Практично. Я тоже так рассуждала. И так замуж вышла. Чтобы жить спокойно и не работать.

– Нет, работать я буду, я люблю работать, серьезно.

– А Володя тебя любит?

– Вообще-то да. Но я же не обязана его любить за то, что он меня любит.

– Это правда. Ни с кем не спи по обязанности.

– Я и не сплю. То есть я сплю, но это мне с ним нравится, вот и все. Без всяких планов. Тоже нехорошо, да?

– Ты молодец. Тебе интересно жить.

– Да, не скучно.

– Я тебе мешаю.

– Перестань.

– Дашка, хоть ты-то говори со мной по-человечески. Я же не утверждаю, что ты хочешь моей смерти.

– Живи хоть сто лет.

– В моем положении это плохое пожелание. Я тебе мешаю объективно. Много тратишь времени на меня, а у тебя полно своих дел. Ведь мешаю?

– Само собой. И что теперь? Я тебя все равно люблю.

– Ты же только себя любишь.

– Тебя тоже. Сама удивляюсь. Это, наверно, как это... Пережиток?

– Атавизм.

– Что такое атавизм?

– Даш, ты меня потрясаешь. Такая умная, а такая темная. Читай книжки!

– Некогда. Читаю, когда могу.

– Я тебя тоже люблю.

– Спасибо.

Лиля полежала молча, набираясь сил для дальнейшего разговора. Потом сказала:

– Я умираю, Дашечка.

– Ты давно уже умираешь. Не спеши.

**Абсолютно неверный пересказ начала пьесы «Самая настоящая любовь. 1998 – 2098».*

– Нет, я начала уже всерьез умирать. У меня с глазами что-то. И так плохо видела, а теперь цвета пропадают. Ты у меня почти черно-белая. И правый глаз парализовало. Я к Коле не поворачиваюсь, чтобы он не заметил. А когда лицо протирает, закрываю глаза. И вообще, что-то происходит. Всегда что-то происходило, а сейчас как-то очень быстро. И мне не хочется тянуть этот процесс.

Даша испугалась, что мать заговорит об эвтаназии (это слово, в отличие от слова «атавизм», она знала). Лиля и раньше иногда заговаривала, но не так. Сейчас – слишком серьезно. Даша не хотела этого слышать.

– Лиля, перестань. Я читала, люди и не из таких стадий выкарабкиваются, становятся здоровыми.

– Я не хочу быть здоровой, я хочу умереть.

– Это у тебя настроение.

– Я чувствую, вы никто мне не поможете. Не потому, что меня жалеете, вы себя жалеете. Вроде того, не хотите грех на душу взять. Хотя не верите в Бога. Ты веришь в Бога?

– Честно говоря, я серьезно об этом никогда не думала. То есть у меня тупо, как у большинства – что-то есть. Что-то мистическое, какая-то сила.

– И я не знаю... Я только знаю, что, если Бога нет, то страшно. А если есть, еще страшней. Если нет, значит, ничего от меня нее останется. А если есть, он меня не простит.

– За что тебя не прощать?

– За нелюбовь. И к Нему. И вообще. Ладно, я тебе надоела. Скажи Коле, что у меня нормальное настроение. Он почему-то подозревает, что я на него сержусь.

– С чего ты взяла?

– Мне так кажется. Ошибаюсь, хорошо, я ошибаюсь. Может больная умирающая женщина ошибаться? – в голосе Лили послышалось раздражение.

– Может, может. Ладно, отдыхай.

– Умница, вовремя уходишь. Я начинаю психовать. А замуж ни за кого не выходи, Дашка. Ты этого не хочешь, я вижу. Или выходи. Роди троих детей – и тебе некогда будет думать о всякой ерунде. Иди. Стой. Ты знаешь, что я тебя хотела убить?

– Сто раз слышала. Опять про аборт?

– Нет, уже после. Ты была очень беспокойная, а я жила тогда одна. Я уставала. Мне хотелось побыть одной. Жалела, что не сделала аборт. Вспоминала, как хорошо было раньше: встала, умылась – и больше никому ничего не должна. Вот. И однажды смотрела на тебя, ты спишь. Обычно умиляются, когда дети спят. А я смотрела, как на чужую. Ну, психоз такой был временный. Смотрю: что это? Откуда? Зачем это мне? Только портит жизнь. И возникла четкая мысль тебя придушить. И никто бы ничего не подумал. Это ведь часто бывает. Положила мама ребенка с собой и во сне придавила. Называется – заспать.

– И как? – спросила Даша. – Не заспала?

– Как видишь. Иди, а то у меня левый глаз и щека немеют уже. Буду лежать с каменным лицом. Отнимется язык. И я никого не смогу попросить, чтобы... Это страшно. Я не хочу дожить до этого. Иди. Потом поговорим.

Лиля после такого длинного монолога тяжело дышала, мелкий пот выступил на лбу. Даша вытерла лоб салфеткой.

– Спасибо, – прошептала Лиля.

– Что-нибудь принести?

– Потом. Коля знает... В девять... Потом...

Даша вышла, Коля предложил ей чаю.

– Лучше кофе. Почти не сплю, работы много. Выпью и поеду, ладно?

– О смерти говорила?

– Не в первый раз.

– Да... У меня просьба – останься сегодня. Понимаешь, хочу выпить.

– Что-то ты часто стал. С друзьями ездил, и вот опять.

– Разбудил зверя. Нет, я просто устал. Я бутылку выпью и лягу спать, а ты посмотри за ней, хорошо?

Даша пожала плечами. Коля и так много делает, почему бы ему, в самом деле, не отдохнуть.

– Один будешь пить или компания нужна?

– Посиди немного. Но тебе не дам, за Лилей будешь следить.

– На меня не действует. Недавно бутылку виски выдула – и хоть бы что.

– Врешь.

– Могу показать.

– Не надо. Хорошая особенность. А пьяной бываешь вообще?

– Ты меня разве видел пьяной?

– Нет, но, может, где-то еще?

– Ни разу.

– Железная леди. Нежная железная леди. Леди, сделанная из нежного железа. Я пытаюсь найти тебе определение.

– Я поняла.

Коля оживился, достал из холодильника бутылку водки, расставил тарелочки с закуской, но, прежде чем выпить, сварил Даше кофе.

Первые три стопки выпил весело, с удовольствием, расспрашивал Дашу о ее делах. А потом сказал:

– Теперь, Даш, послушай, что происходит. У нас проблемы. Съемщики квартиры мне почти не платят, ссылаются на то, что у них финансовые трудности. Придется, наверно, других искать. Хорошо, я это как-то решу. Потом. У меня были кое-какие сбережения.

– Я знаю, спасибо тебе.

– При чем тут спасибо? Они кончились. Потом. Это главное. Валера позавчера опять привозил Раушева.

– Почему я ничего не знаю?

– Вот – говорю, сейчас узнаешь. Дело в том, что Раушев был в Москве, с кем-то там консультировался. Синтезировали новое лекарство, которое кардинально помогает. Его нет еще в России, но можно через знакомых заказать в Израиле, в Швейцарии, это дело техники. Но стоит очень дорого. А у нас и на обычные лекарства еле хватает. А скоро будет вообще не хватать. Одни интерфероны – грабеж. Авонекс, сама знаешь, тысяча долларов за упаковку, а там всего четыре ампулы. Ладно хоть, что одна инъекция в неделю. А копаксон ежедневно, а другие еще, а обезболивающие...

– И что делать? Я сейчас в долгах, но я же выстраиваю дело, чтобы как раз были деньги. Просто не сразу. У тебя друзья не бедные, может, взять взаймы?

– Я уже подумал. Они помогут, да... И, наверно, продам квартиру. Выгоню съемщиков и продам. Это уже сильно облегчит. Ты извини, что я тебя грузу, но кого еще? Ты не беспокойся, я сам все решу, я ничего не прошу тебя делать. Просто – делюсь.

– Давай, скорей напивайся и ложись. Тебе надо выспаться.

– Да.

Коля послушно налил не в стопку, а в стакан и, медленно глотая, выпил. Выдохнув, бросил в рот кружочек колбасы, странно усмехнулся.

– Раушев рассказал: женщина ухаживала за мужем. Он еле ходячий, постоянно процедуры, больницы, а у нее на руках маленький ребенок, мать пожилая и с придурью, работать как-то надо, денег добывать надо. Но вертелась, была даже веселой, мужа утешала, успокаивала. Последний год совсем было плохо, безнадежно. Муж умер. Она правильно отнеслась: отмучился, слава Богу. Горевала, конечно, но без лицемерия. Понимала: освободил муж и себя, и других. Бог его пожалел. Взялась заново налаживать жизнь. Долги отдавать, еще больше работать. И даже закрутила романчик с одним мужчиной, правда, ничего не вышло. В последний момент остановилась: надо хотя бы год выждать. А через год ее оглушило – депрессия. Страшная, клиническая, до психушки дело дошло. Подлечили, вышла, через полгода опять. И вот уже лет пять регулярно – весной и осенью. А в остальное время – подавленное состояние.

– Жутко.

– Может, тоже выпьешь? У меня еще есть.

– Нет, не хочу. И что?

– Ничего. Я все рассказал.

– Ты боишься, что, после смерти Лили у тебя будет что-то в этом духе?

– А ты не боишься? Понимаешь, оказывается, это хорошо, когда жизнь за тебя решает. Нет вопросов, что, зачем, почему. Известная история: солдаты на войне не болеют. Но не потому, что страшное напряжение, как считают многие, а потому что душа свободна от мелкого, от суеты. Если душа свободна, человек не болеет.

– На войне душа свободна?

– Конечно. Несвобода – это выдуманные цели. То, что человек себе придумывает. Мы все несвободны. Чем больше человек себе расчищает пространства для свободы, тем он больше несвободен. Это пространство надо охранять, обслуживать, расчищать, понимаешь, да? Миллионеры, всякие люди из всяких правительств – страшно несвободные люди. Они к этому стремились, они этого достигли, но с этим же что-то надо делать. Что-то я не туда... Я о чем говорил?

– О войне. Что душа у людей была свободна.

– Да. На войне нет придуманных целей, есть общая и настоящая – победить. Ну, я не фашистов имею в виду, они свободными не были. А наши – пусть под режимом, под Сталиным, пусть за советскую родину, которую не все любили, но все-таки за родину – надо в бой идти? Надо. И душа свободна, потому что чиста.

– Что-то ты не то, извини. Свобода – это когда выбор. А какой же выбор, если надо?

– Выбор был. В плен сдаться, под пулю подставиться, дезертировать. Где-то я читал: настоящая свобода в обществе – когда гражданин может без помех реализовать свои лучшие качества.* Сказано коряво, но верно, да? Правда, может, это не о войне. Но там я душу человека имел в виду, а тут съехал на общество и гражданина. Я запутался.

– Это точно, – подтвердила Даша.

– Зато я понял, когда это прочитал, почему наша страна до сих пор чудовищно несвободна. И всегда была несвободна. И будет. Потому что у нас власть азиатская и знает только один принцип: несвободными людьми управлять легче. И других принципов знать не хочет. А как сделать людей несвободными? А очень просто: нагородить этих самых помех на пути реализации лучших качеств. Вынудить реализовывать не лучшие, а худшие, которых, конечно, во всех нас дополна. Хочешь жульничать, хитрить, в долю входить, куски боярам отламывать – свободен. То есть свободен быть подлецом. Не хочешь – тоже свободен, но от всего, ни до чего не допустят. Я пытался заниматься бизнесом, я знаю. Хочешь, чтобы все честно, а тебе говорят: надо вот так. Почему? Таковы правила игры. Ненавижу! Хуже, чем в советское время «есть мнение». Чье мнение? Неважно. Есть мнение! Сейчас спросишь, почему таковы правила, кто их придумал? Никто не знает! Они есть – и все! Так что свобода, ребята, это не то, что мы думали – не свобода говорить, что попало, не свобода пройтись по улице, не секс-шопы, не гей-парады, это... Впрочем, уже сказано. Я повторяюсь. И вы с Володей еще столкнетесь со всякими гадами, которые будут вас хватать за мягкие места и поворачивать туда, куда все идут – что-нибудь химичить, прятать, обходить. Или уже столкнулись?

– Мы нет. Костяков помогает.

– Это какой? Которого я выгнал?

– Да.

– А как ты с ним...

– Познакомились.

Коля налил полстакана, выпил, аккуратно (чтобы Даша не подумала, что он захмелел) поставил стакан на стол, даже не стукнув.

– Дашка, если у тебя с ним что-то будет, задушу собственными руками. Я серьезно.

---

* *См. «Они».*

– Да ну тебя!

– Не ну! – Коля негромко ударил кулаком по столу.

– Ложись спать.

– Я лягу. С тобой.

– Ого? – удивилась Даша. – Чего это тебя повело? Ты до этого не пил?

– Мой грех, граммов двести опрокинул.

– Итого почти семьсот, – Даша посмотрела на бутылку, где оставалось на донышке. – Тогда прекращаем разговор, я пойду спать к Лиле.

– Ты меня не поняла. Я с тобой лягу спать – без тебя. Это очень гнусно, но я каждый вечер о тебе думаю. Гнусно, да?

– Смотря как думать.

– Подробно. Даш, я сегодня говорю только правду. Я тебя страшно хочу. Всегда. Не бойся, это не любовь. Это похоть. Я похотливый павиан. Я тебя так хочу... Не изнасилую, не беспокойся. Я хочу – и сам себя шпыняю. Как же – грех! Но кто я такой, чтобы бояться греха? Что за гордыня такая? Не боюсь греха! Но не грешу. Это очень важно. Понимаешь?

– Понимаю.

– Помоги мне... Дойти.

– Я теперь боюсь. Еще лапать начнешь.

– Лапать? Это мысль. Дашка, зачем ты с голым животом ходишь? Я случайно прикоснулся месяц назад, меня колотило всю неделю. Понимаешь, что творится?

Коля громоздко встал, отодвинул табуретку, держась за стол, сделал шаг.

– Встань, пожалуйста.

Даша встала – не потому, что поспешила выполнить его пожелание, она уже побаивалась пьяного Колю, а – стоя опасность встретить лучше. Коля сделал еще шаг, еще один. Даша глянула на стол, на большой кухонный нож. Коля заметил этот взгляд и удивился.

– Неужели ударишь? Меня? Фактически отчима?

– Запросто. Иди спать.

– Даш. Я только тебя обниму. И поцелую в шею. В губы нее буду, я противный, у меня зуб болит и воняет, как в этой пьесе у этого... И водкой. Я в шею, чуть-чуть. Очень тебя прошу.

Коля пошатывался, Даша поняла, что он может свалиться от одного тычка. Поэтому позволила.

Коля осторожно обнял горячими пьяными ладонями ее талию, ткнулся губами и носом в ключицу. И тут же отпрянул, убрал руки.

– Все. Мне опять хватит на месяц. А то бы легла бы со мной. Это же так просто.

Он пошел к постели за занавеской, сел и оттуда продолжил:

– В самом деле, если подумать. Тоже мне проблема. Разделись, потерлись и все дела. Тык-тык. Напридумывали неизвестно что. Вы несвободные люди. А я свободен. Я тебя жду. Если ты настоящий человек и девушка, ты... Ты реализуешь... Возможность сделать добро. Значит – свободна. Если нет – несвободна.

Послышалось скрипение – Коля повалился на пружинный матрас.

Даша убрала посуду, потом заглянула: Коля лежал наискосок, ноги свисали до пола. Она подняла ноги и положила их на постель. Дырка на Колином носке напомнила ей о том, что тот одевается скверно, во всем себе отказывает. Он осторожно стащила носки – надо найти ему стиранные, чистые. Или купить новые.

38. КУЙ. Разлад

_____
_____ _____
_____
_____ _____
_____
_____

Данный период вашей жизни лишен гармонии.

Через несколько дней обвалился дом соседа Ахтямова. Трубы-подпорки подкосило очередным оползнем, они потащили за собой дом, а потом уже дом своей массой окончательно придавил их. Ни одной целой стены не осталось, только груды обломков на краю обрыва и внизу. Хорошо еще, что дома в это время никого не было, работы по случаю пятницы не велись. Ахтямов приехал с сыновьями, молча осмотрел свою развалившуюся мечту, потом сказал что-то сыновьям. Через пару часов были пригнаны грузовики, подъемный кран, бульдозер. Все целые части стали грузить на машины, а мелкий мусор осторожно сдвигать бульдозером. Два дня велись работы, все, что можно было использовать, Ахтямов и сыновья увезли. Без сомнения, в тот же день Ахтямов заложил новый дом в другом месте.

После этого был еще один оползень, и теперь уже дом Лили оказался над обрывом, несколько метров отделяло от крутизны. Коля принял решение: надо срочно уезжать отсюда, бросив дом (ясно, что продать не удастся) и поселиться в его городской квартире, попросив ее очистить, тем более, что жильцы уже три месяца задерживают оплату.

Он явился к ним и велел съезжать. Два брата-молдаванина, называвшие себя Костя и Георгий, приехавшие в Саранск на заработки (с семьями, в отличие от большинства земляков), заявили, что надо было предупреждать заранее. Иванчук сказал, что он уже не раз намекал, но дело даже не в этом, у него аварийная ситуация, так что будьте любезны срочно выехать. Братья повторили, что надо предупреждать заранее, поэтому они съедут только через месяц. Коля еще раз объяснил, насколько все серьезно, дом может рухнуть, поэтому три дня на выезд – максимум. Да, кстати, и не забудьте про должок.

Через три дня он пришел, чтобы получить ключи, деньги и попрощаться с братьями. Выяснилось, что они даже и не начинали сборы. Они сказали, что три дня им мало, надо предупреждать заранее, ссылались на договор аренды. Коля сказал, что договор истек три месяца назад, не было времени возобновить, но это к лучшему, никаких формальных препятствий, будьте добры, съезжайте. Братья сказали, что нет договора – нет претензий. А если есть претензии, пусть он зовет милицию. И они скажут милиции, что владелец допустил их проживание без договора, то есть незаконно. И посмотрим, что скажет милиция.

Коля, считая свое дело правым, отправился к участковому. Участковый, симпатичный юноша лет двадцати пяти, на котором неказистая милицейская форма сидела удивительно ловко, два дня ссылался на отсутствие времени, потом наконец сходил на квартиру. Братья в два голоса начали объяснять, что у них семьи и маленькие дети, что их не предупредили, что, между прочим, у одного брата уже гражданство России, что они съедут, но через месяц. Или хотя бы через неделю. А если они не платили, то они специально не платили, потому что по договору, законно, они готовы платить, а без договора, незаконно, они платить стесняются и боятся, потому что милиция это не одобрит, если узнает.

Три дня максимум, заявил Коля. И черт с вами, можете не платить долг!

Участковый на улице сказал ему:

– Не съедут.

– Как это?

– И не съедут, и платить не будут.

– Что же, управы на них нет?

– Молдаване – интересный народ, – с ноткой уважения сказал участковый. – Их некоторые тупыми считают, а зря, они только косят под тупость, потому что им это выгодно. Недавно разбирал жалобу: старик один нанял бригаду, они все сделали плохо, разбили старинную вазу, сломали пианино, залили соседей цементом, когда стяжку делали, там дырки оказались между этажами. Но бригадир мне три часа доказывал, что сделали все хорошо, что ваза сама разбилась, а пианино было сломанным, что про дырки хозяин должен был предупредить. И самое интересное, часа через два я в это уже поверил, а через три хотел привлечь старика к ответственности. Потом понял: их не переспоришь, ничего не докажешь.

– И что?

– Ничего. Посоветовал старику обратиться в суд. Может, что и вышло.

– И мне в суд? Дело ведь срочное!
– У вас друзья есть?
– Конечно.
– Мужики крепкие?
– В общем-то... Не слабые еще.
– Квартира ваша, без химии?
– Какая химия? Законно моя квартира, приватизированная.
– Тогда собираете друзей и выселяете в жестком порядке.
– Силой?
– Авторитетом, – усмехнулся участковый. – Иначе обещаю: будете только порог обивать. Кстати, они замок прежний оставили или сменили?
– Сменили.
– А вам ключи дали?
– Нет. Я не собирался к ним приходить, пока они жили.
– Да, – сказал участковый, – повезло им с вами.

Коле стало обидно, что какой-то пацан в форме так иронично и снисходительно о нем отозвался.

Он позвонил Сторожеву и Немчинову, те согласились помочь. Сторожев на всякий случай пригласил своего постоянного клиента и приятеля Дмитрия Бучкова, известного в узких сарынских кругах как ДБ, бывшего спортсмена-тяжелоатлета спортобщества «Динамо», а общество это, как известно, милицейское, поэтому ДБ сохранил корочку капитана милиции, пусть просроченную, обычный человек на это не обращает внимания. Он хотел даже надеть форму, которая тоже сохранилась, но Сторожев отговорил.

Субботним утром приехали вместе с несколькими автомобилями-фургонами – для имущества. Долго звонили и стучали, потом ДБ показал в глазок корочку и пригрозил сломать дверь в административном порядке. Соседи при этом затаились, не вмешивались.

Дверь открыла старуха, мать семейства.

– Извините! – сказал ДБ, осторожно отодвигая ее. – Заходите, мужики!

Мужики, то есть Немчинов, Сторожев и Иванчук, зашли. Сторожев крикнул, что, раз не хотели по-хорошему, сейчас будем выносить мебель. Скажите спасибо, что бесплатно.

Вместо спасибо началось что-то невообразимое. Появились жены братьев с малыми детьми на руках, криками, рыданьями, старуха тоже завопила что-то на молдавском, так громко, будто ее убивали, при этом Немчинов не мог не отметить поразительное сходство многих слов с латинскими (он когда-то изучал латынь, ему нравился этот язык). Набежались старшие дети – человек шесть от трех лет до пятнадцати. За что бы ни взялись друзья, тут же в эту вещь вцеплялись несколько рук, не давали, отнимали, тащили вглубь квартиры. Братья стояли позади всех, показывая, что они не собираются сопротивляться, но сделать ничего не могут.

– Эй, вы! – крикнул им ДБ, державший дверь, которую норовили захлопнуть, чтобы затруднить вынос вещей, – скажите своим, чтобы отошли!

– Мы говорим, они не хотят, – сказал один из братьев. – Что мы, бить будем своих детей, своих жен? Ты будешь бить своих жен и детей? Мы цивилизованные люди!

ДБ так поразила речь молдаванина, что он не нашелся с ответом.

А старуха от слов перешла к делу. Выбрав почему-то Немчинова, она пошла на него с воздетыми кулачками и начала постукивать ими в грудь Ильи, крича и брызжа слюной. Немчинов отступал, ничего не понимал, не знал, что делать. А старуха била, надо сказать, хоть не сильно, но больно. Немчинов не выдержал и схватил ее за руки. Тут же все разом страшно завопили, дети завизжали и заплакали, мальчик лет пяти вцепился в штанину Немчинова, один из братьев побледнел и сделал шаг вперед. Второй остановил его взглядом.

– Я не знаю, что делать! – прокричал Немчинов.
– А мы знаем? – раздраженно спросил Коля.
– Да не обращайте вы внимания, тащите и все! – крикнул ДБ. – Я прикрою!

– Нет, – сказал Коля. – Я так не могу. Выйдите все.

Иванчук, Сторожев и ДБ вышли. Коля сказал братьям:

– Видите, до чего вы нас довели?

– Это вы нас довели, – сказал один из братьев. – Скажите спасибо, что мы милицию не вызвали.

– Постойте. Это моя квартира?

– Ваша, кто спорит.

– У вас срок аренды кончился?

– Договор кончился, мы думали, еще продлим.

– Не продлите! Мне нужна эта квартира! Моя квартира! Там машины, во дворе, я за них заплатил. Наверняка у вас есть родственники или кто-то. Переезжайте к ним, а потом снимайте что хотите где хотите! Что не ясно?

– Дайте неделю нам.

– Давал уже! Неделю, еще неделю, еще неделю! Сколько это будет длиться?

– Неделю, обещаем.

– Не верю!

– Мы не виноваты, если вы людям не верите!

Коля вспомнил слова участкового. Еще немного, и он почувствует, что напал на чужую семью в их собственной квартире. Спорить бессмысленно. Надо уходить и придумать что-то другое.

Коля спустился вниз, вышел во двор.

– Ну? – спросили друзья.

– Чувствую, придется через суд. И пусть приставы их выволакивает.

– Зря, – сказал ДБ. – Приставы будут полгода с ними возиться.

– А ты сможешь детей вытаскивать? Старуху эту, женщин?

– Неприятно, конечно...

Сторожев сказал:

– У меня квартира довольно большая, переселяйтесь ко мне. Пока этот вопрос улаживаться будет.

– Спасибо, Валера. Может, даже и воспользуемся.

– Только не откладывайте, а то дом так стоит, что смотреть страшно.

Сторожев при этом старательно думал, что делает это вовсе не для того, чтобы Даша была рядом, а для Лили, для Коли. И ведь действительно первым порывом было помочь Лиле и Коле, но тут же вслед за этим подумалось о Даше, вот и пришлось спорить самим с собой, чтобы доказать себе, что тот, кто бескорыстен, принял решение раньше, чем тот, кто имеет какую-то выгоду.

Да и выгоды никакой на самом деле – Валера в последнее время не так уж часто думал о Даше. О Наташе гораздо чаще, с удивлением обнаружив, что скучает. Хотя понимал: можно скучать по одной женщине и любить другую.

Дома Коля рассказал Даше о происходящих событиях, о заминке с выселением квартиры.

– Я что-нибудь придумаю, – сказала Даша таким голосом, будто теперь она была хозяйка в доме.

– К своим влиятельным друзьям обратишься?

– Может быть. Надо еще подумать, как с Лилей быть.

– А что?

Коля, занятый все эти дни, поручил уход за Лилей полностью Даше, той пришлось бросить свои дела, фотостудию, то есть оставить дела на Володю.

– Ей хуже становится. Как-то резко, раньше так не было. Я боюсь, Коля. Ты знаешь, что у нее паралич правого глаза?

– Да. Делаю вид, что не замечаю.

– У нее и с речью хуже. Нервничает, капризничает. Лекарства не помогают, надо или дозы увеличивать, или что-то новое искать. Ей больно, понимаешь? Надо позвать Раушева, пусть решит, что делать. Тебя весь день спрашивала.

– Сейчас пойду к ней.

Коля выпил чаю, остыл от неприятных впечатлений дня, постарался наладить в себе ровное расположение духа. Но чтобы без вранья – Лиля сразу почувствует.

Он вошел.

Лиля, не открывая глаз, сказала:

– Весь в делах?

Коля заметил, что у нее кривится набок рот и слова произносятся с большим трудом, чем раньше.

– Да. Квартиру готовлю. Скоро переедем.

– Не повезло. Если бы наш дом. А не тот. Упасть и все. Сразу. Вместе с вами. Шучу. Я одна.

После этого Лиля лежала, мелко и часто дыша. И, по-прежнему не открывая глаз, сказала:

– Коля, сделай что-нибудь.

– Что ты хочешь? Пить? Есть? Сменить белье?

– Не хочу пить. Не хочу есть. Не хочу белье. Сделай что-нибудь.

– Что?

– Я больше не могу. Я не могу. Эта боль. Тоска. Я не могу. Я не хочу так умереть. Коля, можно меня вылечить? Можно?

– Я всегда говорил, что можно.

– Ты успокаивал. Я серьезно.

– Можно, – твердо ответил Коля.

– Хорошо. Я выздоровлю, – сказала Лиля и не заметила, что так говорить неправильно (обычно следила за речью). – Я всё... Сначала. Буду счастливой. Обещаю. Молодой. Опять. Ты будешь. Гордиться. Иметь меня. Самую красивую. Женщину. Я хочу жить, Коля. И не хочу боли. Я не хотела боли и не хотела жить. А теперь хочу. Сделай что-нибудь. Продай. Душу. Черту. Жаль. Его нет. Или есть?

– Есть, только неизвестно, где искать, – попробовал пошутить Коля.

– Когда. Кто готов. Он сам придет. Ты не готов. Ты не хочешь. Жертвовать. Ничем. Помогать да. А жертвовать нет. Спаси меня, я очень прошу.

– Я сделаю все, что возможно.

– Хорошо. Больно, Коля, больно, больно! – тихо закричала Лиля. – Очень больно! Пожалуйста!

Вошла Даша с блюдечком, на котором был шприц.

– Мама, сейчас будет лучше, – сказала она.

– Мама? Я что, умираю уже? Я Лиля! Я ненамного старше тебя!

После укола Лиле стало легче, она задышала ровно, заснула. Даша взяла салфетку, чтобы протереть ее лицо, но, ничего не сделав, повернулась к Коле.

– Мне страшно, – шепнула она. – Лиля сухая. Перестала потеть.

– И что это значит?

– Не знаю. Но мне страшно. Я могу отъехать на несколько часов?

– Да, конечно.

Даша, выйдя из дома, сразу же позвонила Павлу Витальевичу. Тот был в своем поместье, то есть недалеко. Услышав, что Даша хочет поговорить, попросил ее подождать немного у дома, приехал на машине, повез к себе.

– Или ты в город хочешь?

– Нет.

– Вы когда переезжаете? Страшно смотреть, как у вас дом стоит. Хотя, там, я видел, какая-то труба под вами обнаружилась. Она держит, оползней не должно быть в ближайшее время. С переездом помочь? Квартиру подготовили?

Павел Витальевич был в курсе всех дел – позавчера он позвонил Даше, узнав о неприятностях, свалившихся на ее семью (и считая, что ввиду этого надо отбросить свои обиды), предлагал помощь, Даша сказала, что пока ничего не нужно.

Даша не стала ничего объяснять в машине, не хотела говорить сбоку человеку, который не

глядит на нее. Она хотела прямо в глаза.

И, когда приехали, прошли в гостиную, она села напротив Павла Витальевича, внимательно и серьезно посмотрела на него и начала говорить:

– Ты предлагал помочь. Не знаю, может, из вежливости.

– Нет.

– Тогда... Я сказала, что пока ничего не нужно. Потому что не знала, что нужно. Теперь знаю. Колю не пускают в его квартиру жильцы, выгнать он их не может. Пробовал – не получилось. Поэтому нам некуда переехать. Можешь помочь?

– Легко. Сегодня же.

– Спасибо. Еще. Лиля умирает. Или у нее обострение. Нужны лекарства, обследования. Может, стационар. Все очень дорого. Очень. Нужны деньги. Дашь?

– Дам.

– Это не взаймы, я не знаю, когда смогу отдать. Лет через десять, если подождешь.

– Дам просто так. Что еще?

– Все. Нет, главное. Для тебя главное. Я прошу тебя это сделать просто так. То есть ты в меня влюбился, если правда...

– А ты сомневаешься?

– Влюбился, ладно. Уже поэтому можешь помочь. Я прошу тебя ничего от меня за это не требовать. Чтобы я жила с тобой, чтобы вышла замуж.

– То есть, если потребую, ты тогда от меня помощь не примешь?

– Приму. Другого выхода нет. И буду с тобой жить, если захочешь, и замуж выйду. Я могу это сделать. И даже не скажу, что это очень противно. Я не хочу этого, вернее, не хочу так, но могу. Поэтому давай я не буду тебе ничего обещать. Абсолютно. Если раньше еще могла обещать... ну, или намекать... Теперь нет. Я просто и нагло прошу тебя помочь. За то, что ты меня любишь. Больше не за что. А я тебе за это ничего не обещаю.

Павел не только выдерживал взгляд Даши, он сам смотрел ей прямо в глаза – с каким-то мучительным восхищением.

– Какая же ты...

– Какая?

– Ты, конечно, понимаешь, что я соглашусь. Ты это сразу знала?

– Нет.

– Тогда ты вообще невероятная. Или умней всех женщин на свете. Значит, если скажу, чтобы ты тут осталась прямо вот сию минуту, останешься?

– Да.

– И я тут же окажусь скотиной и подлецом?

– Почему? Ты в своем праве.

– Да нет. Ты все сделала, чтобы я этого не смог сделать. Ты меня уже хорошо знаешь. А если смогу? Ты же ничего обо мне не знаешь.

– То знаю, то не знаю... Павел Витальевич, честное слово, у меня охоты нет сейчас гадать, знаю я тебя или нет. Поможешь или нет? Даром или как?

– Помогу.

– Спасибо. До свидания.

– Ты пешком пойдешь?

– Попроси кого-нибудь, чтобы меня отвезли. Неудобно мне сейчас с тобой быть, понимаешь?

– Конечно. Шура отвезет.

Огромный молчаливый Шура отвез Дашу домой.

Она вспомнила, что Костяков ответил только на первый вопрос, сказал, что поможет. А даром или не даром, не сказал.

Ну и ладно. Жизнь покажет.

Вечером в квартиру, занятую упорными братьями-молдаванами, вломились несколько людей в масках. Без оружия, но с наручниками. Они надели наручники на братьев и вывели во двор, не обращая внимания на крики женщин, причитания и тычки старухи. Во дворе ждал милицейский «воронок». Жены, плача, выбежали, стали спрашивать, что будет с мужьями. Им ответили, что мужья будут отпущены, как только все вещи из квартиры вынесут, а ключи будут переданы, кому надо. Фургоны и бригада грузчиков готовы.

– Что делать? – спросили жены братьев в открытую дверь «воронка».

– Соглашайтесь! – послышалось оттуда.

Жены согласились.

Две дюжины грузчиков, как муравьи, сновали туда и обратно. Набили две машины, а жены и дети разместились в пассажирском микроавтобусе. Когда все было готово, вывели из «воронка» братьев, сняли наручники и впихнули их в микроавтобус, закрыли за ними дверь и велели водителю немедленно уезжать.

Машины уехали. Люди в масках отдали ключи от квартиры Петру Костякову, который все это время находился во дворе, в своем автомобиле, наблюдал за процессом. Петр отвез ключи, куда было сказано Павлом Витальевичем – в крайний дом на «Водокачке». Подивился заодно, какие ж дураки строят дома в таких местах.

Тем же вечером на реанимационной машине прибыл Раушев, Лилю осторожно вынесли, поместили в машину, повезли с величайшей аккуратностью. Даша поехала с нею, а Коля занялся подготовкой к переезду, что заняло у него пару часов: ни ветхую мебель, ни ложки-плошки и прочие дряхлые вещи брать он не собирался: мебель есть и на той квартире, а посуду давно пора прикупить новую.

Ему не терпелось вернуть свою квартиру в прежнее состояние, поэтому он всю ночь ее мыл, оттирал, дезинфицировал, съездил на своей машине-развалюшке в круглосуточный супермаркет, купил кое-какой утвари и особо – дезодорант: у квартирантов, отказывается, была кошка, а Коля с детства не переносил кошачьего запаха.

39. ЦЗЯНЬ. Препятствие

⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊

Чем больше усилий вы прилагаете, тем дальше оказываетесь оттесненным назад.

Сторожев был рад известию, что Коля въехал-таки в свою квартиру, то есть теперь не надо устраивать их у себя – Колю, Лилю и Дашу. Впрочем, Лилю свезли в больницу, а Даша и так (Коля обмолвился) не ночует дома: занята вместе со своим другом организацией какого-то бизнеса, связанного с фотоуслугами, у этого друга и живет.

Он все больше тосковал по Наташе, вспоминал малозначащие мелочи – как ходили в кино, купили там шипучку и поп-корн и дурачились, Валера бил ее по руке, чтобы не хватала слишком много поп-корна, а потом вдруг полез щупать ей коленки, изображая озабоченного подростка. Или как Наташа вдруг заплакала, слушая какую-то музыку; Сторожева, человека музыкально туповатого, это удивило и умилило. Или то, какие верные и точные вещи она говорила неожиданно о людях – всегда их при этом жалея. Правда, иногда казалось, что она и его жалеет, спрашивается – с какой стати и за что?

В общем, вспоминались приятные и хорошие мелочи, из которых и составляется жизнь.

Морок это был, решил Валера, думая о своей влюбленности в Дашу. Затмение. Вот сейчас я четко понимаю – не хочу ее видеть. Потому что – ну, увижу, что дальше? Нет, в самом деле, что дальше? Чего хотел бы он в идеале? Любовницей ее сделать? Женой? Не то и не это. А что? А неизвестно что, чистый платонизм. Лилю он и то любил в свое время конкретнее. О будущем с ней мечтал. И так далее.

Валера позвонил Наташе – узнать, как дела.

Она ответила, что все нормально. Разговор не связался.

Он позвонил еще раз, сказал, что скучает.

– Это пройдет, – сказала Наташа. – Это минута слабости. Не поддавайся.

Валера позвонил в третий раз, сказал, что хочет увидеться.

– Нет, Валера. Не хочу тебя мучить и сама мучиться. Извини.

Желание увидеться и поговорить с Наташей после этого стало непреодолимым. Он заехал в фонд, где она работала, но там сказали, что застать Наташу можно только рано утром, весь день она ходит и ездит по своим подопечным.

Промаявшись весь день, Сторожев решил съездить к ее родителям и там дождаться Наташу.

Он не любил бывать в этой семье, где отец, Олег Олегович, откровенно его недолюбливал, а мать, Кира Павловна, наоборот, принимала, как родного. Братик же Наташи, двадцативосьмилетний Сёма, выглядящий на пятнадцать, выходил встречать всегда с улыбкой до ушей, спрашивал: «Чего принес?» (любил сладкое), – получал гостинец и скрывался в комнате. Когда Сторожев уходил, Семе кричали: «Илья Сергеевич уходит!» Он появлялся и спрашивал: «А ты когда пришел?»

– Он такой, – оправдывала Кира Павловна сына. – У него память хорошая, только короткая. Или ты так шутишь, Сёма?

– Шучу, – улыбался он.

И было неясно – может, в самом деле шутит? Может, думал иногда Сторожев, он вообще дурака валяет, таким образом освободив себя от обязанностей жизни? Такого рода добровольных сумасшествий Сторожев, как врач, знал немало.

В их двухкомнатной квартире (Наташе приходилось жить в одной комнате с братом) Сторожеву всегда было нехорошо, неловко. Будто он виноват, что живет один на ста с лишним квадратных метрах, а эти вчетвером на тридцати семи общей, двадцати четырех жилой площади.

– Валерий Сергеевич! – обрадовалась Кира Павловна. – Приехал?

– Опять вы по отчеству?

– Извини. Приехал, значит, Валера? Как съездилось?

Сторожев понял, что Наташа, не желая огорчать родителей, объясняя свое возвращение к ним, сказала, будто он уехал куда-то. Добавила, наверно, что ей одной в квартире страшно. Если это так, то обнадеживает.

– Нормально съездилось, – сказал он.

Вышел Сема, получил шоколадку, поулыбался и скрылся.

Олег Олегович хворал, лежал на постели и издали надсадно кашлял – все громче, словно не был уверен, что услышат. Чтобы знали.

– Надо ему отвару, – сказала Кира Павловна.

Но Олег Олегович ради прихода Сторожева восстал. Пришаркал в кухню, начал кашлять и тут – натужно, с надрывом, сгибаясь на стуле.

– Лежал бы, – сказала Кира Павловна.

– Чаю дай. С мятой.

– Давно готов.

Кира Павловна налила в большую фаянсовую кружку – наверняка личную Олега Олеговича, «отцовскую», как говорят в этих семьях. Такие кружки в Сарынске еще почему-то называют бокалами. Он положил туда пять ложек сахара, начал мешать.

– Приветствую, – решил наконец поздороваться.

– Здравствуйте.

– По какому поводу к нам?

– Просто заехал. Меня не было, вернулся – и...

– И что? За кем приехал?

– За Наташей.

– Олег, опять ты начинаешь? – Кира Павловна предчувствовала нехорошее.

– Я еще не начал. Я его вижу раз в полгода, имею право поговорить? За Наташей, говоришь? А она тебе кто? Гражданская жена? Сожительница?

– Какая разница, Олег? – спросила Кира Павловна.

– Я разве тебя спрашиваю? – поднял на нее глаза Олег Олегович.

Она отвернулась.

Олег Олегович продолжал мешать давно растворившийся сахар. Худые пальцы были обтянуты сухой веснушчатой кожей. Когда умрет, кожа останется такой же, подумал вдруг Валера. И лицо бескровное, бледное, «краше в гроб кладут» – это именно о таких. Сторожеву и у молодых людей попадались лица, которые он почему-то легко представлял мертвыми.

– Жду ответа!

– Я не знаю, что вам ответить, – сказал Сторожев.

– А кто знает?

Сторожев промолчал.

Олег Олегович мешал чай, ложечка равномерно стучала.

Он меня с ума сведет этим стуком, подумал Сторожев.

Олег Олегович отхлебнул – и продолжил помешивать.

– Если ты хочешь мое мнение, – сказал он, – то оно такое: я Наталье сказал тебя бросить.

– Олег!

– Помолчи! Мы никогда ни у кого не одолжались, и ей не позволю. Нашел игрушку – плюнет, поцелует, опять плюнет. Ушла – и правильно сделала, и нечего за ней ходить.

– Кто ушла? Валера уезжал, вот они...

– А ты ее больше слушай! – закричал Олег Олегович.

И закашлялся.

Кашель сгибал его, лицо покраснело.

Наконец прокашлялся, перевел дух, вытер рукавом рубашки выступившие слезы. И вновь принялся мешать ложкой, постукивая.

– Уезжал, ага. Знаем мы это уезжал. Дочь пришла без лица на лице, а она – уезжал, – бубнил Олег Олегович. – Не видишь ничего?

– Все я вижу, – с неожиданной резкостью сказала ему Кира Павловна. – Она так хочет, чтобы было – и пусть! Это ее дело. И его. Разберутся. А ты начинаешь тут следствие разводить – да кто она ему, да чего, да какое там лицо! Поженятся они – легче тебе станет?

– Легче! Потому что я тогда понимаю, в каком статусе моя дочь! Она не молоденькая – подживаться у кого попало.

– Олег Олегович, – мягко сказал Сторожев. – Не обижайте Наташу, она не подживается.

– А что?

Сторожев понял, что говорить бесполезно. Разговор этот никогда не кончится – как не кончится помешивание ложечки в кружке. Захотелось выхватить эту ложечку и швырнуть в угол.

Пора уходить, подумал Сторожев.

Но тут пришла Наташа. Посмотрела на отца, на мать, на Валеру, все поняла, спросила Сторожева:

– Давно ждешь? Поехали тогда.

– Куда это вы? – спросила Кира Павловна. – А ужинать?

– Мы там... Мы потом...

И Наташа торопливо увела Сторожева.

В машине сказала:

– Завернешь за угол, я выйду. К подруге собиралась зайти, вот как раз и...

– Давай поговорим.

– Не хочу. Скажи, из-за чего все? Женщина какая-нибудь мелькнула?

– Нет, – автоматически соврал Валера. И тут же исправился. – Да. Девушка. Ничего не было, просто подумал, что влюбился. Ошибся. Ты правильно сказала – мелькнула.

– Бывает. Так быстро понял?

– Да.

– Наверно, хлопот испугался. Сколько девушке?

– Это имеет значение?

– Двадцать пять примерно? Слишком много усилий. Или она в тебя тоже влюбилась?

– Нет.

– Тебе повезло.

– В смысле?

– Ну, взял бы ее к себе, стал бы жить, как со мной, а потом опять кого-нибудь встретил бы. Вот ты мне рассказывал о своей первой любви, в школе. Раз пять рассказывал.

– Разве?

– Не меньше. Я поняла, что это была единственная девушка, которую ты по-настоящему любил. Но не вышло. Может, и правильно, что не вышло. Не знаю, не мне судить. Но тогда ты был счастливым. А потом нет. Женился два раза не по любви, сам же говорил. По глупости, по случайности. Ты, наверно, понимал, что счастья все равно не будет. Поэтому – какая разница? Это с кем быть счастливым, не все равно, а с кем быть несчастным – все равно. Со мной тебе быть несчастным даже удобно. Признаний в любви не требую, не достаю, на ласки не напрашиваюсь. Мне надоело, Валера. Надоело чувствовать, что ты из-за меня несчастлив, хотя я знаю, что это не так. Надоело чувствовать, что ты все время о ком-то думаешь. Даже не обязательно о ком-то конкретно, а о том, вернее, о той, кто может быть. И опять все повторится – как тогда. Эта девушка похожа на ту твою первую любовь?

– Она ее дочь.

– В самом деле?

– Да. И похожа – один в один.

– И в чем же дело? Ты моложавый, обаятельный, у тебя эта самая. Харизма. Неужели не вскружил девочке голову?

– Даже не пробовал.

– То есть ты ничего не делал? Не приближался? Влюбился издали?

– Поговорили пару раз на общие темы.

– И ты хочешь, чтобы я к тебе вернулась? Чтобы я была под боком, а ты будешь спокойно и с комфортом мечтать об этой девушке? И даже, может, ее представлять на моем месте? А? Фантазия у тебя богатая, почему нет? Глазки закрыл – и вот он, любимый образ. И мне будет тоже приятно – за молоденькую сойду. В темноте, с закрытыми глазами. Это тебе нужно? Держать меня, как резиновую женщину?

– Ты совсем с ума сошла, – сказал Сторожев. – Ты мне как человек нужна. Я это понял. То есть и как женщина, но...

– Не поправляйся, все верно. Нет, Валера, ничего у нас не выйдет.

– Почему?

– Ты лучше меня это понимаешь. У тебя «я-болезнь», а у меня «ты-болезнь». Два больных вместе – зачем? Мне всегда будет мало тебя, я буду это скрывать, но ты это почувствуешь, вот и будем играть в кошки-мышки.

– В эти игры все мужчины и женщины играют. В той или иной степени.

– А я, как все, не хочу. Все, Валера, я пойду.

– Наташа...

И тут Сторожев понял, что именно хочет, чтобы она сейчас ушла. Потому что – права. Потому что не любит он ее, а просто уже привязался. И правильней всего остыть, перетерпеть (как она и советует), побыть еще одному. Он представил, как сейчас вернется домой, разденется до трусов, достанет бутылочку пива из холодильника, завалится на диван перед телевизором. Хорошо, если

сегодня футбол. Он не болельщик, но футбол понимает – и болеет обычно за тех, кто горячее сражается. То есть, как правило, за слабых. Интересно, это добросердечие или самоидентификация? Кстати, когда он рассказывал Наташе про «я-болезнь»? Выпивши, что ли, был, не помнит.

– Что? – спросила Наташа.

Не вышла, спросила. Значит, ждет повторения просьбы вернуться.

Тут спасительно зазвонил телефон.

Павел Костяков. Голос бодрый, веселый, но у Сторожева долгий опыт общения с ним, он понял, что Павел сорвался.

– Очень занят? – спросил Костяков.

– А ты развязал, я вижу.

– Тебя не обманешь. Но лечиться пока не буду, я не для этого звоню.

– Ладно, приеду.

– Я сказал: лечиться не буду. Пообщаться хочу.

– Я же сказал, приеду.

– Больной? – спросила Наташа.

– Да.

– Ты не представляешь, как я тебя уважаю за твою профессию! – вдруг сказала Наташа. – Это такой ужас для нашего общества. А ты всем готов помочь, ты за всех переживаешь, сутками с ними сидишь.

– Приятно слышать, умеешь похвалить. Но это не так. Я к ним равнодушен. Это автоматическое чувство долга. Профессиональное. Чтобы при мне не умерли. А после меня пусть загибаются, мне наплевать.

– Хочешь казаться хуже, чем ты есть?

– Хуже некуда, – сказал Сторожев.

– Ладно, езжай.

Наташа вышла и, таким образом, вопрос о ее возвращении отпал сам собой. Или отложен.

Павел ждал Сторожева с нетерпением. Был он в шортах, по случаю жары, окна все открыты.

– Кондиционеры сломались? – спросил Валера.

– Выключил. Надоела искусственная атмосфера. Хочу пить теплую водку и потеть, как комбайнеры в поле. Ты знаешь, что комбайнер в советское время мог заработать за лето полторы-две тысячи?

– Я в стройотряде восемьсот рублей за два месяца заработал.

– Сравнил! Комбайнер честно косил и молотил, а вам наверняка приписали. Думаешь, не знаю эту механику? Прораба поили?

– Поили.

– Он вам наряды выдумывал?

– Выдумывал. Мы коровник строили, крышу крыли, прыгали с балки на балку, а он нам нарисовал, будто леса строили, а потом разобрали. За одно это рублей по пятьсот получилось.

– Вот! И так во всем! Построили, разобрали, следов нет, деньги заплачены.

– А в твоих бизнесах не так?

– По-разному. Слушай, это скучно. Ты единственный человек, с которым я могу поговорить про любовь.

– Стихи будем читать?

– Не зли. Валера, мне твой совет нужен. Вот смотри, девушка просит о помощи. Мать больная, дом падает и все такое прочее.

– Даша?

– А ты откуда знаешь?

– Ты вроде не настолько пьяный. Я же тебя в эту семью привез.

– А, ну да. Извини. Конечно. Так вот, эта Даша, самая красивая и умная девушка, нет, самая красивая и умная женщина, которую я знал за свою жизнь, просит о помощи. Просит денег. Только это между нами. И говорит. Приготовься, ты никогда такого не слышал. Она говорит: Павел, я прошу у тебя денег и прошу ничего за это не требовать. Но если потребуешь, я на все готова. Ты

понимаешь, да? Она рассчитывала, что я ничего не потребую. Так?

– Да, наверно. Ты же порядочный человек.

– Это твое давнишнее заблуждение, но об этом потом. То есть сейчас, но позже. Я тоже так думал. Что она считает меня порядочным и поэтому... Но все-таки, согласись, девушка современная, понимает, что нельзя ведь на самом деле прийти к богатому человеку и сказать: дай денег, но тебе за это ничего не будет!

– Она для матери просила.

– Знаю. Ты лови мысль. Я ее сам еще не понял, может, ты поймешь. Я тоже думал: девушка от отчаяния попросила. Эта часть мне понятна. Но зачем она мне сразу условия поставила? Смекаешь, нет? Могла бы просто: Павел, дай денег. Точка.

– Но ты же влюбился в нее, – сказал Валера. – Поэтому она не могла оговорить условия. Не могла сделать вид, что не помнит, что ты влюбился и можешь на что-то претендовать.

– Да? Тогда еще сложнее. Хорошо. Нет, не так, ты не прав. Я вот что подумал: можно допустить мысль, что я ей нравлюсь?

– Теоретически.

– То есть можно. Она сама сказала, что нравлюсь. Но у нее гордость. У других давно ни у кого нет, а у нее есть. Она не хочет продаваться. Я тут ей предлагал разные вещи – пожить с ней и даже замуж уговаривал, то есть на самом деле покупал. Она не соглашалась. Теперь следи дальше за мыслью. Продаться она не может. Даже если я ей нравлюсь, она не хочет, чтобы думали, что она вышла за богатого ради денег. Или стала с ним жить. А вот если получится так, что она почувствует, что она должна это сделать, то есть не продаться, а расплатиться, это уже для гордости нет ущерба. Я при этом получаюсь подлец, но это для нее хорошо, она зато – ангел. Понимаешь?

– То есть она хочет, чтобы ты показал себя подлецом?

– Вот! Вот к этой идее я подбирался, а ты помог. Самое то. Мужчины – идиоты. Они ничего не понимают. Я всю жизнь потратил, чтобы хоть что-то понять. Если женщина сама идет навстречу мужчине, она получается виноватой – при любом раскладе. А если ее берут в каком-то смысле силой, она не виновата. При разводах что женщины кричат? Ты мне прохода не давал, ты меня вынудил за себя замуж выйти! Обманул, обхитрил! Благородство – да, хорошо, но, может, Валера, я ее разочаровал? А? Она ждала, что я буду нормальным негодяем: дам денег и воспользуюсь. То есть даже не негодяем, любой нормальный человек в наше время так поступит. А я, лопух, денег дал и не воспользовался. И поставил ее в дурацкое положение. Не сама же она ко мне теперь придет! Неудобно!

Говоря это, Павел то и дело угощал себя крошечными рюмочками коньяку.

А Сторожеву было худо. Девушка, которую он полюбил в кои-то веки (он опять был уверен в своей любви), находится в серьезных отношениях с другим человеком, пока он, Сторожев, хлопает ушами и бесплодно грезит. И эти отношения в любой момент могут стать еще серьезнее.

– Не мечтай, Паша, – сказал он. – Ты Хемингуэя начитался. В теперешней жизни все проще. Слишком ты насочинял. Она поступила не гениально, как ты считаешь, а вполне заурядно. Все они сейчас так действуют. Типа – дай денег, подари машинку. За это, если захочешь, дам. А не захочешь, твое дело. И дают. Легко. Без всякой философии. Ты ее неправильно понял. Она имела в виду: дай денег и не приставай, но, если захочешь, придется с тобой лечь, такова жизнь. Просто лечь, понимаешь? Просто трахнуться – без всякой гордости или там с гордостью, она, я тебя уверю, вообще об этом не думает. Они никто не думают об этом.

Павел выслушал Валеру внимательно. Налил, выпил, сказал:

– Неожиданный поворот. То есть ты считаешь...

– Я считаю, что ей нужны были деньги для важного дела. Любовь к матери, святое. А остальное мелочи. Подлец ты или нет, ей по барабану. И никакой силы она от тебя не ждет. То есть, на самом деле, Паша, у тебя возможность совершить акт христианского бескорыстия: сделать то, чего она не ждет. Она никакого нравственного смысла в свой поступок не вкладывала, поверь мне, я знаю современную молодежь. Ты сам его вложил как человек верующий и, значит, совестливый. За это тебе респект и уважуха.

– Ты только на вере не подлавливай меня, ладно? Я запутался с тобой. Было тоже все запутано, но в целом ясно. А сейчас и в деталях запутано, и вообще во всем. Давай сначала. Главное – я ее люблю.

Это уже речи пьяного, подумал Сторожев. Пьяный всегда сворачивает на свои переживания. Ну-ну, посмотрим.

И Павел, пьянея все больше, начал изъясняться тезисами: понимал, что на развернутые речи его сегодня может не хватить.

Заявив, что главное – его любовь к Даше, он сказал, что хочет быть счастливым. И будет, несмотря на ее желания.

Потом он сказал, что хочет Дашу до того сильно и страшно, что боится за себя.

Потом выразил уверенность, что Даша от него никуда не денется – рано или поздно.

Потом попросил Валеру позвонить Даше и потребовать, чтобы она немедленно приехала. Именно немедленно.

Потом ходил и кричал, что никаких рано или поздно, завтра или никогда. А сегодня отменяет, сегодня он пьян, пьяным он с ней быть не хочет. Кстати, он всегда отказывался от кардинальных мер купирования алкоголизма – «зашивания», всяких там кодирований, а теперь не против.

– Закодируй меня. Сумеешь?

– Никогда этим не занимался и не буду. Строго говоря, нет такого медицинского понятия – кодировать.

– Ну, гипноз или как это еще называется?

– Гипноз – палка о двух концах.*

– Ладно, это мы еще обсудим. Я просто не хочу больше пить совсем.

– Ну и брось.

– Издеваешься? Так, на чем мы остановились?

Не вспомнив, на чем он остановился, Павел вернулся к мысли, что Даша ждет от него злодейства и нехорошо обманывать ее ожидания.

Потом придумал: позвать ее и попросить выйти замуж за любимого человека. За этого ее парня. Она расплачется и скажет: «Паша, как ты мог? Неужели ты не понял, что я люблю только тебя, но стесняюсь сказать, потому что подумают, что я по расчету?»

Потом сделал вывод, что Даша просто расчетливая шлюха, а он все придумал, а она набивает себе цену.

Потом попросил Валеру, чтобы тот, как только Павел произнесет имя Даши, кричал по-английски “Warning”! Что значит опасность. Сторожев сказал, что, насколько он помнит, опасность это «danger». Павел взялся спорить, предложил пари на тысячу долларов. Валера отказался. Павел не принял это в расчет, пошел в библиотеку, принес большой оксфордский словарь.

– Ты прав. Warning – это предупреждение. Близко, но не то. Получи.

Он вынул из секретера тысячу долларов, стал совать Валере. Валера не брал. Павел гневался.

– Ладно, – сказал Валера. – В счет гонорара.

После этого притомившийся Павел подремал в кресле, но вскоре очнулся, выпил подряд две рюмочки и сказал:

– Валера, ты не представляешь, как я ее люблю. Сейчас я тебе скажу главное.

– Разве еще не сказал?

– Нет. Говорю. Валера, я на все готов, лишь бы она была моей. А я себя знаю, если я что захочу, это мое будет. Мне надо только окончательно решить. Я сомневался. А теперь не сомневаюсь. Я ее возьму – в ближайшее время. Понял? И я сотру всех в говно, если кто встанет поперек. Включая тебя.

– Утопишь?

Павел в это время привстал с кресла, чтобы налить очередную рюмочку. Его и Валеру разделял неширокий столик. Павел выбросил руку вперед и ударил Валеру кулаком в лицо. Попал в глаз, очень больно. Валера вскрикнул, закрылся руками.

– Будешь ты еще шутить над этими вещами, сучок! – гремел над ним Павел. – Добавить?

** Что верно, то верно. См. – «Закодированный».*

– Скотина ты, – сказал Валера, прижимая ладонь к глазу и глядя другим. – Ну, добавь.

– Хватит с тебя!

– Ладно, спасибо за гостеприимство, я поехал.

– Куда!? – Павел схватил телефон, заорал. – Шура, никого не выпускать! Предупреди охрану!

Валера сел. Он бывал в подобных ситуациях (хоть и не в таких), он понимал, бесполезно сопротивляться.

А Павел опять разнежился, извинился перед Валерой, подставлял лицо, чтобы тот его ударил, принес влажное полотенце – компресс для синяка, который набухал под глазом.

И опять говорил о любви к Даше, о том, что она очень скоро будет здесь владычицей, о том, что она его любит, хотя не знает об этом. А если и не любит, то полюбит после того, как они с ней станут жить вместе.

Наконец, не утерпев, он позвонил Даше и сказал проникновенно, еле шевеля при этом языком:

– Даша, я тебя люблю. Это все. Ты меня поняла? Я тебя люблю и это неизбежно. Нет, ты не поняла. Я люблю тебя, это фантастика! Я тебя люблю. Все.

И, выронив телефон, он сполз в кресле и тут же заснул. Валера с Шурой перетащили его в спальню, Шура раздел Павла, как ребенка, приговаривая:

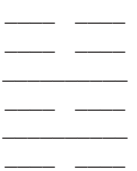
– Одетым спать плохо, весь разбитый бываешь, я, когда одетый иногда сплю, все утром болит. Спи хорошо, Павел Витальевич.

– Он тебя не слышит, – сердито сказал Валера.

– Кто знает, – возразил Шура. – Он не слышит, душа слышит. Моя жена маленькому песни поет, ему три месяца всего. Он что понимает? Он никаких слов еще не понимает. Но он чувствует. А что это под глазом у вас?

– Ячмень.

40. ЦЗЕ. Разрешение

В работе снова будет успех.

Немчинов взял отпуск. Решение написать роман стало крепким, взяться за него хотелось безотлагательно. Дело не в обязанности отработать деньги (хотя и в этом, но только отчасти), а – загорелось сказать самое важное. А самое важное, как представлялось Илье, это фатальная ненужность в наше время, да и предыдущие времена тоже, хороших, чистых, честных людей. Ему хотелось сочинить что-то вроде «Идиота» Достоевского, где Леонид был бы вроде князя Мышкина, но не сумасшедший и не импотент, нормальный мужчина. Вдохновленный переменами, он бросается навстречу ветру времени, разворачивает алые паруса, то есть, конечно, белые, он считает, что поворот к лучшему неизбежен. Но это лучшее вязнет в прошлом. Как вязнет в своем прошлом Ирина, жена брата Павла. То есть она будет не просто женщина, которую полюбит Леонид, а что-то вроде символа. Любовь таким образом станет метафорой эпохи: сначала очарование, влюбленность, горячка, потом предательство любимой, разочарование, смерть. Немчинову заранее было ясно, что смерть сознательная. Не самоубийство, на это герой пойти не может, но попадание в условия, где гибель неизбежна. Он едет на реку. Предчувствия. Едет с братом. Брата будут звать не Павел, а Михаил. А Леонида, к примеру, Матвей. Михаил и Матвей. Старший и младший. В школе были не разлей вода, ходили вместе, их называли «Два М». Погодки. Нет, ро-

весники, даже двойняшки, родившиеся с разницей в несколько минут. Но при этом двойняшки, не похожие друг на друга! Это тоже метафора. Надо уточнить, бывает ли это. Двойняшки, двойники – но абсолютно разные. И это тоже метафора: все мы от одной матери, то есть от Родины, от страны, а получаемся противоположные. Матвей едет к реке, что-то предчувствуя. То есть гибель. Кстати, название – «Река». Прекрасное название. Наверняка такое есть, но неважно. Впрочем, Илья посмотрел в Интернете и удивился – не нашел романа с таким названием. «Река Хронос», «Река Корица», «Река Франкфурт» есть, а просто «Река» – нет. Даже странно.

Итак, «Река». Сами напрашиваются названия частей или глав: «Исток», «Стремнина», «Заводь», «Омут», «Берега», «Обрыв», «Водоворот», «Бакены», «Пристань», «Русло», «Устье»... Этапы любви.

Немчинову не терпелось сразу схватиться и писать, начать этот зовущий текст. Но он удерживал себя: необходимо выстроить сюжет, продумать героев, которые пока в тумане.

Родители Матвея и Миши – обычные люди. Никаких крайностей. Надоели уже эти диктаторы-отцы, буйные алкоголики, и робкие, забитые матери. Обычные, нормальные люди. Он в НИИ электроники, кандидат наук, заведует лабораторией, хорошая зарплата. Она – ну, пусть в библиотеке. Дома – книги. Мать немного играет на пианино – училась в музыкальной школе. Дети растут – обычные дети. Две веселые щепочки в журчащем роднике. Плывут, сталкиваются, не причиняя друг другу ущерба. Поют птицы, кувшинки цветут, плавают на мелководье безобидные рыбки, на которых здесь некому охотиться.

Тут будет просто – Илья опишет свое детство. Его детство было абсолютно счастливым, каким оно всегда бывает в семье, где отец и мать уважают и любят друг друга, где нет мелких склок (а крупных тем более), где дети дружны (как Илья с сестрой, которая вот уже лет двадцать как живет очень далеко, во Владивостоке). Главное в детстве было – ожидание. Ожидание в каждом дне чего-то хорошего. Особенно летом, Илья любил лето. Специально приоткрывал штору, чтобы солнце разбудило пораньше. И утренний свет ложился на подушку, на лицо, грел, Илья щурился, потягивался, нежился. Вставал пить чай. Родители, просыпавшиеся позже, неизменно удивлялись, а Илье было приятно это удивление. И потом весь день ожидание – и исполнение. Ожидание, когда пацаны выйдут играть в футбол – и вот вышли, и вот играют, и я играю. Ожидание – чем там бабушка накормит? Бабушка кормит жареной картошкой с холодным молоком и черным хлебом. Это все очень вкусно. Ожидание – книга, которую начал читать вчера. Ложится, читает. Дремлет. Просыпается. Выходит на балкон, видит – пацаны куда-то собрались. Чуть не проспал! С разгорающейся радостью бежит на улицу, догоняет. Догнал, счастлив. Неважно, куда идут, главное – вместе. Идут на пруд, три километра от дома. Пустяки. Купаются, дурачатся. А вот кто-то приволок большую надувную камеру – наверное, от трактора. Тогда специальных надувных средств было мало, все – самопридуманное. Все лезут на камеру, она переворачивается, опять лезут. Опять переворачивается. В чем смысл игры? Да ни в чем. Просто залезть и полежать на прохладной резине. Правда, резина эта сильно трется в воде, не раз Илья до красноты надирал себе кожу, мама смазывала вазелином. Кожа у него вообще нежная, белая, он быстро краснел на солнце и тут же начинал лупиться. Пацаны просили: «Дай содрать!» И он с охотой подставлялся, ему лоскутами со спины сдирали лохмотья пленки – больновато немного, зато весело, что доставил удовольствие друзьям. Ожидание, ожидание. Отец ушел в отпуск и занялся ремонтом – любил сам делать ремонт. Ожидание, что он позовет клеить обои. Ровно обрезать, расстелить на полу, смазать сваренным клейстером (не горячим! – а то обои высохнут, будут коробиться, морщиться и пузыриться). Отец встает на стул, держит полосу вверху, а у Ильи важная работа – смотреть, чтобы внизу было ровно. Приклеивают и начинают сильно и быстро тереть чистыми тряпками, гонять к краям пузыри. Нет, обои потом, сначала потолок. В ведре разводятся мел и немного синьки, раствор настаивается, процеживается, к шлангу пылесоса «Буран» прикрепляется специальная манжета, к ней литровая стеклянная банка. И начинается побелка потолка, предварительно размытого. Илье доверяют белить, он встает на табуретку и аккуратно водит шлангом туда-сюда, потолок темнеет. Дают высохнуть, белят по второму разу. Он становится ослепительно

белым, чистым, без пятнышка. Если иногда образуются пузырьки (слишком много мела в это место напрыскали), отец зачищает и забеливает это место. А вот потом уже обои. Очень простые – какие можно было достать, но свежие, веселенькие. Потом сложная работа: отец по знакомству добыл ДВП, дерево-волокнистую плиту, большие листы, которые он сначала прибивает по всей квартире поверх деревянного пола (Илья, естественно, помогает), потом красит, все ходят по доскам, положенным на кирпичи, потом отец покрывает покрашенное лаком. И жизнь, без того радостная, кажется радостной заново. Отец доволен и горд, мама довольна, Илья доволен, бабушка хвалит всех, сестра тоже при деле – умея с малолетства пользоваться настольной швейной машинкой (ручка сбоку), шьет шторы – так, кстати, и пошла по этой части, стала технологом на швейной фабрике.

А в августе – ожидание школы и встречи с друзьями, некоторых не видел целое лето. Первого сентября он идет быстрым шагом, почти бежит, цветы в руке для учителей, белая рубашка, новые сандалии (еще тепло). Хлопанье по плечам, рукопожатия, удивление: как все выросли! Дома специально потом смотришь на себя: я-то вырос или нет? А как девочки менялись каждый год, господи, как быстро, как неожиданно они менялись, – и сладкое замирание в животе, ничего еще осознанно грешного, а если и осознанно, то смутно, неконкретно. В старших классах особенно разительно – приходишь и ахаешь: какие школьницы, нет уже школьниц, это маленькие красивые женщины собрались, хоть еще и дурачатся, хохочут по девчачьи, визжат, но глаза все чаще останавливаются, глядя куда-то в пространство: прислушиваются, предчувствуют, ожидают...

Итак, братья растут в мире и радости, не особенно интересуясь, при каком политическим строе они живут. То есть понимая, но относясь к этому как к неизбежности. Как к нелюбимым урокам: выдолбил, ответил – забыл. Или не ответил, получил двойку. Каждый выбирает сам.

Далее. Влюбленность братьев в самую красивую и умную девушку школы. Банально? Ничего. У Достоевского сплошь роковые красавицы, похожие друг на друга своим безграничным коварством, но в результате бескорыстные. Как с конвейера классик их спускал, как кукол Барби, неожиданно сравнил Илья и усмехнулся этому глупому сравнению. И ничего, все равно гений.

Тут Илье тоже ничего придумывать не надо, у него тоже была любовь к Лиле. Утром лететь в школу – увидеть ее. Увидел – и все, счастлив на весь день.

У братьев будет не так. Они уже начнут различаться. Матвей, как младший, узнав, что Михаил любит – как назвать героиню? У Костяковых была Ирина, назовем на ту же букву – Инга. Необычно, но и девушка пусть будет необычная. Илья посмотрел происхождение и значение этого имени. Древнегерманское или древнескандинавское, «зимняя», холодная, рациональная, жесткая, эгоистичная. Подходит.

Инга ничем не показывает, что ей кто-то нравится. Отлично учится, поступает в университет. Братья тоже. Михаил считается уже почти женихом Инги. По крайней мере, все свободное время они проводят вместе.

Наступают переломные времена. Братья, активисты и общественники, они вмешиваются в события. Они оба – комсомольские лидеры городского масштаба. Но если Матвей искренне верит в преобразования, то Михаил очень быстро понимает, что в этой мутной воде можно поймать много рыбы. Он организует какой-нибудь комсомольский бизнес. Тут Илья запланировал разузнать подробности и детали у тех, кто занимался этими самыми комсомольскими бизнесами, сам он в этом до сих пор ничего не понимает, хоть и журналист. К примеру, Михаил берет в свои руки Дом молодежи, устраивает там всякие гастроли. Имеет с этого деньги. Деньги вкладывает еще куда-нибудь. Возможно, свяжется с криминалом. Нет, этого не надо, Михаил чистоплюй. Да и Инга, его невеста, была бы против грязных денег, хотя не против честного воровства, то есть средств, добытых не разбоем, а смекалкой.

И все идет к свадьбе. Братья в конфликте по идейным соображениям.

Напряженная сцена: Михаил выдвигает свою кандидатуру в депутаты. Матвей знает то, что может обрушить карьеру Михаила, мучается. И не сделает ли он это из-за любви к Инге? То есть Матвей чувствует, что у его честных поступков не вполне честная подоплека.

Эта, еще не написанная глава (возможно, назвать ее «Ледоход» – и весна, и опасность), заранее нравилась Немчинову. Он представлял терзания Матвея, попытки найти компромисс и понимание, что компромисса быть не может. Конфликт родственности и долга – и, вдобавок, любви.

И тут эффектный ход: Матвей приходит к Михаилу и уговаривает его снять свою кандидатуру. Иначе придется его разоблачить. Он просит брата не ходить на встречу с избирателями, отменить вообще все. Михаил, естественно, обвиняет его в зависти – в первую очередь из-за Инги. Нет, об Инге он не знает. Никто не знает, это тайна Матвея. Он обвиняет его в братском предательстве. Матвей скажет что-то в духе, что – либо предать город, либо предать брата. Город больше, в нем много людей. Ты вынуждаешь меня сделать выбор не в свою пользу.

Матвей возвращается домой, огорченный, неожиданно встречает Ингу, та хочет поговорить, зовет его в ресторан. В ресторане она советуется, выходить ли замуж за Михаила. Дело в том, что она не приняла еще окончательного решения.

И это опять эффектная сцена! Опять Матвей поставлен в двойственное положение. Почему ты спрашиваешь у меня? – спросит он. Потому что я тебе доверяю, ответит она.

Матвей скажет, что у Михаила есть, конечно, недостатки, например, тщеславие. Но это исправимо. Больше того, она может помочь ему, если, став женой, будет влиять на него. То есть Матвей говорит то, что обязан сказать, но ему плохо, у него все разрывается. Поэтому он выпивает больше, чем обычно. И вдруг Инга поднимается: извини, мне пора.

«Что ты решила?» – спрашивает Матвей.

«Выйти за Михаила замуж. Я и не сомневалась».

«А зачем советовалась?» – удивлен Матвей.

«Я разве советовалась?» – спрашивает Инга. И с усмешкой уходит.

Матвей понимает, что произошло что-то странное.

Он выходит из ресторана, а там уже его ждет милиция. Двое милиционеров. Отделение, протокол, вытрезвитель.

Это Илье тоже знакомо – по молодости и глупости побывал два раза, причем был не в стельку пьян, а просто шел и пошатывался. Один раз взяли в ста метрах от дома. Пытался объяснить – не слушали. В вытрезвителе Илью поразила атмосфера презрения персонала к несчастным, попавшим сюда. Презрение было, можно сказать, атмосферой этого заведения. Ударить, пихнуть, обругать матом, усмехаться, когда человек из-за решетки кричит, что у него плохо с сердцем. Кстати, один из знакомых Ильи так и погиб: у него был порок, стало плохо, кричал, милиционеры успокаивали своими средствами, он не унимался, тетка-врач при вытрезвителе, которой это надоело, смерила ему давление и пощупала пульс. Давление было чуть повышенное, пульс учащенный – но выпил же человек. Ничего, сказала она, пусть отлежится. Он лег и не встал.*

В романе будет так: Матвей трезвеет, бунтует, ему оформляют пятнадцать суток. А потом специально спровоцируют на повторный бунт – и еще пятнадцать суток. И, когда он выходит, Михаил уже депутат.

Каким-то образом Матвей узнает, что его посадку в вытрезвитель организовал брат Михаил. То есть не каким-то образом, а такое ощущение, что Михаил хотел, чтобы он это узнал.

И вот тут будет замечательный эпизод: Матвей приходит к брату и говорит: «Ты рассчитывал, что я тебя возненавижу тебя, прокляну и порву с тобой отношения? Не рассчитывай. Я люблю тебя. Я люблю в тебе кровь наших родителей. Я люблю в тебе то хорошее, что в тебе есть, и что ты сам ненавидишь, пытаешься вытравить».

Михаил отвечает, что пусть братец любит на здоровье издали и не мешает ему.

Матвей все-таки мешает, пусть и опосредованно – он продолжает вести активную общественную жизнь, но у него все меньше сторонников, в результате он останется один и будет считаться кем-то вроде юродивого.

Свадьба. Михаил, конечно, пригласит брата, иначе не поймут родители. Матвей сидит за сто-

**См. «Поход на Кремль».*

лом, не глядя на Ингу. А она, кстати, только в этот момент вдруг понимает, какие чувства испытывает к ней Матвей. Улучив момент, она говорит: «Мне кажется, на этот раз тебе не хватает выдержки. Я угадала?» Матвей уходит от ответа и просит Ингу не допустить Михаила до совершения каких-то совсем черных дел. Она не понимает, у нее смещено черное и белое.

Матвей бросает политику, становится журналистом (впрочем, он и раньше совмещал). Воспаленность, дебаты, эйфория, «разрешено все, что не запрещено», потом – очень быстро – слово «демократ» становится ругательным, превращается в «дерьмократ», трудности, недовольство народа, в Москве ГКЧП, Матвей и кучка сподвижников чуть ли ни подпольно готовят выпуск газеты с обличением путчистов, номер выйти не успел, бунтовщиков скинули... Постепенно приходит понимание новой ангажированности, которая ненамного лучше старой. Поезд уходит, шансы упущены. Отчаяние. Оппозиция – ко всему. Уход из газеты в сторожа. Опять банально, но зато чистая правда, из бывших сокурсников Ильи трое до сих пор сидят сторожами или охранниками. Охраняют чужое добро, причинившее им зло.

Неожиданный поворот: появление Инги. Ошеломляющее признание: она всегда любила Матвея, но понимала, что не построит с ним будущего. Она привыкла к обеспеченности (отец – директор завода), высокому уровню жизни, она понимала, что Михаил ей даст это, а Матвей нет. Но она больше не может лицемерить, она не любит Михаила, а тот стал груб, жесток, даже поднял на нее руку.

Встреч будет три. На первой Матвей будет успокаивать ее и солжет (чтобы не стать предателем брата), скажет, что Инга нравилась ему, но теперь он любит другую женщину. И даже называет ее. Но он не знает, на что способна Инга, она выведывает все об этой женщине, приходит к Матвею и уличает его во лжи. Он признается, что любил и любит Ингу, но именно поэтому ничего не надо менять. Нельзя построить счастье на чужом несчастье. В третий раз Инга приходит и говорит, что Михаил выгнал ее из дома.

Матвей сдается. Ночь любви, счастье. Куда-нибудь уезжают. Какой-нибудь пансионат. Утром Матвей обнаруживает записку: «Прости».

И все.

Выясняется, что Михаил, который стал действительно жестче и грубее, изменил Инге. Ее это возмутило, оскорбило, она захотела отомстить – пусть даже таким жестоким образом. И после этого вернулась к мужу.

Матвей сначала не понимает, пытается откровенно объясниться с братом, тот говорит: «Неважно, кто из нас подлец, а кто ангел. Но любит она меня – запомни!»

Но тут опять поворот: Инга с удивлением понимает, что, пока она была с Матвеем, она по-настоящему влюбилась в него. Ее покорила его мягкость, доброта – полная противоположность тому, к чему она привыкла, вращаясь в определенном обществе. К тому же, от Михаила она не могла забеременеть, врачи сказали, что у нее определенные сложности, она лечилась, а тут вдруг – беременность. От Матвея. Терзания Инги, она советуется с единственным человеком, которому доверяет – с матерью. Мать, сама тайно несчастная женщина (не любит отца), считает, что всегда хотела дочери только добра, но творила ей только зло. Так часто бывает. И она, обрисовав печальные перспективы житья с Матвеем, которого уже весь город считает дурачком, предлагает Инге на выбор или сделать тайный аборт, или сказать мужу, что ребенок от него.

Хм. Индийское кино. Но в жизни так бывает даже чаще, чем в индийском кино. Кстати, индийцы не настолько дураки, чтобы любить неправду. Да, слишком много перепутанных в колыбели детей, зачатий от любовника, злых старых мужей и молодых благородных любимых мужчин, но – «сказка ложь, да в ней намек». И они этого не боятся. Они прекрасно понимают условность формы и чувствуют высокую правду намека.

Инга рожает дочку. Нет, сына. Нет, дочку, Илья знает, какими бывают маленькие девочки, у самого дочь, а с мальчиками сложнее: себя грудного не помнит, а своих мальчиков не было.

Так, так, так. Что дальше? Матвея кто-то должен полюбить. Художница. Талантливая, но бескорыстная. Она понимает его, как никто. Матвей идет к ней навстречу, покоренный силой ее

чувства. Тут появляется Инга и говорит: «Я стала другой. Твоя дочь меня преобразила». Матвей в шоке.

«Что-то надо делать!»

«Ничего не надо делать. Я не могу от него уйти. Если он узнает, что дочь не от него, он меня убьет. Я не фигурально выражаюсь. Он убьет или выгонит и отнимет дочь, я этого не переживу. Я пришла для того, чтобы сказать, что дочь – твоя. И что я тебя люблю. Я хочу, чтобы ты это знал, больше ничего. Прошу тебя, пусть это останется нашей тайной».

После этого, естественно, Матвей не может жить с художницей. Расстается с ней... Она травится, но остается жива. Так Матвей понимает, чем чревата честность. Он понимает, что невозможно сделать добро, не сделав зла, и невозможно сделать зла, не сделав добра.

Тут надо его куда-нибудь отправить. Единственный способ не натворить глупостей – уехать. Куда?

Надо что-то такое, где Илья был сам, для достоверности.

Городок Бузулак, вот где он был в ту далекую пору, когда практиковалось временно укреплять областными кадрами районные газеты. Коллектив там был серенький, возрастной, с закоренелыми амбициями, Илья чувствовал себя не ценным кадром, присланным на подмогу, а практикантом. Первый же его материал редактор-пенсионер, выдающий ежедневно передовицы, отличающиеся чудовищной стилистикой, беспощадно обрезал, сделал из статьи заметку и запихал ее в подвал, рядом с объявлениями. Но это ерунда, главное – атмосфера. Житье на квартире, в ветхом двухэтажном доме, зато в центре. На первом этаже был ресторан, он же днем столовка, по утрам туда на телеге привозили продукты или – праздник для округи – что-нибудь спиртное. Драконовских мер против алкоголя еще не было, но дефицит уже существовал. А в ресторане можно было вечером перехватить стаканчик, который добрые официантки давали без закуски. Расчет простой – с закуской дорого, человек пожадится и уйдет, никакой прибыли, а тут выпьет разбавленного пойла – хоть какой доход. Соседом был полуинвалидный опухший мужчина, который при появлении телеги, обязательно спрашивал у возчика:

– Чего привез, Андреич?

– Всяка гниль! – отвечал Андреич, если продукты.

Или:

– Отраву! – если вино.

– А како вино-то?

Андреич доставал из ящика бутылку, читал этикетку и возглашал:

– «Имбирна»! Настойка!

– И сколько? – голос имел в виду градусы.

– Двадцать семь.

– Это типа «Перцовки», что ль?

– Надо так стать понимать. Попробовашь, скажешь.

– А сам-то?

– Я свое отпил. А то дали бы мне вино возить!

По вечерам Илья скучал в одиночестве. Читал. Гулял по центральной аллее. Город не имел предприятий, кроме хлебозавода, поэтому старожилы занимались огородами и пчеловодством, а молодежь разъезжалась кто куда.

Ранняя осень, красота и грусть, вся аллея усыпана желтыми березовыми листьями. В один из вечеров Илья увидел девушку в длинном кожаном пальто, с длинными светло-русыми волосами, родинкой на верхней губе, с очень красивыми глазами, цвет которых был неопределим. Зеленовато-каре-голубые какие-то. Крыжовниковые. Она шла с подругами. Лет восемнадцать-двадцать (с женским возрастом Илья всегда путался). И на другой вечер встретилась, и еще потом. Какая красавица, думал Илья. Какое милое лицо. Маршруты девушек были одни и те же – к городскому Дворцу культуры, где в один вечер крутили кино, а на другой устраивали танцы. Илья говорил себе: да будь ты смелее, пойди туда тоже. Пригласи потанцевать. Поговори. Не съест же она тебя!

Но так и не решился, а потом подхватил грипп с осложнениями, уехал домой.

В общем, атмосфера провинциального городка есть. Что потом?

Потом его найдет Инга. Выспросит у матери, где он, приедет в Бузулак. Окончательно. Она так не может. Она сказала мужу, что дочь не его. Она хочет жить с Матвеем.

А в комнате Матвея нет горячей воды, да и холодной тоже, все удобства в коридоре, кухня на восемь квартир – такого Инга никогда не видела и думала, что это осталось в далеком прошлом. Матвей устроится работать, попросит жилье, им дадут домик-развалюшку на окраине. Бытовые трудности, Инга не может найти работу, да и не хочет, отвыкла, Матвей работает с утра до ночи, но жить все равно тяжело.

Инга опять исчезает. Записка: «Прости. Нельзя войти дважды в одну и ту же воду».

Размышления Матвея. Да, вода всегда другая. Значит, чтобы войти в другую воду, надо самому стать другим. Его женщина, его ребенок – в руках чужого человека, пусть это и брат. И надо сделать все, чтобы вернуть их.

Матвей возвращается, использует связи с множеством людей, начинает делать деньги.

Поскольку Илья не очень хорошо представлял, как делаются деньги, он об этих будущих главах думал в проброс, пунктиром.

Матвей становится влиятельным, богатым человеком. То есть это будет уже о том, как человек подстраивает себя под обстоятельства. И вот воссоединение с Ингой и дочерью. Но дочь отказывается называть его папой, хоть ей все и объясняют. А Инга с ужасом понимает, что она любила Матвея такого, каким он был раньше. Обязательно будет пронзительная сцена. Илья даже ее записал, благо короткая:

«Михаил?» – не оборачиваясь, спросила Инга.

«Опять путаешь? Ничего, я понимаю, многолетняя привычка», – успокоительно сказал Матвей.

Инга повернулась, посмотрела странным взглядом в глаза Матвею и сказала:

«Да нет. Ты – Михаил».

То есть: Матвей стал таким же, как ее муж.

Тупик.

В финале Матвей едет на рыбалку с братом или один. Нет, лучше один. Зацепляется крючок, он лезет его освободить, Матвея сносит течением (Илья помнит, как это было с ним на Медведице, и как это страшно), он борется, барахтается. Последняя мысль: все логично.

Или нет?

Может, оставить в живых?

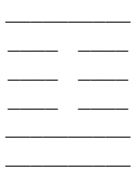
Надо обдумать.

И Илья продолжил в уме сочинять свой роман, боясь сесть за стол – опасался, что первые же написанные слова могут его разочаровать. Он хотел сначала создать книгу, а потом уже написать ее.

Правда, иногда покалывала мыслишка, что он таким способом, громоздким, но приятным, избавляется от необходимости думать о происшедшем на самом деле. Убили Леонида или утонул? Попал Миша Кулькин под машину случайно или его тоже убили?

Ерунда, говорил себе Илья. Этого не может быть.

41. СУНЬ. Убыль

То, что вы сегодня отдаете другим, завтра судьба возвратит вам с процентами.

Гости съезжались на дачу Тимура Саламовича, которая была довольно скромной – как построил он ее лет тридцать назад, так почти ничего и не менял. На шести сотках – обычный двухэтажный домишко из белого кирпича. Внизу кухня – плита с газовым баллоном, раковина с краном. Вода для мытья рук и посуды – из Волги, через садовый трубопровод, а питьевую приходится привозить с собой из города. Рядом с кухней низкая, сырая комната – для инструментов, инвентаря, старых вещей. Помещение было предназначено под гараж, но как раз во время строительства последовал указ о запрещении встроенных в дачные строения гаражей. Этих запрещений Тимур Саламович помнит много. То вдруг доводили до сведения, что дачи должны быть только одноэтажными, вторые этажи будут сносить. Кто-то спешно переделывал незаконный этаж под мансарду, кто-то снес, а кто-то, самый умный, просто плюнул на это известие, сказав: «Пусть попробуют!» И оказался прав – никто дачи не тронул и даже не инспектировал. (Кстати, эти умники поступали подобным образом во всех случаях и почти всегда оказывались в выигрыше: советская власть, грозясь, крайне редко доводила угрозы до исполнения; но цели все же в какой-то мере добивалась – людям робкого десятка и угрозы было достаточно, напугав же их, власть обычно успокаивалась или переключалась на новые задачи, забыв о прежних). Сами участки сперва давали по восемь соток, потом по шесть, по четыре, опять по шесть. Только дачник успокаивался – новый гром среди ясного неба: неважно, сколько у тебя этажей в дачном доме, важно, чтобы общая площадь не больше тридцати шести метров. И тому подобное. Тимур Саламович раздражался, негодовал, критиковал глупость высшего начальства (в своем кругу, конечно), но, тем не менее, уже оборудованный гараж заложил глухой стеной и поставил перед ним для машины навес. Теперь можно бы восстановить, но смысла нет. Это раньше автомобиль был безусловной ценностью, которую стремились обязательно загнать в гараж и запереть на семь хитроумных замков, а сейчас, посмотришь, у всех стоят на улице перед домами, а к возможному угону относятся фатально: или повезет, или не повезет.

Впоследствии Тимур Саламович изменил свое мнение насчет уравниловки.

– Я на них сердился, – говорил он, – а может, они были и правы. Я вот, к примеру, имею совесть и не буду зарываться, хапать лишнее, а другие? Если не бить по рукам, человек сам остановиться не может! Вы посмотрите, проехать по улице уже невозможно!

Он имел в виду, что хозяева участков, стесненные шестью сотками и окруженные чужими дачами, понемногу, на пять, на десять сантиметров отодвигали свои заборы к дороге. Один выдвинет, сосед его ругательски ругает за наглость, но потом – а чем я хуже? – тоже выдвигает, выравниваясь. Начинается цепная реакция. Но кому-то и этого мало, он еще сантиметров на десять подвинется. Другие немедленно подстраиваются под него. В результате дачные улицы стали максимально узкими – еле протиснуться машине. Завидев друг друга, сворачивали в поперечные проезды, чтобы переждать, а пешие дачники вжимались в заборы, рискуя, что им колесами отдавит ноги...

– Или посмотрите, – продолжал Тимур Саламович, – что вокруг понастроили! – У него шесть соток, а дом – на пять! Земли осталось – две грядки посадить!

Действительно, дом Тимура Саламовича был окружен уже не дачными зданьицами, а настоящими коттеджами, причем со всеми удобствами – проводили себе и чистый водопровод, и магистральный газ, оборудовали отопление, жили и летом, и зимой, благо Сарынск всего в пятнадцати километрах.

Тимур Саламович ничего этого не хотел делать, отказывался от предложений дочери и зятя перестроить дом, лично раз в пять лет обновлял обои на стенах, один раз поменял линолеум в кухне, да построил в углу гаража по просьбе Ирины, когда Егор и Рада были детьми, туалет и душ со сливом в яму за внешней стороной стены, глубокую, укрепленную бетонными кольцами на манер колодца.

В саду росли три яблони, уже довольно старые, но еще изрядно плодоносящие и дающие густую тень, одна груша, несколько вишневых деревьев, вдоль изгороди кусты крыжовника и смородины, в углу малинник. Раньше еще были помидорные и огуречные грядки, цветочные клумбы

– когда была жива жена Тимура Саламовича Елена Александровна, после ее смерти Тимур Саламович этой мелочью не занимался, не любил возиться с выращиванием рассады, кропотливой посадкой, окучиванием, но за яблонями и вишнями ухаживал: опылял, белил, обрезал и даже пытался что-то к чему-то привить, но неудачно.

У него была давняя традиция: собирать на свой день рождения гостей здесь, на даче, на свежем воздухе. Клали на козлы доски, покрывали клеенкой, ставили лавки – собиралось в прежние годы до пятидесяти человек. Потом все меньше и меньше. А в последние время – несколько оставшихся в живых друзей, бывшие коллеги по работе, зять, то есть Павел Витальевич, внуки Егор и Рада, больше никого. Но, если уж кого позвал, отговориться было невозможно – Тимур Саламович умел обижаться глубоко и надолго. И, хотя все и так помнили, обязательно предварительно всех за день, за два обзванивал.

Павел, получив приглашение, был вынужден прервать запой, в котором находился уже третий день (Сторожев неотлучно находился при нем), сутки приходил в себя, явился больной, но, как говорил в таких случаях Сторожев, обезвреженный.

Егора Тимур Саламович отдельно попросил:

– Слушай, приезжай со своей девушкой. У тебя есть девушка?

– Зачем? Это же семейный праздник.

– Внук, я тебя никогда не видел с девушкой. Почему? Я надеюсь, ты не гомосексуалист? Извини за такие слова, но тебе скоро тридцать, а ты не женишься. Меня даже один бывший товарищ по работе спросил: почему, Тимур Саламович, у тебя такой странный внук? Красивый, ухоженный, как девушка, ходит в чем-то ярком. Он не гей, случайно? Видишь, мы старые, но в курсе таких понятий!

– Дед, я не гей, я вчера спал с девушкой.

– Вот с ней и приезжай. Мне будет приятно.

Егор не соврал, вчера ночью у него была Яна. Он все больше привыкал к ней, начал находить в ее простодушии и наивности симпатичные черты. Однажды даже возникла мысль: если жениться, то почему не на ней? Гейне был гений, а женился на дурочке, которая даже не знала немецкого языка и не понимала его стихов. Но он всю жизнь был с ней счастлив, значит есть в этом что-то?

Но нет, Яну брать с собой нельзя. Не так поймет. Ввод в семью – почти предложение.

Хотелось позвать Дашу.

Очень хотелось.

И он схитрил: позвонил ей и сказал, что просит сфотографировать одно торжественное семейное мероприятие. Чисто деловое предложение. Правда, если не врать, хочется и пообщаться. Тебя не смутит? Не смутит, ответила Даша.

Они приехали первыми, потом подоспели старые друзья Тимура Саламовича, привыкшие никуда не опаздывать. Даша фотографировала, но Егор посадил ее рядом с собой, чтобы не показалось деду, что она фотограф в роли его девушки. Нет, она его девушка в роли фотографа. Он так ему и объяснил: Даша не расстается с фотоаппаратом, такое у нее увлечение.

– Красивая девушка, – сказал Тимур Саламович, с удовольствием оглядывая Дашу. – Ты вчера был с ней?

– Да.

– Завидую.

Приехала Рада, кивнула гостям и брату, чмокнула деда, вручила ему открытку с его фотографией с виньеткой и надписью «Дед, живи сто лет!». Она за пять минут смастерила ее в фотошопе и распечатала на принтере, а Тимур Саламович всегда говорил внукам, что тот подарок дорог, который сделан своими руками. Раньше были рисунки акварелью, пластилиновые фигурки, салфеточки, теперь проще. Кивнув остальным, Рада села в беседку, увитую виноградом, нетерпеливо раскрыла ноутбук и продолжила работу – сегодня весь день она ведет жаркую дискуссию в своем журнале, набралось уже больше двухсот комментариев. Рада отвечает каждому, вернее, каждой – это сообщество childfree, здесь только женщины, не желающие иметь детей и ненавидящие их, а заодно беременных и детных мамаш. Они называют их свиноматками, овуляшками, а детей

– спиногрызами, опарышами, уродцами и т.п. У Рады никнейм ooooooradar (нули – для того, чтобы быть первой во всех списках друзей, чтобы ее легче было найти, если кто захочет), она участвует также в сообществах лесбиянок, girls only, bliadi, но и в политических, и в литературных, и кулинарных, и многих других, понимая, однако, что, пока она не найдет свою тему, только свою, быстрого роста у нее не будет. Но с нуля тоже начинать нельзя, сначала нужно засветиться, а потом уже раскручиваться в рамках определенной тематики. Проблема в том, что Раду по-настоящему не интересуют ни кулинарные, ни литературные сюжеты, ни мода, как в girls only, ни безоглядный спортивный секс, как в bliadi. Пожалуй, пока тема бездетности ей ближе всего, она тоже не намерена иметь детей, но в этом сообществе свои королевы, высказывающиеся бескомпромиссно и резко, и тут же собирающие кучи комментариев. Например:

«Непонятно, куда мы катимся... Страну спасет не повышение рождаемости, а принудительное вправление мозгов всем размноженцам. Хотите плодиться? Так хотя бы воспитайте своих спиногрызов нормально! Иначе какое будущее нас ждет?»

Или:

«Раньше в метро объявляли: “Уступайте места пожилым людям, пассажирам с детьми и инвалидам”. Теперь последнюю категорию заменили на фразу “и беременным женщинам”. Получается, что по законам математической логики беременные – это инвалиды???? Но самое интересное даже не это. Меня взволновал этот вопрос и немного даже возмутил в какой-то момент, ибо почему, если мне не сто лет, я не на одной ноге и не хронически больна беременотозом и не таскаю малолетних спиногрызов за собой, то мне и уступать не надо место?»

Или:

«Видела, как в торговый центр не пустили к банкомату женщину с велосипедом. И она сказала охранникам – дословно: По какой причине с детскими колясками вы пускаете в торговый центр, а с велосипедами – нет? Велосипед вообще-то дороже ребёнка. Детей делают ПОХОДЯ, а велосипед денег стоит и его выбирают.

Гениально, как вы считаете?»

Или:

«Иду на работу, улица пустынна, я задумалась о чем-то своем. Внезапно чувствую внушительный толчок в спину и голос сзади: “Женщина, подержите ребенка!” В недоумении оборачиваюсь. Некая мадам тычет мне прямо в лицо своего младенца, рядом стоит коляска. “Подержите ребенка, мне постельку в коляске надо поменять. Что, не слышите?” И у мадам, и у ее младенца одинаково бессмысленные глаза. Мне противно даже дотрагиваться до лысого человекообразного существа, мне неприятен запах детеныша (насколько поняла, малый обделался, потому и надо постельку менять). “У меня нет времени”, – бормочу я, поворачиваюсь и пытаюсь уйти. Мадам цепко хватает меня за руку, но я вырываюсь и иду быстро, практически убегаю. Сзади слышу много пакостей в свой адрес. Все, настроение на день испорчено!»

Были и теоретические рассуждения:

«Человеческий зародыш безразличен к боли в течение 24 недель, уверены сотрудники Королевского колледжа акушеров и гинекологов (Великобритания). Результаты двух исследований, проведённых по поручению Министерства здравоохранения, наносят удар по тем, кто стремится уменьшить верхний предельный срок для аборта (сейчас составляющий в Великобритании как раз 24 недели) до 22 или даже 20 недель. Даже после 24 недель трудно говорить о том, что плод испытывает боль, поскольку способность к каким бы то ни было переживаниям у него начинает развиваться только после рождения вместе с памятью и другими человеческими чертами».

Или:

«Стремление родить ребёнка – это не естественная тяга к продолжению рода, а подсознательное стремление слиться с окружающим обществом, социальная мимикрия или же желание обзавестись дополнительной рабочей силой».

Или – простенькое, но программное:

«Железные аргументы против детей. Дети – обуза для среднестатистического неимущего

быдла этой страны. 1. Дети лишают свободы выбора. 2. Дети – визжащие создания, которые орут, срутся и гадят где попало. 3. Дети – поток финансовых проблем. Соски, погремушки, коляски, памперсы, ясли, садики, школы. Все образовательные учреждения хотят нажиться на подсвинках и отжать побольше баблища. 4. Дети – группа риска. Ребенка может соблазнить дядя шоколадкой, в подъезде изнасиловать соседский дед, отжать бабло гопник. Да мало ли. К тому же дитя может поддаться дурному влиянию и начать жарить спиртягу, долбить траву или пускать по вене, стать хиппарем или забить хуйцов на учебу. 5. Дети – не инвестиция. Инвестиция – это то, что приносит доход не меньше вложенного. А тут дохода в материальном смысле как бы нет в большинстве случаев. Рассчитывать на стакан воды в старости бессмысленно – ребенок может укатить или забить болта на престарелое немощное говно. 6. Правительство проводит политику геноцида. Зачем ютиться с орущим созданием в квадрате с бабкой, теткой и папашей? Низкие зарплаты в регионах, отсутствие перспектив, недосягаемость жилья – все это хорошее подспорье для чайлфри, лучше не придумаешь».

Или:

«Дети – собственность государства сразу же после рождения, даже если ты родишь дома, сама кормишь, не водишь в больницу, то есть ГОСУДАРСТВО НИКАК НЕ УЧАСТВУЕТ. Когда я покупаю машину, она моя – хочу сожгу, хочу – разобью. И никто ничего не скажет. Почему я не могу убить СОБСТВЕННОГО ребенка?»

Рада, знающая, что популярность держится на провокациях (и считающая, кстати, что половина childfree никакие не childfree, а только прикалываются, вчера ночью вбросила такой пост:

«Как известно, старость и детство – болезнь. Детство даже больше – старикам разрешают голосовать, а детям нет. То есть справедливо считают их невменяемыми, сумасшедшими, умственно больными. Вчера моя подруга в супермаркете, которой надоело слушать, как два десятилетних онаниста ругаются матом, выбирая какую-то шипучку, схватила одного за ухо и стала крутить (а пальцы крепкие, она бывшая гимнастка). Естественно, отовсюду послышалось: «Этожедети!» Подруга ответила: «В первую очередь они неадекватные психи!» Второй онанист благоразумно убежал, а то бы и ему досталось». У меня две мысли по этому поводу. 1. Почему не разрешить гражданам применять спецсредства против этих неандертальцев? Хотя бы газовые баллончики (с гарантией невиновности – это же самооборона, они не только ругаются матом, они нападают? 2. Почему не ввести правило вызывать милицию и «скорую помощь», чтобы немедленно изолировать буйствующего имбецила от общества? 3. Да, за больными иногда ухаживают дома. Но в клиниках профессионалы и настоящее лечение. Почему бы не открыть сеть детских больничных комплексов (на десятки тысяч человек), где они бы жили, учились, не терроризируя никого, кроме себя? Дорого? Но оно того стоит!»

Посыпались отклики, одобрения, возмущения контрабандой пролезших овуляшек, новые предложения: не ограничиваться газовыми баллончиками, т.к. часто подростки угрожают жизни, применять смирительные рубашки в школах, учителям выдавать электрошокеры, для детей создавать не больницы, а концлагеря.

Рада, посмеиваясь, отвечала всем, развивала тему, спорила, подбадривала.

Уже сели за стол (Тимур Саламович назначил на шесть вечера, значит, должны сесть в шесть вечера, а оттяжек он не признавал), уже выпили за здоровье именинника, уже бойцы начали вспоминать минувшие дни, то есть славную работу на славном предприятии, тут приехал с Шурой Павел.

Обнял тестя, извинился, вручил ударно-кремнёвый пистолет первой четверти девятнадцатого века (Тимур Саламович на пенсии стал коллекционировать старинное оружие; начало коллекции было положено незабвенным кинжалом «Кама», подаренным ему земляками).

Тимур Саламович растрогался, пустил пистолет по кругу, чтобы все рассмотрели.

– Вот делали же вещи! – сказал один из друзей, грузный, лысый, но с черными густыми бровями.

– И мы делали! – возразил Тимур Саламович. – И он делал, – указал пальцем на Павла Витальевича. – А потом ушел в бизнес, в спекуляцию, не сказать больше.

– В производство, если сказать больше, – тут же нашелся Павел.

– Разве сравнить? С нашими деталями люди с Байконура взлетали, на атомных подводных лодках мировой океан рассекали.

– Папа, мы сто раз говорили, – улыбнулся Павел Витальевич. – Где тот Байконур, где тот океан? То есть океан есть и лодки есть, но завода нет. Забудьте.

– Извините! – погрозил пальцем сухой, седой старик болезненного вида, с красными глазами, вдобавок у него потрясывались голова и руки. – Извините, завод есть! Но цеха пустые! А в административные здание понапихали офисов! Я однажды туда попал, иду по коридору – таблички, таблички. И тебе нотариус, и какой-то гербалайф или что у нас теперь впаривают? – и вообще красота: «Интим-товары оптом». И даже список на двери: презервативы, контрацептивы... Навигационные приборы высокой точности сменили на гандоны! Тоннами продают!

И старики горячо заговорили о том, как хорошо было раньше, когда в Сарынске было около двух десятков оборонных предприятий, и как стало плохо, когда вместо них появилась какая-то дрянь.

– На бывшем авиамоторном картофелехранилище устроили! – прогудел возмущенно чернобровый.

– Сто седьмой в супермаркет превратили! – подхватил трясущийся.

Павел их слушал невнимательно. Он, естественно, ничего не пил, но накатил зато запоздалый похмельный голод. Он был рад этому – отвлекало от недоумения. Павел Витальевич не знал ведь об отношениях Егора с Дашей – и что они вообще близко знакомы. А Егор не знал, что Даша близко знакома с отцом. Он тоже почуял что-то неладное, притих, посматривал на Дашу, на отца, ловя их пересекающиеся взгляды.

Насытившись, Павел Витальевич встал и пошел в дачу – как бы отдохнуть. В двери обернулся. Егор сидел спиной к даче, но оглянулся, будто что-то услышал. Павел Витальевич кивком головы пригласил его в дом. Через пару минут, выждав паузу, Егор пошел туда.

Павел Витальевич сидел в прохладном гараже, в старом кресле.

– Как дела? – спросил он.

– Нормально.

– Что делаешь сейчас?

– Ремонтирую театр.

– Специалисты нужны?

– Нашел уже.

– Все сам? Молодец, правильно. А девушка эта, она кто?

– Мне кажется, ты с ней знаком. Ты же поздоровался, когда приехал. И я помню, после спектакля, когда у тебя в доме были, ты с ней общался, куда-то даже ее увел.

– Наблюдательный. Я имел в виду, кто она тебе?

– Я попросил ее пофотографировать.

– И все?

– Не понял, – сказал Егор, садясь на какой-то старый сундук, обитый жестяными полосами. – Тебя вдруг заинтересовала моя личная жизнь?

– Она меня всегда интересовала, – с прорвавшейся обидой сказал Павел. – А вам вот все равно. Вы с Радой совсем отделились от меня. Сдохни я завтра, только обрадуетесь.

– Не говори ерунды. А отделились мы давно. Ты же всегда был занят, мы тебя никогда не видели.

На самом деле Егор и Рада никогда не тяготились отсутствием отца, да и с матерью у них нее было особой близости, им рано хватало самих себя. И все же Егор сказал о нехватке отца – по привычке любой диалог выстраивать драматургически. Люди хотят правильной драматургии: вот причина – а вот следствие, вот драма – а вот конфликт. Отца часто не было дома – причина. Отделение от него – следствие. Объяснять же ему, что на самом деле в жизни все сложнее или проще и причинно-следственные связи не обязательны, – пожалуй, не поймет.

К тому же, в правильной драматургии кто-то должен быть прав, а кто-то виноват, Егор своим высказыванием сделал виноватым отца – понял, что ему этого хочется.

И угадал. Павел Витальевич вздохнул:

– Что верно, то верно. Мой грех. Но разве я для вас не делал все после смерти мамы? Да и до этого?

– Мы очень это ценим. Я серьезно.

– Это ты правильно добавил, что серьезно, а то еще не поверю.

Павел Витальевич потер лоб. Егор чувствовал в его поведении что-то необычное. Неуверенность, растерянность. А может, это просто похмелье – вид у отца нездоровый, наверное, накануне позволил себе.

– Теперь такой вопрос, Егор, – сказал отец. – Только не удивляйся. У тебя с этой девушкой какие-то отношения?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты понимаешь.

– У Даши есть жених вообще-то.

– Да мало ли! И никакой не жених, а так... Парень, бой-френд, сегодня есть, завтра нет.

– Ты владеешь информацией, я смотрю.

– Да, владею. Так вот, сын, вопрос: ты ее любишь? Хочешь на ней жениться?

– Ого.

– Я бы никогда не спросил, если бы это было твое личное дело. Но оно не тебя одного касается.

– А кого еще?

– Меня.

– Ого.

– Опять «ого»! Говорю без фокусов: я эту девушку люблю и собираюсь на ней жениться. Мы с ней общаемся, она не говорила?

– Нет.

– Общаемся пока так... Ну, без всяких... Пока по-дружески... Но она думает над моим предложением. Я помог ее семье, ее матери – не потому, что хочу ее купить, а... Ну, почему бы не помочь семье девушки, которую считаешь невестой?

– А она считает себя невестой?

– Она думает, я же сказал! Она свободна! Но если ты ее тоже любишь, если у тебя серьезные планы, я тут же устраняюсь.

– Благородно.

Павел Витальевич посмотрел на сына снизу вверх, отчего зрачки ушли под веки, а глаза показались белыми, гневными.

– Ты мне, б., поехидничай тут еще! – сказал он. – С тобой о смертельно важных вещах говорят, доходит до тебя?

– А если я действительно собираюсь на ней жениться? Ты в самом деле отойдешь в сторону?

– Да. Может быть. Не знаю. Да врешь ты все, – сказал вдруг отец с явным облегчением. – Уж я-то тебя знаю – врешь, Егорушка. Ничего ты ее не любишь, жениться не собираешься. Иначе ты бы себя по-другому вел.

– Это как?

– Не знаю. Почитай своего Станиславского, он объяснит. Пошли к гостям, а то неудобно.

– Я сейчас.

Егор зашел в туалет, хотя ему было не нужно.

Сел на крышку унитаза.

Стал думать.

Он стал думать о том, насколько ему действительно нужна Даша, насколько он готов перейти дорогу отцу. Ведь если перейти, надо действовать и дальше.

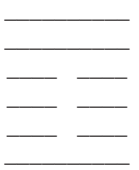
И понял: не готов перейти дорогу, не хочет переходить. Вопрос отца, поставленный ребром, помог Егору понять, что Даша – всего лишь увлечение, необходимое для подогрева честолюбия. Вот для чего в драматургии, в театре нужны острые сшибки персонажей: в конфликте выявляются истинные побуждения каждого. Герой говорит: «Люблю!» Ему говорят: «Хорошо, умри за нее,

отдай миллион, сделай то-то и то-то». И он понимает: не готов. Вывод – не любит.

Ну и славно, успокоился Егор. Есть вещи интереснее. Творчество, только оно чего-то стоит, остальное – преходяще.

Когда он вышел, выяснилось, что Даша уехала с Радой, которая сослалась на срочные дела в городе (на самом деле ее страшно раздражала низкая скорость Интернета, которым здесь была вынуждена пользоваться через мобильный телефон, а сигнал слабенький, да еще и прерывается то и дело, любой сбесится).

42. И. Приумножение

Время благоприятствует выдающимся личностям.

Чуть дальше «Молочки» – село Привольное, окруженное дачами. И в селе, и в дачном массиве обитают люди не бедные, которые, понастроив себе коттеджей, напоминающих небольшие дворцы, сбросились и возвели в Привольном большую, красивую церковь – чтобы не стыдно было сравнивать с окружающими мирскими строениями. Но сохранилась и старая церквушка в другом конце этого большого села, ее посещали лишь местные старухи, привыкшие к своему храму. Там служил священником отец Михаил: епархия сочла, что одинокому человеку и такого прихода хватит. А одинок он был, потому что четверо его детей выросли и разъехались, жена же, матушка Ольга, сильно болела желудком и жила почти все время у младшей дочери в Железноводске, лечась и присматривая за двумя маленькими внучатами.

Людей мало, но службы те же, распорядок тот же, да еще хлопоты по церковному хозяйству, отец Михаил сильно уставал. Церковь ветшала, средства на поддержание были скудные, особенно заботила старая чугунная ограда, треть которой еще в советские времена умыкнул темной ночью какой-то дачник к себе на участок, а прореха была залатана простым деревянным забором. Надо бы починить ограду, а лучше заменить на новую, но с епархиальным управлением, которое могло бы поспособствовать, у отца Михаила отношения не благостные, а богатых жертвователей не имелось – все ходили в новый храм. Там асфальтовая дорога рядом, просторная стоянка для машин, да и пляж неподалеку, удобно: искупался, позагорал – зашел и в церкви постоял, возвращаешься в город или к себе домой отдохнувший душой и телом.

Лет шесть назад повадился приезжать Павел Витальевич, который однажды заглянул сюда и удивился, узнав в отце Михаиле бывшего соратника по комсомольским делам; одно время Михаил даже был начальником Павла, сидя в горкоме. Павел Витальевич обрадовался и тут же назначил отца Михаила своим духовником – то есть попросил таковым быть. Но общение было необрядное, фактически светское, потому что Павел Витальевич заезжал нечасто, при этом не в храм, а домой, поздно вечером или даже ночью и, увы, не раз был при этом пьян. Отец Михаил терпел: Павел Витальевич время от времени жертвовал некоторые суммы, которые все шли на неотложные нужды, но главная мысль отца Михаила была: выпросить ограду. Однако дело это не дешевое, поэтому он все оттягивал, стеснялся. Мешало главным образом то, что он Костякова-старшего, прямо говоря, недолюбливал. Вечно Павел Витальевич то начинал вспоминать советское прошлое, которое казалось отцу Михаилу безвозвратно далеким, ушедшим, будто он там и не жил, то философствовал на религиозные темы, считая, что прочтение Евангелия по диагонали дает ему такое право. И часто разговоры кончались довольно остро, после чего перейти к теме ограды была затруднительно.

Вот и сегодня: отец Михаил уже готовился ко сну – звонок телефона. Увидев, кто звонит, он хотел проигнорировать: дескать, спал, не слышал. Но не выдержал, взял трубку. Павел Витальевич извинился за поздний звонок и просил разрешения заглянуть на полчасика. Был тут неподалеку у тестя на дне рождения, вот и –

Отец Михаил готов был отказать, причем не лукавя – устал, да и все. Приезжайте, дескать, завтра на службу, вы у причастия-то давно вообще были? Но он вспомнил о часовне, недавно построенной Костяковым в здании вокзала, вспомнил свою обиду и досаду при этом известии, вспомнил придуманный деликатный ход: шутливо сказать, что, позаботившись о странствующих, можно теперь немного подумать об остающихся. Ведь если он часовню отгрохал, ограда для него – тьфу. Вот, может, сегодня, не откладывая, и сказать.

– А где вы? – спросил отец Михаил.

– Да возле вашего дома.

Отец Михаил выглянул в окно: действительно, во дворе стоит большая машина, Костяков с телефоном ходит возле нее.

– Зайдите, раз так, – сказал отец Михаил.

Павел Витальевич вошел, отец Михаил, упреждая его возможные порывы насчет благословиться, протянул руку, чтобы поздороваться по-граждански.

Не откладывая, Павел Витальевич объявил:

– Поговорить хочу, отец Михаил.

– Ну, поговорим. Чаю?

– Можно.

Отец Михаил включил электрический чайник, сполоснул заварочный, бросил туда горсть чаю. Павел Витальевич все это время молчал.

Наконец все было готово, отец Михаил сел, разлил чай, придвинул сахарницу и вазочку с сухарями.

Павел Витальевич отхлебнул, обжегся, фыркнул и спросил:

– Скажите, батюшка, если я полюбил девушку на тридцать лет моложе себя и собираюсь на ней жениться, это грех?

– Почему? Гражданский кодекс не запрещает, церковь тоже не протестует. Если женитесь для семьи, чтобы дети были, какой же грех? Она-то хочет?

– Не знаю.

Отец Михаил сразу понял, зачем явился Павел Витальевич: как бы санкцию получить. И, наверное, на что-то не очень хорошее.

Дело обычное: люди окончательно запутались и сами ничего решить не могут. Тут-то, конечно, как раз бы к Богу за советом – а если не веришь? Большинство новообращенных, кого знал отец Михаил, прибились к религии именно из-за этой сумятицы в голове и в душе, причем многие приходят не с верой, а за верой, что вполне объяснимо. То есть приобщаются к обрядности, пытаются одолеть умом то, что не впитано с детства, усилием закрестить некрещеное, надеются, что их осенит, так сказать, в процессе. Кого-то осеняет, а кого и нет. А кто-то бросается изучать Евангелие не для того, чтобы поверить в Бога, а, напротив, отыскав внешние противоречия (дело нехитрое), окончательно разувериться и хотя бы в этом обрести твердость. Не может человек без точки опоры. Мешает и то, что запутавшемуся нынешнему человеку, жаждущему ясности, предъявляют мудрость, облеченную в старославянские словеса, напрочь ему непонятные, как и почти никому из православных, кроме самих священнослужителей. Отец Михаил давно считает, что пора перейти на современный язык (и в епархии о его мыслях знают, отсюда и напряженность отношений), пойти навстречу людям, ему крамольно кажется, что в православной Церкви слишком укоренилась привычка тайно гордиться своим знанием, недоступным большинству, греться мыслью об избранничестве, посвященности, идея Третьего Рима жива, никуда не делась.

А есть ведь люди, которые из-за этого, постояв пару раз на службах, больше не приходят. Они рассуждают, на взгляд отцов церкви, примитивно: ничего не понятно! Но почему бы не учесть?

Отбиваться вечным тезисом: «хочешь понять – вникай»? Но вот однажды отец Михаил ехал в поезде, и один собеседник, неглупый человек технического склада, сказал честно: «Я, батюшка, если чего не понимаю, меня это раздражает, а без понимания я ни к чему примкнуть не могу. Я вот за границу ненавижу ездить – не знаю языков, а учить поздно. Жизни не хватит. Так и тут – не успею я ваш язык выучить и понять, поэтому – извините». И, кстати, в той же поездке другой человек, пожилой, сказал еще интереснее – когда технарь с приятелем ушли в вагон-ресторан: «Я, батюшка, хотел бы в бога поверить, но – боюсь».

«Почему?»

«Я максималист – страшный. Я парторгом был полжизни, я в идею коммунизма свято верил, я был партийней самой партии, жил строго по кодексу строителя коммунистического будущего. Если поверю, это значит – всю жизнь менять. Я себя знаю – в посты ударюсь досконально, начну других осуждать, к попам присматриваться, в общем, церковней самой церкви сделаюсь. Поэтому доживу уж так как-нибудь».

Павел Егорович, возможно, именно из тех, кто пришел в религию не за верой, а за неверием, хотя сам того не подозревает. Неважно. Он в процессе, в пути и, возможно, найдет то, на что не надеялся.

Доли секунды хватило отцу Михаилу, чтобы заглянуть в тот уголок души, где у него хранились эти мысли, одним взглядом осмотреть, вспомнить их, и тут же вернуться в разговор.

– Как это вы не знаете? – спросил он. – Что она сама говорит?

– Говорить она может что угодно. Дело такое: у нее больная мать, очень больная. Я ей помогаю. Девушка сама попросила. И сказала, что готова стать моей женой.

– За помощь?

– Получается, так.

– То есть не по любви?

– Это самый сложный вопрос. Мне кажется, у нее любви ни к кому нет. Все на уровне – нравится, не нравится. Я ей нравлюсь. А потом понравлюсь еще больше, уверен. Мы, кстати, венчаться будем.

Само собой, подумал отец Михаил, как же без венчания – надо же боженьку задобрить. Да и красивый обряд, ничего не скажешь.

– Вы вдовец, насколько я помню?

– И что? Церковь вдовцам венчаться не разрешает?

– Почему? Вдовец свободен, может венчаться. Просто – как люди посмотрят?

– Отец Михаил, при чем тут люди? Это вопрос мой и ее. И больше ничей.

– Божий, – напомнил отец Михаил.

– А, ну да. Извините.

Извиняется, будто забыл у начальника разрешения спросить, подумал отец Михаил. И сказал:

– Если и вы, и она не видите никаких препятствий, то... А с ней мне можно поговорить?

– Боюсь, неверующая она. Если вообще крещеная.

– И что? В церковь же мы пускаем некрещеных, паспортов не спрашиваем. Да и не записано там.

– Не знаю, отец Михаил. Я вот в Евангелии читал: правая рука не должна знать, что делает левая. Или левая. А я, выходит, сам добро делаю, а сам знаю, что не задаром?

– Написано правильно, не должна. В идеале. А в жизни сплошь и рядом знает. Ну и что? У кого-то больше знает, у кого-то меньше.

– У вас, отец Михаил, прямо как у Эйнштейна получается, все относительно.

Раздражаться начал, огорчился отец Михаил.

– Да нет, – мягко сказал он. – Просто не бывает ничего идеального. В Евангелии написано, как должно быть, но это не значит, что оно прямо сразу так и есть. А будете слишком себя шпынять за правую руку, вообще никогда о ней не забудете.

– Что же, и веры идеальной нет? – мрачно спросил Павел Витальевич.

– Она не может быть идеальной или не идеальной. Или есть – или нет. Вы со слабостями не путайте. Я вот верую непреложно, а слабости имею. Курить не могу бросить всю жизнь, иногда

оскоромлюсь, гортанобесие, чтоб ему, водочку иногда...

– Вы извините, батюшка, – сказал Павел Витальевич с призвуками подступающего гнева, – я к вам о серьезных вещах пришел поговорить, а вы про водочку.

– Ладно, о серьезных. Вы сами понимаете, что дело задумали неправильное. Не люблю про похоть говорить, но она вас одолевает.

– Угадали! – сказал Павел Витальевич уже с вызовом. – Но похоть для чего? Плодиться и размножаться!

– Вы уже размножились, у вас дети есть. Вам девушку хочется. Молодую. Думаю, что красивую, даже очень.

– Опять угадали.

– А чего тут угадывать? Машина у вас вон какая. Вы же простенькую не купите?

– Могу себе позволить.

– Вот и к девушке этой вы так относитесь: могу себе позволить. Давайте по-житейски рассуждать: у нее, как я понимаю, материальные проблемы. Вы богатый, хоть и пожилой. Нехитрая ведь история. И ничего в этом хорошего нет. Если бы она в вас действительно влюбилась, сама бы захотела замуж – без всяких условий, тогда да, понимаю. Но вы же сказали: сперва попросила помощи, а потом сказала, что может замуж выйти. А вы начинаете придумывать – нравитесь вы ей, не нравитесь. Девушка стоит перед вопросом, продаться или нет, а вы хотите – чего? Чтобы я вам сказал: покупайте? Не дождетесь, Павел Витальевич.

Отец Михаил сказал это очень негромко, но твердо.

В уме же добавил: «Дурак, а ограда?»

Но, похоже, сегодня до ограды разговор опять не дойдет.

– По-житейски, значит? – хмыкнул Павел Витальевич. – Это я мог бы и к психотерапевту сходить. А лучше – к юристу. Я у вас, как у священника, спрашиваю.

– А как священник я могу сказать: помолитесь, спросите у Бога, откройте ему свои помыслы.

– Ясно. Я так и думал, – сказал Павел Витальевич, причем сказал с удовлетворением.

– Что вы думали?

– Что церковь только успокаивает, а от вопросов уклоняется.

– Это почему?

– Да потому! Помните, я один раз вам всю ночь рассказывал про свою жизнь, исповедовался. И что в гибели людей повинен – сам не убивал и прямых приказов не давал, но точно знаю, и без приказов для моей выгоды мочили людей! Хорошо намеки понимали! И про все другое рассказывал, если помните. А вы что? Велели каяться и молиться!

– А я должен был вас в тюрьму посадить? Не имею полномочий.

– Проклясть вы меня должны были! От церкви отлучить! Толстой вон Лев Николаевич, сколько славы и пользы русскому народу принес, а ему анафема! А я людей грабил – иди с миром, молись, сын мой! Так?

Отец Михаил налил себе чаю, этим действием образуя паузу и давая Павлу Витальевичу успокоиться. Потом медленно проговорил:

– Если вам так проклятия хотелось – сами бы себя прокляли. Ну, не прокляли, а... Да и не исповедовались вы, а хвалились. Вот я какой грешник, а не боюсь рассказать. Не боюсь признаться. Для вас уже это был подвиг, тоже, в общем-то, шаг, но покаяние... И тогда его не было, и сейчас нет. Да еще хотите, чтобы я вам индульгенцию на новое зло выдал.

– Вы так все поняли?

– Извините, если ошибся.

– Как вы можете ошибиться? У вас же православие, а православие это что?

– Павел Витальевич, я третью ночь по четыре часа сплю...

– Успеете, отоспитесь! Православие – это как бы правильно славить? Все не правы, а вы правы?

– Это слишком сложный вопрос...

– У вас все сложно! А на самом деле ничего сложного! Православие, как я понял, это не пра-

вота, а право! Право – славить. Право – считать себя лучше всех. Вы вот мне про машину, а я сказал, что могу себе позволить. Да, могу. Имею право. А вы разве не можете себе позволить? И позволяете, отец Михаил, – считать себя лучше всех! Всех язычников, кто до Христа жил, – в ад! Мусульман – в ад! Буддистов – в ад! Да и католиков с протестантами туда же, они же неправильные христиане! А китайцы? Они вообще неверующие, у них там только какой-то Конфуций, правила жизни и никакого бога! Все полтора миллиарда – в ад? А индийцев миллиард с лишним – в ад? А вы все – в рай? Ну, не все, но хотя бы некоторые. Потому что имеете право, вернее, сами его себе присвоили, можете себе это позволить! Крестовые походы – можете себе позволить! Инквизиция – можете себе позволить! Десятину лупили веками – можете себе позволить! И чем вы в таком случае лучше меня? Да, имею право и могу себе позволить! А если сомневался, то потому, что думал, что, может, это как-то нехорошо с точки зрения веры. Спасибо, отец Михаил, я понял, с точки зрения веры это никак!

– Вы неправду говорите. И сами это знаете.

– А плевать! Имею право и неправду говорить! Вы считаете себя лучше всех, и я считаю себя лучше всех! Спасибо, теперь все ясно. Знаете, отец Михаил, я начинаю думать, что большего вреда христианству, чем церковь и попы, никто не принес!

– Версия известная, – пробормотал отец Михаил, желая, чтобы Павел Витальевич как можно скорее ушел.

И поэтому поднялся – давая понять.

Тот понял, встал.

– Извините, если что не так, – сказал у двери.

И вышел.

Да, все не так. И отец Михаил не так говорил, не так отвечал.

Отец Михаил открыл холодильник, достал бутылку водки, налил в стаканчик, подцепил из открытой банки кусок селедки.

– Прости, Господи! – выпил и с острым удовольствием зажевал селедкой.

Налил еще одну, подцепил еще кусок.

Глядя на него, вдруг подумал: а мы ведь не умней этой селедки. Она в море плавает и думает, что она в море. А море где? На Земле. То есть на планете. Но ей это и в голову не приходит. Вот и мы, плаваем в своем мире – и больше ничего не знаем. Может, другой где-то мир есть и другой бог?

Довел тебя Костяков до атеистических мыслей, поп.

Да нет, глупости это все: мир един, и Бог един.

Надо учиться спорить, доказывать. Но как спорить, если ты говоришь: теплое, а он: нет, квадратное. Что доказывать?

То и доказывать – что и квадратное может быть теплым. Терпеть и продолжать.

Но ограду опять профукал. Жди теперь, когда он опять заедет – если заедет вообще.

43. ГУАЙ. Выход

_____ _____
_____
_____
_____
_____
_____

Может случиться, что из-за собственного упрямства совершите ошибку и оттолкнете от себя тех, кто обычно помогал вам. Вполне возможно, что в этот период вы полюбите человека, которому мало симпатизируете.

Даша позвонила Егору и сказала, что готова показать окончательные варианты афиш и программ. Он даже не сразу понял, в чем дело, успел забыть о своем заказе – это было только поводом для встреч с ней. Теперь не требовалось ни повода, ни встреч, но дело нужно довести до конца. Даша попросила зайти в ее офис. Если Егору не трудно.

Что ж тут трудиться – только улицу перейти.

Офис, то есть фотостудия, то есть теперь «Фотосалон Универсал», как гласила вывеска, был уже полностью оборудован, приведен в порядок, сверкал новизной. Новый сотрудник, то ли юноша, то ли девушка (низко нагнулся – или нагнулась – над клавиатурой, только макушка из-за стойки торчит) работал – или работала – с посетителями, желавшими отпечатать фотографии с различных носителей. Даша сидела за столом у окна, беседовала с девушкой и юношей, раскладывала перед ними альбомы, что-то показывала. Кивнула и улыбнулась Егору:

– Привет, подожди минутку, ладно?

Егор, попадавший в любого рода очереди крайне редко, сел в кресло возле журнального столика, полистал рекламные брошюрки, ознакомился с образцами работ, которые предлагал салон. Торжества, свадьбы, художественные портреты, а также рекламные материалы – с надписями, рисунками, коллажами и всем, что требуется.

Освободившись, Даша подсела к нему, раскрыла папку, начала показывать.

Егора все устроило.

Даша говорила увлеченно, но точно так же, как до этого с молодой парой.

Егора это задевало, хотя ведь сказал же он себе честно, что ничего по отношению к Даше не испытывает. Вот сейчас еще раз конкретно об этом подумал, проверяя себя. Нет, не испытывает. Просто сказывается его любовь к красоте, его эстетизм. Даша листала, рассказывала, Егор вставлял короткие замечания – преимущественно одобрительные. Даже если бы что-то не понравилось, он не хочет продолжать это сотрудничество. Лишнее беспокойство. Даша уронила один листок, гибко нагнулась, чтобы поднять. Егор быстро и внимательно осмотрел ее и вдруг стало так жаль, просто до тоски и до злости (на самого себя), что она окажется чужой, что не ему будет принадлежать, будет не его называть самым лучшим и самым любимым человеком на свете. Даша, чуть покраснев от движения вниз, отряхнула листок, продолжила рассказывать.

– Все отлично, – сказал Егор. – Пора расплачиваться.

– Вон касса, – показала Даша. – У нас теперь все официально. Я даже договор подготовила, чтобы все по правилам. Сдал-принял.

Она положила на столик два листка, Егор подписал, не читая.

– Один тебе, один мне, – сказал Даша, аккуратнейшим движением вкладывая листок в папку. Видимо, все это доставляло ей огромное удовольствие – играть роль взрослой женщины, хозяйки дела, зарабатывающей деньги не как раньше, из рук в руки, а по-настоящему.

Егор медленно складывал свой листок.

Ему очень хотелось спросить, что у Даши с его отцом – не упоминая, конечно, о разговоре с ним. Просто спросить – и посмотреть на реакцию.

– А ты, оказывается, с моим отцом близко знакома, – сказал он.

– Да, а что?

– Могла бы сказать. Помнишь тот вечер? Я мог совершить акт кровосмешения. Или тогда еще ничего не было?

– И сейчас ничего нет. То есть не исключено, что я даже выйду замуж за твоего отца, но ничего нет.

– Ого! Неужели ты мне станешь мачехой?

– Я сказала – не исключено.

– Неожиданно как-то.

Действительно, это было неожиданно. Отец запал на девушку – это понятно. Но очень сомнительно, чтобы Даша запала на отца. Конечно, сейчас не редкость, когда пожилым папикам девушки из-за денег морочат головы. Но Даша не из таких. Или все-таки из таких? Хорошо бы выяснить.

Даша молчала, ждала еще вопросов.

– Ты человек откровенный, – сказал Егор, – за что тебя и уважаю. Это будет брак по расчету или по любви?

Даша не успела ответить – вошла Яна. Со спокойной улыбкой.

– Я думала, ты в театре, а тебя там нет. Решила, что пошел пообедать. Почти угадала, – сказала Яна. – Привет, привет! – улыбнулась она обоим.

Даша, словно желая помочь Егору в этой ситуации, подала ему папку и сказала:

– Все, теперь в кассу.

Он пошел платить, девушки посидели молча рядом.

– Извини, мне работать, – сказала Даша, поднялась и пошла за свой стол.

Яна дождалась Егора.

Они вышли из салона, Егор был такой же, как обычно: ровный и приветливый.

– В самом деле, пообедаем, – сказал он.

Ведя Яну в ресторан, он говорил себе: быть свободным, я нарушаю главное правило своей жизни: быть свободным. Что если все это ерунда и не собирается Даша замуж за его отца, а так, играет в какую-то непонятную игру, что если она в действительности свободна и по-прежнему в поиске (Володя не в счет)? Нужно быть готовым, а он, похоже, все больше увязает в глупенькой историйке, в глупеньком романчике с глупенькой девушкой.

Желание не откладывать освобождение было настолько нетерпеливым, что Егор, как только сделали заказ, сказал:

– Тут у нас с тобой какое-то заколдованное место. Меня тянет говорить, что я думаю. Правда, в прошлый раз тебе не понравилось.

– Смотря в какой форме. Ну, давай. Типа того: Яна, извини, я люблю Дашу. Или нет? Ты не любишь Дашу?

– Я никого не люблю. Включая тебя.

– А то я не знаю, – улыбнулась Яна. – Зато я тебе люблю, тебе мало?

– Много, даже слишком. Я чувствую комплекс неполноценности, потому что не могу ответить.

Яна кивала, будто слышала именно то, что ожидала.

– Что ты головой трясешь? – рассердился Егор.

– Я?! Хотя, может быть. Машинально. Ты просто все усложняешь. Я же не говорю тебе – люби меня. Нет?

– Ну, нет.

– Вот. Я говорю, что я тебя люблю. Это мое личное дело, разве нет? Или ты мне запретишь?

– С какой стати?

– Спасибо. Я тебя просто – ну, ставлю в известность. Сообщаю. Что люблю. И все, и больше ничего. Хочешь – встречаемся, не хочешь – нет. Я никому никогда не навязывалась.

– Ты прошлый раз то же самое говорила, а получилось, что мы оказались...

– Сам пригласил! – перебила Яна. – Егор, родной, не надо совсем уж все на меня переваливать. Сам же пригласил, разве нет?

– Ты все сделала так, что я не мог не пригласить, – сказал Егор и вдруг почувствовал себя полным идиотом. Ну, не идиотом, но каким-то очень поглупевшим. Это было странное ощущение – будто он опьянел, хочет изо всех сил протрезветь, но никак не может перебороть пелену хмеля, застилающую мозги.

Яна рассмеялась:

– Что ты придумываешь? Я же уйти хотела, ты меня остановил!

Жестко, подумал Егор. Надо жестко, оскорбительно. Иначе он не протрезвеет. Может, эта барышня вообще владеет техникой цыганского гипноза, недаром в ней есть что-то цыганистое: волосы черные, глаза темные, большие, как у актрис в индийских фильмах. Правда, играющих служанок, а не героинь.

– Можешь уйти сейчас, – жестко сказал он.

– Да? Это интересно.

Яна не сумела «додержать эпизод», как говаривал Егор на репетициях. Глаза заблестели, губы никак не растягивались в улыбку. Сейчас заплачет.

Нет, не заплакала.

Встала, махнула рукой:

– Ну, пока. Видишь, как все просто, а ты мучился.

И ушла.

Сидеть! – приказал себе Егор.

Он, не привыкший чувствовать и думать за других (театр не в счет, там думаешь за персонажей), увидел так, будто ему подставили камеру наблюдения: Яна быстро спускается, подходит к стене, прислоняется, чтобы не пугать никого, не рыдать на ходу. Уткнувшись в стену лицом, сотрясается. Ждет, когда пройдет. Не проходит. Тогда, закрыв лицо рукой, она бежит к выходу, чтобы найти укромное место, где можно спокойно поплакать. Она мечется, но – центр, везде люди, даже во дворах – машины, старухи, дети, негде поплакать.

Неплохая, кстати, мизансцена, подумал Егор, для какого-нибудь спектакля. Героиня мечется, ей страшно хочется заплакать, но она вынуждена с кем-то говорить, отвечать на звонки, что-то еще делать. Обложили, окружили, везде красные флажки. И в какой-то момент она завоет протяжно и страшно, как волчица. Чтобы зрителей морозом по коже продрало.

Обедая, он полистал еще раз папку с образцами и на этот раз нашел кое-какие моменты, требующие доработки. Конечно, уже оплачено, но есть и приятельские формы работы.

Однако Даши в салоне не было, а вот черновласый друг ее торчал – снимал с себя сумки и футляры с объективами. Как снайпер после выполнения боевого задания, сравнил Егор и попенял себе за такое поверхностное сравнение.

Нет, он тупеет не по дням, а по часам. Может, куда-нибудь к морю, отдохнуть? Взять стройную глупую блондинку – и...

Впрочем, раз уж так, то можно и Яну взять, хоть и не блондинка. Но зато в сексуальном плане вполне устраивает. Однако обязательно сказать ей без всяких фокусов – на каких условиях, зачем и почему. Секс-тур в своем роде. Оскорбится – ее дело. Даже лучше, если оскорбится. Может, прав его московский друг по кличке Вопель, когда говорит, что если уж иметь дело с женщинами, то исключительно за деньги?

Даша заехала сначала в больницу к Лиле, побыла у нее час, а потом отправилась домой, то есть на квартиру Коли. Она бы и дольше была с Лилей, но та сама прогнала ее:

– Иди, иди, накорми Колю, а то он, наверно, весь в своем ремонте. Странное дело, Дашка, когда была дома, могла с тобой сколько угодно разговаривать. А тут не знаю, о чем. Такое место – больница. Но мне уже лучше, ты видишь?

– Намного.

– Давайте, заканчивайте там и забирайте меня отсюда.

Коля делал ремонт в квартире старым советским способом, то есть собственноручно. Цены, которые ломили бригады ремонтников (их люди целыми днями стояли в ряд у рынка с табличками на шеях, будто на невольничьем рынке) Коля счел бессовестными – впрочем, такими они и были. Нехитрое дело, решил он – побелить потолок, наклеить обои, выложить плиткой кухню и туалет с ванной. Единственное – неудобно в одиночку, где-то надо кому-то подержать, где-то подать. Коля нашел выход – завербовал соседа-школьника Витька, который перед последним классом болтался без дела; естественно, он согласовал с родителями, оговорил размер оплаты, они были только рады. Да и Витек был не прочь подработать денег. Правда, он не мог проснуться раньше одиннадцати часов утра (родители, однако, говорили, что это ничего, до этого он все каникулы вставал в три-четыре часа дня), к вечеру его ждали друзья по важным делам (погулять то есть), мог иногда и днем исчезнуть, а потом оправдывался.

Сегодня Витька не было, зато был Сторожев. Голый по пояс, напяливший Колины старые

штаны, он шпаклевал стену. При появлении Даши смутился, накинул рубашку на рыхлый свой торс, отвернулся, застегиваясь.

– Проголодался? – спросила Даша Колю.

– Да нет, мы тут... Я макароны сварил с сыром – что еще нужно?

– Ладно. Чем помочь?

– Да ничем, вон, Валерий Сергеевич мне сегодня помогает. Справляемся. Хорошо получается, правда?

Даша прошлась по квартире. Две комнаты были уже готовы, третья расчищена для ремонта.

– Совок, – сказала Даша. – Так я и думала: все в коричневых тонах.

– Не в коричневых, а бежевых, – возразил Коля. – Спокойные оттенки, все нормально. А ты что хотела? Красные круги и черные квадраты? Кстати, это вот комната будет твоей, я там ничего не делал пока. Нарисуй, что ты хочешь, сделаю.

Даша заметила, что при этих словах Сторожев взглянул на Колю как-то странновато. А что такого было в словах Коли? Ничего такого не было в словах Коли, кроме слов «комната будет твоей». Почему же такая реакция? И почему вообще у них такой вид, будто они о чем-то говорили, а Даша их прервала? Могли бы продолжить – не продолжили. Значит, разговор ее касался?

– Пойдемте, кофе выпьем, я сварю.

Даша сварила кофе в турке, разлила по полчашки – черный, непрозрачный.

Сторожев отхлебнул и отставил.

– А то ночь спать не буду, – сказал он. – Повышенная возбудимость.

– А я могу даже на ночь пить, – сказал Коля. – Давление низкое, так что мне по фигу.

– Все равно это не кофе, а бурда, – сказала Даша, рассматривая пачку. – Надо будет нормальный купить.

– Сейчас, я слышал, можно говорить – нормальное, – сказал Сторожев.

– Сейчас все можно, – отозвался Коля. – Время такое – эрозия языка, отношений, всего.

– Как интересно вы говорите, – сказала Даша. – Заслушаешься. Наверно, все время об этом и говорили, да?

Коля и Сторожев переглянулись.

– Я же говорю – страшно умная, – вздохнул Коля.

И, поставив допитую чашку, словно без этого не мог начать серьезного разговора, сказал:

– Даша. Валерий Сергеевич мне тут кое-что рассказал. Это касается тебя. Валера, повтори, пожалуйста.

– Ты и сам можешь, – уклонился Сторожев.

– Хорошо. Не стихи, в самом деле, запоминается легко. Валера был у Костякова, у Павла Витальевича, лечил его от очередного запоя. И тот, можно сказать, проговорился. Валерий Сергеевич никому бы не стал рассказывать, но тут дело касается конкретного человека. Тебя. Короче, он собирается тебя... Ну, как бы это... Захватить, взять. Сделать своей собственностью. Причем любыми способами. Ни перед чем не остановится. А Валерий Сергеевич давно его знает, поэтому отнесся серьезно. Не знаю, что тебе говорил сам Костяков, вы же встречались, как я понял?

– Интересно, ты только сейчас это понял? А деньги на лечение Лили, а квартиру тебе помогли освободить – это кто? Ты не знал?

– Я знал, но я думал – человек просто хочет помочь.

– Все, что он сделал для Лили и для тебя – по моей просьбе.

Сторожев молчал. Ему было это известно, но Коле об этом он не стал рассказывать. Просто еще не успел, потому что пришла Даша. Но собирался.

– И как ты его просила, интересно?

– Очень просто. Дай, говорю, денег.

– Что значит – дай? Вы с ним на ты, что ли?

– Конечно. И он предлагает мне выйти за него замуж. Без всяких насилий.

– А ты?

– Возможно, соглашусь.

– Ты понимаешь, как это выглядит?

– Понимаю. Ну и что?

Сторожев не выдержал, вмешался в разговор:

– Даша, это не мое дело, конечно, но я друг твоего...

– Отчима, отчима, что вы стесняетесь?

– Ну, может тебе это слово не нравится?

– Вы дальше, дальше.

– Дальше. Мы понимаем, ты не хочешь оставаться в долгу. Тебе неудобно – или какие-то другие причины. Неважно.

– Как раз важно. Я действительно не хочу оставаться в долгу.

– Постой, – сказал Коля. – Значит, он дал денег и помог, но поставил условие, чтобы ты стала его женой, так?

– Нет. Никаких условий он не ставил.

– Да это само собой имеется в виду! – сказал Сторожев. – Дашенька (и мгновенно потеплело в душе от возможности так назвать ее), ты не знаешь этих людей! Когда они что-то кому-то делают, то даже не говорят, что им теперь должны, это само собой подразумевается!

– Вот и хорошо, – сказала Даша. – Значит, отдам долг.

– Мы это обсудили, Даша. Валерий Сергеевич хочет выручить. У него есть сбережения, у него...

– Не хватит его сбережений. Я с врачами говорила, да ты и сам знаешь, нужны большие деньги. Лечить, поддерживать, как получится, все равно – большие. Очень.

– Я продам свой бизнес, свою клинику, – сказал Сторожев. – Она мне все равно надоела.

Это было правдой, ему дано уже хотелось освободиться от этой обузы, хоть и приносящей доход. Слишком много и часто теребят, требуют – и сотрудники, и пациенты, и различные проверяющие органы. Уйти в свободное плавание, быть востребованным частным наркологом – и все, больше ничего не надо.

Одна тонкость: трудно организовать бизнес, но еще труднее бывает от него избавиться. Вот один из его бывших сокурсников, Пряников, всю жизнь мечтал открыть стоматологическую лечебницу – небольшую, но высокого класса, дорогую, с современной аппаратурой, с высококвалифицированными врачами. Завел. Был счастлив. Но очень быстро разочаровался. Высококвалифицированные врачи, несмотря на хорошую оплату, норовили сунуть деньги пациентов мимо кассы в свой карман, арендная плата росла чуть ли ни каждый месяц, равно как и коммунальные счета за воду, свет, канализацию. А стоматологические материалы, препараты и прочая бесчисленная мелкая дребедень, включая бумажные салфетки, тоже дорожают, протезисты и зубные техники, у которых своя мафия, задирают поднебесные цены. Пряников-то думал: вложусь раз в жизни, а потом буду получать скромный пожизненный навар, сидеть в прохладе дома этаким рантье, смотреть любимый футбол и чесать голые пятки. Не до футбола было и не до пяток. Оборудование ломалось, персонал, хапнув по-быстрому, уходил, чтобы не успели поймать, инспектора и проверяльщики наглели, даже кондиционеры почему-то ломались каждую неделю, будто их кто-то нарочно выводил из строя. Пряников попробовал поставить управляющего, солидно назвав его главврачом, тот взялся за дело ретиво, через месяц выяснилось, что прибыли у Пряникова ноль, а еще через два – что он задолжал своему банку. Главврач объяснил, что это издержки реорганизации, шаг назад, чтобы потом сделать два шага вперед. Пряников расстался с ним, оставил минимум персонала и вот уже второй год продает клинику. И никак. Пряников, всегда отличавшийся косноязычием, при встрече объяснял Сторожеву:

– У кого есть деньги, для них это не бизнес, у кого нет денег, для них дорого. Кому это надо, тот купить не может, а кому не надо, тому не надо. Понимаешь?

Даша встала к плите, чтобы сварить еще кофе.

Не оборачиваясь, спросила:

– То есть, это вы взаймы даете или как? Или хотите меня у Павла Витальевича перекупить?

Коля возмутился:

– Ты не сходи с ума, человек от чистого сердца!

– А может, и ты в долю войдешь? На двоих приобретите меня. Потом как-нибудь поделите. В зависимости от доли. Одному ноги до пупка, другому от пупка и выше. А?

– Прекрати! – прикрикнул Коля – строго, не церемонясь, по праву родственника.

Даша и сама себе удивлялась – с чего это ее так повело?

Что значит, с чего, ясно, с чего. Она сама себя загнала в угол. Костякова пальчиком подманивала, играла, не послала его сразу, куда надо? Подманивала, не послала. Деньги у него взяла? Взяла. Да, на лечение Лили, но это уже второй вопрос. Верила, что он в самом деле просто так даст и ничего не потребует? Не верила. Хитрила, наплела вокруг и около, а сама-то все понимала, конечно. Но чем эти лучше? Или она не знает, как Коля на нее смотрит, что думает (а не так давно прорвалось открыто, пусть и по пьяному делу)? Не знает, что нарколог этот, болеющий «я-болезнью», так слюной истекает, что лишний раз боится рот открыть – на грудь прольется?

И то, о чем она говорила уже не один раз и не одному человеку – что, может быть, выйдет замуж за Костякова, оказалось примеркой, приближением к решению, которое она, возможно, давно уже приняла. Ну, как давно, неделю или полторы назад. Для нее это – давно, у нее не такое время, как у других людей (Даша так считала).

Она налила кофе себе и Коле, спросив Сторожева вежливо и ровно, будто ничего не было:

– Вам не предлагаю?

– Нет, спасибо.

Коля – обдумав, наверное, очень тщательно, слова, которые скажет, начал:

– Даша...

– Не надо, – попросила Даша. – Я обо всем подумала. Вы забыли спросить, между прочим, как я вообще к нему отношусь. Так вот, отношусь хорошо. Он мне нравится.

– Не верю, – сказал Коля.

– Твое дело.

А Сторожев думал о том, что он должен реабилитироваться. Девочка, конечно, по сути угадала: он хотел бы ее перекупить. Но никогда этого не сделает. Не потому, что денег не хватит – смелости не хватит. Однако, Сторожев не хотел согласиться с собственным этим признанием. Нет, не смелости, а совести. И не не хватит, а как раз хватит. Он бы не стал пользоваться. И ему неприятно, что Даша о нем так думает. Но, чтобы она поверила в чистоту его помыслов, он обязан быть откровенным. И он сказал:

– Даша, я не буду скрывать, ты мне очень нравишься. (Коля удивленно глянул на него.) Больше того, я в тебя несколько дней был даже влюблен. В этом ничего особенного, бывает. Ведь правда?

– Правда, – ответила Даша.

То ли в поддавки играет, то ли ей просто неинтересно со мной нормально говорить? – подумал Сторожев. Но продолжил:

– Мелькнуло, как говорится, и прошло. У меня любимая женщина, мне с ней хорошо и... В общем, нет у меня причин на тебя покушаться. И желания, извини. Но Коля – мой друг. А Лиля – женщина, которую я когда-то очень любил. Я хочу помочь не им, а тебе. Но ты в каком-то смысле их часть, поэтому и тебе. Если ты веришь в это, тогда... Ты веришь?

– Верю.

– Тогда скажу главное: Павел Витальевич Костяков – страшный человек. На его совести столько искалеченных судеб, что...

– Все мы кого-то калечим, – сказала Даша, подумав о себе и о Володе. – По-другому не бывает.

– Согласен, – сказал Сторожев, мельком подумав о бывших женах и померших на его руках больных, – но смотря какой масштаб.

– Сейчас он ничем таким не занимается, – сказала Даша.

– Это он тебе так сказал?

Даша не ответила. Сторожев понял, что она не хочет разговаривать на эту тему. Возможно, ей просто все равно. Она же совсем еще юная, того прошлого, когда Костяков-старший вовсю злодействовал, для нее нет, ее там просто не существовало.

Повисла пауза. И Коля хотел что-то сказать, и Сторожев, но что именно – не могли сообразить.

Даша этим воспользовалась, встала:

– Ладно, пойду. К Володе.

– Вот! – обрадовался Коля этой подсказке. – Ведь ты Володю любишь же!

– Нет. Мы дружим. И потом, почему вы считаете меня лучше, чем я есть? Вы как-то, дяденьки, про материальную сторону забываете. Я хочу сделать карьеру и стать классным фотографом. А настоящая аппаратура стоит огромных денег. Я хочу переехать в Москву, создать журнал о фотографии, – на ходу придумала Даша и тут же в это поверила. – Я хочу иметь приличную машину, как у вас, Валерий Сергеевич. Жить в хороших условиях. Ни в чем себе не отказывать. И своим детям, когда будут. Володя мне этого не обеспечит, вы тоже. А Костяков обеспечит.

– И все? – спросил Коля. – Так примитивно?

– Да, представь себе. Я свободный человек? Я имею право выбрать примитив? Вот я его и выбираю. А потом, кстати, Коля, это чтобы ты совсем успокоился, жить я с Костяковым буду года два, вряд ли больше. Он предложил контракт заключить – как честный человек. Так что я не продаюсь, а сдаю себя в аренду.

Даша пошла в прихожую, но вернулась, сказала Коле:

– Пожалуйста, не делай ничего в моей комнате. Буду я в ней жить или нет, но пусть будет хоть одна нормальная комната, ладно?

После ухода Даши Коля и Сторожев довольно долго молчали.

Потом Коля сказал:

– Вот так живешь рядом и не знаешь человека совсем.

– Мы и себя-то не знаем, – успокоил Сторожев.

– Иди ты на х. со своей мудростью, психолог! – взорвался Коля. – П...ж это все! Прекрасно мы себя знаем, только вид делаем, что не знаем! Извини... Кажется мне, Валера, что она врет. Или накручивает. В любом случае надо все сделать, чтобы она не досталась Костякову. У меня такие предчувствия, что просто душа разрывается, я серьезно.

– Надо с Немчиновым посоветоваться, – сказал Сторожев.

– Зачем?

– Ну, он же книгу пишет про Костякова. Может, нарыл уже что-то. Ему же, паразиту, в тюрьму надо, а не на брачное ложе! Невзирая на давность лет!

– Это идея, – сказал Коля. – Надо с ним встретиться, поговорить.

44. ГОУ. Перечение

_____
_____
_____
_____
_____
____ ____

Хорошо, если характерной чертой вашего нынешнего поведения будет сдержанность.

Дубков ел, пил и спал урывками – писал поэму, потрясенный масштабом собственного замысла. Сначала он назвал поэму «Россия воровская», но решил, что это слишком в лоб. Зато с первых же строк, осенивших его в начале работы, стал вырисовываться символический образ корабля.

Вступление было размашистым, звучным:

Океанский корабль на просторах болот,
А, вернее, ковчег о двенадцати палубах,
Он трубит, но при том никуда не плывет,
Только волны в конвульсиях валовых.

На нижнюю палубу Дубков поместил топливо и выразил парадоксальную мысль о том, что данное нам благо может обернуться нашей погибелью:

Там наша энергия, уголь и нефть,
Но сыплют и льют мимо топок.
И будет страшна истощения месть:
Ковчег без движения – топок.

Вторая палуба: работяги, кочегары:

В грязи, в рванине и в поту –
Лопатами махают.
А в ту ли сторону, не в ту
Плывем? Они не знают.

Третья палуба: прорабы.

Рабы – не мы. Прорабы мы.
Мы боцманы матросов.
И трюмы пусть мрачней тюрьмы,
Плати – и нет вопросов!

На четвертой палубе Дубков устроил кухню и прачечную с обслуживающим низшим персоналом, на пятой поселил официантов и белошвеек – обслугу почище, на шестой охрану, которая защищает верхние палубы от нижних, если взбунтуются, на седьмой мелкое начальство, на восьмой деятелей шоу-бизнеса, а в отдельном отсеке – предателей из числа творческой интеллигенции. Кто будет на палубах с девятой по одиннадцатую, он еще не решил, а на двенадцатой, само собой, власть. Финальные строки у Дубкова были уже готовы.

И гордо реет триколор,
И веет вентилятор.
На рубке капитанской ор.
«Вперед!» – кричит оратор.

«Назад!» – другой вовсю поет.
«Направо!» – третий стонет.
Корабль стоит среди болот.
И тонет, тонет, тонет.

Чтобы не сбить себя с вдохновения, Дубков почти не говорил с женой, не отвечал на звонки, а потом и вовсе выключил мобильный телефон. По городскому отвечала Татьяна, всем отвечая, что Вячик уехал. Но вдруг постучала негромко в дверь:

– Извини, это Максим Витальевич!

Татьяна понимала, кому невозможно сказать неправду. Дубков тоже понимал, что Максиму придется ответить. И, схватив трубку, сказал:

– Здравствуйте, все идет своим чередом, работа движется, не беспокойтесь.

И вернул трубку жене.

– Как бы не вышло чего, Слава, – вдруг сказала она.

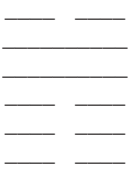
– Чего это ты? – удивился Вячик. – Иди-ка, приготовь чего-нибудь поесть, чтобы долго не возиться. Яичницу, что ли.

Татьяна ушла, а Вячик почувствовал что-то вроде легкой тревоги.

Тряхнул головой: все он успеет. Но сначала закончить поэму. Может быть, это кульминация всей его творческой жизни? Как «Двенадцать» Блока.

Но кто же все-таки у нас на девятой палубе?

45. ЦУЙ. Воссоединение

Вас преследует женщина.

Лиля ждала.

Обход в девять часов, а сейчас только восемь с минутами.

С двумя минутами.

На стене комнаты – круглые большие часы.

То есть это не комната, а палата – больница же.

Но Лиля мысленно называет – комнаты.

На стене комнаты – часы.

Типично казенные часы, не имеющие никаких признаков индивидуальности: металлический ободок, белый циферблат, прямые, без фокусов, арабские цифры (Лиля, кстати, терпеть не может на часах римских цифр).

Лиля почему-то любила видеть время, везде, где она жила, в каждой комнате были настенные часы. Зачем? – ведь никогда никуда не спешила, никого ни к какому часу не ждала.

И вот – пригодились.

Стены выкрашены в фисташковый цвет, висит фотография: березовый осенний лес. Это Дашина фотография, Лиля ее любит, вот Даша и принесла, и повесила.

Три минуты девятого.

Интересно, есть ли у Лили чувство времени?

Она посмотрела на секундную стрелку, поймала ритм: раз-два-три...

Закрыла глаза, начала считать в уме: раз-два-три... Пятнадцать... Тридцать... Шестьдесят.

Открыла глаза: стрелка прошла только пятьдесят секунд.

Ее минута на десять секунд короче?

Почему?

Она торопится?

А как было раньше?

Надо будет еще попробовать – интересно.

В девять придет лечащий врач – Ада.

Первый раз она появилась в сопровождении группы врачей, Лиле было плохо – от переезда, от смены обстановки, вообще – от всего. Это было не здесь, в приемном отделении. Ада склонилась над ней, спрашивала что-то, Лиля, ничего не понимая, сказала:

– Вы красивая, как сама смерть.

Ада улыбнулась и повторила вопрос: хочет ли она быть в отдельной палате или с кем-то? Кто-то не выносит одиночества, а кто-то наоборот.

– В отдельной. Я привыкла.

В этом отделении клиники есть, как узнала Лиля, не просто отдельные палаты, а целые апартаменты, но она хотела именно такую комнату – маленькую.

Ада действительно была очень красивой. Наверное тем, кто ее впервые видит, сразу же приходит в голову мысль: что она тут делает, какая больница, зачем? Ей актрисой быть, для обложек журналов сниматься, элитную парфюмерию и косметику по телевизору рекламировать.

Но Ада с детства хотела быть врачом – и стала врачом.

Кандидат наук, между прочим.

С такой внешностью не побеждают на конкурсах красоты – черты лица, если приглядеться, неправильные. Вырез глаз вообще почти азиатский, хотя глаза голубые. Но при этом общее впечатление фантастическое, потрясающее (думала Лиля гламурными словечками, посмеиваясь при этом над собой). Марсианку, Аэлиту, вот бы кого ей сыграть, если бы захотела быть актрисой. Инопланетное лицо, хотя при этом абсолютно человеческое. Особенно когда смотрит на тебя.

Сколько этих взглядов видела Лиля, когда заболела. Сквозь, мимо, поверх, косвенно, исподлобья.

А тут точно понимаешь: Ада смотрит тебе в глаза и видит тебя, Лилю, и думает о тебе. О твоей болезни.

Уже во время третьего посещения Ады они немного поговорили не о болезни, а вообще. Лиле очень не хотелось ее отпускать, она спросила:

– Вас, наверно, уже замучили, извините, просто страшно интересно, вы кто по национальности?

Ада рассмеялась:

– Во мне черт знает что намешано: польская кровь, еврейской немножко, татарской. Мои предки были люди беспокойные, никто не женился на своих.

– А трудно, наверно, когда на вас все время смотрят? Ведь смотрят же?

– Когда как. Иногда раздражает. Вы сами должны это понимать, вы тоже красивая.

– За «тоже» спасибо.

– Я не хотела вас обидеть, – спохватилась Ада. – Просто – я же вижу.

– Видите то, кем я была?

– Ничего, вы и сейчас в порядке.

Это «в порядке» Лилю почему-то сразу успокоило. Если бы сказала: «отлично выглядите», или «красавица» или еще что-то в этом духе, было бы неприятно. Ада нашла самое лучшее слово – и свойское, даже немного фамильярное, и ободряющее, и не чересчурно хвалебное. В порядке, подруга, ты в порядке, говорила себе Лиля потом целый день, и улыбалась.

В следующий приход Ады сказала:

– Вот человек как устроен. Раньше я думала: лишь бы не было боли, остальное вытерплю. Очень устала от боли. А сейчас боли почти нет, так мне мало этого, мне еще чего-то хочется.

– Чего именно?

– С вами поговорить.

– Не сейчас, хорошо? Я после восьми загляну к вам.

И сказано было опять очень точно – в самую меру. Не поблажка или снисхождение, не выполнение врачебного долга виделось за этим, а простой отзыв на простое желание – пообщаться.

Каждый раз, когда Ада входила в комнату, Лиля удивлялась, будто впервые ее видела: какое лицо, Боже ты мой, какое лицо!

Даже было немного больно смотреть. Вернее – чувствовать.

А мужчины, наверное, вообще сходят с ума.

Да, как выяснилось, сходят и сходили. Но счастья Аде это не принесло: она до сих пор одна.

– Рано вам говорить «до сих пор», – сказала Лиля с интонацией старшей сестры или подруги – тоже старшей.

– Лиля, мне сорок семь, – сказала Ада с усмешкой.

– Ничего себе!

– Наследственность. Папе за семьдесят, выглядит на пятьдесят, а блудит, как тридцатилетний. Бандану носит, джинсы, фигура отличная, при этом и курит, и пьет, да еще как пьет!

Постепенно (то есть не за неделю и месяцы, у Лили другое постепенно – за несколько дней) Ада рассказала о себе.

– Мне все можно говорить, унесу с собой в могилу, – говорит ей Лиля.

– Да и нечего особо скрывать.

Ада никогда не была замужем, но до тридцати лет не особенно и хотела. Училась в медицинском, были какие-то встречи более или менее продолжительные – как правило, с мужчинами старше ее.

– И не с кем попало, конечно, я ж девушка гордая, с запросами, люди были все солидные, интересные. Интересные – это главное.

– Влюблялась?

– По-разному. Шут его знает, что это такое, Лиля, если разобраться. Я же говорю, если с мужчиной интересно, если секс увлекательный, что немаловажно, то как-то и... Я, знаешь ли, просто не любила быть одна, не хотела, не умела. То есть когда учусь, занимаюсь, все равно, а потом, когда уставала, мне надо было живого человека. Я же болтливая еще – поболтать, пообщаться. Кино, театр, всяко-разно. Беспечная советская молодость.

Потом у Ады была долгая история с женатым мужчиной, который, однако, с женой не жил, но и не разводился. Одиннадцать лет она пробыла с ним. И даже устраивало: учеба, работа, кандидатская диссертация, опять работа, полная занятость, увлеченность, а в выходные – отдых с любимым мужчиной. Наконец он все же развелся и женился на молоденькой аспиранточке.

– Сказал: я, говорит, понял, что любить тебя можно, а жить с тобой – нет. Я, говорит, все эти годы старался поддерживать уровень и устал. Самое смешное, что никакого уровня я и не требовала.

Потом были проходные истории. Полупустота, как сказала Ада. А потом поездка во Францию, встреча с французом, имевшим вполне ожидаемое имя Жан. Жан жил с мамой, имел при этом две квартиры, которые сдавал внаем, у него была кондитерская и, в общем-то, он был слегка миллионер, смеялась Ада. При этом анекдотически расчетливый.

– Нет, в самом деле, мы собираемся лететь к морю, перед этим заходим в маркет, я покупаю всякие продукты, в том числе яблоки – ну, полкило или сколько-то, штук пять. Он лезет в корзину и три яблока вынимает. Я говорю: ты чего это? Он говорит: Ада, одно яблоко съем я, одно ты, а завтра мы улетаем, три яблока сгниют, даже если в холодильнике. Нет, может, он и прав по-своему, но постоянно об этом думать, считать... Я со зла взяла все-таки пять яблок. Одно ему скормила, а из четырех выжала себе сок. Он на меня глядел так, будто я из него сок давила. Ходячий калькулятор какой-то, честное слово!

Однако у ходячего калькулятора были другие достоинства, он был неглуп, красив и на десять лет моложе. Через два года знакомства сделал предложение.

– Я чувствую, там его мама поработала, она меня просто ненавидела. Предложение было такое: Ада, давай поживем вместе год и окончательно поймем, насколько мы друг другу подходим. Я говорю: Жан, мон шер, то есть ты хочешь на год заиметь бесплатную содержанку? Которая, к тому же, будет тебе обеды готовить – ведь я работы по специальности у вас не найду, наши дипломы тут не засчитываются.

И Ада рассталась с Жаном, и вот уже четвертый год одна.

– Ты же сама знаешь, чем красивей и умней женщина, тем ограниченней выбор.

Ничего завидного не было в ее судьбе, но Лиля все же завидовала. Ада хоть влюблялась, получала удовольствие от секса, Лиля же осталось в этом смысле девственной, так и не поняв за всю жизнь, что в этом особенного.*

Говорили они также о людях вообще, о жизни вообще и даже о болезнях – Ада оживлялась, рассказывала множество случаев, было видно, что в этом ее настоящая жизнь.

А несколько дней назад Ады не было в клинике. Она же не круглосуточно здесь работает, есть выходные, есть, наверно, какие-то отгулы за дежурства. В этот день Лиля чувствовала себя плохо,

** Таких людей намного больше, чем принято считать. Просто у нас путают секс как таковой, т.е. sex, пол, и секс как контактные отношения. Пол, sex, – это очень важно в жизни человека, значимость же контактных отношений современным обществом потребления сильно преувеличена (в том числе в коммерческих целях – все околосексуальное неплохо продается). Впрочем, подробно об этом – см. «Оно».*

капризничала, что-то невежливое сказала сиделке, та обиделась – Лиля дополнительно мучилась и из-за этого, потом попросила у сиделки прощения.

На другой день Лиля так ждала Аду, с таким нетерпением, какого за собой не знала, не помнила.

И она появилась.

У Лили закружилась голова, она почувствовала удар в сердце – и заплакала.

– Ты что? – подсела к ней Ада.

– Так... Легкая депрессия.

Лиля не хотела говорить правду, она знала, что нельзя пугать людей излишней привязанностью – слишком они дорожат своей свободой.

– Ерунда, – сказала Ада и прикоснулась к ее плечу.

Лиля своими слабыми руками, которые она подчас не могла приподнять, взяла ее руку, поднесла к губам, поцеловала.

– Нервы, Лиля, – сказала Ада. – Это нервы.

Пусть будет так, подумала Лиля. Пусть нервы, лишь бы не спугнуть. Скажу, что любовь – не поймет.

А это оно и было – первая в жизни Лили любовь. Вне пола, вне секса, вне телесности и без страсти, хотя любила она Аду все-таки как женщину. Хотела ее видеть, скучала.

Как просто и как замечательно, думала она. Это любовь и есть – хотеть видеть, скучать, радоваться, когда приходит. Она и Даше радуется, и Коле, но не так. Аде она радуется именно любовно, наполняясь счастьем с ее появлением. А она, умница, может, даже и догадывается, но – ни словом, ни намеком.

Было так неожиданно и хорошо, так ново, что Лиле хотелось поделиться. И она сказала Даше в очередной ее приход:

– Видела мою лечащую врачиху?

– Нет, а что?

– Влюбиться можно, какая женщина. Я уже влюбилась.

– Надо же, как тут лечат! – сказала Даша. – Ты только не изнасилуй ее. Ты с женщинами спала вообще?

– Никогда, а ты?

– Не интересуюсь.

Лиле очень хотелось показать Аду Даше (как бы похвастаться), но до вечернего посещения слишком долго ждать, а утром посетителей не пускают. То есть Ада разрешит, если она попросит, но может о чем-то догадаться.

Ничего не надо делать, говорила себе Лиля. Не признаваться, не откровенничать. Радоваться тому, что есть, я ведь ничего от нее не хочу.

Она и впрямь от Ады ничего не хотела, кроме одного – видеть.

А еще Лиля стала мечтать, хотя давно, казалось бы, бросила это занятие. Она мечтала, что опять каким-то образом купит домик на окраине или даже в селе. Маленький домик с деревянным крыльцом. И Ада будет жить там с ней. И вечером они будут сидеть на крыльце, две старушки, и с блаженной необязательностью говорить о жизни.

Вот, оказывается, чего хотела Лиля всю жизнь, не зная об этом. Состариться и остаться наедине с любимым человеком. Только Бог не давал ей любимого человека, да и старости не хочет давать. Может, теперь смилуется?

Еще только без десяти девять.

Надо опять проверить чувство времени.

Лиля закрыла глаза, стала считать секунды.

– Раз, два, три... Пятнадцать... Тридцать... Шестьдесят.

Открыла глаза – стрелка перешла вертикаль и склонилась к пяти секундам. Шестьдесят пять.

Я сжульничала, призналась себе Лиля. Я нарочно считала медленно. Зато прошла целая минута, нет, уже полторы.

Господи, чем бы еще себя занять? Включить телевизор?

Лиля нашарила пульт, включила телевизор.

Ведущий что-то с улыбкой говорил. Утренняя взбодрительно-успокоительная программа. Что он говорит? Лиля пыталась понять – ничего не понимала. Будто он говорит на иностранном языке. Кстати, это интересно, не вникать в смысл, а слушать звуки – слушать родной язык, как иностранный. Как звучит? Оказалось, звучит довольно жестко, резко. И почему-то похоже на арабский.

Лиля переключила.

На другом канале пели.

Старинная песня. Не надо печалиться, вся жизнь впереди, вся жизнь впереди, надейся и жди. И пищащий проигрыш на электрогитаре. Господи, как это смешно и глупо, что они поют и играют. Как это наивно. Как это мерзко...

Лиля почувствовала, как увлажняются и начинают пощипывать глаза.

Нельзя огорчать Аду.

Успокойся.

А может, она и с другими так же и такая же?

С дружеским участием смотрит (именно участием, а не сочувствием), говорит, слушает.

Это что, ревность?

Господи, это ревность! – обрадовалась Лиля.

Совсем с ума сошла, поздравила она себя.

Дверь открылась.

Ада.

Солнце.

Счастье.

46. ШЭН. Подъем

_____ _____
_____ _____
_____ _____
_____
_____
_____ _____

То, над чем вы трудитесь уже долгое время, наконец даст благоприятный результат.

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР

г. _____ “__”_____ 20__ г.

Гражданин Российской Федерации _____ (фамилия, имя, отчество) и гражданка Российской Федерации _____, (фамилия, имя, отчество), именуемые далее “Супруги”, добровольно, по взаимному согласию, вступая в брак в целях урегулирования взаимных имущественных прав и обязанностей как в браке, так и в случае его расторжения, заключили настоящий брачный договор о нижеследующем:

1. ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

1.1. Супруги договариваются о том, что на все имущество, нажитое супругами совместно в браке, независимо от того, на чьи доходы оно было приобретено, устанавливается режим совместной собственности. Для отдельных видов имущества, специально указанных в настоящем договоре или дополнении к нему, может устанавливаться иной режим.

1.2. Имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак,а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам является его собственностью.

1.3. К моменту заключения настоящего договора гр. _____принадлежит следующее имущество:

– квартира (дом) общей площадью ___ кв. метров, находящаяся по адресу: _____;
– автомобиль _____, двигатель № __, кузов №. ____, государственный номер _____, зарегистрированный в_____;
– предметы мебели согласно прилагаемому к договору списку;
– золотые и серебряные украшения, а также ювелирные изделия из драгоценных и полудрагоценных камней согласно прилагаемому к договору списку;
– гараж для автомобиля, расположенный по адресу _____

Гр. _____к моменту заключения настоящего договора принадлежит следующее имущество:
–_____;
– _____;
– _____;
– _____.

1.4. К общему имуществу, нажитому во время брака, относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия и иные денежные выплаты, не имеющие специального назначения. Владение и пользование общим имуществом осуществляется по обоюдному согласию.

1.5. Право на общее имущество принадлежит также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода.

1.6. Вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супругов, признаются собственностью того супруга, который им пользовался.

1.7. Доходы целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья или иного повреждения здоровья и т.п.) признаются собственностью супруга, которому они выплачены.

1.8. Супруги вправе распоряжаться общим имуществом по взаимному согласию. Согласие супруга на совершение другим супругом сделки с общим имуществом предполагается, если другой супруг не выскажет возражений против сделки до ее совершения. Для совершения сделок с недвижимым имуществом (в том числе с квартирами, жилыми и нежилыми помещениями, земельными участками и т.п.), транспортными средствами и иным имуществом, сделки с которым подлежат нотариальному удостоверению или государственной регистрации, необходимо предварительное письменное согласие другого супруга. Если сделка по соглашению сторон или в силу закона совершается в нотариальной форме, согласие другого супруга на совершение такой сделки также должно быть нотариально удостоверено. Предварительное письменное согласие другого супруга необходимо при отчуждении и приобретении имущества, если сумма сделки превышает _____ рублей, независимо от вида имущества, в отношении которого совершается сделка.

1.9. В любой момент в период брака супруги по взаимному соглашению вправе изменить установленный настоящим договором режим совместной собственности.

2. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СУПРУГОВ

2.1. Каждый супруг обязан проявлять надлежащую заботу о совместном имуществе и об имуществе, принадлежащем другому супругу, принимать все необходимые меры для предотвращения уничтожения или повреждения имущества, а также для устранения угрозы уничтожения или повреждения, в том числе – производить необходимые расходы как за счет общих денежных средств, так и за счет иных доходов. Каждый супруг обязан соблюдать права и законные интересы другого супруга, установленные настоящим брачным договором и законом, как в браке, так и после его расторжения,

2.2. Супруги обязаны воздерживаться от заключения рискованных сделок. Под рискованными сделками понимаются сделки, невыполнение обязательств по которым может привести к утрате значительной части совместного имущества либо к существенному сокращению доходов супругов.

2.3. Каждый из супругов имеет право пользоваться имуществом другого супруга, принадлежавшим ему до вступления в брак, в соответствии с назначением имущества.

2.4. В период брака каждый из супругов вправе распорядиться принадлежавшим ему до брака имуществом по своему усмотрению, Однако доходы по таким сделкам супруги признают общей совместной собственностью.

2.5. Каждый из супругов обязан уведомлять своего кредитора (кредиторов) о заключении, изменении или о расторжении настоящего брачного договора.

2.6. В случае расторжения брака имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак в массу имущества, подлежащую разделу, не входит.

2.7. При расторжении брака общее имущество подлежит разделу в равных долях.

3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ

3.1 Каждый из супругов несет ответственность в отношении принятых на себя обязательств перед кредиторами в пределах принадлежащего ему имущества. При недостаточности этого имущества кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы супругу-должнику при разделе общего имущества, для обращения на нее взыскания.

3.2. Супруг не несет ответственности по сделкам, совершенным другим супругом без его согласия.

3.3. На общее имущество взыскание может быть обращено лишь по общим обязательствам супругов. При недостаточности этого имущества супруги несут по указанным обязательствам солидарную ответственность своим имуществом.

3.4. Ответственность супругов за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми, определяется Гражданским законодательством.

4. ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ, ИЗМЕНЕНИЕ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ДОГОВОРА

4.1. Настоящий договор вступает в силу со дня государственной регистрации заключения брака.

4.2. Настоящий договор подлежит нотариальному удостоверению.

4.3. Действие договора прекращается в момент государственной регистрации расторжения брака.

4.4. Супруги вправе в любой момент внести в настоящий договор изменения и дополнения. Односторонний отказ от исполнения настоящего договора не допускается.

4.5. Все спорные вопросы, которые могут возникнуть в период действия настоящего договора, в случае недостижения супругами согласия, разрешаются в судебном порядке.

Подписи сторон:

Гр. _____, паспорт: серия ____, № __, выдан _____, адрес: _____

_____ (подпись)

Гр. _____, паспорт: серия ____, № __, выдан _____, адрес: _____

_____ (подпись)

Адвокат Сергей Кузылев торопливо ждал, когда Павел Витальевич и девушка, на которую он старался не смотреть, потому что лишние мысли мешают делу, прочтут договор. Впрочем, Костяков уже после первой станицы тряхнул листками и удивленно спросил?

– Это что?

– Образец.

– То есть возможны варианты?

– Конечно.

– И то слава богу.

И стал дочитывать.

Наконец они дочитали, положили листки, переглянулись. У девушки вид был озадаченный.

– Вопросы? – осведомился Кузылев.

– Это совсем не то! – сказал Павел Витальевич. – Про всякое совместно нажитое я и так знаю, это без всяких договоров действует.

– Да, но, если будет иск одной из сторон, наличие договора значительно облегчает.

– Помолчи, пожалуйста. Я просто думал, что в договоре не только про имущество, а вообще.

Даша, да?

– Вообще – это что вы имеете в виду?

– Ну, отношения... То есть, конечно, не в подробностях... Регламент, можно сказать.

– Что вы имеете в виду? – с профессиональной терпеливостью повторил вопрос Кузылев.

– Объясняю. Можно составить так: такая-то и такой-то вступают в брак сроком, допустим на пять лет...

– На два года, – поправила девушка.

– Ну, пусть на два. С правом пролонгации. То есть, как обычно: в случае, если одна из сторон за месяц до истечения срока договора не уведомляет письменно о намерении прекратить его действие... Да что я вам объясняю, сами знаете. Я таких договоров тысячи подписал.

– Сроки такого договора не могут быть установлены.

– А остальное? Например, ну, обязательное совместное проживание, право одного из супругов расторгнуть брак, если другой изменяет, это я уже прикалываюсь, конечно, – улыбнулся Павел Витальевич девушке. – Ну, понимаешь, да?

– Понимаю. То, о чем вы говорите, не предусмотрено законодательством. Статья сорок два Семейного кодекса, извините, цитирую: в брачном договоре супруги вправе определить лишь имущественные права и обязанности как в браке, так и в случае его расторжения. Иные права и обязанности супругов регулированию брачным договором не подлежат.

– Тогда зачем нам такой договор? – спросил Павел Витальевич. – Тебе он нужен?

– Не нужен, – ответила девушка.

– Других вариантов нет, – сказал Кузылев. – Вы, Павел Витальевич, можете у своих юристов спросить, у вас их целая контора.

– Я бы тебя не позвал, если бы у них захотел спросить. Зачем мне лишние разговоры? А тебя мне посоветовали, как специалиста по брачным делам, умеющего молчать.

– Это моя профессиональная обязанность, – достоинством подтвердил Кузылев.

Он ничему не удивлялся: современные люди, все еще постсоветские, прослышали, сто есть брачные контракты, но не имеют о них даже приблизительного понятия. Была пара, например – жених требовал в договоре гарантировать ему рыбалку каждый выходной и охоту в сезон. Или – невеста хотела, чтобы заранее и документально было зафиксировано, что она имеет право говорить по телефону не меньше трех часов в сутки и регулярно встречаться с подругами. Или: жених хотел, чтобы будущая супруга подписалась под документом, где обязывалась бы предоставлять мужу сексуальные услуги не реже, чем раз в неделю, включая оральный и анальный секс.

– А то сейчас она на все согласна, а потом начинается! – говорил жених, неприязненно глядя на невесту. – Знаю эти фокусы, третий раз в петлю лезу!

И это не шутки, шутки бывают и посмешнее.

Так что Кузылев очень хотел бы помочь Павлу Витальевичу – клиент крупный, но ничего не мог сделать. Однако всем видом показывал, что стремится найти какой-то выход.

– Можно составить частное соглашение. Прописать абсолютно все, что пожелаете, скрепить подписями, подлинность которых заверит нотариус, но, увы, юридической силы данный документ иметь не будет. Все зависит, так сказать, от добросовестности сторон, заключивших подобное соглашение. Это как расписка, когда человек берет взаймы. Чистая формальность: если он честный, и так отдаст, а нечестный, и с распиской не отдаст.

– Ну, мне как раз по распискам не раз отдавали, – возразил Павел Витальевич. – И без расписок тоже.

– И даже то, что не были должны, – пошутил Кузылев, но Павел Витальевич его тут же одернул:

– Ты не веселись, юноша, я такого юмора не люблю. Ну что ж, Даша, – обратился он к девушке. – Получается, что тебе придется на слово мне поверить!

– Придется, – усмехнулась девушка.

Кузылев, задетый хамским окриком Костякова, решил ему слегка отомстить. В конце концов, он независимый адвокат, и никто на него орать не смеет.

Обращаясь исключительно к Даше, он сказал голосом благожелательного советчика:

– На самом деле, если говорить о правах, не касающихся имущества, а, к примеру, сроков заключения брака, то их не обязательно оговаривать, поскольку супруга, как и супруг, может подать заявление на расторжение в любой момент. Больше того, брак может вообще быть признан недействительным. В частности, если, например, он был заключен при отсутствии добровольного согласия одного из супругов на его заключение: в результате принуждения, обмана, заблуждения или невозможности в силу своего состояния в момент государственной регистрации заключения брака понимать значение своих действий и руководить ими.

– Смотри, Даша, как он старается, он тебе подсказывает! – засмеялся Павел Витальевич. – Ты понимаешь значение своих действий? Руководишь ими?

Девушка ничего не ответила.

– Короче, – сказал Павел Витальевич, – все ясно. Иди с богом, Кузылев.

Он выдал адвокату приличный гонорар за консультацию, и тот удалился.

Только в машине Кузылев позволил себе подумать о том, зачем эту девушка выходит за этого монстра. Во всех других случаях у него этого вопроса не возникало, Кузылев много уже повидал малолетних хищниц, вампирски впиявившихся в богатых стариков и точно знающих, чего они хотят. Все просто и цинично. И Кузылев тоже стал прост и циничен, составляя для них контракты, которые на самом деле бедняжкам ничего не гарантировали, ибо, во-первых, не факт, что суд в случае чего удовлетворит их требования, а во-вторых, эти самые старики все имели такие челюсти, что и без суда могли перегрызть горло за попытку отжать у себя хоть малую часть имущества. Встречаются, конечно, единичные добряки, но редко.

Однако эта Даша, хоть он совсем ее не знает, кажется, другого сорта девушка и что-то другое ей нужно от Костякова. А может, просто – влюбилась? И такое ведь бывает на свете. Пусть сам Кузылев с подобными случаями не встречался, но слышал, читал, знает – чего только не случается. Иначе жизнь стала бы совсем похабной. Ибо что-то порядочное в ней поддерживают не правила, а исключения, давно понял Кузылев.

Он оглянулся, и удаляющийся дом Костякова показался ему замком, где будет заключена прекрасная царевна.

Да еще шпили эти и башенки по углам...

– А теперь серьезно, Даша, – сказал Павел. – В самом деле, ты понимаешь значение своих действий?

– Да. Многое изменилось. Я не из-за мамы и не из-за денег, которые ты дал на лечение. Я не жертвую – чтобы ты понял.

– Уже приятно.

– Но это и не по любви.

– Спасибо за честность.

– Я вот занялась делом. И даже уже кое-что зарабатываем. И мне это нравится. Может быть, я хочу стать акулой бизнеса. Хочу стать богатой. А ты мне поможешь. Я сама, но ты поможешь. Я всю жизнь жила в каких-то сортирных условиях и была довольна. То есть не то что довольна, а – выхода не было. Лиля болеет, надо ухаживать, надо работать, без вопросов. Учти, Павел, это что-то вроде эксперимента. Ты меня хочешь получить – любым способом, правильно?

– Кроме изнасилования.

– Уже хорошо. И ты меня получишь. А я посмотрю, как мне все это понравится. Меня это тянет, я туда хочу. Но условие будет все то же: уйду в любой момент. Кстати, детей по твоему желанию рожать тебе не буду. Если вдруг сама захочу, тогда да.

– Мы говорили про два года.

– Да. Но – мало ли. Нет. В любое время.

– Ты считаешь, что выходишь замуж за идиота, у которого уже нет ни ума, ни силы воли?

– Неправда. Получишь свое, и сразу все вернется.

– Ты думаешь?

– Уверена.
– А было такое, что тебе Егор нравился? – вдруг спросил Павел.
– Егор?
– Ну да, мой сын?
– Немножко было. А чего это ты вдруг? Вы с ним об этом говорили? На дне рождения, да?
– Да. Мимоходом.
– И что он сказал?
– Сказал, что ничего особенного не было.
– Это правильный ответ.
– А мама знает, что ты...
– Она примет все, что я сделаю.
– А остальные?
– Володя?
– В том числе.
– Его жалко немного, но он молодой, еще сто раз влюбится. И я, может, еще к нему вернусь.
– Даша, я понимаю, тебе нравится быть откровенной. Но можно об этом не говорить хотя бы?
– Извини. А ты счастлив?
– Да. Очень.
– Тогда ладно. Но венчаться не будем.
– Почему?
– Я не крещеная.
– Окрестим заодно.
– Зачем? И свадьбы тоже бы не надо.
– Я что, ворую? С какой стати тайком? Нет уж, пусть будет все по-человечески. Чтобы никто не думал, что я тебя не женой, а кем-то еще беру.
– Ты не думай, я не потому, что стесняюсь. Просто я свадьбы столько раз снимала, что просто тошнит. Жених и невеста выглядят всегда счастливыми дебилами. Потому что обряд остался, а смысла в нем давно нет. Подруга невесты – самая суетливая, обязательно в каком-то диком праздничном платье, на каблуках, часто уже пьяная и почему-то обязательно какой-то б...й вид. Между прочим, почти закономерность: на свадьбах подруг невесты обязательно кто-то трахает. А если не подруг, то еще кого-то в каких-нибудь закоулках. Прямо обычай какой-то, что ли?* А друг обязательно шибздик пришибленный. Человек без юмора, который пытается шутить. А потом эта пьянь, крики, горько, сладко, кисло...
– Люди радуются, что такого?
– Может быть. Просто, когда это работа...
– Но будет же не работа.
– Кто знает. Я поняла, что отношусь к этому, как к работе. Это заказ. Заказчики предлагает: стань женой. Хорошо, стану. Получу за это какие-то деньги, подарки, бонусы. Отработаю сполна, честно. И до свидания.
– Не получится. Я тебя не отпущу.
– Отпустишь. Ты же смерти не хочешь, а я ради свободы и убить могу. Найму киллера, как вон по телевизору показывают, он тебя за пару тысяч долларов прихлопнет. А напишут – преступление на экономической почве. Нет, не так: на почве профессиональной деятельности.
– У меня охранник. Зато ты будешь отрабатывать каждый час. Я буду посыпать пол солью и перцем, а ты будешь лизать. Дочиста. Согласна?
– Да.
– Будешь мне ноги мыть и воду пить. Вонючую.
– Да.
– Будешь по утрам кофе в постель подавать в короткой сорочечке.

** Распространенное мнение, не лишенное оснований; см. «Вещий сон».*

– Да.

– Провинишься – отдам своим охранникам, они тебя хором.

– Да.

– Называть меня будешь Пашенька-душенька – пять раз в день, Пашенька любимый – десять раз в день, Пашенька, жизнь моя – каждый час.

– Да.

Даша не уловила момента, когда разговор реальный стал воображаемым, когда это все начали произносить два голоса в ее голове, причем голоса мужской и женский, но не ее и не Павла.

Уже выпадаю из ума, подумала она.

На самом деле они довольно долго молчали.

– Жаль, что сейчас утро, – сказал Павел.

– Почему?

– Попросил бы тебя остаться.

– Нет, Паша. Я девушка легкая, но в данном случае хочу, чтобы все по правилам. После свадьбы.

– Что ж, потерплю.

47. КУНЬ. Истощение

⚋ ⚋
⚋
⚋
⚋ ⚋
⚋
⚋ ⚋

Некто протянет вам руку помощи.

Немчинов был рад, когда Иванчук и Сторожев позвали его. Задуманный роман ждал, но Илья не написал ни строчки. Боялся. Эту вещь надо написать так, как не бывало, или вообще не браться. И первое слово может оказаться решающим. Будет оно не то – и все получится не то.

Он думал, что Коле нужна какая-то помощь в ремонте.

Но квартира оказалась почти доделанной, они, оказывается, позвали его для разговора. Рассказали о событиях последнего времени, о том, как Павел Витальевич помог, но не бескорыстно, Даша вбила себе в голову, что должна пожертвовать собой ради матери и выйти за него замуж. Но дело даже не в этом, хотя это тоже плохо само по себе, дело, конечно, в самой фигуре Костякова. Одно дело его лечить, сказал Сторожев, я обязан, как врач, или даже принимать от него помощь, когда такая беда («Вот именно!», – подтвердил Иванчук). В этих случаях не думаешь, кто он и что в жизни сделал. Но породниться с мерзавцем, с вчерашним если не бандитом, то крупномасштабным жуликом, да и сейчас делягой неправедным – совсем другое. Даша чушь говорит – что сходит замуж, попытка не пытка, она не понимает, чем все это может кончиться. Просто так за Костякова-старшего сходить нельзя. Для его бывшей покойной жены Ирины все кончилось известно чем. Авария, как известно, произошла при загадочных обстоятельствах – будто подстроенная. А смерть брата? А недавняя смерть Миши Кулькина? И самое интересное, что все эти годы, пока Костяковы орудуют в Сарынске, ни о них, ни об их приближенных не было в газетах ни одной серьезной статьи. Намеки, полунамеки, бездоказательные наезды в пору демократии, бурчанья, брюзжанья, но показать их истинное лицо, и в первую очередь лицо Костякова-старшего никто не осмелился. Описания конкретных фактов с доказательствами – не было.

Илья слушал с интересом – он все теперь воспринимал как материал для будущей книги. Недавно, например, по просьбе жены перебирал свои старые вещи – Люся попросила, опасаясь выкинуть то, что он считает ценным, наткнулся на пальто десятилетней давности (именно столько

лет он его уже не носил), вынул его из шкафа, приподнял, встряхнул, оглядывая, и вдруг само мысленно произнеслось определение: «длинное бесформенное пальто с поясом, похожее на больничный халат». То есть он уже и вещи начал оценивать с точки зрения, годны ли они для метафоры, для текста. И, будучи благодарен старому пальто за подарок, повесил его обратно.

Коля и Валера говорили вперебой, наконец полностью высказались.

– Да, история нехорошая, – согласился Илья.

– Ты можешь помочь, – сказал Валера. – Ты книгу начал писать о Костяковых, наверняка что-то уже знаешь.

– Я отказался. Заказ передали Дубкову. И это будет не книга, а фотоальбом.

– Так я и думал! – воскликнул Валера. – Испугались, передумали!

– Да. Но аванс оставили, а я его почти потратил. Расходы всякие были, телефон, кстати, пришлось новый купить вместо утопленного. Короче, деньги надо бы вернуть.

– Поможем, вернешь. А вот грохнуть статью на всю полосу в газету, чтобы город ахнул, это ты сможешь. Под псевдонимом, например. Или, если хочешь, мы с Колей подпишемся. Мы готовы.

Коля кивнул.

– Нереально, – сказал Немчинов. Во-первых, я в отпуске. Но это ладно, написать не помешает. А дальше что? Редактор ни за что это не пропустит. Хотя, минутку, он ведь тоже в отпуск собирался. Значит, Шишлеева и Саша Рубкин сидят выпускающими редакторами – поочередно. И если я вернусь досрочно, Саша будет только рад уступить мне дежурство. И я тогда могу напечатать все, что захочу.

– Вот! – сказал Сторожев. – Приятно говорить с умным человеком, сам все сообразил.

– А что я напишу? Я уже пробовал кое с кем говорить – боятся или не хотят.

– Об этом я тоже подумал, – сказал Сторожев. – Что-то у тебя все-таки имеется, а чем-то тебе другие помогут.

– Кто?

– Есть такой бывший гэбист, – припомнил Коля, – я с ним пресекался, давно. У него репутация человека, который все знает. Поперечный, кажется фамилия.

– Продольнов. Но он же сумасшедший! – сказал Илья. – Заваливает до сих пор все редакции письмами с разоблачениями. И внизу указывает: гонорары присылать в почтовое отделение такое-то до востребования. Хочет, наверно, денег срубить, чтобы жена не знала. Тоже мне, торговец прошлым.

– И все в этих письмах неправда?

– А я откуда знаю? Нет, кое-что проскальзывало. Но мы ему даже не отвечали: по закону, с человеком, состоящем на учете в психоневрологическом диспансере, имеем право не вступать в переписку.

– А он состоит? – заинтересовался Сторожев.

– Да, мы справки наводили, а что?

– А то, что Кучерев, главврач диспансера, мой друг, и сейчас он мне все скажет. То есть не все, а телефон и адрес этого гэбиста!

Маргарита Семеновна Продольнова, услышав в прихожей стук и голоса, поняла: опять ее безумный муж кого-то привел. И, взяв чашку с чаем, ушла в дальнюю комнату, в спальню, чтобы не видеть и не слышать этого идиотизма.

В свое время Евгений Иванович Продольнов занимался налаживанием контактов или, как это грубо и несправедливо называли, вербовкой сексотов. Существовала особая технология. Вызывать людей в КГБ, беседовать в кабинете – слишком официально, объект мог напугаться. Поэтому работа велась в три этапа. Первый: человека зовут по месту работы в профком, там его встречает любезнейший Евгений Иванович. Не скрываясь, представляется, говорит, что нет никакого конкретного повода для разговора, а просто люди из органов решили выйти в народ – посмотреть, послушать, а не сидеть у себя за глухими стенами. Времена ведь меняются. Хотелось бы услышать мнение – куда они могут и должны меняться, кто виноват, что делать, и т.п. Если объект в ходе разговора казался перспективным, Продольнов назначал вторую встречу – в гос-

тинице «Спортивная», где был зарезервирован для этого особый номер с кроватью, столиком и двумя креслами, совсем как обычный. Естественно, беседа записывалась на магнитофон, составлялся также Евгением Ивановичем письменный отчет, по результатам которого начальство решало, разрабатывать ли объект дальше. В случае положительного решения объект приглашался на третью встречу – на квартире, где проживал чекист-отставник (получавший, помимо пенсии, за предоставление этой услуги, какие-то деньги, вряд ли большие – служение идее и ощущение своей полезности само по себе было наградой для пенсионера). Объект, приходя, никого не видел, Евгений Иванович встречал его один, приглашал в комнату с массивной, плотно закрывающейся дверью и зашторенными окнами. Начиналась совсем уж доверительная беседа.

Работники тайной полиции во всех странах неплохие психологи, ибо имеют дело с глубинами человеческой натуры, не всегда привлекательными. Они знают, что в любом мужчине живет ребенок, которому нравятся шпионские игры. Гостиница, конспиративная квартира, все это должно приятно возбудить объект и вызвать у него желание играть дальше.

На квартире Евгений Иванович обычно заводил речь о необходимости перемен, высказывал легкое недовольство курсом партии и правительства, то есть либеральничал. И многие объекты, а были это, как правило, интеллигенты, доверчиво шли навстречу такой откровенности, раскрывали душу, в которой Евгений Иванович мог спокойно провести ревизию – без вскрытия, без экстраординарных мер, которые когда-то применялись чекистами и которых Продольнов не одобрял.

В итоге тем, кто казался наиболее годным, предлагалось сотрудничество в той или иной форме. Некоторые отказывались, и им ничего за это не было, настолько стали мягкими времена, а кто-то и соглашался, до того убедительно Евгений Иванович говорил о том, что сотрудничать с органами мужественно и патриотично.

И за все время работы было только два прокола. Первый смешной: ревнивая жена, которую смутили отлучки мужа и его неубедительные оправдания, выследила его и, прихватив брата, человека, всегда готового делом постоять за оскорбленную родную кровь, явилась с ним на тайную квартиру, звонила, била в дверь руками и ногами. Брат грозил вышибить дверь, если добром не откроют. Евгений Иванович тут же выставил бутылку водки, закуску, открыл, представился школьным товарищем мужа. «Сидим вот, выпиваем!» Обошлось – хотя, конечно, с кадром пришлось расстаться, строго предупредив об уголовной ответственности за разглашение государственной тайны. Впрочем, Евгений Иванович, разбираясь в людях, был уверен, что робкий муж не позже, чем через неделю, все выложит жене, ибо гнев ее для него страшнее уголовной ответственности и даже тюремного срока.

Второй прокол был досаднее. Некий молодой творческий человек, ставший потом довольно известным писателем и уехавший в Москву, после двух-трех встреч доверился Продольнову, подписал бумагу о сотрудничестве и начал выполнять задания, а именно: давать характеристики отдельным сомнительным творческим личностям Сарынска – тем, кого знал. Будущий писатель делал это в яркой художественной форме, его отчеты отличались полнотой, выпуклостью, детальными подробностями. Правда, если судить по этим отчетам, все подозрительные персонажи почему-то оказывались людьми, явно или тайно преданными родине и партии, думающими денно и нощно о благе народа и делающими все только с учетом социалистических ценностей, даже когда кому-то кажется, что это не так. Через пару месяцев Продольнов понял, что его просто дурят. Он позвонил хитрецу и сухо сказал, что сотрудничество прекращается. Встретив же его через несколько лет, уже в новые времена, он не удержался и спросил: «Зачем же вы согласились? Чтобы выгородить товарищей?» – «И это тоже, – последовал ответ. – А еще у меня была уникальная возможность изучить вашу систему изнутри, хотя бы с краешку».*

А потом – крах, позорная пенсия на общих основаниях, без учета заслуг, депрессия, которую идиоты врачи сочли шизофренией (потому что сами шизофреники!), лечение в клинике...

Несколько лет бездействия, пустоты.

** Подлинная история, случившаяся с автором.*

Но однажды Евгений Иванович вышел в народ, прогулялся, свернул в пивнушку, постоял среди беседующих, быстро втерся в доверие к одному из них – и привел домой. Там он выпытал у него все, что хотел, после этого записал, аккуратно подшил в папку и поставил в шкаф – к другим папкам, о которых скажем чуть позже.

Жизнь снова обрела смысл, папки пухли, множество людей побывало в кухне у Продольнова. Евгений Иванович работал с людьми теперь уже не с целью вербовки, а для сбора данных о тех, кому, по его мнению, грозит неизбежное возмездие.

Маргарита Семеновна терпела и ждала, когда Евгений Иванович умрет (почему-то была уверена, что умрет он раньше нее), и она сможет поехать к детям и внукам. Могла бы и сейчас поехать, но тогда муж умрет сразу же, а это не по-божески.

На этот раз объект сам напросился: позвонил, представился журналистом, попросил о встрече.

Евгений Иванович назначил время, но не дожидался дома, а вышел, сел напротив в подъезда в кустах, наблюдал. Человека сначала надо спокойно рассмотреть, оценить и только после этого решить, вступать ли в контакт.

Ровно в пять, как было назначено, к подъезду подошел довольно неказистый мужчина вполне безобидного вида. Но Продольнов опытным глазом сразу определил: агент. Это нынешние неумелые эфэсбешники подослали, они не раз уже пытались воспользоваться знаниями Евгения Ивановича. Только нет уж, перебьются, предатели государственной пользы!

Человек постоял перед дверью с кнопками кодового замка, достал телефон, Евгений Иванович окликнул:

– Не мне звоните?

– Наверное, вам. Евгений Иванович?

– Так точно.

– Пройдемте.

Дома, задав несколько наводящих вопросов, Продольнов убедился – шпион, причем шпион неумелый. Показал удостоверение личности от своей газеты, хотя его не просили. Зачем нормальный журналист будет совать ему, старику, удостоверение? Назвался Ильей Васильевичем Немчиновым. Ну, пусть будет так. Не исключено даже, что он действительно Немчинов и действительно работает в газете, служить другим структурам вполне может.

Посетитель, человек явно неопытный, вилял вокруг и около, сказал, что пишет статьи о прошлом, что знает о Продольнове как о борце за правду и сведущем человеке.

Нет уж, Евгений Иванович привык добывать информацию, а не делиться ею с кем попало. Усадив Немчинова за стол, он незаметно нажал на кнопку магнитофона, скрытно помещенного под столом на табурете и одобрительно глянул на подоконник, где стояла пластиковая ваза без воды, с бумажными густыми цветами, там таился микрофон, а шнур от него тянулся к магнитофону через отверстия в вазе и подоконнике, искусно высверленные Евгением Ивановичем.

– Я бы рад помочь, молодой человек, но – увы. Память слабая, ничего не помню. Абсолютно!

– Даже о таких людях, как... – и Немчинов назвал несколько громких фамилий, а в их ряду и фамилию Костякова.

Продольнов вскинул глаза к потолку, сморщился, пошевелил губами:

– Нет! Не припоминаю. Раньше архивами пользовался, но где те архивы! Уничтожены!

– Как это? Не контора какая-нибудь, КГБ.

– Поэтому и уничтожены. Видите ли, молодой человек, каждое дело характеризует не только того, на кого оно заведено, но и того, кто его завел. И тех, кто поставлял информацию. Логично?

– Вполне.

– Ну вот. А в новое время эти люди – и мои бывшие коллеги, и информаторы пришли к власти. А бывшие антисоветчики ушли опять в оппозицию. Парадоксально, но реально. Поэтому хранение многих материалов стало нежелательным – вдруг узнают, что нынешний председатель областной думы был сексотом?

– А он им был?

– Это я к примеру. Вследствие этих и других причин половина архивов КГБ – уничтожена.

– То есть? Вы серьезно?

– Какой же вы журналист, если этого не знаете? – лукаво прищурился Продольнов.

– Были всякие байки, но я думал... Серьезная организация. Все подшито, пронумеровано. Входящие, исходящие.

– Именно! – засветился удовольствием счастьем знания. – Именно! Нет входящих – нет и исходящих! Их просто сожгли ночью во дворе, в мусорном баке. Я, между нами говоря, лично руководил этим процессом.

– Да... История...

– Поэтому лучше уж вы расскажите старику, а то ко мне никто не ходит, что там на белом свете делается?

Немчинов, как умел, рассказал. Продольнов терпеливо, наводящими вопросами направлял его рассказ в нужное русло. Поинтересовался с сочувствием, как поживает партия «Демократический Союз» – двадцать с лишним лет назад он плотно занимался ее подрывной деятельностью.

Посетитель нагло соврал, сказал, что такой партии сейчас нет.

Выжав из журналиста-сексота все, что можно, напоив его жидким пенсионерским чаем (в назидание – смотри, что пьют заслуженные люди!), Евгений Иванович проводил его в прихожую. Но, минуя свою комнату, не удержался, приоткрыл, показал на шкафы:

– Вот она, информация! Рукописи не горят! Только я это никому не покажу!

Маргарита Семеновна, обладавшая замечательным слухом, особо настроенным на глупости мужа, закричала:

– Ну не дурак ли ты, Евгений? Сам говоришь – не покажу, а сам показываешь!

– Я тебе сколько раз говорил: не подслушивать, когда я работаю! – взбеленился Продольнов и пошел ругаться с женой.

Они кричали в два голоса, а Немчинов, раз уж хозяин открыл перед ним дверь, вошел в комнату. Увидел три шкафа в ряд возле стены, с ярлычками, на ярлычках буквы. По алфавиту, значит, как полагается. Он быстро нашел букву «к» и сразу же увидел толстую папку «Костяковы». Вынул ее, сунул за пазуху и быстро вышел. Супруги продолжали скандалить.

Сразу скажем (для тех милых моему сердцу читателей, которых волнует судьба каждого, даже проходного, персонажа): Продольнов не обнаружил пропажи. Набивая все новыми и новыми папками шкафы, он, если не помещались, залезал на стул и клал сверху, а жене говорил, что необходимо купить еще один шкаф. Та уверяла, что надо просто все, как следует, расставить. И выкидывала потихоньку несколько папок, ставя на их место не поместившиеся, соблюдая алфавит.

Евгений Иванович же, пополняя архив, собирался когда-нибудь все ревизовать и учесть, но никак не мог найти свободного времени.

48. ЦЗИН. Колодец

Вы страстно желаете, чтобы обстоятельства изменились.

Сторожев загорелся идеей продать свою клинику. Проще всего обратиться к Павлу Витальевичу с просьбой помочь. Тот быстро найдет человека, имеющего средства и, желательно, близкого к данному виду деятельности, позовет его к себе и скажет: есть хороший бизнес, не хочешь ли купить?

И человек, конечно, тут же захочет, нет в Сарынске того, кто отказался бы от предложения, исходящего от Павла Витальевича. А начнет отвиливать, так ему впредь ничего другого не продадут. Это в лучшем случае. В худшем (особенно если начнет ссылаться на нехватку средств), могут сказать: тогда свой бизнес продай. Павел Витальевич посоветует, Максим Витальевич подтвердит, а двоюродный Петр Чуксин проконтролирует. И он продаст – быстро и дешево.

Но, учитывая теперешнюю конфронтацию с Костяковым-старшим (правда, тот о ней пока не знает), обращаться к нему неудобно.

Он вспомнил, что фонд, при котором работает Наташа, давно нуждается в хорошем помещении для оказания амбулаторной помощи. Деньги у фонда невеликие, много не заплатят, но Сторожев и не хотел брать лишнего. Позвонил Наташе, сказал, что, смешно звучит, но он по делу. Объяснил, по какому. Наташа дала телефоны учредителей и заместителя председателя, Сторожев встретился с ними, изложил суть дела, те крайне обрадовались.

Валера ожидал, что Наташа позвонит, спросит, что произошло. Ведь не просто так человек берет да и уничтожает дело своей жизни. Пусть не всей жизни и не самое любимое дело, но все же.

Наташа не позвонила.

Валера поехал к ее дому и, не заходя, сидел в машине у подъезда. Сидел долго, почти три часа, томился, но это томление ему даже нравилось. Когда человек чувствует за собой вину, он даже рад бывает, что ему по какой-то причине плохо и неудобно. Испытание. Наказание. Епитимья, как говорят в христианстве.

Зато было время обдумать, что он ей скажет.

Не могу без тебя жить?

Как ни странно, это почти правда, ему без нее стало пусто, одиноко.

Но она скажет, как уже говорила: ты просто не можешь жить один. Тебе нужна домохозяйка, с которой иногда можно спать.

Люблю тебя?

Не поверит.

Да и не умещаются его чувства в эти слова. Тут не любовь, тут другое.

А что другое?

Соответствие. Он и раньше это понимал, и вот заново понимает: ни с какой другой женщиной не было такого соответствия и взаимопонимания.

А может, это она соответствует, подстраивается. И скажет об этом. И добавит, что больше не хочет.

Привыкнув думать о себе, Валера все в себе понимал – так ему казалось, по крайней мере. А вот Наташу никак не может понять. Все вроде бы предсказуемо, но только до какой-то грани, за которой у нее начинается своя логика, и постичь ее очень трудно.

Во что Наташа верит?

Валера вспомнил, она говорила, что, когда увидела его, появилось чувство предопределенности. И потом, когда стала сближаться с ним, понимала, что ведет себя не как обычно, наперекор своим принципам, но было ощущение – так надо, предопределенность требует.

Уже близко, уже совсем близко, на языке вертится.

И соскользнуло – Валера произнес вслух, чтобы проверить, как звучит:

– Мы обречены на принадлежность друг другу.

Достоевский нервно курит, ему такого не придумать.

Вот, кстати. Если вспомнить великих писателей прошлого века, которых Валера не только читал, но изучал еще и как психолог, то все их значительные произведения посвящены теме сближения (духовного, физического и всякого прочего) мужчины и женщины. Сближения или поиска, выбора. Как началось от Адама и Евы, так и продолжается. Пушкин, «Евгений Онегин», «Капитанская дочка» и тому подобное, Лермонтов, «Герой нашего времени», Толстой, «Анна Каренина», «Воскресение», да и «Война и мир» тоже: кто выбит из темы сближения, плохо кончает, Андрей Болконский тому пример. Достоевский – у него все об этом. (Желательно при этом, чтобы сближение было недостижимым или с непреодолимыми препятствиями.) Да еще и вечная тема

денег. Женщина как предмет купли-продажи. Островский – об этом. Чехов – об этом.

Этими именами для Сторожева великая русская литература 19-го века кончалась. Гоголя он не любил и долго не понимал, почему, потом догадался: нет у него этой самой темы сближения с женщиной.*

Советская литература, считал он, на том и погорела, что тему сближения мужчины и женщины запихнули в дальний угол вместе, само собой, с темой денег и купли-продажи. Современной же Сторожев не знал, но предполагал, что ничего не только великого, но даже и значительного быть не может: сближение мужчин и женщин стало слишком простым, примитивным, на первый план вышли имущественные отношения, а на них одних, без любви, хорошей литературы не построишь.

Валера удивился, что залез от скуки в эту не совсем близкую для него область, и тут увидел Наташу.

Он вышел из машины.

Наташа, не глядя в его сторону, шла к двери подъезда. Выставила на ходу руку:

– Валера, прошу тебя, не надо!

– Наташа, послушай...

– Не надо, сам же будешь жалеть. Не беспокойся, мне без тебя хорошо. А у тебя пройдет.

– Мы обречены на принадлежность друг другу, – сказал Валера.

– Что?

Валере не хотелось повторять.

– Ты слышала.

– Обречены? Кто тебе это сказал?

– Я знаю. Наташа, я с ума уже схожу. Стал дураком совсем. Подскажи, что я должен сделать?

– Ничего.

И Наташа вошла в дверь, которая медленно стала закрываться за ней. Медленно, очень медленно, можно было схватиться, не дать закрыться. Но Валера этого не сделал.

Щелкнул магнитный замок.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Валера.

...

Когда-то отец сказал Володе со свойственным ему черноватым юмором:

– Ты, дружок, никогда не умрешь.

(– Сплюнь! – тут же закричала мать.)

– Почему?

– А ты в это просто не поверишь. И бог изумится, и оставит тебя жить.

Действительно, Володя не умел верить в плохое – зная, конечно, при этом, что оно есть. Есть-то есть, но каждый раз, когда сталкивался, удивлялся и не хотел верить. Когда учился в школе, не любил, в отличие от многих детей, болеть. У него температура, кашель, а он злится, собирается в школу и сердито говорит:

– Ерунда это все. Это так, это пройдет.

И очень обижался, если быстро не проходило.

Когда подростком, играя в футбол на школьном стадионе, сломал руку, не хотел признавать увечья, доиграл до конца, преодолевая боль, а когда все-таки отвезли в больницу, сделали рентген и врач сказал, что перелом, Володя сказал:

– Не может быть!

И вырос, и повзрослел, а это осталось: неизвестно откуда взявшаяся вера, что хорошее, случающееся с ним, закономерно, а плохое – случайность. Работы тоже касалось – удачные фотографии Володя рассматривал спокойно, как бы говоря: ну да, все отлично, я так и думал, а неудачные

** Не могу при этом не заметить, защищая Гоголя, которого сам во многом разлюбил: «Женитьбу» Сторожев не читал, «Невский проспект» прочел поверхностно, а на флирт Хлестакова и мечты Чичикова о бабенке и детской, видимо, не обратил внимания. Но в целом с мыслью Сторожева я согласен.*

с изумлением: неужели это я снимал? Не может быть!

Отклик Даши на свою любовь он принял, как должное. А как иначе? Он ее полюбил, почему бы и ей его не полюбить?

Она, правда, иногда говорила странные слова и вела себя тоже странновато, но Володя списывал на особенности характера.

Это не значит, что он был всегда лопоух и добродушен. Даже, как мы помним, ударил Дашу, когда напросилась, и ударил не шутя. Но это все то же неприятие плохого и нетерпение к нему. Со сломанной рукой было: когда надоел гипс, а его все не снимали, Володя разозлился до того, что стучал о спинку кровати, чтобы разбить гипс. Чуть повторно не сломал руку, но обошлось.

Поэтому он не хотел верить, что Даша собирается учудить что-то невероятное: выйти замуж за другого человека. Да еще и старого.

– Мы же только начали работать, – сказал он.

– Ну и что?

– Ты все бросишь?

– Не обязательно. Что, замужние не работают?

– Нет, но мы же... Все было нормально. И как теперь?

– Теперь по-другому.

– То есть у нас ничего больше не будет?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я выходу замуж.

– Ты меня дразнишь?

– Нет.

– Но ты это уже говорила. Что замуж выйдешь, а потом вернешься ко мне. Шуточки такие. Кофе сварить?

– Нет. Не шуточки.

– А зачем?

– Что зачем?

– Зачем ты замуж-то выходишь, куда торопишься?

– Он мне нравится.

– Ты из-за денег?

– Он мне нравится.

– Богатой хочешь быть?

– Хочу. Но он мне нравится.

– Нет, а я как же? Ты же будешь жалеть.

– Может быть.

– Ну вот, я так и знал. Ты все придумываешь. Пойду кофе сварю.

– Я не хочу. Дождись, пока я уйду.

– А что ты делаешь?

– Собираю вещи.

– Зачем?

– Ухожу.

– Все равно вернешься. Ты сначала уйди, а потом зайдешь за вещами, если не передумаешь.

– Не передумываю.

– Перестань ерундой заниматься. Это моя сумка, кстати.

– Извини.

Вываливает вещи, собирает в другую сумку.

Володя вырывает сумку, выкидывает вещи.

– Не сходи с ума!

– Это ты сходишь.

– Я все разобью в нашем салоне. Он мне тогда не нужен.
– Не сходи с ума, – говорит Даша.
– Это ты сходишь.
– Я тебя не отпущу.
– Как? Как?
– Объясни, что происходит.
– Я уже объяснила.
– Я не верю. Он тебя чем-то купил. Я его убить могу, между прочим.
– Перестань.
– Серьезно говорю.
– Ты что, маленький совсем?
– Именно, что не маленький. Я тебя свяжу.
Володя ищет веревку и не может найти. Вытаскивает ремень из джинсов.
Вместо того, чтобы связать, замахивается.
– Только попробуй, – Даша распрямляется и стоит перед ним, не защищаясь, не закрывая лицо.
Так они стояли довольно долго, а потом Даша продолжила собирать вещи, пихая, как попало.
Володя сел на диван и растерянно сказал:
– Ничего не понимаю.

Учитывая то, сколько людей живет на земле, одновременность похожих событий меня давно не удивляет. Хотя, конечно, по сути, похожи они только внешне, на самом деле у каждого свое.

Плотники, два молодых человека (старшего на этот раз не было), стучавшие молотками, закрывая фанерными листами театральную заднюю стену, не заметили, как в зал вбежала девушка, услышали только, как она начала кричать на их заказчика, который вечно ошивался в театре, торчал над душой и не давал нормально работать.

– Я ненавижу тебя, – закричала девушка заказчику. – Ты меня не любишь, не хочешь, я тебе не нравлюсь, но ты все делаешь, чтобы меня не отпустить! Ты мне всю душу измотал, я уже жить не хочу! Ты меня начал переделывать с ног до головы – и сам это прекрасно знаешь, поэтому хочешь доделать, а потом – плыви куда хочешь? Лучше бы ты не начинал!

Заказчик что-то ответил – негромко, плотники не расслышали.

– Ты врешь, ты хочешь до конца свою силу попробовать, я же вижу!

Плотники переглянулись, удивляясь слышать не те слова, к которым привыкли в жизни.

– Репетируют, – догадался один.

Второй кивнул.

Оба ни разу не были в театре, то есть не видели ни одного спектакля, но смотрели кино, телевизор, а это ведь где-то близко, и разбирались, что говорится по жизни, а что как бы нарочно, как у нормальных людей не бывает.

– Скажи прямо, что я тебе смертельно надоела! – кричала девушка.

Заказчик что-то сказал. Похоже, согласился.

– Ты врешь! – кричала девушка. – Ты говоришь – надоела, и это, наверно, правда, но ты так говоришь, чтобы я подумала, что не надоела! Ты все так говоришь – не люблю, как люблю, люблю – как не люблю, даже слово ты мне говоришь так, будто говоришь про себя, то есть твое ты это я, то есть даже во мне видишь себя и с собой общаешься!

Плотники опять переглянулись.

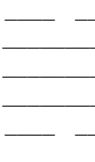
– Ничего не понимаю, – сказал один.

– А, – махнул рукой другой. И показал глазами на фанеру.

Вроде того: тут и понимать нечего, ты делом занимайся. А то я уже третий лист приколачиваю, а ты с одним возишься. А платят одинаково, между прочим.

Первый понял, устыдился и начал изо всей силы лупить молотком, прибивая фанеру к прикрепленным к стене вертикальным лагам.

49. ГЭ. Смена

Все пребывает в движении.

Отец Михаил, увидев вошедшего в храм Павла Витальевича, продолжил службу для трех старушек, а сам думал: извиняться, что ли, пришел? Ну, пусть, мешать не стану. Он хоть и сукин сын, прости меня, Господи, но все-таки тянет его что-то к Богу, хотя сам, наверное, этим недоволен. Блуждает? А кто не блуждает? Ты сам-то – тоже ангел тот еще. Помнишь студенточку Лизочку, которую ты на втором курсе театрального училища обрюхатил и которая уехала в слезах к папе и маме на Кубань, и не вернулась, и где теперь она, где теперь ребенок? Может, померла при родах, такое бывает, значит, ты в смерти повинен, хоть и не знаешь. Многие не знают, что натворили, поэтому каяться нужно с запасом, недаром же – «грехи вольные и невольные». А Лизочка была хороша, южной спелости девушка, где ни тронь, пружинила плотью... Господи, поп, ты очумел, сам служишь, а сам о чем думаешь? Прости, Господи, раба неверного... Слабы мы, все слабы.

Павел, достояв до конца, подошел к отцу Михаилу, сказал:

– Простите, отец Михаил, наговорил я прошлый раз... Надо было меня по шее.

– В следующий раз получите, – пообещал отец Михаил. – Выйдем-ка из храма с такими разговорами.

Вышли на вечерний свежий воздух.

– Я что хочу сказать, батюшка: любит она меня.

– Ну, Бог вам в помощь.

– Венчаться, правда, не хочет.

– Почему?

– Некрещеная.

– Тогда нельзя, в самом деле.

– Она, может, окрестится?

– Тогда поговорим.

– Вы бы встретились с ней, отец Михаил, вы же человек образованный, все умеете объяснить. А меня, сами видели, как шатает, читать чего-то читал, а ничего толком не понял.

– То есть вы предлагаете мне уговорить ее уверовать?

– Ну, не знаю, сразу может не получиться. Но как-то ее убедить, что окреститься – не во вред. Детей грудных вон крестят, а они разве что соображают, разве верят? Они еще папу-маму не узнают, не то что...

– Душа их уже все знает.

– Ну, и у нее душа, может, знает, а она сопротивляется. То есть не то что сопротивляется, а... Характер.

– То есть она не хочет?

– Мы об этом еще всерьез не говорили.

– Поговорите. Захочет сама прийти, придет. Тогда и разберемся.

– Но в принципе возможно?

– Что?

– Окрестить, даже человек еще не совсем поверил?

Отец Михаил хмыкнул:

– Это, знаете, советские времена напоминает: вступи сначала в партию, а потом помаленьку станешь коммунистом.

– Тогда кандидатский стаж был. Год.

– У нас стажа нет. Главное даже не верить, а от души хотеть верить и хотеть креститься. Только вы никому не говорите, что я вам это говорил.

– Почему? Хорошие слова, правильные. Я ей так и скажу. Спасибо, отец Михаил.

Павел Витальевич ушел, радостный и обнадеженный, а на сердце отца Михаила пала великая грусть. Сколько знал он крещеных ради обряда, и сам таких крестил, понимая, что веры у них нет, а так, стремление, как ученые говорят, к социальной адаптации и идентификации.

Ничего, ничего. Терпеть надо. Все надо вытерпеть, иначе жить невозможно.

А про оградку опять не заговорил: опять не тот момент, не деликатный случай.

Свадьбу наметили в сентябре, времени было еще достаточно, но Павлу не терпелось уже как-то готовиться. Бросив многие неотложные дела, он задумал перестроить гостевую столовую, убрать всю эту дешевую роскошь. Может, и в других комнатах что-то изменить. Даша готова была набросать эскизы, ее увлекла эта идея.

Она и к отцу Михаилу согласилась пойти, но позже, надо дозреть. Павел не стал ее торопить.

В общем, жизнь Павла наполнилась приятными подготовительными хлопотами. Был даже вечер, когда Даша готова была остаться, но на этот раз Павел проявил мужество, сказав:

– А то мы с тобой сразу все переделаем, на завтра ничего не останется.

Даша не поняла. Ну да, подумал Павел, она же не видела этого фильма![*]

Тут до него дошло, что Даша не видела не только этот фильм, но и все другие, которые наизусть помнят люди его поколения, не читала книг, которые они читали, не слышала тех анекдотов, которые они знают наизусть, и, уж конечно, никогда не пела тех песен. А ведь для них это как пароль-отзыв, чувство близости и единения. А сколько фраз! «Мне за державу обидно», «Ты откуда взялся? – Стреляли», «Хорошо сидим!», «Эта нога – кого надо нога!», «Наши люди в булочную на такси не ездят!», «Клиент созрел», «Ес, ес, обэхээс!», «Кушать подано! Садитесь жрать, пожалуйста!», «А казачок-то засланный», «А вас я попрошу остаться!», «Ты за большевиков али за коммунистов?», «Красиво идут! Интеллигенция!», «Короче, Склихосовский!» – до бесконечности, на любой случай жизни. Скажешь – и ничего добавлять не надо, собеседник улыбается, понимает, о чем речь.[**]

Павел, вспомнив, что Даша и раньше не реагировала на слова, которые, казалось ему, всякий человек в этой стране знает, понял, что перед ним задача – подтянуть ее, образовать – и не только о старых фильмах речь. Чтобы, по крайней мере, если услышит о «празднике, который всегда с тобой», знала, что это Париж и Хемингуэй.

Впрочем, у молодых теперь свои словечки, которые тоже не худо бы изучить. А то сказала она как-то шутливо: «Всем отправляться в жопу и оттуда не возвращаться»! – и Павел понял, что это цитата, но откуда, не знал.[***]

Павел решил подковаться и, относясь к этому, как к серьезному делу, сел за компьютер и

** Речь идет о старом советском фильме «Девчата», где героиня после поцелуя произносит эту фразу.*

*** Упомянуты фразы из фильмов «Белое солнце пустыни», «Осенний марафон», «Берегись автомобиля!», «Бриллиантовая рука», «Джентельмены (sic! А.С.) удачи», «Неуловимые мстители», «Семнадцать мгновений весны», «Чапаев», «Кавказская пленница». Павел Витальевич прав, крайне важно для поколений и вообще для нации иметь такие иероглифы, коды, понятные всем, замечательно, если они передаются другим поколениям, что-то рвется, если не передаются. Меньше распространены фразы из книг, известных уже не всем («Если Бога нет, то все позволено», «Никогда ничего не просите», «Может, так и надо? Может, в этом и есть великая сермяжная правда» – и т. п. вплоть до пресловутого «света в конце туннеля»), для еще более узких кланов существуют совсем уж редкие иероглифы, например: «Долго ли муки сея, протопоп, будет? И я говорю: Марковна, до самыя смерти!» Впрочем, это тема для десятков монографий, которые, несомненно, написаны.*

**** Подскажем: из творчества поэтессы В. Полозковой. Полностью строки звучат так: «Вместо того, чтоб пот промокать рубахой, // Врать, лебезить, заискивать и смущаться, // Я предлагаю всем отправляться в жопу // И никогда оттуда не возвращаться».*

старательно изучал несколько дней молодежные сайты, странички с новейшими приколами, байками. Он подделываться под молодого не будет, но понимать всегда то, что говорит Даша, хочет.

А еще он представлял долгие зимние (именно почему-то долгие зимние) вечера, когда будет рассказывать о своей жизни, попутно объясняя детали, частности и подробности, чтобы Даша имела хоть какое-то представление о его прошедшей жизни, хотя бы так почувствовала причастность к ней.

Даша тоже старалась занять себя, но к свадьбе не готовилась, продолжала развивать удачно начатое дело. Отрыть офис – замечательно, по-прежнему поддерживать свой сайт – тоже хорошо, иметь постоянные контакты с загсами – правильно. Но есть еще родильные дома, детские сады, школы, все это тоже можно охватить своими услугами. А наткнувшись в Интернете на базы данных, где имелись сведения о любом человеке (пусть часто неполные и не во всем правильные), Даша придумала гениальное: с помощью этих баз находить людей, у которых, к примеру, через неделю юбилей свадьбы, день рождения (желательно круглая дата), выход на пенсию и т.п., звонить им (телефоны в базах имелись) и вежливо предлагать видео и фотосъемку, альбомы на память в уникальном исполнении. Даша попробовала – получила в первый же день пять заказов! Удачнее всего было наткнуться не на юбиляров, а их родственников, которые всегда бывают озабочены, что подарить – а тут само в руки идет решение, и относительно недорого (для начала Даша не задирала цены). Пришлось взять смышленого юношу, учащегося театрального факультета Сарынской консерватории, который наивно пришел «сняться для какой-нибудь обложки, если заплатите». Даша тут же переориентировала этого блондинистого красавчика с вкрадчивым голосом, которому все равно нечего было делать на каникулах, посадила на телефон, объяснила задачу. Но тут же возникла другая проблема: где взять столько фотографов? Однако, и она решилась: через сообщество сарынских фотолюбителей Даша дала объявление: если кому нужна подработка, милости просим! И всех встречала, со всеми говорила, показывала образцы, давала задания, принимала работу, сердилась на плохое качество, хвалила за старательность.

Володя был безучастен, надолго уходил – «на объекты», но результатов не предъявлял. Все чаще помогал Соне принимать клиентов, обрабатывать фотографии. Оказывал ей всяческие знаки внимания, в перерыв водил обедать. И ладно бы, если бы Соня была хороша собой. Когда она появилась – в джинсах, рубашке, кроссовках, Даша, увидев ее в двери, подумала: какой красивый юноша! Юноша подошел поближе, Даша, сожалея, поняла: это некрасивая девушка. Но ошибку свою запомнила и на досуге себе пообещала поразмышлять на эту тему: почему одни и те же черты лица у мужчин кажутся привлекательными, а у женщин нет? Так что Даша в какой-то интерес Володи к Соне не верила.

Володе и в самом деле Соня ни с какой стороны не нравилась. Даше мстить он тоже не собирался: догадался, что на нее не подействует. Она же ненормальная, она просто с ума сошла. Чем красивей будет та, которую он изберет орудием мести, тем меньше Даша на это обратит внимание. Она считает себя лучше всех, и ее не переубедишь. Володя, как ни странно, хотел отомстить – Соне. И в ее лице всем женщинам.

Нет, не так. То есть он думал, что это так, он думал о мести (слово благородное!), в действительности же им двигала детская обида, желание, раз уж ему сделали больно, тоже сделать кому-то больно. Вот и прикинулся, будто Соня ему нравится.

Но, если Володя не научился к своим двадцати трем годам верить в плохое, Соня, будучи на три года младше его, не верила в хорошее. Она считала, что ей не повезло со всем – с бедными и необразованными родителями, шофером и кладовщицей, местом жительства (имеется в виду и окраинный район Кулижевка, село тут такое было, и город Сарынск вообще), и со школой, где учителя были психопаты, а школьники дебилы. И с работой не везет все время, хозяева и начальники попадаются какие-то дерганые, нервные, торопят, орут. А у нее свой биоритм, между прочим. И она не спит на ходу, она думает. Это вы живете просто так, без мыслей, а у Сони в голове

всегда что-то происходит. Делает, например, фотографию на загранпаспорт девушке, показывает ей уж десятый оттиск, а ей все не так. То серо, то красно, то прыщик не убрали, то красивую (как она считает) родинку чересчур забледнили, то улыбку искривили («я сроду так не улыбаюсь!»). Соня терпеливо исправляет, а сама думает: ну какая разница ей, что там у нее будет в паспорте на малюсенькой фоточке? Таможеннику, что ли, собирается понравиться? Или тому, с кем собирается на отдых в какой-нибудь Таиланд, сейчас модно летать в Таиланд. Понесет он, к примеру, паспорта на оформление визы, заглянет, а там некрасивое лицо, он опомнится и разлюбит девушку. С одной стороны, наивно, а с другой, не совсем. Соня, когда еще имела глупость знакомиться по Интернету, а потом встречаться с некоторыми парнями, знала, насколько для них важно, чтобы у девушки все было полный перфект и на фотографии, и в натуре. И если живая девушка кажется им не настолько привлекательной, огорчаются и даже обижаются: обманула! А она не обманывала, она даже фотошопом не обрабатывала (хотя могла бы), просто у нее лицо такое фотогеничное, ее камера любит. Даже бездушная камера умеет увидеть во мне красоту, почему же ты, одушевленный, блин, предмет, не умеешь ее разглядеть? Это твои проблемы, а не мои!

Но, может быть, допускает Соня, девушка хочет хорошую фотографию для себя. Чтобы самой приятно было смотреть. И вообще, она из тех, кто, если что делает, то делает хорошо – пусть даже чужими руками. Это Соня понимает и уважает. Поэтому терпит, старается угодить клиентке. Да, вид у нее при этом никакой, то есть без улыбочек, без приговорочек: «Конечно! Пожалуйста! Спасибо!» – извините, у каждого своя манера. Даше нравится улыбаться посетителям – на здоровье. А Соня привыкла быть спокойной и серьезной. Если кому-то (довольно часто) кажется, что она чем-то недовольна – опять же их проблемы. Вниманию Володи Соня слегка удивилась, попыталась понять, с чего бы? Но ведь не дура же, видит, что происходит, как в последнее время общаются Даша и Володя – будто чужие. Все ясно, все понятно. Ладно, сделаем вид, что принимаем за чистую монету.

Хотя приятно все-таки. Дуры мы все, думает Соня. В кафе нас позовут, угостят, поговорят по-человечески – и все, и уже таем, как мороженое на асфальте.

Нет, ребята, нет-нет-нет, на самом деле нас не обманешь. Уж лучше пусть будет так, как есть, как Соня привыкла, то есть в определенном смысле никак, чем позволить себе обрадоваться, обнадежиться, а потом рухнуть в окончательную пустоту. А то получится, как у отца: вечно обжигается чаем и кричит на мать, что кипяток налила.

– А ты бы подождал!

– Пить хочу!

– Ну, на себя и злись! Или сам себе наливай!

– А ты на что? Три бабы в доме (у Сони есть еще младшая сестра), а я буду чай сам наливать? Я себя уважаю или нет?

И он опять хлебает огненный чай: раньше не знал, поэтому казалось слишком горячо, а теперь знает, но теперь это его выбор, это он сам решил. И оно получается ничего, терпимо.

Странно, но Володя почти не думал о Костякове – будто он был не человеком, а чем-то потусторонним. Или далеким островом, куда Даша собралась в бессрочную командировку, не взяв Володю с собой.

И вот сегодня – появился.

Володя смотрел на монитор, переговаривался с Соней, она вдруг замолчала, глядя на вход. Володя поднял голову. Павел Витальевич шел от двери к Даше, улыбаясь. Она тоже улыбнулась, глянула на Володю, покраснела, встала навстречу Костякову. Тот, наверное, хотел ее обнять, но она увидела какой-то мелкий непорядок в стороне, что-то не так лежало или висело, она шагнула туда, поправила, а потом пошла к двери, поэтому Павел Витальевич вынужден был повернуть назад и выйти с ней в коридор. Они стояли некоторое время за стеклянной стенкой и о чем-то говорили, Павел Витальевич пару раз посмотрел на Володю, возможно, спрашивал: ты что, стесняешься его? Даша что-то отвечала, потом они пошли на улицу. Володя обернулся, увидел через

окно-витрину: Даша довела Костякова до машины, и вот там он ее уже без стеснения обнял, поцеловал в щеку, сел в машину – большую, черную. Похоже «майбах».

Володя быстро вышел, свернул в поперечный коридор, который вел к туалетам и к двери во двор, где у него стояла машина. Вывел ее через подворотню, увидел, что «майбах» не слишком удалился: здесь было плотное движение, «майбах» свернул, Володя за ним, тут улица была свободнее, «майбах» резко стартанул, и Володя понял, что сейчас безнадежно отстанет. Но тут впереди светофор, «майбах» вынужден был остановиться. Володя поднажал, жалея, что не успел заранее разогнаться, и долбанул в высокий задний бампер «майбаха». Бамперу ничего не сделалось, только чуть вдвинулся в кузов (на амортизаторах, гад!), а капот Володиного «опеля» тут же согнулся и вывернулся вверх углом, будто консервная жестянка.

Из «майбаха» выскочил огромный, как и сам автомобиль, мужик с битой в руках. Побежал к Володе.

По стеклам или по балде? – думал Володя, закрывая боковые стекла. Наверно, сначала по стеклам, а потом и по балде. Такой не постесняется.

– Шура, постой! – послышался крик.

Павел Витальевич вышел и направился к машине Володи.

Тот вылез, встал перед ним.

– И чего ты добиваешься? – спросил Павел Витальевич.

– Я тебя убью, мудак! – выкрикнул Володя, чувствуя, что это вышло по-пацански.

Шура посмотрел на хозяина, тот отрицательно покачал головой,

– Ты так скорей себя убьешь, – сказал Павел Витальевич. – Не глупи. Если что не ясно, спроси у Даши. А то ведь во вред ей действуешь. Я рассержусь, сам тебя убью, ей будет неприятно. Ты разве хочешь ее огорчить?

– Я тебя сам огорчу, – пробормотал Володя.

Павел Витальевич уже не слушал, шел к своей машине. Шура отходил за ним, не спуская с Володи глаз.

Володя шмыгнул носом и пошел прочь от дороги, не обращая внимания на гудки машин. Но отошел недалеко, у тротуара затормозила милицейская машина, выскочил рассерженный гаишник.

– Документы быстро дал! К машине вернулся! – отрывисто выкрикнул гаишник.

Володя вернулся, его долго мытарили, разбираясь, составляя протокол, потом приехал эвакуатор, Володя тут же, на месте, дал денег, чтобы машину отвезли в сервис. В сервисе сказали, что, если проехать два квартала вниз, там он найдет то, что нужно.

– А что там? – спросил Володя. – Другой сервис, что ли?

– Там овраг.

– А зачем?

– Затем, что твое корыто восстановлению не подлежит.

50. ДИН. Жертвенник

_____
____ ____
_____
_____
_____
____ ____

Дело, за которое вы принялись с двумя единомышленниками, приведет к успеху.

Дубков, закончив под утро поэму, вышел на улицу охладить разгоряченную голову, промяться, встряхнуться, чтобы потом, вернувшись, все прочесть свежими глазами.

У газетного киоска он увидел очередь и очень удивился: в последние годы газеты не являются

предметом массового спроса. Те, кто еще интересуется информацией, смотрят телевизор, продвинутые копаются в Интернете, а остальных давно уже не волнует ничего, что выходит за рамки их делишек, работенки, квартирешки – ну, может, еще машинки и дачки.

Еще больше удивило Дубкова, что многие, купив газету, тут же ее разворачивали и, отойдя от киоска, начинали читать. А самое странное, что газета была – «Свободное время», одна из самых беззубых и серых в Сарынске.

Он увидел заголовок – «Кто на верхней палубе?», и тут же его охватило неприятное предчувствие. Встал в очередь, дождался, купил газету, раскрыл и увидел статьищу аж на целую полосу. Подписано: И. Немчинов. Так себе журналистишко, перебивающийся травоядными темами культуры и краеведения. Но кто ж ему позволил втиснуть в номер такой объем? Дубков посмотрел в подвал последней страницы, выпускающим редактором значился сам Немчинов. Все ясно, начальство в отпусках, вот он сам себе и позволил, за что обязательно получит по шапке, независимо от содержания.

С первых строк Дубков понял, что предчувствие оправдалось: его обокрали. Понятно, что некоторые метафоры и темы носятся в воздухе, но все дело в том, кто первый застолбит. Дубков был уверен, что он первый, а Немчинов все испоганил, использовал его образ корабля – причем бездарно.

Статья начиналась с того, что, дескать, есть мнение, что в России издавна два народа, которые вечно в контрах. Упрощенно говоря, одни угнетатели, другие угнетаемые, одни правят бал, заказывают музыку, другие играют или разносят шампанское.

Дубков поморщился: избитые, провинциальные, ходульные выражения. Не говоря уж о том, что нельзя начинать статью, пусть даже с потугами на аналитичность, с теоретических рассуждений. Начало должно хватить читателя за горло. Дескать, на улице такой-то обнаружен труп. И дальше можешь уже впадать в лирику, как выглядит улица, какой там фонарь и какая аптека.

«Я тоже так думал, – писал дальше Немчинов, – пока не огляделся пристально вокруг. И понял, что все это выдумки, народ один, хоть и крайне раздроблен. Дело не в народе, а в нашей истории и государственном устройстве, которое веками сохраняется неизменным, какой бы строй на дворе ни властвовал».

Ишь ты, как широко забирает, усмехнулся Дубков. Да еще так, будто новость открыл! А вот за «устройство» и «строй» в одном предложении – двойка тебе. И корректору заодно.

«Государство – корабль».

Дубков даже передернул плечами, настолько ему стало кисло от этого сравнения.

«Есть корабли, построенные довольно рационально, они, условно говоря, трехпалубные. Нижняя заплеванная и грязная палуба маргиналов, асоциальных элементов, бездельников, людей пассивных, бедных. Верхняя – с бассейнами, дорогими ресторанами и номерами-люкс – власть, политики, богачи-бизнесмены, но в плюс к ним и крупные ученые, деятели искусства. Элита. А между ними – вторая, средняя палуба, в которой довольно вольготно обитает средний класс. Пусть стандартно, без излишеств, но у людей есть возможность и погулять, и номера у них тоже отдельные, и бассейн имеется, хоть и лягушатник, но освежиться можно. Само собой, палубы соединены социальным лифтом и время от времени кто-то поднимается наверх. Не забудем, что имеется и трюм, где бесхитростно вкалывают те, кто своими руками производит материальные ценности. Но из трюма, однако, они, почистившись и умывшись, тоже могут свободно попасть на среднюю палубу и пользоваться теми же благами, что и все».

Длинно и тупо, отметил Дубков.

«Так вот, в корабле, называющемся «Россия», только две палубы. А если и есть средняя, то она настолько низкая, что рисковые люди пробираются в ней на карачках, как дореволюционные шахтеры в забое. Основные – две палубы. На верхней те, кто имеют права и деньги, на нижней те, у кого нет ни денег (или очень маленькие), ни прав.

При этом, напоминаю, корабль один, следовательно, и курс один. Но куда – никто не знает. Может, к чистым песчаным пляжам, а может капитану вздумалось причалить к собственной дачке и посмотреть, как там растут огурцы. Или старпом делает крюк, чтобы продать прихваченный им в

виде балласта груз личных товаров».

Не смешно, подумал Дубков.

«Но не будем углубляться в нюансы», – писал Немчинов.

И на том спасибо.

«Точно так же и любая губерния, любой район у нас в стране напоминают устройством корабль. И возникает вопрос, кто у руля на конкретно нашем губернском корабле, кто там, на верхней палубе? Чем они славны и знамениты, чем добились такого высокого положения в обществе?»

И дальше шел поток разоблачительных пассажей, причем с серьезными фактическими деталями. Правда, часто встречались оговорки: «говорят, будто бы, по слухам и т.п.». Наезд был тотальный, досталось всем – губернатору, членам областного правительства, депутатам, мэру и мэрии. Перечислялось, кто и как сжульничал, кто кого загнобил, кто откровенно врет (с цитатами), кто замешан в криминале (с примерами).

«Виданное ли дело, – писал дальше Немчинов, – чтобы чиновник высокого ранга, господин Максим Витальевич Костяков, заместитель Председателя правительства, совершенно открыто занимался коммерцией, имел предприятия, которые записаны на разных лиц, но многие – прямо на него. Без фокусов! И кто он, этот многоуважаемый деятель? Откуда вырос?»

Тут Немчинов перечислил факты, половину которых Дубков знал (да и все знали), а половина была до этого неизвестна и удивительно конкретна – где, когда, как и сколько. Правда, многое относилось к времени давнему, но Максим именно оттуда вырос, прав Немчинов.

«Или брат его, П.В. Костяков».

Дубков даже оглянулся. Вот уж кого не надо бы трогать. Неужели и о нем напишет так подробно?

Да. Подробно. Когда, сколько, у кого. И кто при этом исчез, кто погиб, кто был морально подавлен, кто куплен, кто продан. Складывался облик крупного, хоть и провинциального, мафиози, начинавшего бандитом обыкновенным, а ставшего бандитом в законе: депутат, хоть и не является на заседания, член множества комиссий, где за него работают другие, и при этом владелец такого количества движимого и недвижимого имущества, а также различных производственных мощностей и торговых предприятий, что, похоже, именно он хозяин Сарынска и есть.

Опять-таки, много сведений было почему-то из девяностых годов, уже забытые, но, Дубков отдал должное, вопрос был поставлен Немчиновым в итоге правильно:

«Есть ли срок давности за преступления против города, области, страны, общества? И ладно бы, как бывало когда-то, Меншиков Александр Данилович тоже воровал, но Петербург построил! А эти и воруют, и не строят ничего, а если и строят, то только в случае, если имеется большая личная выгода».

Запутался, подумал Дубков. Вынужден признать, что все-таки что-то делают.

«Но Меншикову хоть Петр Первый по уху давал, а наших никто не трогает. Почему, например, не вызывает прокурор того же П.В. Костякова и не задает ему 333 вопроса на скользкие темы? Нет, он сам едет к Павлу Витальевичу, едет в гости, попить чаю или коньяку, побеседовать о жизни. А прощаясь, жалуется дружески Павлу Витальевичу, что у него машина барахлит, водитель небрежный попался. И выезжает из имения Павла Витальевича, расположенного в природоохранной зоне, где категорически запрещено любое строительство, на новой машине и с новым шофером. А предыдущий прокурор, который имел наглость погрозить пальчиком братьям Костяковым, где он теперь? Правильно, на пенсии. Рановато в пятьдесят два года? Ничего, он доволен. А прокурор, который был до этого? Он даже не грозил, он сделал в одном интервью неосторожный намек, что знает о каких-то неприятных мелочах, и через месяц был застрелен, как справедливо установило следствие, наркоманом у подъезда дома, два выстрела в грудь, контрольный в голову. В целях ограбления – и вообще, что с наркомана взять?»

Это точно, подумал Дубков.

«Они никого не жалеют, – нагнетал Немчинов. – Было дело, утонул давным-давно в реке Медведице брат Костяковых, Леонид. Бывает? Да, бывает. Но я недавно был случайно на этой реке, в этих местах. А потом поворошил архивы. Так вот, течение там быстрое, опасное, захлебнуться

можно, но – мелко. Восемь случаев утопления за тридцать лет, два ребенка утонули, пять мужчин и женщина, большинство по пьяному делу. Но не бывало такого, чтобы утопшего не нашли. Нельзя не найти на таком мелководье и с такими изгибами, где все прибивается к отмелям и берегам. Невозможно. Фантастика. Я ничего не утверждаю, это еще один черствый кусок в пищу для размышлений».

Ну уж и нашел сравнение, поморщился Дубков. «Кусок – в пищу...» Не стилист ты, Немчинов, не стилист.

«И вот плывет наш корабль, – резюмировал Немчинов, – и никто уже не знает, куда, никто не понимает, за счет чего, никого не волнует, что топливо может кончиться, а кочегары поднять бунт. Нижняя палуба жарит картошку и лениво осматривает чахлые берега, а верхняя занята вовсе не расчетом курса и тем, как бы не натолкнуться на мель, они озабочены больше всего, чтобы у них на элитной палубе неведомо куда плывущего корабля было лучшее место. Здесь и сейчас, а потом хоть потоп!»

Дубкова опять кольнуло – вспомнил про свой ковчег.

«Социальный лифт у нас тоже есть, но тебя будут неимоверно обирать и при входе, и при выходе. И ты вовсе не становишься представителем какого-то другого народа, попав на верхнюю палубу, ты как бы все тот же, но там – свои правила, подлые и циничные. Тебе дадут две удочки. Первую, чтобы ты все-таки исполнял свои обязанности и спускал, к примеру, на нижнюю палубу тухлую воду или баланду. Кидал щедрой рукой мелочевку пенсий и пособий. Но второй удочкой ты обязан выуживать из карманов граждан деньги, проявляя максимум изобретательности, и этими деньгами делиться с теми, кто ленится уже и удочку в руках держать. И если ты застесняешься или улов у тебя окажемся маленьким – пинком швырнут обратно на нижнюю палубу, если не вообще за борт. Так и живем. Так и плывем. А кончится горючее – ничего, разберем переборки нижнего класса – и в топку. Детей же своих от греха подальше сплавляем на другие корабли, плавающие по другим, более безопасным рекам. Да у нас самих там заранее каюты зафрахтованы.

Но, бывает, корабли тонут так быстро, что не все успевают спастись. И мест в шлюпках не хватит – это понятно уже сейчас».

Дубкова отчасти даже пробрало. Ничего нового не написал Немчинов (разве что привел некоторые ранее неизвестные факты – видимо, снюхался с компетентными людьми), но выглядела картина хоть и примитивно, а разительно.

Правда, он прицепил еще хвостик (может, место оставалось на полосе?), который Дубкову показался лишним.

«Я не призываю к вражде. К примирению волков и овец тоже не призываю. И уж тем более не хочу, чтобы все опустили руки или, наоборот, схватились за знамена и винтовки. Я просто хочу, чтобы мы жили с открытыми глазами и не обманывали сами себя, жили, понимая, что имеем ужасающее во многом прошлое и довольно-таки паскудное, постыдное, иногда просто позорное настоящее. Не бояться признать это, но при этом не отчаяться, вот чего я хочу. Я хочу также сказать странную вещь: несмотря ни на что, я верю в совесть нашего народа, верю в желание жить по правде и по закону. Я верю, что пройдет эта полоса унизительной тотальной податливости. Я очень хочу, чтобы через десять или пятнадцать лет эту статью, отыскав в архиве, читали бы как начисто устаревшую злободневку. Я верю также, что на верхней палубе каким-то образом выживают люди, не имеющей ежедневной обильной выгоды (чтобы вообще не имели – не верю). Я верю, что у интеллигентов, извините за несовременное слово, проснется желание ясно увидеть, что происходит – и что-то сделать. Не против власти – за будущую жизнь. Надоело быть против – как любому, даже самому глупому человеку надоест биться лбом в бетонную стену в надежде ее прошибить.

Я о другом.

Пройдут наши трудные годы.

Настанет пора главенства закона и порядка.

Но те, кто сейчас на верхней палубе, те, у кого рожи лопаются от жира, а бумажники от денег, те, кто уже замарался с ног до головы, что они думают о своем прошлом, о себе? Какие сказки бу-

дут рассказывать внукам? Я понимаю, что это наивный вопрос, но мне просто интересно было бы узнать хоть у одного из них: не страшно ли им? Перед собственной душой – неужели не страшно? Понимают ли они, что искалечили собственную нацию, отравили ее своей заразой бесконечных корыстных подлостей? Или, прочитав вот эту статью, посмеются, достанут удочку и встанут к борту на утреннюю ловлю?

Боюсь, так и будет. Посмеются, поплюют на червяка.

Ловись, рыбка, большая и маленькая».

У Дубкова было двойственное чувство. С одной стороны он не мог оценить смелости Немчинова. С другой, считал, что материал растянут, слишком много дурного пафоса. Другое важнее, зарезал он поэму Дубкова своим выскоком или не зарезал? У Вячика была мысль сначала издать поэму в Сарынске небольшим тиражом за свой счет – как бы самиздатом, а потом послать в «Новый мир» или в «Знамя». Нет, лучше в «Наш современник». Книжечкой послать солиднее. Теперь тут книжечку не издашь, местные прочтут и скажут – по газете сочинил.

А почему книжечкой солиднее? Не видели они таких книжечек, что ли? И зачем это тут вообще печатать? Надо сразу посылать туда, а в Москве провинциальных газетенок не читают, не увидят плагиата. Да и нет его: сюжет и образ из разряда ходячих, к тому же, у Дубкова двенадцать палуб, а не две с половиной. И стихи все-таки, поэма.

Поэтому Вячик успокоился и отправился домой – работать, шлифовать свое творение.

...

На стадионе «Смена» шла тренировка подросткового клуба «Факел», президентом которого и тренером на добровольных началах был Петр Чуксин.

Один из его подопечных, Женя Лухин, внимательно следил, как мощный Петр делает разминку, и повторял его движения, как и остальные подростки (от двенадцати до четырнадцати лет).

Женя с трудом попал в эту секцию. Он был невысокого роста, худой, до весны этого года никаким спортом не интересовался. Но друзья со двора позвали – записаться в клуб. Пошел с ними. Оказалось, не так это просто. Петр объяснил им, что клуб занимается общей подготовкой. У американцев есть скауты, вот что-то вроде этого. Жизненное многоборье, сказал Петр. Уметь бегать, прыгать, плавать, обходиться без еды и питья, драться, терпеть боль. В конце лета поедем в лагерь, сказал Петр, но попадут в эту группу не все.

И окинул глазами подростков, которых собралось не меньше сотни.

Начались испытания. Сначала бег на два круга. Пятеро последних выбывают.

Женя никогда столько не бегал, от физкультуры отлынивал. Решил, что пусть друзья тут занимаются, а он пробежится и уйдет.

Побежали.

Уже после первого круга Женя понял, что дышать не может, что ноги немеют, что сейчас он упадет и никогда не встанет. Но, приподняв голову, увидел рядом пацана еще меньше и худее себя. Тот двигал локтями, сжал губы, хрипло, со звуком, дышал, но бежал и, похоже, не собирался сойти. Да и другие были нацеленными, азартными, серьезными. Что это я сразу сдаюсь? – подумал Женя. И пробежал второй круг, оказавшись первым в последней десятке. Ушли не пятеро, а семеро – двое сошли с дистанции, но Петр не стал их учитывать: «Проигрывают только боровшиеся!»

Потом были прыжки через маты. Вернее, через один мат, но не стандартный, длинный. За ним был постелен другой, поперек.

– Надо перепрыгнуть и попасть на следующий, – сказал Петр. – Кто не перепрыгивает, уходит.

Начали. Половина не одолела эту длину. Женя ждал своей очереди. Разбежался, оттолкнулся и уже в воздухе понял – не перепрыгнет.

Шмякнулся, вскочил.

– До свидания, – сказал Петр.

Женя отошел, бродил в сторонке.

Когда все отпрыгали и остались человек тридцать, и убрали уже поперечный мат, Женя по-

дошел и сказал:

– Можно я еще попробую?

– Второй попытки ни у кого нет.

– Да?

Петр посмотрел на Женю и сказал:

– Ладно. Мат обратно стелить не будем, все равно до пола не допрыгнешь.

Но Женя допрыгнул. Он разбежался, весь рванулся вперед, полетел – и стукнулся пятками об пол за целых полметра после мата.

– Ладно, пока остаешься, – сказал Петр.

Почему пока? – удивился Женя.

И тут же понял: потому, что предстоит еще одно испытание, которого он ни за что ни одолеет: залезть по канату. И не с ногами (он на физкультуре и с ногами не мог), а на один руках.

Дело гиблое, можно сразу уходить.

Но Женя все же остался.

Каждый второй добирался максимум до середины, изнемогал, сползал на ослабевших руках или просто падал.

Женя взялся за канат, подпрыгнул, повис и подумал: все. Он не способен приподняться даже на сантиметр. Отцепит одну руку – и тут же упадет. Но он вспомнил, что те, кто долезал до конца, помогали себе ногами. То есть не цеплялись ими за канат, это нельзя, но дрыгались, как лягушки. И он попробовал, лягнул ногами воздух, одновременно вытянув руку. Перехватил канат выше – совсем немного. Еще раз дрыгнул ногами, еще чуть-чуть приподнялся. Повис. Вокруг смеялись, орали, улюлюкали, у Жени стоял звон в ушах. Все, больше не получится. Но попробовал еще. И так он дергался, силился, пыхтел, мычал, почти уже стонал, но поднимался. До крюка, к которому был прикреплен канат, оставался, быть может, метр. Женя долго висел, отдыхал. Уговаривал себя вытерпеть. Дрыгнул ногами, схватил рукой, но не канат, а воздух. И упал.

Даже не почувствовал, что ушибся.

Встал и, ни на кого не глядя, пошел из спортзала.

– Эй, как тебя? – окликнул Петр.

– Евгений, – назвался Женя почему-то полным именем. Пацаны засмеялись.

– Оставайся, – сказал Петр. – Ты, я вижу, упорный. Была бы охота, а мышцу нарастим.

И Женя начал ходить в клуб, наращивать мышцу, бегать, прыгать, нырять в бассейне с задержкой дыхания, изучать приемы борьбы и рукопашного боя. И было уже два спарринга, в одном Женя проиграл, очень уж соперник был мощный, на голову выше его, в другом выиграл, хотя тот был тоже тяжелее и выше.

Все мечтали о том, как в конце лета поедут на десять дней в лагерь. Палатки, рыбалка, тренировки. Петр обещал пейнт-бол.

Женя обожал Петра.

Никто, ни учителя, ни родители не относились к нему с уважением, а Петр – уважал. Мог иногда стукнуть по затылку или дать по дых, говоря:

– За дело – терпи.

Но все равно – уважал.

Жене даже казалось, что Петр относится к нему немножко по-особенному. Ничего особенного, но скажет иногда:

– Так, Евгений, теперь ты.

И это шуточное «Евгений», а не «Женя» и не по фамилии, тут же теплом входит в душу Жени, и он готов для Петра и за Петра сделать что угодно.

Но тот и сам все может: пацаны не раз рассказывали случаи, когда Петр в одиночку побеждал врагов. Был случай – раненый справился с бандитами, у которых были ножи. Спорили только о том, сколько было бандитов, трое или пятеро, и было ли у Петра тоже оружие. Сходились на том, что неважно, главное – их было больше, а Петр победил.

Женя привык, что на тренировках указывает и приказывает только Петр, поэтому удивился, когда у ворот остановилась машина, вышел человек и оттуда поманил Петра. И тот послушно побежал к нему. То есть пошел, но быстро.

Потом было еще удивительнее: этот человек стал кричать на Петра. А тот сначала спорил, а потом замолчал и слушал.

Лучше бы Женя этого не видел. Он кругами приблизился – не для того, чтобы подслушать, а – увидеть номер машины. Надо запомнить и, когда эта машина попадется где-нибудь стоящей, проколоть колеса и хотя бы так отомстить за Петра.

– Тебе чего? – спросил Петр, заметив его, спросил до обидного чужим голосом.

– Ничего.

– Ну, и иди.

Женя пошел к пацанам, услышал только слова незнакомого человека:

– Сделаешь точно, как я сказал, и никакой самодеятельности, понял?

Петр позвонил Немчинову и сказал, что надо встретиться.

– А в чем, собственно, дело? По поводу статьи?

– Да так, вообще.

– А почему вы звоните, а не Максим или Павел Витальевич?

– Есть разница?

– В любом случае я занят, я тут другу помогаю, ремонт делаем.

– Это тот, которому мы переехать помогали?

Петр не видел, как в квартире трое друзей, Немчинов, Иванчук и Сторожев, переглянулись. Телефон Немчинова был на громкой связи, голос Петра слышали все.

– Начинается, – прошептал Сторожев.

– Пока ничего не начинается. Пусть приезжает, если хочет, – твердо сказал Коля.

– Да, я здесь, – ответил Петру Немчинов.

Друзья стали ждать.

– С компанией приедет, – предположил Сторожев.

– Ага. В масках и с автоматами. Не те времена, Валера.

– Все те же, а то и хуже. Да нет, я тоже не думаю, что они сразу начнут заваривать кашу. Но откликнулись быстро.

Петр приехал один. Поднялся, позвонил, Коля открыл.

– Привет, – сказал Петр – очень вежливо. – Илья Васильевич, оторвитесь на часок, Максим потолковать с вами хочет.

– Пусть сам звонит.

– Он человек занятой...

– Ничего, я подожду.

– Да ладно вам, поехали.

И Петр прошел мимо Коли к Немчинову, стоявшему в конце прихожей, взял его под руку и повел.

Это получилось быстро, просто и неожиданно: вот Немчинов в квартире, а вот он уже на лестничной площадке, идет за Петром, перебирая неохотно ногами, то есть тот его натурально тащит, но легко, без усилия.

– Минутку! – сказал Сторожев. – Мы тоже поедем!

– Ремонтом занимайтесь, – отозвался Петр.

– Илья, ты никуда не пойдешь!

Сторожев выбежал из квартиры, Иванчук тоже, они догнали уводимого Илью и схватили его.

– Начинается... – с укоризной сказал Петр. – Я же по-человечески. Отцепитесь.

– Он никуда не пойдет! – повторил Сторожев.

Петр, держа Немчинова под руку, повернулся к его друзьям, Сторожева ударил рукой по шее, а Иванчука кулаком под дых. Ударил несильно, словно отмахивался, но Сторожев и Иванчук од-

новременно сползли на ступеньки лестницы.

– Цепляются, – сказал Петр, как бы удивляясь этой глупости. – Не ихое дело, зачем лезть? А?

– Отпустите немедленно! – сказал Немчинов.

– Ты-то хоть будь умный. Начнешь корячиться, больно сделаю.

И Петр в доказательство серьезности намерений показал, как он сделает больно: сжал пальцами руку Немчинова.

Тот чуть ни закричал.

51. ЧЖЭНЬ. Возбуждение (Молния)

⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊

В вашем окружении произойдет нечто неожиданное и неприятное.

Однажды жена Люся сказала Илье:

– А давай сходим в кино? Сто лет не была.

– На что?

– Да все равно. Что будет, то и посмотрим. Желательно что-нибудь легкое, приключенческое.

В трехзальном кинотеатре «Октябрь» они выбрали какой-то боевик, в котором стреляют больше, чем говорят. Да еще боевик российский, то есть вдвойне паскудный – без тени юмора, с обилием крови, мордобоя и непроходимой тупости всех персонажей, включая положительных. Через десять минут Люся шепнула на ухо Немчинову:

– Нет, этого я не выдержу.

А ведь раньше выдерживала многое, никогда не уходила из кино, с концерта, из театра. Неловко, видите ли, ей было перед актерами и музыкантами, а в кино перед теми зрителями, кому фильм нравится. Это ведь значит обидеть их, показать, что ты как бы умнее и лучше их. Такая уж она женщина, любимая жена Люся. Но на этот раз до того ей было тошно, что решилась нарушить принцип.

И они хотели выйти. Но слева была стена без прохода, а справа сидели молодые люди, человек восемь, юноши и девушки. Они, вытянув ноги, поедали (о, как ненавидит Немчинов это слово!) поп-корн из огромных пакетов, пили из бумажных стаканов колу, переговаривались, кто-то с кем-то заигрывал, в общем, развлекались. Тем не менее, когда Немчинов поднялся, показывая этим, что хочет выйти, ближний к нему долговяз сказал:

– Не мешайте людям кино смотреть!

– Убери ноги, – сказал ему Немчинов.

– Тиша, тебя обижают? – тут же включился друг долговяза. А потом и остальные присоединились – что-то выкрикивали веселое, обвиняли: какие некультурные дядя и тетя! Люся удерживала Немчинова, который порывался пройти по хамским ногам.

Зрители (их всего-то в зале было человек двадцать), притихли, с интересом наблюдая, забыв про кино.

– Тут администратор есть или нет? – закричал на весь зал Немчинов.

Никто не ответил, а молодежь пришла в восторг:

– Администратор! Администратор! – начали орать они.

– Я тута! – раздался тонкий голос из зала кого-то, солидарного с ними и желавшего разделить веселье.

Молодежь повалилась от хохота друг на друга.

Немчинов оглянулся, увидел сзади пустой ряд, взял Люсю за руку:

– Пойдем!

Помог ей перебраться, перелез сам, они пошли за головами весельчаков, но тут один из них (все тот же долговяз), протянул назад, не глядя, длинную руку со словами:

– Куда же вы?

– И уцепил Люсю за джинсы, причем в не самом скромном месте.

Немчинов дернулся, собираясь что-то сделать, но не успел, Люся изо всей силы долбанула кулаком по маковке долговяза и закричала:

– Ты куда руки суешь, ошметок, я тебе шею сейчас сверну, сучок мороженый! Я вас, тварены-ши, всех в милицию сейчас сдам! Говнюки! Еще хочешь?

Молодежь оторопела. Долговязый Тиша молча сидел, схватившись руками за голову и пригнувшись: удар оказался крепок.

Люся и Немчинов вышли.

– Да, – сказал он на улице. – Вот ты как умеешь, оказывается.

– Забыл, где я работаю? Каждый день с такими придурками имею дело.

– И всех по головам?

– Нет. А надо бы. Я другого не могу понять, Илья, откуда у них такая энергия глумливости? Ну, я понимаю, когда человек, допустим, вор, грабитель, угонщик. Тоже нехорошо, но там хоть цель какая-то. А тут какая цель? Зачем это им?

– Самоутверждаются.

– Не уверена. Мне иногда кажется, что это чисто инфернальное, будто бес в них вселяется и подзуживает. Мне ведь их жалко на самом деле.

– Да всех жалко, если подумать, – сказал Немчинов.

Сейчас он сидел в темноте и вспоминал этот эпизод, и думал, что неплохо бы его вставить в будущую книгу. На тему: ты хочешь откуда-то выйти, а тебе не дают. Метафора.

Он понятия не имел, где находится. То есть видел, что подъехали к спорткомплексу «Смена», вошли в здание под трибунами, шли длинными коридорами, потом Петр открыл ключом какую-то дверь и впихнул внутрь:

– Посиди пока.

И захлопнул дверь. И Немчинов остался в полной темноте. Осторожно передвигаясь, нащупал длинную скамью, сел на нее. Поводил руками вокруг. Какие-то ровные поверхности. А вот что-то металлическое. Маленький замок. Это дверцы, это шкафы, его заперли в раздевалке.

Что ж, будем ждать развития событий.

Чтобы отвлечь себя, Немчинов вспомнил еще про кино – как забрел однажды в осеннюю хмурую погоду в тот же кинотеатр «Октябрь» выпить кофе в холле, куда допускали без билетов (билеты проверяли при входах в залы), увидел афишу старого и хорошего фильма, захотелось его пересмотреть. Купил билет, сидел в пустом зале и с удовольствием наблюдал, как милые, интеллигентные и, как водится, несчастные люди, выясняли между собой отношения, и все велось к неизбежному монологу: «Мне тридцать пять лет, а я ничего не сделал!» – но тут что-то произошло, небрежный или хмельной киномеханик крутанул не ту бобину, пошло совсем другое кино, в первых же кадрах кто-то кого-то где-то догнал, прижал к стене и, приставляя пистолет к испуганному лицу, заорал гнусавым голосом:

– Ты хотел уйти от меня? Уйти хотел, да?

И долго он еще выкрикивал этот свой вопрос, будто больше всего его волновало именно это – что кто-то от него хотел уйти без его на то разрешения.

Механик исправился, фильм продолжился, но впечатление было безнадежно испорчено. Больше того, разговоры милых и интеллигентных людей показались вдруг искусственными, надуманными, далекими от реальной жизни. Пошлость моментально замарывает все, рядом с чем

оказывается, подумал тогда Немчинов. И ушел.

Тоже неплохой сюжет для книги.

Сидит герой в темноте, и ему кажется, что он попал в какое-то другое кино. Очень глупое, но при этом не смешное. Возможно, даже страшное.

Но где-то такое сравнение уже было. Пожалуй, первый эпизод, с молодежью, эффектнее.

Петр дождался Максима, который отлучался по каким-то делам. И вот наконец приехал. Спросил:

– Что делает?

– А я знаю?

– Не трогал его?

– Очень надо...

Они прошли в раздевалку, Максим включил свет и увидел перед собой зажмурившегося Немчинова.

Так. Теперь надо правильно задать вопросы.

Максима не волновало то, что было напечатано в «Свободном времени». С утра он был в Доме правительства, видел эту газетку у многих на столах, но никто не посмел выразить даже намека на злорадство. Наоборот, и взглядами, и словами демонстрировали сочувствие:

– Совсем эти газетчики уже обнаглели!

Надо учесть при этом, что среди сочувствующих было много тех, кого Немчинов в своей статейке тоже цапнул, поэтому их возмущение было вполне искренним. Позвонив кое-кому из думского аппарата, Максим узнал, что и в Думе та же реакция. Большинство, впрочем, и в Правительстве, и в Думе остались равнодушны: с развитием Интернета поносных слов в адрес законодательной и исполнительной власти становилось с каждым днем все больше. Но, чем больше слов, тем меньше цена каждого из них.

Максима интересовало другое. Он узнал, что редактор «Свободного времени» в отпуске, что материал шел непосредственно через Немчинова. Но у Немчинова такой информации быть не может. Следовательно, кто-то ему подсунул. Следовательно, в городе появилась какая-то сила или группировка, которая решилась объявить войну Костяковым и их приближенным, в том числе Сезонтьеву. Что ж, все повторяется: шесть лет назад точно такую же информационную войну Костяковы начали против ВМФ, Владимира Михайловича Федулова, которого необходимо было свалить в интересах дела. То есть в интересах своего дела, своих дел – чтобы тем самым ущемить интересы конкурентов, которым потворствовал ВМФ. Тогда купили одну из сарынских газет вместе с помещением и коллективом, собрали людей и сказали:

– Пишите, что хотите, но чтобы в каждом номере была разоблачалка про ВМФ. Любая. С фактами, без фактов, в прозе, в стихах. Но в каждом номере. Кого еще надо будет задеть, мы вам скажем.

И газета стала выходить с новым названием, на хорошей бумаге, при этом стоила очень дешево и быстро завоевала популярность сарынцев. Половина там была правдой, половина враньем (вернее, допущением), журналисты чувствовали, что делают благое дело, поскольку ВМФ – известный самодур, хам, казнокрад, кругозор у него в лучшем случае директора совхоза, при этом нахватал зачем-то ученых степеней, правительственных наград, а город и область разваливал – не то что специально, а не до того ему было, он то и дело ездил в Москву, мечтая проникнуть в тамошние политические круги (что в результате и получилось).

Какая интересная тогда велась война! Конечно, не только с помощью газеты, включались и другие механизмы, посылались ходоки в Кремль с воплями: «Доколе!» Но тут же являлись туда же другие наушники, обелявшие ВМФ, да и в Москве у него было множество влиятельных друзей. Наконец пришли к какому-то компромиссу, президент чуть ни лично уговаривал ВМФ покинуть пост, тот нехотя согласился, оговорив выгодные условия. На его место сел Степан Тимофеевич Сезонтьев, самоотверженно воевавший с ВМФ. Главный редактор разоблачительной газеты, говорят, напился и кричал, что Сезонтьев такой же хам, самодур и казнокрад, и кругозор у него в

лучшем случае директора завода. Вот я все напишу! – кричал редактор. Ничего он, конечно, не написал, газету тут же закрыли за ненадобностью, а сотрудников распустили.

Костяковы и их союзники победили: Сезонтьев был их человек. Само собой, назначил его президент, но ведь не просто так, с чьей-то подсказки, а организовать правильную подсказку – о, ребята, вы даже не представляете, сколько на это ушло времени, денег, сколько людей принимало участие в этом мероприятии!

И вот после долгого периода мира и покоя – статья Немчинова. Конечно, и до этого так называемая свободная пресса колола власть соломенными пиками, Интернет сливал какую-нибудь тухлятину, но это мелочи. А Немчинов выволок на свет божий факты, которые мало кто знает – в том числе о них, о Костяковых. Отсюда и напрашивается вывод, что кто-то его этой информацией снабдил, что где-то копошатся люди, которые, как когда-то Костяковы, нацелились на новый передел власти и сфер влияния. И желательно как можно скорее выявить, что это за лица, кого представляют, чего хотят.

Дверь открылась, вошли Максим и Петр. Включили свет. Максим дождался, пока Немчинов проморгается и привыкнет, подал Илье бутылку воды, сел напротив.

– Попейте.

Немчинов отвинтил пробку, припал к горлышку.

Напившись, решительно начал:

– Я заявляю, что...

Максим поднял руку.

– Илья Васильевич, не торопись. У нас разговор все-то на одну минуту. Помнишь этот фильм... – Максим пощелкал пальцами.

(И он про фильм, подумал Немчинов.)

– Ну, как его. Про разведчика. Его еще били там и кричали: «Кто с тобой работает?»

– «Мертвый сезон».

– Да. Бить, конечно, никто тебя не будет. (Петр посмотрел на брата с недоумением, но тот словно не заметил.) И вопрос, кто с тобой работает, тоже не будем задавать. Вопрос другой: с кем ты работаешь? Ты нам говоришь, кто тебе заказал эту статью – и все. И до свидания. Больше того, к тебе никаких претензий. Ты профессионал, журналист, тебе попал в руки горячий материал, ты, естественно, не удержался. Только не говори, что материал попал по почте или тебе его передали через третьи руки. Такие вещи обговариваются на уровне первых лиц, уж я-то знаю. Без санкции ни один дурак такую статью не напишет и не напечатает, тут надо знать, что кто-то тебя защитит. Разве нет?

– Нет. Ни на кого я не работаю.

– Илья Васильевич, такого, чтобы что-то появилось само собой, не бывает. Вот две недели назад появилась большая статья о художнике Едвельском, которую его дочка сумасшедшая написала, под псевдонимом, конечно. Просто так? Да нет. Ты к ней ходил, о чем-то там расспрашивал, наверное, о Леониде, ты ведь тогда книгу собирался про нас писать. Она рассказала тебе то, чего сама не знает, потому что она ничего не знает, а за это потребовала напечатать статью. Разве не так? Кстати, про Леонида. Ты в самом деле туда ездил, на реку?

– Да.

– И в самом деле там трудно утонуть?

– Утонуть и в луже можно. Но не найти труп в такой реке – абсолютно невероятно.

– Петр! – строго повернулся Максим к двоюродному брату. – Ты все-таки его закопал?

– Да ну тебя, – махнул рукой Петр и усмехнулся. – Шутки дурацкие!

– Ладно, речь не об этом, – сказал Максим. – Что ты там написал в своей статье, по большому счету, дело десятое. Это и так все знают, а чего не знают, догадываются. И даже если узнают что-то новое, тоже ерунда. Вопрос все тот же, Илья Васильевич: кто тебе заказал эту статью? Кто дал тебе эти материалы?

– Я в архивах рылся... Далеко ходить не надо, все в газетах того времени было напечатано.

– Все, да не все. Там есть такие вещи, которые нигде не печатались. Вот я и недоумеваю. Это могло прийти через Сергея Николаевича Цепова, например. Но вряд ли, он наш человек. Или через Александра Станиславовича Мастеренко? Тоже вряд ли, мы с прокуратурой дружим. Недоумеваю, Илья Васильевич. Сдаюсь. И нервничаю. Помнишь, я тебе говорил про информацию. Сейчас у меня ее нет, и я испытываю дискомфорт.

– Не трать время, Максим Витальевич. Повторяю: никто мне ничего не заказывал.

И тут потолок обрушился на Немчинова. Илья упал.

Он не заметил, как Петр переместился за скамейку. И ударил его кулаком по голове. (И Немчинов даже не успел удивиться очередному совпадению: десять минут назад он вспоминал, как Люся подобным ударом наказала хулигана. Правда, не с такой силой.)

Илья завозился на полу, поднялся на четвереньки.

Голова страшно гудела.

Он с трудом встал на колени. Увидел прямо перед собой лицо Петра.

– Еще? – спросил его Петр.

Илья вяло плюнул ему в лицо. Вернее, думал, что плюет, жидкость выплеснулась на нижнюю губу и поползла по ней.

Максим, отстранив Петра, достал из кармана пакетик с бумажными платками, вынул один, вытер Илье подбородок, платок брезгливо выкинул, не комкая, чтобы не пачкаться, держа за краешек.

– Терпеть не могу говорить с побитыми и изуродованными людьми. Жалко становится. А у вас все повреждения внутри, отмерла пара миллионов клеток, пустяки, у вас там их целые миллиарды. И, главное дело, вскрытие показывает гематому, но внешних повреждений никаких. В крайнем случае – падение. Ребята из душа в раздевалку прибежали, наплескали, вы зашли сюда и поскользнулись. Зачем зашли? Да потому что педофил, как дружок ваш из дома глухих.

– Он не... И я тоже.

– А мы напишем, что тоже. Вместо некролога информация: на журналиста Немчинова посмертно заведено уголовное дело по обвинению в педофилии. Вот вам и посмертная репутация. Жене Людмиле и дочери Яне хоть из города уезжай. Они-то думали, что папа хороший человек, книгу о добром купце Постолыкине написал, а он вон кто, оказывается.

– Жену и дочь не трогайте, – проговорил Немчинов, все еще плохо соображая.

– Никто никого не тронет. Я же говорю: ты выкладываешь, кто тебе заказал, и мы прощаемся.

– Давай я его еще раз подбодрю, – сказал Петр.

– Не надо. А то он и свое имя забудет. Кстати, Илья Васильевич, такие случаи тоже бывали.

– Вы можете допустить мысль, что иногда человек пишет сам? Без заказа.

– Могу. Но не такие статьи.

– В том числе такие. Я начал писать книгу о вас... То есть собирался. Искал материалы... И я теперь ненавижу вас. Считайте, что это по личным причинам.

– Не буду считать. Не верю. Илья Васильевич, слушай внимательно. Никогда такого не бывает, чтобы страной или городом управляли все, правильно? Все думают, что управляет власть, но и это не так. Власть – слишком общее размытое понятие. Управляет, как правило, группа людей. Или одна, или другая. Сейчас управляем мы. Причем вы даже не представляете, как управляем. Вы оглянитесь, Илья Васильевич, почему вы не видите хорошего? Домов красивых в городе все больше, дороги какие-то появляются, медицина существует, дети в школы ходят, два садика открыто за прошлый год, пенсии повышаются. Вы не хотите видеть, насколько мы принимаем участие в вашей жизни, даже обидно. Мы, извините, в каждом куске хлеба, который вы съедаете, и каждом стакане вина, который вы пьете. Вы наше тело едите и кровь пьете, я не шучу. Мы работаем. Петр вон с детьми с утра до вечера. Растит патриотов, смелых людей. Я тоже молодым поколением занимаюсь, послал группу ребят на Селигер практически на свои деньги, тут им тоже устроили научно-технический слет юных гениев. Две недели на Волге ребята делом занимались и отдыхали. Все входит в колею, все стабилизировалось, наша группа вкалывает. И тут появляется другая – я

давно это чуял, и хочет устроить полный дестрой. Опять. Кому это надо?

– Я не об этом писал, – сказал Немчинов.

– А о чем?

– Меня политика, если хотите, вообще не интересует. Меня люди интересует. Меня мучает вопрос: кто вы теперь?

– Не понял.

– Объясню. Вы двадцать лет бессовестно уродуете и корежите людей – после того, как их и без того семьдесят лет корежили, хотя я про две палубы помню, сам про это написал, вы – тоже мы, но все-таки вы другие. Вот мне и интересно, у вас хоть капля чувства вины есть? Хоть тень осознания, что вы пришли к власти через кровь, через трупы, через обман, через, б., вашу жадность патологическую? Вы же бесы все, вы опять бесы! От коммунистов эстафету приняли, недаром они с вами сейчас явно замирились – своих почувствовали! Но вам этого мало, вы делитесь, вы каждому тоже беса в душу втюхиваете! А бесам перед бесами не стыдно! Так, что ли?

Петр слушал, напрягаясь и ничего не понимая.

Максим все понимал, но по-своему. Он понимал, что Немчинов наивен, глуп и ничего не разумеет в жизни и в новейшей истории.

– Какие бесы, Илья Васильевич, вы бредите? Мы все прошли через одно и то же, через ломку, но кому-то это надо было поднимать.

– Через одно и то же? – возмутился Немчинов. Так возмутился, что утратил осторожность. – Через одно и то же? Сидит, б., тут, тварь, нога на ногу: одно и то же! Ты в конце восьмидесятых, в девяностом, в девяносто первом или втором – стоял в очереди за спичками и за мылом? В глаза, б., гляди мне и отвечай!

– Тюкнуть его? – спросил Петр.

– Погоди.

– Ну, не стоял. Потому что я...

– Потому что ты делом занимался? А талоны помнишь? Макаронные изделия – три кило на месяц, спички – пять коробок, соль – килограмм, сигареты – десять пачек, водка – две бутылки, крупа, масло растительное, мука и так далее – помнишь? Номер тысяча пятьсот пятый у тебя на рукаве мелом не был написан? А у меня был! А что сколько стоило – помнишь?

– Неужели спички по талонам? По пять коробок? – удивился Петр.

– Про цены ты помнишь, Максим Витальевич, ты должен помнить! Это в мою статью не вошло, туда многое не вошло. Одна из блистательных, б., операций братьев Костяковых. Элементарно и мило, на талонах пишется на «мясо», а «мясопродукты». То есть кости. Хочешь – бери, хочешь нет, но тогда талоны пропадут. И брали! Или вместо водки – «вино-водочные изделия». На прилавке бурда местного завода, помнишь, как ее назвали? Помнишь, ты же ее и закупал! Шафран ее называли!

– Почему? – спросил Петр.

И опять не получил ответа.

– «Жиры» вместо «масло», то есть – маргарин. И так далее. И вы поступали красиво: закупали оптом огромные партии товаров через государственно-частные конторы или прямо и нагло через государственные. Но шафран у вас шел в магазины, а водка – в спекулятивную продажу, мясо – на рынок, кости – в магазин, масло – опять на рынок, маргарин – опять в магазин. А отчетность в ажуре – разве кости не «мясопродукты»? Мясопродукты! Маргарин не «жиры»? Жиры! И вы, скоты, грабившие меня, нажившиеся на мне и таких, как я, сидите до сих пор в своих, б., думах, в правительстве – и еще, б., нас презираете, что мы такие лохи! И еще собой годитесь, суки рваные!

– Дай ему, чтобы матом не ругался, – сказал Максим.

Петр дал.

Через некоторое время Илья, приходя в себя, услышал далекий голос Максима.

– Вот за что не люблю вас, журналистов, на мелочи съезжаете. Я тебе сто раз объяснял, разница в том, что одни знают, что происходит, а другие нет. Мы сразу поняли. Мы добывали ин-

формацию и превращали ее в материальные вещи. Ты говоришь – кости продавали, а я говорю – выстраивали рынок. Мясо-то мы тоже людям продавали. У которых были деньги. А без денег рынка не построишь. Тьфу, даже говорить скучно, будто ты Маркс и Энгельс какой-нибудь.

– Знаю я эти ваши разговоры, – сказал Немчинов, сидя на полу, прислонившись к шкафу, слыша собственный голос, как сквозь вату. – Мы, типа того, оказались в нужное время в нужном месте. А ты представь: женщину насилуют. Группой.

– Какую женщину? – заинтересовался Петр.

– И каждый из этой группы потом говорит: я просто оказался в нужное время в нужном месте. А оказаться там и не насиловать – можно было? Попробовать честно жениться, если уж очень зачесалось – можно было?

– А вы пробовали? Вы стояли и кричали: ай, как нехорошо!

– Неправда. Мы пытались что-то... Некоторые, наивные, за милицией побежали. А милиция прискакала и тут же расстегнула штаны, и присоединилась. Тоже хотелось удовольствие получить.

– Все, Илья Васильевич, хватит брехать. Вернемся к нашим баранам: кто тебе заказал статью? Или поставим вопрос иначе: кто посоветовал?

– Я сам решил. И могу сказать, почему. Только никого не вмешивайте. Потому что это моя инициатива. Дочь, то есть падчерица моего друга, Даша, решила выйти за вашего брата, это вам известно?

– Само собой.

– Друг, конечно, в шоке.

– Почему?

– Сейчас скажу.

Немчинов замолчал – закружилась голова.

– Подними его, – сказал Максим Петру.

Тот поднял Илью, усадил на скамью, придерживая за плечи.

– Водички глотни.

Илья пошарил рукой. Максим любезно вложил ему в руку бутылку.

Напившись, Илья продолжил:

– Кстати, Коля Иванчук, ее отчим, ни к каким группам не принадлежит. Это чтобы опять не было глупых вопросов. Но он считает, что Даша не должна выходить за вашего брата. Потому что он... Ну, сами понимаете. И я решил ему помочь. Сам, без его просьбы. Чтобы Даша поняла, с кем имеет дело.

– А до этого будто не знала?

– Может, не в такой степени.

– Хорошо придумал, – сказал Максим. – Достоверно. Прямо как в книжке, недаром ты писатель. Ты заранее такую версию приготовил?

– Это не версия.

– Ладно. Вы с другом почему-то решили навредить моему брату, отпугнуть от него девушку. И это, может, даже неплохо бы. Но нелогично, Илья Васильевич! Не проще было с ней поговорить, с братом пообщаться, Сторожева привлечь, они с моим братом приятелем, разобраться, что Даша знает, что не знает, что хочет узнать? Она, может, любит Павла? Разве не так нормальные люди себя ведут? А вы – статью. Для девушки Даши? Не смешите, честное слово. Вам очень больно?

– Сволочи.

– Будет еще больнее. Не доводите до греха, перестаньте отвиливать. Простой ответ на простой вопрос: кто вам заказал эту статью?

– Идиот, – промычал Немчинов, прикасаясь пальцами к виску, который страшно ломило, хотя били не по нему, а по темечку.

Петр вопросительно посмотрел на брата. Тот хотел кивнуть, но зазвонил телефон. Максим достал его, посмотрел, подумал – и решил ответить.

– Да, Паша? Кто? У нас, в общем-то. Мы что, совсем дураки? Никто его не трогает. Когда?

Отключившись, он сказал Петру:

– Павел звонил. Недоволен чем-то.

– Чем?

– Сейчас узнаем.

А Павлу позвонил Сторожев. Он и Коля сначала не могли прийти в себя, не знали, что делать. Потом Сторожев начал размышлять вслух:

– Ясно, что это из-за статьи. Но куда он его повез? К Максиму или к Павлу? Или к обоим – разбираться?

– Надо ехать!

– Сперва поймем, куда. Зря мы все это затеяли, я чувствую...

У Сторожева были телефоны и Максима, и Павла. Максим не ответил, Павел тоже.

Сторожев с интервалами в две-три минуты перезванивал.

Так прошло около часа.

Наконец ответил Павел.

– Спал, что ли? – спросил Сторожев.

– Заседал. Я работаю иногда.

– Да? И как у вас там резонанс на статью? Шума много?

– С чего бы? Только спрашивают, кто этот Немчинов и что он против меня имеет. Если бы я сам знал, что он имеет. Может, объяснишь?

– Потом. А пока слушай. Илья был у нас, мы тут вместе ремонт делаем Коле Иванчуку. Приехал твой брат двоюродный, Петр. И увез Илью. Я подумал, может, к тебе? Для разговора.

– Нет. Наверно, к Максиму. Сейчас я ему позвоню. Не беспокойся, не обидят твоего друга. Хотя поступил он по-дурацки.

– Я тоже так считаю, – сказал Сторожев (не для собственной безопасности, а для конспирации).

Через минуту Павел перезвонил, сказал, что Илья у Максима, он сейчас туда отправится, выяснит заодно отношения с не в меру борзым журналистом – мирно, конечно, а потом привезет его обратно.

– Кстати, а Даша не у вас? В смысле – дома?

– Нет.

– Телефон не отвечает.

– Для нынешней молодежи одиннадцать часов – слишком рано. Спит.

– Да? А где спит?

– Откуда я знаю?

– И отчим не знает?

– Она ему не отчитывается.

Закончив разговор, Сторожев сказал Иванчуку:

– Коля, а Даша ночью была не у Костякова.

– А у кого?

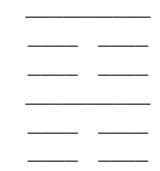
– Наверно, у своего парня.

– Так может, мы зря вообще? Может, она передумала?

– Или прощается. Это в ее стиле, – сказал Сторожев.

– Ты уже знаешь, что в ее стиле?

52. ГЭНЬ. Сосредоточенность

Выше голову!

– ты меня любишь
– нет
– неправда
– как брата
– нет
– тогда зачем
– чуть не разбился дурак
– пожалела
– нет
– тогда зачем
– больше этого не делай
– ты меня любишь
– нет
– я тебя люблю
– спасибо
– а если я тебя задушу
– валяй
– зачем ты пришла
– мой телефон звонит не понимаю где
– я в унитаз бросил и спустил
– я серьезно
– тебе надо
– да нет раздражает
– это он звонит
– может быть
– значит ты за него не выходишь
– выхожу
– почему
– хочу
– он сволочь
– да вообще-то наверно может быть не знаю для меня нет
– зачем ты меня пришла
– господи ну захотела
– я ему расскажу
– ну и что он знает что я с тобой была раз меньше раз больше какая разница
– ты до была а это после
– какая разница и еще нет никакого после
– для тебя нет для него есть
– любит простит
– а не простит
– тогда не любит но любит
– а ты его
– самое страшное что где-то как-то близко
– и ты мне это говоришь
– ты же мне друг
– я не друг я тебя ненавижу кстати никакого больше совместного бизнеса я ухожу
– вернуть твою долю наличными
– как хочешь
– ладно сегодня посчитаю сколько не думал что ты такая гадина
– я тоже не думала

– гадюка змея и как оно ползается
– да ничего не напрягает
– уходи
– дай телефон ты что делаешь зачем разбил вот дурак
– уходи или я тебя убью.
...

В отличие от Максима, Павел не увидел за статьей Немчинова вражеских сил, которые вдруг очнулись и решили повести борьбу таким образом. Он предположил так: человек начал писать книгу, наткнулся на что-то этакое, зазудело в нем не писательское, а журналистское желание сегодняшней, сиюминутной славы – и вот результат.

Главное для Павла было, как отнесется Даша, на остальных плевать. Кому надо, и так все знал, а кто не знал – завтра забудет. Казалось бы, когда валили ВМФ, такое про него писали, что человеку оставалось только повеситься или, в крайнем случае, выйти на центральную площадь Сарынска перед часовней (которую он же, ВМФ, и построил, и в которой возле входа его мозаичный портрет), пасть на колени и крикнуть: «Каюсь!» Ничего подобного, живет в столице, имеет в городе квартиру, а в Подмосковье дом и каяться не собирается.

И вообще, так движется время, что события текущего дня почти полностью перекрывают день вчерашний, а от позавчерашнего вообще нет уже следа. И цена всем фактам, о которых узнаёт общество, все меньше и меньше. Павел как-то думал на этот счет и пришел к интересному, как ему показалось, рассуждению. Вот жили раньше в деревне люди. Было их, к примеру, душ пятьдесят, сто, триста. Каждое событие – свадьба, рождение ребенка, смерть, имели немалый вес. Похороны – раз в два года, ну в год, если не голод и не мор какой-нибудь. Смерть человека была заметной. А сейчас, залезь только в Интернет – каждый день кто-нибудь умер, а там стреляют, а кто-то выиграл миллион, а кто-то крупно проворовался. И человек привыкает, перестает это замечать. Все, как в архаичное время, концентрируется опять на личной жизни: вижу только тех, кто вокруг меня, интересуюсь ими, а что там в мире творится – наплевать, ибо там каждый день что-нибудь да творится, на всякий чих не наздравствуешься. В одних авариях людей ежедневно гибнет больше, чем на войнах.

Что ж касается самих фактов, упомянутых Немчиновым (наверное, разоблачителем себя чувствовал, героем), то Павел успел рассказать Даше гораздо больше. Выбирал случаи поинтересней, повеселее. Была, да и сейчас идет, гонка на выживание, говорил он ей, сильные и смекалистые побеждают, остальные завидуют и начинают толковать о социальной справедливости. Так жизнь устроена, так сам Бог устроил. Кто-то таланты зарывает, а кто-то приумножает. Без концентрации крупного капитала в одних руках большого дела не поднимешь. А концентрировать, конечно, приходилось по-разному.

Даша эти рассказы слушала с интересом, время от времени говоря:

– Ну и махинаторы вы были, ну и жулики!

– Веселое было время, – соглашался Павел. – Сейчас все даже масштабней, но скучно как-то стало, упорядоченно. А были – пираты, корсары, флибустьеры! На абордаж!

– А пришлось бы убить кого-нибудь, смог бы?

– Если бы на меня пистоль направили, смог бы. Но я слишком рано, Дашенька, ушел от черновой работы. Все эти ужасы про девяностые годы: перестрелки, уши отрезанные, закатывания в цемент, это все не про меня.

– Значит, ты вроде генерала? Сам не бегал по мелочам, а командовал?

– Пожалуй. Как Максим любит говорить: создавал прибавочную стоимость.

– Только не про это, я в этом ничего не понимаю!

– А тебе и не надо. Хотя ты со своим салоном сейчас занимаешься тем же самым.

– В смысле?

– В смысле прибавочной стоимости.

И все же, размышлял Павел, одно дело, когда говорится между собой, другое – публичность. Даша может расстроиться. Доброжелатели наговорят ей что-нибудь лишнего. Значит – что нужно сделать? Нужно сделать так, чтобы статья оказалась недоразумением.

Он приехал в спорткомплекс «Смена», где Максим и Петр дожидались его, переведя Немчинова из раздевалки в просторный и прохладный кабинет Петра, весь по стенам увешанный грамотами и уставленный кубками за достижения в развитии детско-юношеского спорта и успехи в усовершенствовании спортивно-патриотической работы.

.....

Тут я пропустил место, намереваясь потом вернуться и описать встречу братьев и Немчинова. Как Павел пожурил Максима и Петра. Как Немчинов в запале говорил Павлу нелицеприятные слова. Как Павел с ним соглашался, но убеждал, что к людям надо относиться добрее, дать им возможность делать дело, а не попрекать прошлым, что факты надо проверять, а то ведь вышло, что Немчинов в четырех местах, не зная деталей, прибегнул, если называть вещи своими именами, к прямой клевете. И Павел, загибая пальцы, перечислил эти места.

Предполагался длинный разговор, в результате которого Илью убеждают, что всем будет лучше, если завтра появится газета с опровержением. Или даже не опровержением, а просто написать: из-за технического сбоя был напечатан непроверенный материал, присланный в газету анонимным автором, а подпись Немчинова появилась по ошибке, она стояла внизу, обозначая, что он выпускающий редактор. Просто кто-то в типографии продублировал, не подумав. Естественно, опровергать статью нет необходимости, так как она является просто набором слухов, собранным каким-то выжившим из ума оппозиционером. Поспорили о формулировках, сообща сочинили какой-то текст.

Рассказывая о дальнейших событиях, я помнил, что это пустое место зияет и требует заполнения. Не раз возвращался, пробовал что-то написать, нельзя же пропустить такой важный эпизод!

Но меня неизменно охватывало чувство непреодолимого омерзения, смертельной тоски. Я чувствовал себя униженным дурацкой необходимостью писать то, о чем не хочу.

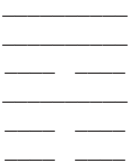
Но кто сказал, что это необходимость?

В результате пустое место осталось пустым.

И – так тому и быть.

Кому хочется, сам вообразит этот разговор, а кому не хочется – и не надо.

53. ЦЗЯНЬ. Течение

У черепахи не меньше шансов прийти к финишу первой, чем у зайца.

Жизнь всегда короче, чем хочется, но всегда длиннее, чем могла быть, скажу я вам, перефразируя какого-то мудреца, только вот не помню, кого именно. А может, я и сам это смудрил ненароком, но стесняюсь признаться. Стеснительность вообще моя природная черта – как сына или, вернее сказать, брата своего народа. (Именно брата, будь я поэт, я, в подражание Пастернаку, написал бы книгу стихов «Брат мой народ».)

Я вот соскочил, то есть не я, а роман, с истории про жизнь и про любовь на сплошную почти что публицистику, и стесняюсь. Я же с советских времени не люблю политики, злободневности, фельетонности – и вот, посмотрите, что со мной сделало время, не хочу, в постоянно съезжаю в

это болото. Докачусь до того, что начну обличать властителей или считать, у кого сколько домов, автомобилей и миллионов рублей денег. Прямо стыдно, честное слово. О вечном надобно думать, о душе.

Но душа нигде и ни в чем не отдыхает, наоборот, во всем так или иначе присутствует. И вечное складывается в том числе из такой шелухи, что трудно вообразить. Мне сказал недавно умный человек, тоже писатель:

– Для меня, знаешь ли, то, что вчера меня обсчитали на рынке, а двадцать лет назад не хватало колбасы и водки, теперь не тема. Это – фактура. Фактура уйдет – что останется?

Я его понимаю. Его роман недавно перевели и издали в зарубежной стране, но книга расходится плохо, издатели списывают на то, что, дескать, Россия не в моде, а многие русские реалии их читателям непонятны. Вот он и решил, что фактура подвела. Страна подвела, если продолжить мысль.

Одно из двух: либо издатели врут, либо про реалии эти написано плохо.

Да, обсчитали на рынке – не тема. Мелкий бытовой случай. Но душа участвовала в этом случае или нет? Душа того, кто обсчитывал и кого обсчитывали?

То, что было продано, давно съедено или изношено, а душа помнит.

Та же водка, будь она неладна. Хватит уже вспоминать об этих очередях, как и о руководящей роли партии, о культе личности, о ГУЛАГе и прочем. Хватит, надоело. Вспомним лучше о Гагарине и о том, что народ в советское время получил какое-никакое жилье, автомат Калашникова и ядерный щит.

Вспомним, конечно.

Но все-таки о водке. Вот зимний вечер, очередь человек на двести, до закрытия час, до Нового года два дня, обледенелое крыльцо, я в первых рядах, ломлюсь, пихаюсь, и тут меня нагло кто-то хватает за шиворот и начинает оттаскивать. Я, не оглядываясь, через плечо сую кулаком назад и чувствую, что попадаю прямиков в наглое мурло, в зубы, поранив при этом кулак. Захват тут же ослабевает, я рвусь дальше, попадаю внутрь, достигаю прилавка по ногам, рукам и головам – и, о счастье!

Но.

Человек тот, быть может, упал от моего удара. Его, быть может, затоптали до смерти. И не знаю уж, как саднит моя душа от этого воспоминания, но на указательном пальце правой руки остался шрамик. И тоже не саднит, даже в плохою погоду, но вот она, тонкая светлая полоска, которую видно при любом загаре. Напоминает.

То есть, получается, я, благопристойный литератор, драматург, сценарист, и, как видно по этой книге, еще и прозаик, лет уж восемь как положивший за правило не брать наличных в конверте, а только через банк, только с уплатой налогов, и сразу же раздувшийся собственной честностью, тем не менее, возможно, убийца?

Вот вам и злободневка, и мелочь. Про водку зарубежные читатели, действительно, могут не понять, а про шрамик понять должны – вещь общечеловеческого значения. Небось, им тоже есть где потолкаться и заехать, не глядя, в зубы ближнему.

Я уже не раз говорил про это, я повторяюсь (сколько я вообще повторяюсь – отдельная тема, отраженная, впрочем, в сносках к этому роману). Я сам себе напоминаю директора школы, где я учился. Тот обязательно раз в неделю устраивал общешкольные линейки. Выстроив в каре полторы тысячи учеников в спортзале, он произносил свою державную речь не меньше часа, содержание ее всегда сводилось к следующему:

– Вы хоть ученики, но в школе должны быть хозяева!

Ударение при этом ставил на последнем слоге, уже одно это давало мне повод его не любить. Затем он разворачивал этот тезис, подробно – на память! – рассказывая, кто что разбил, кто был пойман в туалете с сигаретой, кто пытался выкрасть школьный журнал из учительской, но был схвачен. Виновные поочередно выходили, директор каждому задавал вопрос:

– Ну? И что ты нам скажешь на это?

Ответом было молчание или шепот:

– Я случайно, я больше не буду.

– Ничего случайного не бывает! – вещал директор. – Сегодня ты хотел украсть журнал, завтра

украдешь деньги, послезавтра сядешь в тюрьму!

В данном случае, с журналом, он, кстати оказался не прав, я знал того, кто пытался украсть журнал, он сделал это из благородных побуждений – чтобы вырвать страницу, на которой его любимой девушке поставили несправедливую двойку. Этот человек потом поступил в МВТУ им. Баумана (вообще – светлая голова!), потом работал в Дубне, а когда штат научных сотрудников резко сократили, вынужден был перебраться в Тверь, где продает компьютерное оборудование, по вечерам одинокого читая Ивлина Во.

Вернемся к протяженности времени.

У Сторожева в последнее время было ощущение, что он прожил долгую-долгую жизнь и начал вторую – увы, не заново, а с накопившейся от первой жизни усталостью. Но, тем не менее, он продолжал упорно ее выстраивать, то есть налаживать отношения с Наташей. Он развлек себя помощью товарищам, но Иванчук закончил ремонт, а выпад Немчинова обернулся публичными путаными извинениями Ильи с упором на досадную оплошность и недосмотр, город даже не успел поговорить на соблазнительные темы.

Ему удалось продать клинику, но не так, как хотелось, а только помещение (оно было собственностью Сторожева). Оборудование и мебель перевезли на один из городских коммерческих складов. Но через неделю хозяин сообщил, что цены на складские площади возросли, поскольку возросла плата за электричество, канализацию, водопровод и теплоснабжение. Ни водопровода, ни канализации, ни теплоснабжения на складе не было (имелся только биотуалет во дворе), все это было явным враньем. Сторожев обзванивал клиники, предлагал взять оборудование и мебель, клиники отказывались: нет денег.

– Возьмите просто так!

– Не имеем права. Как будем оформлять?

– Ну, как дар! Дарят же вам что-нибудь.

Тут выяснилось, что, прежде, чем что-то подарить, надо иметь на каждый даримый предмет кучу сертификатов и документов. Чтобы не возникало сомнений: а вдруг дарящий свой подарок предварительно украл, а теперь хочет хитроумным способом замести следы?

Наконец явился некий очень деловой человек лет не более двадцати двух, спросил:

– У вас проблемы со сбытом медтехники?

Сторожев признался: да, имеются.

И молодой человек в тот же день купил все чохом – в пять, а кое-что и в десять раз дешевле своей цены.

Освободившись от текущих дел (при этом практика не прекращалась, в день два-три вызова, редко меньше), Сторожев почувствовал, что свобода чревата опасностями. Либо он начнет спиваться, либо разленится, либо пустится по продажным девкам (и потягивало, кстати), либо опять начнет тосковать о Даше – и неизвестно, чем это кончится. Он теперь стал спокойнее, он понял, что любовь его – недуг, беда. Состояние душевной абстиненции (правда, без принятого накануне алкоголя или наркотика), которое надо пережить, перетерпеть, иначе будет хуже.

Часть вырученных денег он вручил, всучил, впихнул Немчинову, чтобы тот вернул долг за ненаписанную книгу, и тот чуть не прослезился, но сказал, что берет не просто так, обязательно отдаст. Можно частями?

– Да как хочешь, мне они не нужны.

– Не обижай меня, Валера, не говори так.

– Чем я тебя обидел?

– Тем, что ты даешь мне понять, что я не способен отдать.

– Ну, ты и мнительный!

– Какой есть!

В очередной раз Сторожев позвонил Наташе, попросил о встрече. Просто – посидеть в кафе каком-нибудь. Без душещипательных разговоров.

Та согласилась, Сторожев встретил ее, они поехали к Волге, к набережной, где причалены были несколько дебаркадеров, оборудованные под летние рестораны и кафе. Выбрали там, где была потише музыка.

Сторожев деликатно расспрашивал Наташу о работе, о семье. Она начала, но вдруг замолчала.

– Да ладно, тебе это все равно неинтересно. Давай, о чем хотел.

– Ни о чем я не хотел. Ну, хотел. Короче... В общем, вернись все-таки.

Наташа, судя по всему, была готова к разговору, потому что тут же ответила:

– Я вот все думала, зачем я тебе нужна? Любая из этих барышень, – она показала на окружающих девушек, среди которых было немало стройных и симпатичных, – тебя привлекает больше, чем я.

– У меня с ними нет ничего общего.

– Да. Я об этом тоже подумала. Это аргумент. Ничего общего или мало общего. Ты мне рассказываешь о своих больных, и я тебя слушаю, понимаю, а любая из них через минуту закричит: надоело слушать про твоих алкоголиков! Что я еще подумала? Ага, вот что. Я поняла, что тебе сейчас тяжело, что-то у тебя происходит. Навстречу своей любви идти у тебя не получается или ты не хочешь. Или сдерживаешься усилием воли. Но при этом ты не можешь жить один. Слушай, а тебе вообще жить хочется? – неожиданно спросила Наташа.

Сторожев даже вздрогнул.

Он сам себе не задавал этого вопроса. Боялся. А ведь в нем все и дело. Ему не нужна стала клиника, ему надоели больные, валяться и ничего не делать тоже не хочется. Ничего не хочется, ни в чем нет жизни, потому что все – там. Там, где Даша. Но там его быть не может. Значит – нигде. Даже «я-болезнь», которая не отпускала его всю жизнь, похоже, прошла: он перестал контролировать свои действия, перестал о себе думать, перестал быть себе интересен. Даже в мелочах у него все угасло. Раньше, возвращаясь домой, усталый, предвкушал: выпью сейчас пива. Нет, чаю с лимоном. Нет, кофе с молоком. И кусочек вяленого мяса остался. И немного сыра с зеленью есть... А сейчас – все равно. Даже раздражает, что есть и пиво, и чай, и кофе, и мясо, и сыр, и зелень. Надо выбирать. А не хочется. Поэтому открывается кран, сливается теплая вода, потом идет холодная, наполняется чашка, выпивается горьковатая вода, пахнущая хлоркой. Зато жажды теперь нет. Потом достается какой-нибудь кусок из холодильника. Тупо съедается, глядя в телевизор (то ли кусок, то ли Сторожев – оба в этот момент одинаково равнодушны, кусок – к тому, что его ест человек, а человек к тому, что его внимание и время ест телевизор – синхронный процесс пережевывания).

– Да, – сказал Валера.

– Что да?

– Уличила. Не хочется. Вообще сомневаюсь, что живу.

– Зачем тогда я тебе?

– Нужна.

– Ясно. Получается что? Когда ты в одиночку не живешь, то ты совсем не живешь, а когда с кем-то не живешь – все-таки какая-то жизнь. Отвлекает. Да? Причем на любимую женщину тебя уже не хватит, а на нелюбимую – вполне. Да? Эй, ты чего? Ты плачешь, что ли?

Сторожев, не поднимая головы, действительно плакал. Слезы текли сами собой, сползали по щекам, приятно холодя и щекоча щеки. Он был рад, что плачет. И получилось это само собой, не потому что «я» придумало: а не заплакать ли нам? Сторожев взял бумажную салфетку, вытер лицо. Посмотрел на Наташу с улыбкой:

– Ерунда, легкий психоз. Ну да, ты все правильно говоришь. Но ты меня любишь, Наташа, и мне это нужно. Я откровенно, как видишь. Ты же патронажем занимаешься, вот я – больной. Поухаживай за мной немножко.

– У меня там своих трое на руках.

– Тебя на всех хватит.

– Ага. На героизме меня подлавливаешь?

– Пусть подлавливаю. Как хочешь, так и думай. Я пока знаю одно: хочу, чтобы ты вернулась.

Это я точно знаю. Ставь любые условия.

– Ты глупый, что ли, совсем? Какие еще условия? Поехали отсюда, пока не отравились, я хоть ужин тебе нормальный приготовлю.

И они поехали к Сторожеву, Наташа приготовила ужин, а потом Валера обошелся с ней так нежно, как только мог, и был счастлив оттого, что не врет, что имеет именно ту женщину, которую хочет, и Наташа это чувствовала и тоже была счастлива, понимая, что за это счастье все равно придется расплатиться.

Что-то очень похожее – предчувствие расплаты за счастье – было и у Лили. Она чувствовала себя невероятно хорошо и даже начала садиться. И даже, пусть по стенке, один раз сумела дойти до туалета.

– Это что? – спрашивала она Аду. – Чудо какое-то?

– Ремиссия.

– То есть временное облегчение?

– Это иногда растягивается на годы.

– А полное выздоровление бывает?

– Все бывает. Просто сейчас ты принимаешь другие лекарства. Вот это действительно чудо: я составляю список, а через день все тут. Из Швейцарии, из Германии, из Израиля. Богатый у тебя родственник.

– Пока еще не родственник. Хотя дочь, кажется, всерьез собралась за него замуж. Я думала – из-за меня. Говорит – нет. Влюбилась.

Даша действительно сказала об этом Лиле. Что пусть она не берет себе в голову, будто все это из-за нее. То есть сначала Даша думала, что из-за Лили, а теперь нет.

– Тридцать с лишним лет разницы, – с сомнением сказала ей Лиля.

– И что? Нет, авантюра, да, но мне это и нравится. То есть раньше нравилось, что авантюра. А теперь у меня голову сносит, я серьезно. Я даже испугалась, сбежала к Володе на одну ночь.

– Развратница.

– Да нет. Просто – чтобы что-то понять. Володя замечательный человек, но он... Он маленький еще. Тебе не надоело здесь лежать? – переключилась вдруг Даша. – Ты вон уже какая хорошая стала, а это больница все-таки.

– Да, больница... И дорого, наверно?

– Недешево.

– Я посоветуюсь с врачом.

И Коля то же самое говорит: выписывайся. Скучает.

Но как Лиля будет теперь без Ады? Если бы она согласилась ее навещать дома, тогда хоть завтра выписаться можно, хоть сегодня. Как ей об этом сказать? Предложить денег? А почему бы и нет? И Лиля, переборов себя, завела этот разговор:

– Ада, а что если я попрошу приходить ко мне? Хотя бы через день? Ты для меня – лучшее лекарство, – Лиля старалась говорить с льстивой интонацией больного человека, а не любящей женщины. – Не бесплатно, конечно. Я понимаю, этим другой персонал занимается, не такого ранга.

Ада ответила:

– Лиля, нет проблем, я буду заходить. Но не через день. И без всяких денег, конечно. Раз-два в неделю – обещаю. Я к тебе привыкла.

И тут Лиля поняла, что она сказала ей это – как пациентке. По-доброму, участливо, дружески, но все-таки как пациентке. Не было никаких особых отношений. Просто Ада одинока, у нее есть время, вот и заходила к Лиле поболтать. Но одно дело – по месту работы (то есть тому месту, которое Ада любит больше всего), другое – куда-то ехать, идти, сидеть в чужой квартире, томиться необходимостью говорить, раз пришла, посматривать на часы, думать о клинике... Сначала будет приходить раз-два в неделю, потом раз в две недели, потом исчезнет навсегда. Если только Лиля

опять не вернется в клинику с ухудшением.

Ухудшение началось в ту же ночь – начались страшные боли, потом слабость, потом был сердечный приступ, и два дня подряд у Лили было что-то вроде каскада симптомов и синдромов, с ней постоянно возились, ставили капельницы, Ада заглядывала, но Лилия почти не обращала на нее внимания, показывая этим, что ей ни до чего, она вся опять – в своей болезни.

Бедой была и любовь Яны. Она поняла это после того, как однажды вечером, блуждая, как обычно, в Интернете, вдруг набрала в поисковике слова «самые сильные яды» (мысли о прыжках с крыши или под машину, под поезд были ей почему-то противны – то есть понятно, почему: все это обезображивает, о бритвах в ванной тоже не думала: ненавидела режущую боль). Тут же ей попалась страница с советами тем, кто хочет прибегнуть к суициду. Текст начинался деловито:

«Яд может вызывать рвоту. Чтобы предотвратить это, примите...»

Дальше были рекомендации, что принять. Яне стало смешно: хотеть умереть и бояться рвоты. Хотя – с рвотой и яд вытечет. Тогда ясно.

«Если яд в таблетках, разотрите и примите в виде концентрированного раствора в крепком алкоголе или с едой. Это улучшает всасывание и производит убойный эффект. Алкоголь помогает растворить лекарство. Вечер или ночь в пятницу – оптимальное время, если вы живете отдельно. Никто не хватится вас до понедельника. Заблокируйте все двери, какие сможете. Скажите, что вы уедете в гости на выходные – никто не обеспокоится, что вы не отвечаете на звонки в дверь или телефона. Многие лекарства, особенно обезболивающие, дают меньший эффект, если вы их регулярно использовали (толерантность). Это относится и к кофеину. В принципе, вам нужно избежать медицинской помощи до самого момента смерти. Поэтому нужно выбирать самый быстродействующий яд из доступных, если вы опасаетесь, что вам могут помешать. Исключения из этого правила отмечены особо».

После этого шел список ядов: синильная кислота, водка, метанол, крепкие щелочи и кислоты, бензин, кокаин, ЛСД, героин, морфий – и еще куча всего, включая воду (не менее 14 литров за короткое время), а также никотин и морковный сок. После такого чтения даже тот, кто точно решил покончить с собой, обязательно развеселится.

Правда, Яна не развеселилась. Она пошла к подруге Нине, которая попросила по пути прихватить несколько баночек пива. У Нины оказалась одноклассница и соседка Ксюша. Они очень разные. Нина обожает тусить, а если тусить не с кем, то веселится сама с собой: две-три банки пива, музыка на полную громкость, и пусть соседи сдохнут от злости, и разговоры по телефону или по аське и другим средствам связи в сети с подругами и друзьями. Никто ей воспрепятствовать не может: живет вдвоем с матерью, которая сама та еще тусовщица и вечно пропадает в ночных клубах, не всегда после этого возвращаясь домой. А Ксюша девочка правильная, хочет заниматься модельным бизнесом (красиво и прибыльно), для этого поедет в Москву через год (сейчас пока не пускает папа, полковник милиции). Ксюша тоже любит тусовки, она любит посмотреть, как другие пьют, курят, бездельно веселятся. Для того, говорит она, чтобы понять, что ничего в этом хорошего нет. Но, надо отдать ей должное, ни разу она о том, что творится на тусовках, не проболталась своему папе. Собственно, он и не знает, что она туда ходит.

И состоялся у девушек такой разговор:

– Девки, я беременная! – сказала Яна.

– Ну и дура! – сказала Нина.

– От кого? – спросила Ксюша.

– От Костякова Егора.

– Поздравляю, – сказала Нина. – Он все равно на тебе никогда не женится.

– Ты ничего не знаешь про наши отношения, – сказала Яна.

– И знать не хочу, – сказала Нина. – Только не женится.

– А может, я и не собираюсь? – спросила Яна.
– Будешь растить ребенка одна? – спросила Ксюша.
– Еще вопрос, буду я его рожать или нет, – сказала Яна.
– Аборт и все, – сказала Нина. – Не порть себе жизнь.
– Первый аборт – опасно, – сказала Ксюша.
– Зато второй пойдет легче, – сказала Нина.
– Может не быть детей, – сказала Ксюша.
– Кайф! – сказала Нина. – Предохраняться не надо, трахайся, сколько влезет. У Оксанки вон что-то там вырезали, чуть ли не матку, какая-то болезнь, детей вообще не может иметь в принципе. Так на нее сумасшедший спрос!
– Без детей жизнь женщины не имеет смысла, – сказала Ксюша.
– Если ты дура, то лучше молчи, – сказала Нина.
– Я вот думаю, – сказала Яна, – говорить ему или нет?
– Ты его любишь? – спросила Нина.
– Ну, да, в принципе.
– Тогда не говори.
– Надо сказать, – не согласилась Ксюша. – Станет понятно его отношение к тебе.
– Я же сказала, молчи! – крикнула на нее Нина. – Человек нормального совета спрашивает, а ты бред несешь! Короче, Ян, слушай меня. Ты хочешь еще с ним быть?
– Да.
– Тогда не говори.
– А аборт делать?
– Конечно. А потом ему сказать. Он тебя зауважает. Мужчина уважает, когда девушка сама решает свои проблемы. Если он увидит, что ты его не грузишь, то вы еще вместе какое-то время попихаетесь.
– Собачьи отношения, – осудила Ксюша.
– Молодость один раз бывает, медики доказали, дура, – ответила ей Нина.
– Значит, вы считаете, надо сделать аборт? – спросила Яна.
– Да, – ответила Нина.
– Нет, – ответила Ксюша.
– Ясно.
– Что тебе ясно? – удивилась Нина. – Ей по-разному говорят, а она – ясно!
– Ясно, что надо подумать.
– Весь вопрос в том, – рассудила Ксюша, – нужен ли тебе этот ребенок?
– Вопрос в том, – закричала Нина, – нужен ли ей Егор! Ребенка еще нет, а Егор уже есть. Будет ребенок – не будет Егора. Будет Егор – не будет ребенка.
– А если он обрадуется? – спросила Яна.
– Он тебя замуж звал? – наставила на нее палец Нина.
– Нет.
– Говорил, что ребенка хочет?
– Нет.
– Тогда успокойся и умри. Аборт, я сказала.
Они продолжили спор, распалились до того, что Ксюша отхлебнула пива.
– Ты чего это? – удивилась Нина.
– Фу, – сказала Ксюша. – Я подозревала, что это противно, но не думала, что до такой степени.
– А ты еще хлебни. Второй раз легче.
Ксюша хлебнула и сказала:
– Еще противней.
И хлебнула в третий раз.
Вскоре ее послали за полдюжиной банок, Ксюша попросила непрозрачный пакет и мигом обернулась с пивом.

Финал диспута был таков:

– Янка! – говорила Нина, теребя Яну за руку, словно не надеялась, что без этого подруга запомнит ее слова. – Янка, сделай все, как надо! Анализы, справка от врача. Группа крови на рукаве. В смысле – биометрия там всякая. Дальше. Узнаёшь, где лечится Егор.

– От чего?

– Неважно, где-то ведь он от чего-то лечится! Хотя бы зубы! Достаешь его анализы. Я помогу, у меня подруга лаборантка, в венерологии работает. Достаешь анализы. Сличаешь. Видишь идентичность. Берешь справку. Приходишь к нему и говоришь: вот я, а вот во мне твой ребенок. И показываешь бумажки. И после этого рожаешь и имеешь, как минимум, с него алименты, а он человек не бедный!

– Ни в коем случае! – возражала Ксюша, почему-то плача. – Нельзя! Нельзя рожать ребенка, которого не хочет отец и не любит мать. Вот я вам – пример такого ребенка! Они поженились, потому что я родилась! Отец маму не любит, она его ненавидит, хотя живут вместе. Думаете, это легко? От этого повеситься можно! Я вот уеду от них – и даже звонить не буду. Поэтому, Яна, – аборт!

– Ты хорош пиво глотать, подруга! – кричит на нее Нина.

– Мое пиво, хочу – глотаю!

– Зато моя квартира и нечего тут хрень городить!

– Сама заткнись!

– Нечем! Выжрала все пиво, блин!

– На, подавись!

Ксюша бросает банку в Нину, промахивается, но выплеснувшаяся жидкость попадает Нине в лицо. Та дико вскрикивает, трет глаза, будто ослепла, потом бросается на Ксюшу, вцепляется ей в волосы, Ксюша визжит и хватает рукой за то, что подвернулось. Подвернулось ухо, Ксюша крутит его. Они падают на пол, катаются там.

Яна ничего этого не видит и не слышит: спит, лежа поперек дивана, ноги висят. Потом, не просыпаясь, втаскивает ноги, сворачивается калачиком, как дома.

54. ГУЙ МЭЙ. Невеста

____ ____
____ ____
_____
____ ____
_____
_____

Исполнение желания затягивается.

Борис Бельский, знакомый врач Немчинова (в Сарынске к незнакомым врачам предпочитают не ходить) долго рассматривал томографические снимки – черные листки, где череп отразился во множестве ракурсов, потом не спеша тюкал по клавишам компьютера, из принтера вылезла бумажка, Бельский просмотрел ее и подписал.

– На, только не читай, – сказал он.

– Как это? – удивился Илья.

– Я обязан составить заключение, я составил. Но у нас термины, понимаешь? А термины пугают.

– Ну, после этого я точно прочту! – сказал Илья.

И пробежал глазами заключение. Выхватил глазами: ассиметрия боковых желудочков... сильвиевы щели и конвекситальные борозды с обоих сторон незначительно расширены... дополнительная петля кавернозной части правой внутренней сонной артерии... повышенная извитость экстракраниальной части позвоночных артерий... эпидуральная гематома...

Илья даже вспотел.

– И что это все значит?

– Ничего не значит. Просвети любому голову, и не то найдешь. Жить будешь, короче. Единственное – гематома, но небольшая. Холод к голове, если болит – анальгетик.

– И все?

– Если хочешь, трепанацию черепа могу сделать.

– Я серьезно!

– Да пройдет все. В обморок не падал?

– Нет.

– Спутанность сознания, амнезия?

– Спутанность сознания у нас у всех с детства.

– Ну вот, шутишь, значит, все в порядке.

– Нет, туман в голове вообще-то клубится какой-то.

– Легкое сотрясение. Где ударился-то?

– Да так. То есть – все в пределах нормы?

– Именно. Но постарайся дня два-три полежать. Телевизор не смотри, книг не читай.

– А что делать?

– Думай.

Илья думал. Его никогда в жизни всерьез не били. Мальчишеские стычки – не в счет. А взрослого – ни разу. Так вот обошлось – не попадал в передряги, не встречал ночью хулиганов, а если и встречал, не трогали. И крайне редко почему-то спрашивали закурить.

– У тебя вид некурящего человека, – объяснил ему как-то Сторожев. – И вдобавок непьющего, и небогатого.

– Как будто им нужна причина напасть.

– Ну, какая-то все-таки нужна. Человек под любую подлость любит подвести основание. Не дал закурить – виноват. Косо посмотрел – виноват. А ты в землю смотришь, когда по улице идешь, я не раз видел, лоб в лоб с тобой встретишься, а ты не замечаешь.

Никогда не били Илью, да еще так унизительно, как это сделал Петр.

И Немчинов с удивлением обнаружил в себе желание отомстить. Сразу же, после первого удара, он подумал: бей, бей, тебе это даром не пройдет. Или, вернее, не тебе, а вам – второй тоже участвовал. Да и третий тоже, хоть потом и осудил братьев – но походя осудил, формально. Как расшалившихся детей.

Да, ему пришлось дать что-то вроде опровержения: статья напечатана по ошибке и имеет множество непроверенных и не соответствующих действительности фактов.

Но это не все. Этим так не кончится.

Иванчук и Сторожев в два голоса советуют больше не поднимать пыль, не рисковать. Дело фактически сделано: Даша живет у Коли, о Костякове и о свадьбе не заговаривает. Правда, Иванчук эту тему и не затрагивает.

Илья со всем согласился. Он, кстати, друзьям о происшедшем, то есть о том, что его били, тоже не говорил, никому не говорил. Чувствовал себя плохо, голова позванивала, временами появлялось что-то вроде той самой спутанности, о которой говорил Бельский. Ничего, пройдет. Но он этого так не оставит. Потому что хватит уже.

Что хватит, Илья пока не понимал, но слово это в нем звучало часто: «хватит».

Дашу статья о Костяковых (не только о них, но остальное она просмотрела вскользь) не поразила, но заставила задуматься. Этот Немчинов, друг Коли, нашел неплохой образ – корабль с палубами. Не выйдет ли так, что Даша попадет на эту самую верхнюю палубу и ей не позволят спускаться? Она хочет свободно передвигаться – и вообще быть свободной. Ей нравится свое дело, и она не собирается его бросать. Она не хочет уподобиться тем молодым блондинкам, которых богатые возрастные мужья запирают в своих замках.

Все это Даша высказала Павлу Витальевичу, когда встретилась с ним – это было после ночи с Володей и после посещения Лили.

– Я от тебя ничего не скрывал, – сказал Павел. – То, что там напечатано... Я в три раза больше тебе рассказывал.

– Да не про это я, ты не понял. Я боюсь. Это сейчас ты такой добрый и ласковый, а что будет потом?

– Не понравится – уйдешь.

– Это опять же ты сейчас говоришь.

– Ты меня обижаешь, Дашенька. Я двойных игр не веду.

– То есть, ничего не изменится? Я буду работать, бывать, где хочу, и не отчитываться за каждую минуту?

Павел отреагировал болезненно:

– Девочка моя, ты что-то, я смотрю, резковато на меня давишь. Ты все-таки замуж выходишь, а это налагает... или накладывает?

– Наложивает.

– Все шутишь? Короче, это обязательства. Взаимные. Это естественно, что муж и жена чаще бывают вместе, чем до свадьбы – один дом, одно хозяйство.

– Я ненавижу хозяйство. Готовить не буду, убирать не буду. То есть буду – когда захочется.

– Есть кому готовить и убирать. Потом, насчет работать. Это пожалуйста, если нравится. Но насчет бывать, где хочу и не отчитываться – не понял? То есть, захотела, вечером уехала, утром уехала, ночью тоже?

– А если и так?

– Ты нарочно меня дразнишь?

– Да. Хочу посмотреть реакцию.

– Реакция такая: я тебе голову отшибу, – улыбаясь, сказал Павел.

– Это ты сейчас типа в шутку говоришь, а ведь отшибешь.

– Нет, а как? Я, значит, тоже могу по девушкам бегать после свадьбы?

– Если очень захочется, бегай. Если сил хватит.

– Ты серьезно?

– Да.

– И ты будешь по мальчикам бегать?

– Нет. Как ни странно, чувство долга у меня есть. Все-таки, когда замужем, это нехорошо. Понимаю, что предрассудок, но – в генах сидит.

– Спасибо генам. Кстати, ты почему вчера утром не отвечала, когда я звонил? Не по мальчикам бегала?

Даша могла бы все свалить на разбитый телефон (она уже купила недорогой новый), но не захотела:

– У Володи была. Можно сказать, прощались.

Павла будто кто-то дернул со стороны – его всего перекосило.

– И как прощались?

– Как обычно. Свадьбы еще не было, напоминаю. Это особый случай. Мы долго были вместе.

О другой причине, той, о которой Даша сказала Лиле, она решила промолчать, хотя, возможно, Павлу было бы даже приятно узнать, что девушка испугалась слишком большой к нему любви. Или страсти. Или влечения. Нет, она скажет об этом потом, а пока не хочет играть в поддавки.

Павел после этих ее слов очень долго молчал.

Потом сказал:

– Вот что. Пока я чего-то не наговорил или не сделал, иди-ка ты... Езжай-ка ты домой. А я хочу подумать и понять, такой ли я конченный идиот, каким сам себе сейчас кажусь. О результатах сообщу. Не беспокойся, деньги на лечение твоей мамы я выделяю и буду выделять. Это независимо. Для тебя же это важно. Может, вообще все выдумки, ты все накрутила и навертела для того, чтобы я проплатил ее лечение? Ради мамы на что не пойдешь.

– Нелогично, – возразила Даша. – Я бы тогда паинькой себя вела.

– Ты умная, ты меня раскусила, ты знаешь, что меня можно взять на откровенность. Только не на такую. Я, в смысле, о твоем пацане. Это мне надо разжевать. Так что, уходи, пожалуйста.

– Извини, если расстроила.

Это были лишние слова, и Даша знала, что лишние – и, может, именно поэтому их произнесла.

– Расстроила! – закричал Павел. – Хорошее, б., слово нашла! Собирается замуж, сама идет к своему ё...рю, трахается с ним почем попало, а потом на голубом глазу об этом рассказывает! Ты что, думаешь, я железный, что ли? Уходи, я сказал!

На этот раз Даша промолчала.

Павел, и без того запустивший все дела, совсем отошел от них, закрылся дома и несколько дней никуда не выезжал. Читал, ходил по комнатам, думал.

Попалась, кстати, книга Немчинова о Постолыкине.

Павел раскрыл ее.

Текст выглядел иначе: так всегда бывает после знакомства с автором, потому что невольно представляешь его лицо, интонации.

Павел, перелистав, взялся читать последние, кульминационные страницы.

«Весть о кончине графа Льва Николаевича Толстого, великого писателя земли русской, на какой-то станции вдали от дома, по телеграфу мгновенно облетела всю Россию, включая, конечно, и Сарынск, который в ту пору был в первой пятерке крупных городов. Тут же поместили печальную новость в утренние газеты – как сообщали и раньше все, что касалось ухода из дома великого графа и его состояния.

Постолыкин, прочитав известие, замокрел глазами, всхлипнул. Будто близкий и родной человек помер, так он к этому отнесся.

Шаркая валенками (пол был теплым, но ноги все равно мерзли), Игнат Тимофеевич пошел в зало, где сидела Анна Феоктистовна, баяла от безделья с блуждающей нищенкой Евфимией. Говорили громко, потому что Анна Феоктистовна сидела в кресле у камина, а Евфимия на стульчике у дверей. На улице мало ль какой заразы, рассуждала Анна Феоктистовна, которая почему-то в последние годы очень боялась какой-нибудь холеры или тифа.

– Мать, Толстой умер, – сказал Постолыкин дрогнувшим голосом.

– Царствие ему небесное, – тут же перекрестилась Евфимия.

– Он от церкви отлучен и ему анафему возгласили, дура! – не удержался от грубости Игнат Тимофеевич.

– Ох ты, грех! – испугалась Евфимия и закрестила предыдущий крест, будто зачеркивая его.

Анна Феоктистовна, тоже приохотившаяся читать газеты, хоть и было там все больше блуда (одни фотографии женщин с корсетами почти что без ничего, кроме этих корсетов, чего стоят!), знала, кто такой Толстой. Знала и то, что муж этого человека уважает. Поэтому склонила печально голову, но креститься не стала, упрежденная Евфимией, не совершила ошибки.

Постолыкин постоял, помолчал, будто ждал еще чего-то.

Не дождавшись, вернулся к себе.

Не с кем поговорить про это. Жена да кухарка, да кучер, он же конюх, три кошки, да две собаки... Позвонить кому? Не поймут. По телефону только деловые разговоры ведутся, а про личное телефонить – все равно, что на крышу вылезти и с соседом перекрикиваться.

Все же Постолыкин снял трубку, покрутил вертушку.

– Центральная! – послышался женский приятный и равнодушный голос.

– Барышня, Толстой умер, – сказал Игнат Тимофеевич.

– С кем соединить?

– Да не надо...

Несколько дней Постолыкин только и делал, что читал газеты, в которых рассуждали о причинах, о странностях и непонятностях, всё сводилось к тому, что великий старец просто сошел с ума. Чем и объясняли наиболее реакционные газеты то, что Лев Николаевич изрекал перед смертью.

А как иначе? Ведь если признать, что все, чему учил Толстой, есть нормальность и здравый

смысл, то, следовательно, остальные все ненормальные и сами сумасшедшие? Кто ж с этим согласится?

Одна из газет даже напечатала сказанные ранее слова святого и праведного Иоанна Кронштадтского: «Доколе, Господи, терпишь злейшего безбожника, смутившего весь мир, Льва Толстого? Доколе не призываешь его на Суд Твой? Се, гряду скоро, и мзда Моя со Мною воздаст комуждо по делом его? (Откр; Апок 22, 12) Господи, земля устала терпеть его богохульство».

Газета таким образом намекала, что святой Иоанн добился своего и упросил Бога умертвить грешника, не смутившись сомнениями о том, хорошо ли кому бы то ни было молить о смерти кого бы то ни было.

Вот и меня считают сумасшедшим, горько мыслил Постолыкин, отнюдь не сравнивая себя с Толстым. Дети ненавидят, бывшие друзья презирают, жена боится – как бы чего пуще не учудил.

А может, он и впрямь не в себе?

Тот же вот, если взять, Толстой. Родил его Бог книжки писать – и писал бы. И полезные ведь книжки, Постолыкин сначала с трудом вчитывался, а потом просто заболел ими. А потом взялся граф людей учить, художественность забросил, то есть – не в свое позьмо* забрел.

Может, и я, Игнат, не в своем позьме? Вел дела честно, имел прибыль, а потом, начитавшись того же Толстого и надумавших ночных дум, взял да и решил все похерить. И что вышло? В приютах, говорят, воровство, в больнице люди в коридорах лежат, остальные деньги профуканы и разворованы... А главное, на том месте, которое занимал я, появился кто-то другой, а то и целая ватага, ибо ни денег, ни дела без хозяина не бывает. Только я-то старался все вести по правде, а они? Так не хуже ли он сделал, что руки умыл? Ах, ах, горестно думать об этом. Выходит, если ты злодей умеренный, не моги свой талант зарыть и вертоград свой отдать, талант отроют другие, злодеи безмерные, а в вертограде вертеп устроят? Значит, ошибся ты, Игнат? Отдал свое доброе и тешился своей чуть ли ни праведностью, а из доброго другие сделали злое – и над тобой смеются.

Жизнь – как сказка, подумал Постолыкин. В том разумении, что у каждого сказка своя.** Но нам вечно кажется, что мы не в свою сказку попали, вот и чудесим без конца. Ты, к примеру, Емеля. Сиди на печке, а потом иди за водой, лови щуку и сказывай ей свои желания. И все будет правильно – и полцарства и принцесса. Если ж ты вдруг возомнишь, что не Емеля ты, а Колобок, и начнешь по свету кататься – что хорошего будет? Да ничего. Или, другой пример: ты серый волк, а ближний твой – заинька серенький, он ни о чем больше не мечтает, как в огород забраться и капусты налопаться, а твоя задача его сожрать. Если же помилуешь и сам начнешь капусту жрать – тут же ноги протянешь. Был ты волк, и это нехорошо (хотя что ж нехорошего, если природа так устроила), а стал ты – вообще никто, дохлый хищник.

Игнат Тимофеевич закашлялся, стало трудно дышать.

Тут же, будто за дверью стояла, постучала Анна Фектистовна:

– Отец, чайку грудного принесть?

Постолыкин не ответил.

Мало, что добро со злом перепутал, подумал он, но и схитрил. Не пошел ведь до конца, домик себе оставил уютный, теплый, с залой и камином – по моде, телефон у него в доме, выезд двуконный – зимой в крытой кибиточке на полозьях, летом в рессорном экипаже на дутых шинах. И кухарка имеется, и горничная убирает, подает на стол, стирает, гладит, все одна.

– Так я принесу? – повторила Анна Феоктистовна.

Нет, решил Постолыкин. Раз уж назад пути нет, то надо до конца идти. Как Лев Николаевич. Только без свиты, в одиночку. В скит, в пещеру под Хвалынском. И прямо сейчас. Либо умрет в пути, либо спасется.

---

* *Позьмо – сарынское диалектное звучание слово позем: участок земли, часто имеется в виду земельное владение, принадлежащее одному хозяину – вокруг его дома или близ его. Прим. И. Немчинова.*

** *Легко заметить, что рассуждения Постолыкина о сказках совпадают с мыслями Немчинова о фильмах, но ничего странного – он ведь автор этого текста.*

Через час он стоял в шубе, с котомкой (там пища – не морить же себя голодом нарочно, ничего нарочного Господь не любит), а жена валялась перед ним на полу и голосила.

– Да послушай же ты меня-а-а! – кричала она, но что именно послушать, того не следовало, превращалось в рыдания. И опять: – Да послушай же ты меня!

– Больше ничего не хочу слышать, – сказал Постолыкин.

– Что же ты с нами делаешь! – возопила Анна Феоктистовна.

– Не зычь, не пожар! – сурово пресек Игнат Тимофеевич. – Ничего страшного не случилось. Я жив пока. Может, еще в этой жизни увидимся, а может, нет.

И вышел, оставив на полу бесчувственную Анну Феоктистовну».

Костяков отбросил книжку. Он не раз замечал, что в жизни есть не только дорожные указатели, но и всякие иные. Их нужно, во-первых, уметь замечать, а, во-вторых, они и сами попадаются в необходимый момент. Вот и эта книжка – сама полезла в руки и сама открылась в необходимом месте. Надо жить в своей сказке, правильно замечено.

Но вопрос – а что есть твоя сказка? Заинька ли ты серенький или тоже серый, но волк? По жизни как бы вроде волк. Но почему тошнит от мяса, если продолжать рассуждать сказочно? Почему хочется огорода и капусты? Сажал же ее какой-то римский император, удалившийся от дел. И хвалился этим, помнится.

Это ты к чему? – спросил себя Павел.

Это я к тому, ответил он себе, что больше всего мне хочется бросить все к чертовой матери, жить с Дашей вот в этом доме, никуда не выходя, и заниматься капустой, то есть оранжереей – тем более, что он это дело любит.

И, подтверждая делом свою любовь, Павел отправился в оранжерею.

Он вошел – и тут же услышал испуганный шорох, который моментально затих.

– Кто тут? – спросил Павел.

Молчание, тишина.

– Да ладно, никого не трону, никому ничего не скажу!

Почему Павел догадался сказать о соблюдении тайны, он и сам не знал, но не ошибся. В углу, где росли деревца гинкго билоба, что-то зашевелилось и вышли двое – охранник, имени которого Павел не помнил, краснолицый и с седыми, сплошь белыми от седины, волосами, неуклюжий, корявый, лет пятидесяти. А за ним, застегивая халат, глядя в сторону, смущенно выходила тетя Люба, жена дяди Толи Сердяева – они вместе отвечали за дворовое хозяйство: убирали, чистили бассейн, подстригали газоны, заготавливали дрова для каминов и все такое прочее. Тут же и жили – в домике у забора, соорудив для уюта собственный заборчик и устроив палисадник.

– Мы тут это... О, господи... – сказала тетя Лида и, закрывая лицо руками, выбежала.

– Почему не у ворот? – спросил Павел охранника – впрочем, не строго.

– Сменился, домой собираюсь... И вот... Задержался... Вы в самом деле, не говорите. Дело такое...

– Я уже обещал. Иди, не бойся.

Охранник ушел.

Вот ведь тоже, подумал Павел. Охранник – коряга корягой, тетя Лида вечно с грязью под ногтями, ни кожи, ни рожи, прости господи, одни морщины, а вот – понежничать захотелось, помиловаться. Может, у них даже и любовь?

Впрочем, охраннику, между прочим, лет на пятнадцать меньше, чем тебе, просто старо выглядит. Да и тетя Лида, которую ты почему-то сразу начал звать именно так (и она не поправляет), намного ли старше тебя? Может, даже и ровесница, а не исключено, что и младше.

Одно из двух: либо ты считаешь, что ты хорошо сохранился, либо неадекватно себя воспринимаешь.

Скорее всего, и то, и другое.

Ну и пусть.

54. ГУЙ МЭЙ. Невеста (Продолжение)

Даша отрабатывала свадебные заказы, которые набрала на месяц вперед, хотя другие, более важные и серьезные дела, требовали ее участия. Надо будет кого-то еще нанять специально для свадеб, думала она.

Сегодня самая тупая и черновая работа: книга «лав-стори», где можно было пофантазировать, уже сделана, теперь снимается непосредственно процесс: подъезд кортежа, шествие по лестнице к дверям, регистрация, торжественный выход, невесту осыпают цветами, а потом наиболее тяжелое: массовый жор, пой и ор, то есть свадебное застолье.

Подъехал белый лимузин, вышли жених с невестой. Жених был пузат, толстощек, лет за сорок. Невесте, наверное, восемнадцать, но умелые визажисты состарили ее, как могли (не нарочно, а стараясь, чтобы красивше). Подъехали и другие машины, высыпали и засуетились, загомонили, родственники и близкие. Жених был на полголовы ниже невесты – возможно, из-за ее каблуков. Да еще высокая прическа с маленькой короной из желтой фольги добавляла роста. Все топтались, переминались, поправляли одежду, ждали, когда позовут. Наконец из дверей вышла служительница в парчовом платье с кистями, кто им только придумывает эти фасоны в стиле портьер позапрошлого века, и махнула рукой. Жених поднатужился, подцепил невесту под спину и под коленки, поднял на руки и гордо оглядывался: взял вес!

– Нельзя! – закричала какая-то пожилая женщина. – Надо на руках выносить, а не вносить!

Жених на секунду замешкался, но представил, наверное, что опускать груз не менее тяжело, чем поднимать, ответил:

– А я и так, и так.

Он, пыхтя, стал подниматься по ступеням, Даша бегала вокруг, снимала десятки дублей, надеясь, что хоть один будет приличным. Невеста вдруг, расчувствовавшись, крепко обняла жениха за шею и поцеловала. Тот пошатнулся, все ахнули.

– Спокойно! – закричала Даша.

И жених словно послушался ее крика, выровнялся и благополучно внес невесту в двери.

Потом – зал регистрации, обмен кольцами, росписи, поздравление тетеньки с лентой через плечо (и тоже в парчовом платье с рюшами), торжественный выход, жених опять берет вес, осторожно сходит по ступенькам, групповые фотографии, цветы, шампанское.

Поездка к ресторану «Мираж». Ресторан считается шикарным и вмещает полторы сотни гостей. Столько примерно и было. Судя по машинам, подъехавшим к ресторану, народ обеспеченный, богатый. Следовательно, и жених не беден. Впрочем, Даша, знала об этом. Она знала также, что не менее половины ее бывших одноклассниц только об этом и мечтают: выйти замуж за богатого. Возраст не имеет значения, даже лучше, если старше (может, помрет пораньше, рассуждают некоторые). Нет, эти девушки где-то учатся или работают, но по большей части они заняты собой. Эпиляции, солярии, фитнесс-клубы, магазины, в которых постоянно ищется что-то модное, но недорогое. Одну из них Даша недавно встретила на выходе из магазина, у девушки в руках была уйма пакетов и коробок, что-то она даже придерживала подбородком. Тут подскочил какой-то белесый, рыжеватый и лысоватый прыщ, взял у девушки вещи и начал таскать их в огромную черную машину, которая выглядела для него чужой – будто маленькому мальчику дали поиграть взрослую бибику. Девушка смотрела на прыща устало и брезгливо.

– Муж? – спросила Даша.

– Еще нет. Но выхожу. Поэтому – предпродажная подготовка.

И она усмехнулась.

Даше понравилось это выражение – оно обычно употребляется по отношению к подержанным машинам, на которые, чтобы успешней продать, наводят внешний лоск.

Но ведь не подержанные девушки, вот что обидно.

Хотя – каждый получает то, что желает.

Свадьба шла своим чередом. Огромный стол буквой «П» гости заняли, разделившись инстинктивно на два клана – свои к своим. А посередке жених с невестой и их друзья и родители. Кланы весьма отличались: с одной стороны моложавые, ухоженные женщины в дорогих нарядах и с настоящими украшениями, мужчины в бутиковых рубашках и если не с «ролексами» на запястьях, то и не с часами «Полет», с другой – женщины с ранними излишками жира, в нарядах невообразимых фасонов, с турецким золотишком на пальцах и в ушах, а на мощных шеях бусы с камнями величиной от фасолины до куриного яйца, причем не диетического.

Напившись и наевшись, стали петь под караоке, потом плясать и танцевать.

– Ну, все, что можно, я сняла, – сказала Даша жениху и невесте. – Дальше будет сплошное безобразие, сами понимаете. Нужен последний красивый кадр: вы идете к двери, оглядываетесь. Я снимаю издали. Счастливые молодожены покидают свадьбу, которая им уже порядком надоела.

– Да я бы хоть сейчас, – сказала невеста.

– Ничего, потерпишь, – возразил жених. – А нельзя, чтобы действительно когда мы будем уходить?

– Все напьются в кадр попадет много ненужного.

– Рассуждаете рационально! – воскликнул жених.

И они пошли с невестой к двери, а Даша снимала их. Но постоянно кто-то лез, мешал, заслонял. Какой-то мужчичок-с-ноготок цеплялся к невесте и к жениху, чего-то требовал.

Даша подошла и сказала ему:

– Извините, никто никуда не уходит. Я сниму – и они вернутся.

Мужичок резко повернулся:

– А тебя вообще не спрашивают! – обдал он ее перегаром. – А ты, Михаил, обратился он опять к мужику, – имей совесть! Завтра ты ее хоть в унитаз смой, а сегодня она мне еще дочь, а я ее отец! И она пока что меня обижать не смеет!

Мужичок вдруг бурно заплакал, но, высморкавшись, пришел в себя.

– Короче, давайте за стол к людям!

– Да не уходим мы никуда, папа! – закричала невеста. – Говорят тебе, снимают нас. Сейчас снимут и вернемся!

– Успеется! – не хотел понимать мужичок. – Пошли, я сказал!

И он цапнул дочь за руку.

– Ну, вы не очень-то, – жених потянул тестя за рукав.

Потянул неудачно – рукав, на живую нитку пришитый экономными китайскими трудящимися, оторвался начисто.

Мужичок глянул на это с таким ужасом, будто ему оторвали руку. И заорал:

– Глядите! Глядите, как отца за дочь бьют!

Тут же подскочили – не только глядеть, но и поучаствовать. Кто-то кого-то случайно задел, толкнул, кто-то упал, кто-то попал локтем по чужому уху – и началось.

Даша поняла, что делать ей тут нечего.

Уходя, щелкнула несколько раз – для собственной коллекции. Драка на свадьбе – это жанр.

Уже было поздно, когда она зашла в офис, чтобы запереть в сейф аппаратуру, а потом поставить помещение на сигнализацию. И столкнулась с Егором, который входил в торговый комплекс и направлялся в ресторан.

– Работаешь? – спросил Егор.

– Закончила.

– Есть хочешь?

– Можно.

– Тогда приглашаю.

Даша не видела причин не принять приглашение.

– Ну, будущая мачеха, что будем есть? – спросил Егор, открывая принесенное официанткой меню.

– Может, не надо на эту тему? – поморщилась Даша.
– Ты же есть хотела.
– Про мачеху, не прикидывайся.
– Меня в данной ситуации не ты интересуешь, а отец.
– Боишься за его здоровье? За его имущество?
– Я ни за что не боюсь. Ты статью про него, конечно, читала?
– Да.
– И?
– Что?
– Никаких разочарований?
– Чего ты от меня хочешь, Егор? Скажи прямо?
Егор не сказал – официантка подошла принять заказ.
Когда она удалилась, Егор начал говорить:
– Я знаю, что происходит в твоей семье, знаю о твоей маме. Могу предположить, что вопрос денег для тебя важнее всех остальных. К сожалению, это у многих. Может даже у большинства. Но в таком случае есть другой вариант – выйти замуж за меня. У меня тоже есть деньги – намного больше, чем ты можешь подумать.
– Ты тоже преступник?
– Нет, удачно спекулировал, провернул несколько красивых жульнических операций. Стандартные истории. Но все в рамках закона.
– Я поем и подумаю, хорошо?
Егор согласился и тоже занялся едой.
Потом они выпили вина, потом оба попросили кофе и мороженого.
– Ну вот, – сказала Даша. – Теперь можно и сказать. Вся фигня в том, Егор, что мне нравится твой отец. Ты красивее и моложе, но дело не в этом. И... И все, мне больше нечего сказать. Хотя, есть еще важная штука – он меня очень любит. Так, что на меня действует. Теперь я спрошу, можно? Если ты так серьезно настроен, если ты захотел на мне жениться, ты бы как-то... Ну, не знаю, ты раньше позвонил бы, договорились бы о встрече. Ужин при свечах, обручальное кольцо.
– А я был уверен, что рано или поздно тебя встречу. А кольцо – вот.
И Егор вынул из кармана коробочку.
– Прикольно, – оценила она.
– Ты хоть посмотри.
– Зачем? Я не люблю золота, у меня даже пирсинг серебряный, видишь? – Даша показала ухо с тремя колечками.
– Думаешь, я раньше не заметил? Кольцо тоже серебряное.
– Все равно. Нет, ты молодец. Ты гениальный человек, Егор, ты умеешь красиво жить, я без шуток.
– Знаешь, почему я не женился?
– Сейчас узнаю. Скажешь ведь?
– Скажу. Мне нужна была жена – подруга, товарищ, соратник.
– Я не актриса и не режиссер.
– Неважно. Хотя, хороший художник мне тоже нужен. А тебя верный глаз. Поедем в Москву? Я все равно туда перебираюсь, давно зовут.
– У меня мама больная.
– Возьмем с собой. Там лучшие клиники.
– Она не поедет. Ты странный. Прямо на приступ пошел. Где ты был раньше?
– Я не думал, что у тебя все так быстро произойдет.
– Произошло.
– И никаких шансов?
– Если только разведусь с твоим отцом.
– Это вариант невозможен. В смысле – после отца.

– А я думала, ты широкий человек. Современный.
– Не настолько. А ты – смогла бы?
– Тоже нет. Я тоже не настолько. Кстати, я еще, может, за твоего отца не выйду.
– То есть – не решено?
– Решено. Я говорю – может быть. Потому что все может быть.
– Счет, пожалуйста! – позвал Егор официантку.
– Два отдельных! – уточнила Даша.
– Даже так?
– Хочу сама заплатить за себя.
– Я тебя пригласил, поэтому... Дело твое. Не принципиально.
– Вот именно.
Был тяжкий момент – говорить уже не о чем, но надо ждать официантку.
Наконец дождались, расплатились.
Выходить, значит, вместе. Тоже неловкий момент – говорить по-прежнему не о чем.
– А знаете, – сказал Егор официантке, – принесите-ка коньяку. У вас есть хороший коньяк?
– В карте указано.
Егор посмотрел.
– Вот этот.
– Ты просто кошмар какой деликатный, – сказала Даша. – С тобой легко, если про любовь не говорить.
– Тогда останься.
– Нет, спасибо.
Егор, оставшись, думал: все, пора в Москву. Иначе я тут в самом деле заведу жену, детей, осяду навсегда. А у меня другие планы. И он сунул в карман перстень, купленный два года назад для девушки, из-за которой чуть было не совершил большую глупость. Слава богу, обошлось. Как и сейчас.
А Даша шла по длинному коридору к выходу и думала: почему она сказала, что, может, еще не выйдет за Павла Витальевича? Само как-то сказалось. Непонятно.

БЕЗ НОМЕРА. Вне очереди

Немчинову неожиданно позвонила Лаура Денисовна Едвельская и взволнованным голосом попросила о встрече.
– Только давайте не у меня и не у вас в редакции, а где-нибудь в нейтральном месте.
– Чтобы нас никто не видел?
– Вы, пожалуйста, не смейтесь, все очень серьезно. Я вообще удивляюсь, что вы еще живы после этой статьи!
Как ни было худо Немчинову, но он рассмеялся:
– Лаура, бросьте! Я еще вас переживу!
– Плохие шутки, у вас реальный шанс. Вы знаете, что у меня было плохо с сердцем?
– В последних новостях об этом ничего не сообщали.
– Что с вами сделали, Илья, у вас появился черный юмор! Извините, сейчас не разделяю. Мне пришлось вызвать «скорую», а я, между прочим, в жизни ее не вызывала и вообще никогда не лежала в больнице. У меня никогда не болело сердце!
Эту тему она продолжила, когда встретились в городском парке, там, где когда-то была эстрада, накрытая традиционной раковиной, и стояли скамейки для зрителей. Помост эстрады еще остался, хоть и с проваленными досками, а лавок не было ни одной – половину вырвали местные группировки молодежи, воюя друг с другом подручными средствами, половину экспроприировали предприимчивые частники, латанные дома которых грудились за оградой парка, над зеленым стоячим прудом. Они же растащили на свои дома и сараи оцинкованную жесть с крыши. Поэтому торчали здесь одни столбики, а вокруг – непроходимые и непроглядные заросли. На такие два

столбика и сели Немчинов с Лаурой.

– Никогда не болело сердце – и вот вам, – сказала Лаура. – И я теперь боюсь смерти. Вы когда-нибудь боялись смерти?

– Всю жизнь боюсь.

– Да нет, теоретически я тоже боюсь, а по-настоящему, когда боишься заснуть и умереть во сне?

– Тоже бывало.

– Ну, думаю, не так, как у меня. У меня просто психоз. Знаете, чем я занимаюсь? Я сижу и составляю завещание. Ну, с картинами отца я знаю, как поступить. Третьяковка, Русский музей, местный музей, кое-кому из частных лиц, все уже расписано. Помните, вам понравилась сосновая роща? Она достанется вам.

Немчинов не помнил, что ему понравилась какая-то сосновая роща, но сказал:

– Спасибо, конечно, надеюсь, в ближайшие двадцать лет я не стану счастливым обладателем.

– Нет, с вами точно что-то случилось. У вас не только черный юмор получается, вы еще становитесь и куртуазным. Итак, Илья, я могу умереть. И если все я распределила, то есть кое-что, что я не могу никому передать, кроме вас. Больше просто некому. Только вы этим интересуетесь, только вы можете... Впрочем, я не знаю, что вы можете, просто – это должно быть у вас. После вашей статьи я поняла. И лучше я передам сейчас, потому что я ведь могу умереть внезапно, тогда все опечатают, потом появятся разные люди, начнут рыться. Короче – сейчас.

Лаура оглянулась и досталась из сумочки сверток. Полиэтиленовый пакет, замотанный крест-накрест пластырем.

– Это письма. Письма Леонида.

– Вот это номер! – присвистнул Немчинов.

– Еще какой номер!

– Письма вам?

– Нет. Рассказываю все по порядку. Леонида, как вы правильно догадались, не утопили. И вообще не убивали. Но хотели убить. Самое интересное, что убить хотел больше Максим, а Павел даже удерживал. То, что они все были пьяные, это само собой, иначе это была бы не русская история, а французский роман. Они хотели убить Леонида за то, что Ирина его любила и хотела к нему уйти. Вместо этого Леонид предложил им – не из-за трусости, а потому, что не хотел доводить их до преступления, он предложил им: я уезжаю. Я уезжаю навсегда и никто никогда обо мне не услышит. Это все равно, что смерть. Обещаю не делать никаких попыток связаться с Ириной. Все будут думать, что я умер. Утонул. И он уехал.

– Куда?

– Далеко. Обратный адрес станция «Чебутново», я смотрела, это за Уралом, глушь полная. Причем он там даже не жил, а просто приезжал время от времени на эту станцию и там опускал письмо.

– Вам?

– Да не мне! То есть на мое имя сначала прислал заказное письмо, а потом писал до востребования. Понимаете, он писал Ирине, но слова своего нарушить не мог, поэтому он вкладывал эти письма в конверты мне. Условие было такое: передать Ирине только в том случае, когда он умрет. Понимаете? Ему было важно, что она когда-нибудь их прочитает, пусть даже после его смерти. И вот шесть лет назад Ирина погибла. Он продолжал писать. Я получала. Представляете, какой это был ужас: получать письма, когда адресата уже нет? Я терпела полгода, потом не выдержала и написала ему на эту станцию, что Ирины нет. И все, он замолчал. А еще через год с чем-то письмо от какой-то женщины: Леонид Витальевич просил сообщить вам, если он умрет, что он умер. Понимаете?

– В общих чертах.

– Естественно, в общих, тут любой с ума сойдет. Вот – я вам их передаю. Я их, естественно, не читала. А вы – как хотите. После этой статьи я знаю, что вы единственный порядочный человек в этом городе. Используйте эти письма, уничтожьте всех этих негодяев!

– Я уже попробовал...

– Но не говорите, что я вам их передала.

– А как я объясню их попадание ко мне?

– Сами взяли. Были у меня и взяли. Украли. Если на меня сейчас кто-то будет, как выражаются современные люди, наезжать, я не выдержу. Инфаркт, скоропостижная смерть. Я, конечно, и так умру, но не хочу раньше времени.

– Вы врачам показывались? Не «скорой помощи», а – в больнице?

– Еще чего! Они найдут то, чего и нет. А я мнительная. Скажут, например, что у меня еще и язва, я поверю – и у меня точно будет язва, а ее, может, и нет. И вообще, я спрашивала у одной знакомой, такие боли, как у меня, бывают при остеохондрозе. Кажется, что сердце, а на самом деле позвоночник.

– Тогда успокойтесь.

– Не могу. У меня предчувствия. Да и не было у меня никогда никакого остеохондроза. С чего бы ему взяться? А вы лучше вот что сделайте, вы напишите по этим письмам роман. Там богатейший жизненный материал!

– Откуда вы знаете, вы же не читали?

– Догадываюсь. И кстати, я хочу устроить еще одну выставку. Отец, когда уже был очень болен, устроил выставку и назвал ее «Прощание». Даже те сволочи, которые его не любили, пришли – все-таки прощание. Очень, наверно, сожалели, что после этого прожил еще пять лет. Так вот, я хочу назвать выставку «Последнее прощание».

– А если тоже проживете пять лет? Или пятьдесят?

– Я уже об этом думала. Тогда через год я назову экспозицию «Прощание отменяется». Остроумно, да? А потом – «Едвельский навсегда». Не слишком пафосно?

– Вообще-то...

– Я тоже думаю, что отец заслужил. Творчество предполагает некоторую наглость. Я вам советую – пишите роман нагло. Не соблюдайте никаких правил, кроме художественности. Широкими мазками.

– На самом деле я уже задумал кое-что.

– Видите! Я угадываю мысли. Некоторые признаются, что со мной страшно говорить: они еще ничего не сказали, а я уже знаю, что они скажут. Все, извините, я боюсь переутомляться. Мне надо пережить этот период. Подруга, она гомеопат, она говорит: сон. Народ правильно сказал, сон – лучшее лекарство. Спать как можно дольше. Но организм сам догадывается, что делать, я в последнее время сплю по четырнадцать часов в день. А раньше не больше десяти. Тоже немало, но зато остальное время я полна энергии. Мой вам совет – никогда не вставайте по будильнику. Будильник – причина всех неврозов, это же стресс, это удар по психике. Просыпайтесь только сами. Все, до свидания. Естественно, мы с вами не встречались.

Она ушла, исчезла в зарослях, и уже через минуту Немчинову казалось, что ее и не было, был какой-то бред наяву, какая-то нелепица.

Но вот – пакет.

А вот письма.

Илья сорвал пластырь, надорвав при этом пакет, достал толстую пачку и не утерпел, вытащил верхнее письмо. Вынул из конверта. Четким, почти каллиграфическим почерком было написано:

«Уважаемая Лаура Денисовна! Обращаюсь к Вам так официально, чтобы дать Вам возможность прийти в себя. Вы ведь не утерпите, вскроете письмо сразу же, на почте, можете вскрикнуть, на вас кто-нибудь обратит внимание. А мне этого не нужно, я не имею права делать то, что делаю. Итак, поэтому настройтесь – не вскрикивайте. Это я, Леонид Костяков, твой Леня, Лаурик. Теперь вдохни и выдохни, сделай паузу.

Я жив. Но мертв одновременно. Мои братья, когда дело дошло до края, то есть когда они уже готовы были уничтожить меня физически, проще говоря убить, вывезли меня на реку. Я знал, что будет, и все же поехал. Я не боялся смерти. Может быть, я даже хотел ее, потому что ситуация была тупиковая. Отказаться от Ирины я не мог, ты это знаешь. И она не могла от меня отказаться.

Кто-то должен был устраниться – и, естественно, не Павел. Само собой, и не Ирина. Только я.

Но в последний момент я понял, что поступаю нехорошо: я толкаю братьев на преступление. И у меня родилась идея. Я дал им обещание (и они, конечно, знали, что я его исполню), что я исчезну навсегда. Это все равно, что умереть. Исчезну – и никаких звонков или писем. Ничего. А они пусть скажут, что я утонул. Что и произошло.

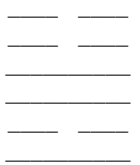
И вот прошло четыре года. Я сходил с ума, тысячу раз хотел вернуться, чтобы пусть перед смертью, но еще раз увидеть Ирину. Еле сдержался. Я придумал, как сдержать слово, но все же не сойти с ума от невозможности общаться с ней. Я буду ей писать, но на самом деле – тебе. Пожалуйста, сохраняй эти письма. И, когда я умру, передашь ей. Тогда это уже не будет нарушением договора. Письма буду посылать тебе до востребования. Могут быть всякие случайности, неприятности для тебя, если все обнаружится, поэтому напиши, согласна ли ты на это. Попутно я буду писать тебе, но только в общих чертах, потому что не уверен, что я этим не нарушаю своего слова.

Напиши, как ты к этому относишься. На адрес, который указан, до востребования. Мне дадут по паспорту, хотя у меня еще прежняя прописка. Так все быстро получилось, что, кроме паспорта и некоторого количества денег, я ничего с собой не взял. Но, как выяснилось, мне ничего и не нужно. А то, что необходимо для жизни, заработал уже здесь, но это отдельный разговор. О себе много распространяться не буду, занимаюсь тяжелым физическим трудом, снимаю комнату у одного ветерана, который каждый вечер показывает мне свои медали. Он доволен, что есть кому похвастаться. Человеку для счастья вообще мало надо. Правда, смотря кому. Мне казалось, что надо много. Но это особый разговор. Твой Идус, как ты говорила. Леонидус, Идус. Так и буду подписывать тебе – для конспирации. Даже смешно. Если первое письмо обошлось без приключений, ответь. И тогда у меня появится «луч света в темном царстве».

Твой

Идус».

55. ФЫН. Изобилие

Сбор богатого урожая.

На свадьбу, конечно же, могли попасть только люди с пригласительными билетами, красиво отпечатанными на золотистом картоне и пронумерованными в типографии. Петр во избежание подделок предложил снабдить их водяными знаками, Максим поблагодарил его за фантазию, но сказал, что сквозь картон водяных знаков, пожалуй, не разглядишь.

Случайных людей не должно было быть, но все же они попали в дом Павла Витальевича – приглашения были именными, однако на некоторых значилось: «на 2 лица». Дело в том, что те, кто оформлял билеты в соответствии со списком, составленным Павлом и Максимом, были предупреждены, что многие персоны прибудут с женами или подругами (а несколько самодостаточных, по выражению новейшего времени, персон женского пола – с мужьями или друзьями). Поименовать самих персон труда не составляло, а вот кто у них будут спутники, узнать было сложнее. Потребовалась бы уйма времени, а все и так делалось второпях, за четыре дня до свадьбы. И ведь надо еще развезти, такие вещи по почте не посылают! Поэтому просто добавили сопровождающих лиц анонимно, цифрой.

Этим обстоятельством некоторые и воспользовались: например, к Сергею Ногайцеву, пресс-

секретарю губернатора, приехал его друг по учебе во ВГИКе Саша Сокольков. Сергей, закончив это славное заведение, был и третьим помощником второго режиссера, и рабочим на съемочной площадке, и вообще мотался без дела. Вернулся в Сарынск, сделал карьеру на административной почве – однако, не чуждой все-таки его гуманитарной жилке. Саша же в свою звезду верит, снимает рекламу и сериалы, но не оставляет надежды сделать Большое Кино. Он и в Сарынск приехал для осмотра натуры.

– Локейшен* колоритный требуется, – сказал Саша.

Жена Сергея приболела и вообще была не в настроении куда-либо идти, поэтому Сергей и взял друга:

– Посмотришь, каков наш провинциальный народ. А то что ты там видишь в своей столице?

– Да то же самое, – заверил Сокольков.

Но, однако, поскольку голова его всегда работала над замыслами будущих гениальных фильмов, он и тут не просто сидел за столом, он сидел творчески.

Снимая рекламу и мыльные стосерийники, Сокольков считал себя режиссером авторского кино. На телевидении можно делать что угодно, в Большом же Кино необходимо дебютировать чем-то значимым. А дебютировать пора, хоть возраст у него для режиссера еще юношеский – тридцать восемь лет. По нашему времени многие свои первые фильмы и в пятьдесят снимают. А кто-то так и остается на бобах.

Вот было б славно, думал Сокольков, снять фильм о свадьбе, но не так, как снимали раньше. Свадеб в кино – тысячи, но они являются частью сюжета, его кульминацией, финалом и тому подобное. Нет, свадьба – как самоценное действие, ничего, кроме свадьбы. Такого не было.**

Никаких выходов за пределы свадебного пространства, и даже, возможно, никакого монтажа. То есть монтаж будет, но чтобы никто не заметил. Свадьба субъективной камерой, глазами пьяного съемщика, которого пригласили из какого-нибудь бюро ритуальных услуг. Съемщик то слишком долго задерживается на чьем-то лице, то куда-то идет. Попадает в кухню, блуждает, не может выбраться, оказывается в спальне, а там кто-то кого-то уже наяривает. Не исключено, что невесту, но не жених.

Это будет чисто авторское, фестивальное кино. Никакой заманухи, все честно. Вон там какой-то гость то ли налимонился в течение нескольких минут, то ли уже пришел пьяным и пытается петь. Снять так долго, как поет. В реальном времени. Это будет ново.***

Саша увлекся, начал мысленно разрабатывать структуру сценария. Гениально ведь то, что свадьба – метафора искусственного объединения совершенно разных людей. А вся жизнь, если задуматься, есть столкновение чужих и чуждых людей. Ты садишься в такси к чуждому человеку, слушаешь его музыку, которая тебе неинтересна. Его треп, от которого тебя мутит... Просишь выключить музыку и заткнуться. Но во многих случаях этого сделать нельзя. Любой коллектив – дикое нагромождение не сочетаемых характеров. Любая супружеская пара – два антагонистических мира. К тому же, свадьба – атавизм, в сущности, этот обряд мало чем отличается от ритуальных плясок у костра каких-нибудь диких племен, если они остались. Кстати, будет здорово время от времени в параллель показать такое действо. Здесь – европейцы в костюмах и платьях, все чинно, стол, фужеры, вилки, салфетки, а там – мясо антилопы на банановых листьях, на черных телах пальмовые юбочки, а выражения лиц – похожи! И смысл один: девичество (условное) приносится в жертву социуму. Так и назвать – «Жертвоприношение». Отличное называние для

** От английского location – заимствованный в Голливуде термин, обозначающий место натурных съемок. Занятно, что этого слово имеет 24 значения, одно из которых – «районы, отведенные для туземцев».*

*** Сокольков ошибается, есть такой фильм, по Чехову, он так и называется – «Свадьба». Но Саша этого фильма не видел.*

**** Сокольков опять ошибся: подобный эпизод с долгим сольным пением в застолье есть в фильме В. Шукшина «Печки-лавочки». Но Саша этого фильма тоже не смотрел.*

авторского кино. Надо проверить, не было ли уже такого.*

Почувствовав, что уцепил что-то прямо-таки эпохальное, Саша даже слегка взволновался и выпил водочки.

В фильме будет три части. Неправда, что авторское кино предполагает бесформенность, у хорошего режиссера все по делу, ничего случайного. Часть первая – съезд гостей, приглядывание друг к другу двух разных миров – мира невесты и мира жениха. Внутри этих миров есть еще и свои внутренние миры: два человека со стороны невесты могут первый раз видеть друг друга. Но то, что они все-таки с одной стороны, их уже объединяет. Истомившиеся гости начинают есть и пить. Сначала покажем, как это все приготавливается. Медленно, подробно. Пожалуй, все же придется выйти за пределы дома. Вот гуляет овца, вот ее хватают, ведут, режут, снимают шкуру, отделяют от костей мясо, обрабатывают мясо, добавляют специи, тушат или жарят, все подробно и долго, минут десять или даже пятнадцать. И вот блюдо из овчины, то есть, тьфу, из баранины, попадает на стол. Кадры ускоряются: три секунды – нет овечки. Три года паслась, три дня везли, три дня обрабатывали и готовили, за три секунды съели. Красиво. Процесс еды после эпизода с овечкой показать тоже подробно. Жрут, жрут, жрут, не могут нажраться. Чистая физиология. Ну, и еще разговоры вокруг еды и о еде. Чтобы до отвращения, до тошноты, чтобы кто-то сдох от обжорства. Такого тоже не было.**

Итак, жратва. Крупно рты, зубы, подбородки, испачканные жиром, слюни, потом анимация, сделанная максимально реалистичной: пережеванная пища попадает в желудок, в кипящий ад желудочного сока!

Это финал первой части. Прелюдия. Интродукция. В нее войдут и портреты гостей – так, чтобы зритель, если не дурак, догадался об их характерах и отношениях. По взглядам и репликам. Вот невеста (Саша имел в виду конкретную невесту – Дашу). Глупенькая смазливая блондинка. В данном действе у нее роль добровольной жертвы, счастливой тем, что она жертва. Но при этом уже сейчас знает, что будет изменять направо и налево при первой возможности. Она осматривает гостей. Взгляд ее задерживается на молодых людях приятной внешности. И тут же кадры – она в постели с тем, другим, третьим. За пару минут она успевает мысленно трахнуться со всеми. Дофантазировавшись, она тут же, за столом, заполучает офигительный оргазм. Прикусит губу, глаза заволокутся сытной пеленой удовлетворенной похоти. Жених спросит:

– Что с тобой, моя девочка?

– Ничего, – улыбнется она.

Крупно: стекающая по ноге жидкость.

Да, к сожалению, от безмонтажного кино придется отказаться. Но камера все равно будет субъективной. Мы видим глазами мальчика, залезшего под подол свадебного платья. Он вылезет и: «Тетя, ты описалась?» Это смешно.

Жених – пожилой дядя с неотесанной мордой. Кто он, интересно? Можно спросить у Сергея, но Саша, считая себя знатоком людей, предпочитает догадываться сам. Скорее всего, он из бывших бандитов, а теперь легальный коммерсант. Очень богатый. Вряд ли прочел после школы хоть одну книжку. Да и в школе тоже. Он доволен молодой красивой женой, тем, что много еды, гостей, всего много.

Рядом с невестой, как водится, подруга (на самом деле там сидела Рада). Подруга мрачна, ест и пьет неохотно, неодобрительно посматривает на невесту и жениха. Видимо, она сама хочет замуж, но пока не получается. Неплохой поворот: жених до этого не видел ее. А девушка тоже красивая.

– Почему ты нас раньше не знакомила? – спрашивает жених.

** Было у Тарковского.*

***Сокольков в очередной раз ошибся: есть фильм «Большая жратва» Марко Феррери, в котором герои едят именно так – чтобы сдохнуть. Противней этого фильма только разве что «Свинарник» и «Сало» Пазолини, где ненависть к человеческим порокам выражена с таким же пристальным любованием.*

– Боялась, отобьет! – шутит невеста.

Но жених вдруг понимает, что прогадал, что подруга нравится ему гораздо больше. Потом, улучив момент, он зажмет ее в узком коридоре и скажет:

– Одно твое слово – и свадьбы не будет. Или я сдеру платье с этой дурочки и надену на тебя. И ты будешь невеста. И никто не пикнет.

Так-так-так.... Что дальше? А дальше именно так: он сдирает с невесты платье, надевает на подругу, но никто, НИКТО – не замечает. Гениально! Всем все равно, кого выдают, это лишь повод напиться и нажраться. Не чересчур? Нормально. Это сюр чистой воды. Гиперреализм надоел. Хотя, можно и сюр выразить в гиперреалистической форме. Так. Переодел, другая невеста. Крики «Горько!». Жених целует новую невесту и вдруг отталкивает ее. И кричит:

– К дантисту сходи!

И обратно переодевает прежнюю невесту.

Жениху нужен товар идеального качества. Никакого кариеса и пародонтита.

Так. Камера движется: лица, лица, лица... Вот неподалеку от жениха и невесты сидит скромненький человечишко с серенькой женушкой, безвкусно одетой. Он задумчиво накладывает на бутерброд с маслом красную икру – горкой.

– Рискуешь, – говорит женушка.

– А что?

– Язва, – напоминает она.

– Что же теперь, не жить?

– Жить, но не рисковать!

Скорее всего, это забитый женой родственник со стороны невесты, какой-нибудь мелкий служащий, для которого красная икра вволю – уже праздник. А уж спиртное тем более – будет выжидать, когда жена отвернется, чтобы опрокинуть рюмку. Она поймает его за этим занятием и шлепнет по затылку.

– Имей совесть... При людях... – заноет он.

– А ты не свинячай!

(Таким образом Саша мысленно описывал одного из почетнейших гостей – Сезонтьева. Правда, почти угадал – язвы у Сезонтьева не было, а вот гастрит имелся. Но красную икру любил и имел возможность есть ее каждый день хоть ведрами, однако остерегался – сам, без советов жены; однако сегодня праздник, можно чуть-чуть расслабиться.)

Молодой человек с восточными чертами (Егор). Возможно, представитель кавказской криминальной диаспоры. Пришел из вежливости – пригласили. Но ему тут не нравится. Он уже поделил всех на своих и чужих. Кадр – реализация его подсознательных желаний: он стоит посреди зала, к нему движется поток гостей. Одних он посылает направо, где их встречают юные красавицы с голыми животами, других налево, где им тут же отрубают головы.

Рядом с одиноким джигитом девушка, на которую он время от времени посматривает, но девушка занята разговором со своим парнем, который внимательно ее слушает, похоже, он в нее крепко влюблен. (Девушкой была Яна, а парнем – Борис, старший сын Максима от первой жены; сама жена Олеся не смогла прийти, улетела со вторым мужем к морю, а младший сын Глеб уехал куда-то с какой-то компанией.)

А вот развеселый человек, который купается в происходящем, как рыба в воде. Весело и охотно ест и выпивает, смеется на каждое слово рядом находящихся застольщиков, которое покажется ему смешным, рассказывает анекдоты соседке, миловидной женщине лет под тридцать, обращается иногда и к другой соседке, хмурой дебелой тете его возраста. Он, судя по всему, добродушный халявщик, любитель погулять на дармовщинку, дебелая тетя – его жена, поэтому он к ней меньше и обращается, жене анекдоты не рассказывают, она и так их все знает. Халявщик, веселясь и балагуря, успевает оглядеть стол, словно жалея, что не до всех может дотянуться своим весельем, а заодно прислушивается – не рассказывают ли в других местах чего-то интересного, не едят и не пьют ли того, что перед ним не поставлено?

(Так Саша описал Колю Иванчука, которого Лиля перед свадьбой напутствовала странными словами: «Ты присмотри там, чтобы все нормально». Коля изо всех сил старался показать – в первую очередь Даше – что ему тут очень хорошо. Миловидной девушкой была Ольга, жена Максима, а дебелой дамой – жена мэра Кублицына, женщина заносчивая, страдавшая оттого, что их с мужем посадили дальше от новобрачных, чем требуется по статусу, да еще ее коробило, что какой-то плебей-балагур смеет травить ей похабные анекдоты, причем то и дело касается рукой плеча. В следующий раз, ей-богу, так даст ему, что рука отсохнет – чтобы знал, с кем можно похабничать, а с кем нельзя!)

А вот человек с задумчивым интеллигентным лицом, которому здесь явно скучно, возможно, представитель творческой профессии – музыкант, художник. Пусть будет художник. Он смотрит на людей, и под его взглядом они застывают, превращаясь в большие полотна, холст, масло. (Это был Петр, а причина его задумчивости была в том, что у него в новенькой машине вдруг что-то застучало в моторе, он отогнал ее на сервис, наладили, перестало, два дня нее стучало, а сегодня опять. Этих бездельников из сервиса он, конечно, накажет, но что стучит, вот вопрос! Петр терпеть не мог чего-то не понимать, потому что обычно он понимал в жизни абсолютно все.)

А вот мужчина, явно сбежавший от жены и трех детей, рядом с ним редкостно неказистая девица, но желание мужчины пофлиртовать, порезвиться на свободе столь велико, что он напропалую любезничает с девицей, а та регулярно хихикает, обрызгивая стол и галантного собеседника крошками пищи, потому что постоянно жует (мужчиной был Валера Сторожев, а болтал он с уродливой дочкой мэра, жалея ее, что она так не задалась внешностью, к тому же, он боялся смотреть в сторону Даши.)

Рядом с ним еще один унылый муж. Он почти не ест, только пьет одну рюмку за другой и тупо смотрит перед собой. Его супруга не отстает в питье, вытирает губы рукой, закусывает мало – бережет фигуру, контуры которой превратились в очертания прибрежного валуна, заглаженного до плавных форм тысячелетним прибоем. Такие пары бывают, Саша встречал не раз: уже нет ничего общего, ни одной связующей нити, кроме совместного обиталища, и вот они приходят домой вечером, ужинают, муж наливает себе, спрашивает ее: «Будешь?» Она кивает. Так и сидят и выпивают весь вечер, глядя в телевизор – а что смотреть, все равно. (Так Саша охарактеризовал Немчинова и Скобееву, главного бухгалтера одного из коммерческих подразделений Павла Витальевича, женщину великую, умеющую в два дня составить годовой отчет в трех экземплярах – для внутреннего пользования, для налоговой инспекции и – самый настоящий – для Павла Витальевича лично; одна печаль – овдовев, стала крепко зашибать, очень уж любила своего покойного мужа. Между прочим, Немчинов сам напросился пойти вместе со Сторожевым, зайдя к нему и узнав, что пригласительный билет на два лица. Он начал уговаривать Наташу, чтобы она, как он коряво пошутил, уступила ему свое лицо, ему обязательно надо там быть, он ведь друг Коли и Лили, его не пригласили по ошибке. «Тебя пригласили не по ошибке, – сказал Сторожев. – И ты это знаешь. Огребу я с тобой неприятностей». Немчинов заверил, что никаких неприятностей не будет, Валера не поверил, но все же дал себя уговорить – иначе пришлось бы идти с Наташей, а он этого не хотел – из-за Даши. То есть она, чуткая женщина, сама бы начала отказываться, но он взялся бы уговаривать... А тут – само всем решилось.)

А вот явно администратор, по ухваткам видно. Его назначили тамадой (или он сам вызвался), он регулярно встает и смело называет тех, кому предоставляет слово. Начинает, конечно, с крупных персон, с тузов, потом идет масть помельче. До шестерок вряд ли доберутся при самом долгом застолье. Чтобы иметь полномочия давать слово, надо быть чиновником довольно крупного масштаба. (Тут Саша попал в точку: это был Максим. Сокольков, правда, не угадал родства Максима с Павлом, но это было бы невероятно.)

Вторая часть фильма – каждый встает и говорит. Парад характеров. Сочно, колоритно. А тамтамы в параллельных кадрах бьют все быстрее, черные люди в тростниковых юбочках топочут ногами, двигаясь по кругу, груди женщин подрагивают у молодых, трясутся у зрелых, и болтаются у старух.

Странно, кстати, что нет нанятого тамады и нет сценария. Сейчас это модно. Чтобы не просто гости пили и ели, напиваясь и наедаясь, а – различные конкурсы, шутки, розыгрыши и т.п. Лет пять назад Саша, оказавшись временно без работы, сам сочинял такие сценарии, режиссировал их, был тамадой. Даже хотел снять фильм «Тамада»* в духе американской легкой комедии: тамада заболел или ушел в запой, надо отработать аванс, он просит друга пойти и заменить его, начинается путаница, кавардак, зато лже-тамада нравится невесте, которая в результате с ним сбегает. Но нет, это попса, это дешево, Сокольков не стал на это размениваться.

Впрочем, общество тут хоть и провинциальное, но все же с признаками отесанности, такие люди не любят самодеятельности – или им подавай что-то качественное, а где ж его тут взять?

А вот и самодеятельность: кто-то вместо тоста запел оперным голосом. Хотя, почему самодеятельность, Сережа говорил, что у них тут есть оперный театр. И драматический. И даже кукольный. Культурный город. Значит, кто-то из гостей – оперный певец. Хороший был бы кадр: тут же поднимается другой певец (или певица) – и исполняет фрагмент той же арии октавой выше. Творческое соревнование, творческая ревность. Все в восторге. Не выдержав, поднимается еще один певец – и берет еще одной октавой выше! Гениально!**

И вот, по нарастающей, все торопятся высказаться, вот говорят уже одновременно. Рты, губы, зубы. Ничего не понять. Фильм можно сделать вообще немым или почти немым. Ни одного членораздельного слова, слова – враг кино. Все, что можно показать через действие, должно обходиться без слов!

Дикое племя пляшет все неистовей. Жених набрасывается на невесту и начинает обрабатывать ее на глазах у всех – таков обычай. Тамтамы звучат в такт. У этого племени считается доблестью, чтобы ритм был как можно чаще, но при этом чтобы жених держался как можно дольше.

А тут – крики «Горько!».

Крупно: лицо жениха. Пористая кожа, морщины. Еще крупнее. В каждую пору можно засунуть карандаш. И эта пористая масса, красно-бурая, начинает всасываться в чистое, нежное... Но нет! И тут не так просто! – при увеличении видно, что и кожа девушки не идеальна, красота обманчива,

---

** Само собой, об одноименной пьесе А. Галина Саша слыхом не слыхивал.*

*** Трудно не согласиться с этим определением, если не знать, что именно такой эпизод уже существует у Феллини в фильме «И корабль плывет».**

**Примечание к примечанию. Наверное, уже кажется назойливой моя ирония по поводу феноменальной необразованности Соколькова, которая, к тому же, выглядит как хвастовство собственными познаниями. Ирония есть, не скрою, но человека, который является прототипом Соколькова, я знал очень хорошо, была даже попытка сотрудничать, к счастью, ничем не кончившаяся. Он действительно мало что смотрел и еще меньше читал – слишком много работы. А до этого – увлечения молодости, в сферу которых кино тогда не входило. Вдруг решил ради хохмы попробовать поступить во ВГИК за компанию с приятелем. Приятеля, знавшего наизусть сотни фильмов, не приняли, а Сокольков (оставлю прототипу эту фамилию) показался будущему руководителю курса оригинальным. Этот мастер, режиссер Кареев-Супрун, снявший в 1972-м году довольно успешный фильм «Командировка без возврата» и гордившийся тем, что Госкино два года держало фильм на полке из-за названия (почему-то всем чудилась зарубежная командировка, хотя речь шла всего лишь о поездке москвича в таджикский город Курган-Тюбе, где он влюбился в местную девушку и остался навсегда в прекрасном оазисе среди песков; производство, кстати, студии «Таджикфильм»); так вот, Кареев-Супрун любил переиначивать известное выражение «кто знает, тот умеет» и говорил так: «кто знает, тот умеет делать штампы». Он призывал своих учеников не забивать мозги всяким киношным мусором, от которого потом трудно отвязаться, поневоле начнешь снимать вторичное кино, главный источник – жизнь. Наблюдения из жизни, вот что основное. И на своих занятиях любил вызвать кого-то и заставить рассказать о подлинном случае. Вызванный рассказывал, часто бессовестно привирая или вовсе сочиняя бессмыслицы. Кареев-Супрун одобрительно кивал головой и задремывал, а очнувшись, в очередной раз удостаивал учеников лирическим повествованием о том, как он, снимая свой шедевр об интернациональной любви, сам влюбился в таджичку и чуть было не остался навсегда в этом райском месте. Нет, Сокольков и его единомышленники все-таки что-то знали и смотрели, но исключительно малоизвестное, а то и вовсе неизвестное широкой публике. Как при этом Сокольков, то есть его прототип, но более удачливый, снимающий Большое Кино, умудряется в своих фильмах лепить штамп на штампе, ничего не зная о штампах, – великая загадка искусства.*

прыщики величиной с мухомор, поры поменьше, чем у жениха, но соломинка для коктейля тоже вполне войдет. Да, человек на самом деле стар уже в молодости и даже с детства. Ибо первый шаг из утробы матери есть первый шаг к смерти. Гениально.

Не хватает только финала.

Сокольков продумывал финал, а в это время встал еще один человек кавказской наружности, пожилой. Родственник жениха или невесты? Или, как и джигит, представитель местной экономическо-криминальной диаспоры? Держит в руках что-то длинное, говорит что-то цветистое, Сокольков прислушивается.

Тимур Саламович (а это был он) держал в руках замечательную хивинскую саблю в ножнах, изукрашенных серебром и бирюзовой эмалью (такая уже была у Тимура Саламовича, зачем ему две?). Он держал ее двумя руками, как бы вознося от земли, и говорил:

– Дорогой Павел и Даша! Я благодарен, что меня позвали на это торжество. Как искренний и честный человек я скажу, что в моей радости есть немного печали, причины понятны всем. Пусть, Даша, ты будешь как бы младшей женой, в этом названии нет ничего плохого. А я желаю мира вашему очагу и внуков, которых буду считать как своих, потому что ты, Павел, был мне всегда как сын. А ты, Даша, будешь мне как дочь, которая...

Тут Тимур Саламович запнулся.

У многих, знающих, в чем дело, защипало в глазах. Состояние разнеженности, вызванное алкоголем, тому способствовало.

– Которая тоже... Я возвращаюсь к теме. Пусть будет у вас в доме мир, но я дарю эту реликвию, это грозное оружие потому, что каждый мужчина должен уметь защитить свою женщину и своих детей и иметь, чем их защитить. Она будет как символ того, что никто не сможет покуситься на покой и счастье этого дома!

Речь настолько понравилась, она была настолько в традиционном свадебном ключе и при этом задушевная, что все зааплодировали. И даже Сокольков на секунду призадумался: а нет ли все-таки в этих замшелых обрядах живого смысла? Да, обряды старые, но вот для нее, этой девушки, все это – впервые! Эту струйку обязательно надо подпустить в канву фильма.

Павел с благодарностью принял подарок, поцеловал тестя, потом выдвинул блеснувший клинок и поцеловал смертельную сталь. Это всем тоже очень понравилось, аплодисменты раздались вторично.

Павел положил саблю поперек стола.

А мысль Соколькова лихорадочно работала, его осенила новая идея. Присутствие джигита и появление старика с саблей навело его на мысль: это будет свадьба, когда выходцы с Кавказа выдают свою дочь за русского. Четкое разделение – на одной стороне кавказцы, на другой русские. Напряженная обстановка. Ощущение – что-то будет. И вот какой-нибудь пьяненький родственник полезет целоваться с кавказцем:

– Ты теперь мой кунак!

– Да, да, – терпеливо будет говорить тот, легонько отталкивая пьяного.

Но тот хочет поцеловать и жену новоявленного кунака. Горец этого не может позволить, толкает пьяного сильнее, он падает, но тут же вскакивает и дает кунаку по морде. Горец выхватывает саблю и одним ударом сносит голову обидчику. Крики, свалка... Каждый удар – кровная месть! Все разбегаются по дому, у всех начинается охота – на всех. И никуда нельзя деться, вокруг пятиметровые заборы, обнесенные колючей проволокой под током. Название фильма: «Никто не уйдет живым». В комнатах, коридорах, в подвале дома, на чердаке – везде тотальная охота. Убивают чужих, убивают по ошибке своих. В результате выясняется, что жених специально собрал всех своих врагов, чтобы они уничтожили друг друга. Невеста ему была нужна только для приманки. Приходится ему убить и ее. Но, по правилам фильма ужасов, появляется тот, кто натолкнул жениха на эту идею... Конечно, попса, чисто коммерческий проект, но сколько можно кормить людей зарубежным продуктом? Надо создавать свой мейнстрим, увлекательное кино для всех. А авторское никуда не уйдет – да и какое оно авторское, если, приглядевшись, можно легко обнаружить, что все авторы похожи друг на друга в гораздо большей степени, чем попсовики?

Сокольков почти угадал, решив, что невеста думает не о свадьбе, а о чем-то постороннем.

Даше было сначала смешно, потом скучно. Она ловила себя на желании взять фотоаппарат, отойти в сторонку и снимать – как она привыкла. Кстати, без ее ведома пригласили фотографов – сразу несколько. Почувствовав себя впервые объектом на свадьбе, Даша поняла, что это довольно противно. Хотелось подойти и глянуть, что у них там получается. Все-таки она, хоть и относилась часто иронически к брачующимся, старалась все-таки снять так, чтобы они выглядели по-человечески. А эти мастера фокуса и вспышки, видела она их в деле, видела их работы, будто нарочно оглупляют своих персонажей, придавая им единообразный вид. Надо будет потом посмотреть, что они нащелкали, и выбрать.

Нет, никогда больше не буду устраивать свадеб, неожиданно подумала Даша.

И еще она мысль возникла: встать сейчас, будто бы в туалет, отойти, позвонить Володе и сказать:

– Приезжай, забери меня отсюда.

Но она не сделала этого. Хотя зачем-то приоткрыла белую свадебную сумочку, лежавшую на столе – и не увидела телефона. Пошарила в сумочке.

– Хочешь кому-нибудь позвонить? – спросил Павел.

– Да нет, просто... Куда-то телефон делся.

– Я оставил его у себя в кабинете. И свой тоже.

– Ты в мою сумочку залез?

– Нет, он рядом лежал.

– Это что, уже семейная жизнь?

Павел огорчился:

– Если бы я знал, что ты так расстроишься...

– Будь добр, принеси телефон.

– Кому ты хочешь позвонить? Маме?

– Я хочу его съесть с маслом, это неважно! Принеси телефон!

– Девочка моя, на тебя люди смотрят, успокойся.

– Принеси телефон!

– Если он тебе нужен, иди и возьми сама. На столе в кабинете.

– Я не хочу входить в чужой кабинет.

– Это теперь не чужой кабинет.

Тут закричали «Горько!», препираться было неудобно, Даша и Павел встали и исполнили ритуал.

А потом Тимур Саламович со своей саблей.

Растроганный Павел, поцеловав тестя и саблю, положив ее, выждал небольшую паузу и вышел. Он решил сам принести телефон Даше.

Принес, положил перед нею.

– Спасибо, – сказала Даша. – Извини.

– Оба мы хороши.

– Да уж.

В это время с бокалом поднялся тот, кого Сокольков счел «унылым мужем», то есть Немчинов. Его сосед, сбежавший, по предположению Соколькова, от жены и троих детей (то есть Сторожев) дергал его за рукав пиджака, но унылый муж не обращал внимания.

(Кстати, и Петр, и Максим слишком поздно обратили внимание на присутствие Немчинова, хотя некоторых, пусть и явившихся с приглашениями, отфильтровали при входе по разным причинам, но за всеми не уследишь, вот и дали промашку, увидели Немчинова, когда он был уже за столом, а из-за стола выдергивать неудобно.)

Немчинов встал и, начав речь, не спеша пошел вдоль стола в сторону жениха и невесты. Он был пьян, это было слышно по голосу, но не шатался и глаза тоже казались трезвыми, только с легкой заволокой нарастающей сумасшедшинки.

– Дорогие молодые! – начал он. – От всей души разрешите вас – ну, сами понимаете. Поздравить и так далее. Вам все уже сказали.

– Папа! – негромко сказала Яна, когда он проходил мимо нее, но Илья только потрепал ее по плечу и продолжил.

– Тут некоторые говорят... Что у девушки мама смертельно больная, а жених лечение оплатил, вот она и... В смысле благодарности. Не верьте! Это неправда! Это любовь!

Непонятно было, к чему клонит Немчинов – то ли обличение, то ли дифирамб, поэтому Петр, Максим, да и Павел, равно как и прочие гости, пребывали в недоумении. Этим объясняется, что никто Немчинова не пресек, не попытался преградить ему путь.

– Даша! Ты дочь моего друга...

– Она не дочь, – тут же поправил Коля.

– Извини. Дочь моей... Женщины, которую я любил. Мы учились вместе и так далее. Даша! Ты ее дочь! И я тебе желаю счастья. Он, – Немчинов ткнул пальцем в Павла, – тебе его обеспечит. Но я предупреждаю: будь счастлива. Я тебя именно предупреждаю. Потому что если ты посмеешь быть несчастливой, он жизни тебе – не даст! Если ты посмеешь кого-то полюбить, он угробит тебя, как фактически угробил бывшую жену. Старшую, по вашей логике! – мимоходом обратился Немчинов к Тимуру Саламовичу. – Остроумно выразились, – хихикнул он. – И того, Даша, кого полюбишь, он тоже угробит. Он брата не пощадил. Не утопил, как некоторые думают. Он запретил ему жить. Абсолютно достоверно известно, что...

– Ну, хватит! – вскочил Максим, и тут раздался мощный окрик Павла Витальевича – окрик такой громкости, такой приказной силы, что некоторые даже вздрогнули, при этом те, кто знал о Костякове-старшем только по рассказам, подумали, что не хотелось бы попасть этому человеку под раздачу.

– Сядь! – крикнул Павел Максиму. – Пусть договорит! Ну? Что тебе достоверно известно?

– А-а-а! Я знаю, почему ты разрешаешь мне говорить! Потому что уверен, что я опять вытащу какую-нибудь сплетню. Версию. А я – чистую правду. Вы не утопили брата Леню. Вы приказали ему исчезнуть. И он исчез. С условием, что никаких контактов ни с кем. Чтобы все думали, будто он умер. А он жил – правда, далеко. Он нелегально жил. Вы понимаете, люди? Сослать брата в безвестность – это же почти пожизненное заключение! Но главное – они за все эти годы даже не поинтересовались, как он, что он! Они даже не знают, что брат пять лет назад умер!

Для Павла это было наверняка новостью – он выглядел неподдельно растерянным. Посмотрел на Максима. Максим отвел глаза.

– Ты знал? – спросил Павел.

– Да.

– Почему не сказал?

– А что изменило бы?

– Вот! – закричал Илья. – Роскошно сказано – что изменило бы! В их мире ничто не меняется. Только суммы прописью. Мы, идиоты, какие-то слова... Думаем, что подействует. А они слов уже не замечают! Проще надо, проще! Кулаком по голове – и все! Да, Петя? – спросил он человека, который имел, по мнению Соколькова, задумчивое интеллигентное лицо. – Тебе приятно, наверно, было бить меня по голове? Да? Кулаком, кулаком, по тыковке! – голос Немчинова стал окончательно пьяным. Будто держался, держался, и вот повело. – И правильно! По головам нас, дураков!

– Тебе мало? – не вытерпел и встал Петр. – Я добавлю!

Тут Немчинов как-то нелепо взвизгнул, швырнул свой стакан об стену, в два прыжка подскочил к Павлу, схватил со стола саблю, выхватил ее из ножен – со свистом, ухарски, будто всю жизнь этим занимался. И пошел полукругом – отходя от стола, но зато оказываясь напротив Петра.

Петр ничуть не испугался.

– Хорош дурить, – сказал он. – Дай сюда ножик, а то обрежешься.

Рядом с Немчиновым оказался антикварный столик на гнутых ножках, на столике большое

фарфоровое блюдо, на блюде фрукты – не поместились на столе. Немчинов рубанул, блюдо с треском развалилось, фрукты рассыпались и покатились по полу.

– Следующий раз по тебе! – закричал Немчинов. – Подойди!

Петр, естественно, остался на месте, тогда Немчинов сам подскочил и, встав на цыпочки, держа саблю наотмашь, левой рукой стукнул кулаком по темечку Петра. И отскочил. Петр сделал хватательное движение рукой, но, кроме пустого воздуха, ему ничего не досталось.

Ничего себе, подумал Сокольков. Такая чушь ни в какой жанр не влезет!

А Немчинов то ли совсем опьянел, то ли обезумел. Он бросился к Даше с криком:

– Девушка! Невеста! Даша! Возьми это – и покроши всех этих паразитов! Прошу тебя! А то я тебя сам убью, чтобы никому не досталась. Люблю тебя, Даша!

С занесенной саблей он быстро шел к Даше, но на его пути встал Павел Витальевич.

– Уйди, зарублю! – закричал Илья.

И тут появился Шура.

Он ненадолго отлучался, потому что во дворе вдруг разом включилась сигнализация нескольких машин. Он хотел узнать, в чем дело.

(Причина на самом деле было простой: шли мимо поместья Костякова какие-то подростки, один сказал, что через такой забор и камень не перебросишь, второй возразил и доказал делом: нашел обломок кирпича, кинул. Кинул и второй, и третий. И убежали. Камни угодили в машины, вот те и завыли истерично электронными голосами.)

Шура, войдя и увидев, что происходит, что сабля уже занесена над головой хозяина, выхватил пистолет и направил его на Илью. Павел Витальевич увидел это, крикнул:

– Не надо! – одновременно отталкивая Немчинова.

Но Шура уже выстрелил. Пуля, задев касательно бок Немчинова, попала в сидевшую Дашу, которую Шура из-за Немчинова до этого не видел. Дашу отбросило в сторону, на Раду (выстрел был сбоку). Рада держала ее руками, чтобы совсем не упала (мимолетно подумала, упрекнув себя тут же в дурацких мыслях, что об этом даже в журнале не напишешь – не поверят, а если и поверят, комментариев будет немного, занимательные пустяки, как правило, вызывают жаркие споры, случаи же трагические остаются без внимания – спорить не о чем).

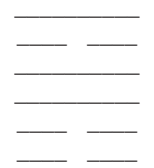
Немчинов уронил саблю.

Шура стоял, опустив руки, не понимая, что произошло.

Павел дотронулся до Даши, ему казалось, что она от страха упала в обморок, никаких повреждений не было видно. Он хотел усадить ее прямо или уложить, взял под мышки, и тут почувствовал – горячо. Он поднял руку Даши и увидел, как расползается сбоку, слева, где сердце, красное пятно, становясь на глазах все больше и больше. И Павел почему-то понял, что это – всё.

А Сокольков думал: нет, это даже для мыльного сериала не годится, too much.* Разве только для индийского кино – если героиня оживет, споет красивую песню красивым голосом, с красивыми телодвижениями, и опять умрет.

56. ЛЮЙ. Странствие

Вы очень нервничаете по поводу некоего неприятного события.

* *too much (англ.) – здесь: чересчур, киношники очень любят это слово.*

Немчинов в своей пьяной речи был и прав, и неправ. Действительно, люди ежедневно слышат и читают столько слов, впитывают столько информации, что у них вырабатывается психологическая защита, доходящая до эмоциональная анестезии; впрочем, это и в прежние времена людям было свойственно, отсюда пословица: «На всех могилках не наплачешься». С другой стороны, иногда случаются события, в которых отражается что-то характерное и общее, о чем люди часто даже не догадываются, но чувствуют – оно есть. И это вызывает неожиданный повальный интерес.

Поэтому о смерти невесты на свадьбе писали и все местные издания, и центральные, и, конечно, Интернет. Рада ошиблась: на волне любопытства ее свидетельства как участницы оказались востребованными, она наконец попала в кои-то веки не просто в топ, а в первые строки многих топов, составляемых по разным показателям и критериям. Триста комментариев и около двух тысяч посетителей набралось только за первый день. Рада только успевала отписываться (неизменно при этом добавляя, что сожалеет о гибели своей юной и красивой мачехи, которая любила ее отца и которую любил он); в отдельной ветви дискуссии бурно обсуждалась тема мезальянса. Что интересно, большинство юзеров мужского пола относились к неравным бракам (имея в виду разницу в возрасте и материальном положении) резко отрицательно, а юзеры женского пола резко положительно. Это понятно: что мужской пол в Интернете преимущественно молод и беден (особенно в такого рода сообществах – не деловых, а так, потрендеть), он видит, что его тут всерьез не рассматривают и злится, а женский пол по своему обыкновению – дразнит. Но никто не поручится при этом, что все пишут именно то, что думают.

Это, впрочем, в Сети всего касается. И не только в Сети.

В Сарынске о гибели невесты говорили все.

Гадали – что будет, чем кончится?

Убил-то охранник жениха, убил, защищая Костякова, имел право (иначе зачем ему пистолет выдали?) Правда, попал в невесту, а не в нападавшего, но мало ли что в горячке бывает! Убийство по неосторожности, это даже юридически неграмотные люди знали, услышав эту и другие формулировки в многочисленных телевизионных судебных шоу. Если Костяков-старший упрячет охранника в тюрьму, будет логично: Шура его невесту убил. Если не упрячет, тоже логично: все-таки Шура его охранник, своих принято защищать.

Почему-то все склонялись к мысли, что инцидент постараются затереть, замять, выставить как трагический несчастный случай. Потому что все иное Костяковым – невыгодно.

Говорили и о Немчинове. Вот его, были все уверены, обязательно посадят. И за нападение с холодным оружием, и за недавнюю газетную статью, и за то, что раскрыл тайну Костяковых. В том, что все было именно так, что братья хотели убить Леонида, а потом передумали и приказали ему исчезнуть и раствориться, не сомневался теперь никто. За исключением тех, кто любил экзотику и досочинял: да, велели исчезнуть, а потом все-таки еще раз его настигли и окончательно убили.

Дашу для похорон на то кладбище, которое Сторожев в разговоре с Костяковым-старшим назвал «курятником» привезли рано утром из морга при УВД, а не из городского, хоронили почти тайно. Присутствовали всего несколько человек: Павел Витальевич, Максим, Коля Иванчук, Сторожев с Наташей, Егор, Рада, Тимур Саламович, несколько бывших одноклассниц Даши, еще кто-то... То есть люди безобидные и понимающие особость ситуации. Максим предварительно объяснил всем приглашенным (особо – Иванчуку, которого нельзя было не позвать), что еще один скандал совсем ни к чему, особенно на похоронах. Поэтому не было Володи, он узнал позже, не было многих других, кто хотел проводить Дашу в последний путь.

– Хороним, как прячем, – сказал Павел Витальевич, но понимал, что иначе нельзя.

Он накануне звонил отцу Михаилу, просил об отпевании – желательно на дому: в церковь наверняка набьется лишний народ, пронюхав о событии. Отец Михаил категорически отказал: церковь некрещеных не отпевает ни в храме, ни в каком ином месте.

– Хоть какую-нибудь молитву поминальную тогда можно заказать?

– Извините, нет.

– Что ж я, и свечки поставить не могу?

– Можете частным порядком. Мало ли кто ко мне в церковь приходит и свечи ставит. Я их не спрашиваю, крещеные или нет.

Павел Витальевич нашел выход: заказал панихиду в церкви при кладбище. Там о конфессиональной принадлежности усопшей никто не спросил. Перед погребением занесли гроб в церковь, поставили гроб на табуретки, но служба не начиналась, будто чего-то ждали.

Тут в дверях показался еще один гроб, несомый скорбящими родственниками. Максим кинулся к ним:

– Куда? Не видите, тут занято!

Торопливо к нему подошел дьякон и шепотом просил не своевольничать: обрядом не возбраняется, будь тут хоть десять гробов. Перед смертию все равны.

И второй гроб внесли, поставили рядом, там лежал молодой человек (погиб в автомобильной аварии), родственники, стесняясь плакать в голос, зажимали рты, глухо рыдая, от этого казалось, что в храме как-то сдерживаемо шумно. Нищенка-старуха, соскучившаяся сидеть на ступенях и не видя на подъезде новой процессии, втерлась, подошла ближе всех и сказала довольно громко:

– Какие красивые обои!

И многим показалось, что она своими глупыми словами объединила этих не знавших друг друга умерших, словно жениха и невесту. Павел Витальевич затрясся от слез, Максим подошел к старушке, дал ей тысячную купюру и вежливо порекомендовал подождать на воздухе. Та перекрестилась, покланялась и послушно вышла.

Поминки были быстрые и тоже тайные: заехали в маленький ресторанчик, принадлежащий Павлу, молча поели кутьи и всего прочего, что полагается, выпили – очень мало: кто-то был за рулем, а подруги Даши не захотели водки. По сарынскому (и не только) обычаю, кроме водки, на поминках других спиртных напитков не полагается. Может, потому, что остальные напитки имеют хоть какую-то приятность вкуса, а приятность с горем не сочетается, водка же именно поминально горька... Менеджер ресторанчика, желая услужить хозяевам, пустил под сурдинку пустил «Реквием» Моцарта. Подошел, осведомился:

– Извините, не мешает?

Максим посмотрел на каменное лицо брата и сказал:

– Убери.

И – редкий случай – не понял Павла.

Тот сказал:

– Сделай громко, как можешь.

Аппаратура здесь была хорошая, поэтому, пущенный на полную громкость, «Реквием» был слышен даже на улице.

Голоса хора забирались все выше, Павел опять затрясся, зарыдал, широко открывая рот и истекая слезами – будто все лицо плакало, а не глаза. Заплакали и девушки-подруги, и Наташа, и Сторожев, и Рада с Егором, и Максим, и даже официантки, и даже сам менеджер пустил слезу – так пробрала всех великая музыка.

Только Коля Иванчук не плакал.

И вдруг стукнул кулаком по столу.

– Хватит! Вы, суки, даже горевать с комфортом желаете! Выруби музыку!

Опытный менеджер понял, что, хотя этот человек не хозяин, его надо послушаться.

Стало необыкновенно тихо.

– Ты прав. Вы правы, – сказал Павел. – Подлецы мы вообще. Давайте вот что. Давайте... Я хочу сказать.

– Не надо! – твердо попросил Иванчук. – Не надо ничего говорить, очень прошу. Я, может, единственный тут, кто имеет право говорить. Но не буду. Помолчим, сделаем, что положено, и все.

– Не по правилам, – возразил Максим. – Нельзя людям рот затыкать. Не только у вас горе.

– Слушай, ты! – поднял на него глаза Коля. – Я дал слово – не тебе, а себе, я слово дал, что стерплю. Не доводи до греха.

– Он прав, – торопливо сказал Павел. – Не будем. И так все ясно.

Молча доели, выпили традиционный компот из сухофруктов.

И разошлись.

Сторожев садился с Наташей в свою машину, когда к нему подошел Павел.

Он обратился к Наташе:

– Вы разрешите мужу поехать ко мне?

Наташа посмотрела на Валеру.

– Ты будешь пить, а я буду опять рядом сидеть? – спросил Валера.

– Да. Как друга прошу.

– Никогда мы, Павел Витальевич, друзьями не были, сам знаешь.

– Слушайте, что вы все говорите со мной так, будто я ее убил?

– А не ты?

– Ну, я, я, успокойся. Не хочешь, как хочешь, один напьюсь.

Максим стоял неподалеку, наблюдал и слушал. Сказал:

– Может, не надо, Паша?

– Тебя не спросил!

Иванчук тоже находился рядом, и тоже слышал разговор.

– Могу составить компанию, – предложил он.

– Спасибо! – горячо обрадовался Павел. – Поехали!

– Только вместе со мной, – сказал Максим.

– Обойдешься!

– Не беспокойтесь, больше убийств не будет, – сказал Иванчук Максиму.

И поехал с Павлом в его поместье. Максим, опережая их, позвонил всем, кто был там (охранники и обслуга), и доходчиво объяснил: у хозяина горе, он приедет с неким человеком, на глаза не лезть, но без присмотра не оставлять, если что, немедленно звонить.

Павел и Коля выпили сразу по стакану, потом Павел попросил принести закуски: не хотел быстро опьянеть.

Коля начал с того, о чем не терпелось сказать:

– Надо было мне тебя не просто выгнать, когда ты появился, надо было Даше запретить с тобой общаться. Я сразу все почувствовал!

– А ты разве мог ей запретить?

– Мог. Ну, не запретить, а... Если бы как следует попросил, она бы...

– Не надо об этом, Николай. Человек погиб. Об этом надо. А ты отношения хочешь выяснить.

– Не хочу. Выясняют то, что не ясно. А мне ясно: из-за тебя моя дочь погибла. Все, других нюансов нет.

– Приемная дочь.

– Неважно.

– А что моя невеста – тоже неважно?

– Не была бы твоей невестой, не погибла бы.

– По твоей логике: не сел бы человек за руль, не попал бы в аварию. Что же, ездить нельзя, жить нельзя, замуж выходить нельзя? Чем я тебя так не устраиваю?

– Да тем уже...

– Погоди, я сам скажу! Я тебя тем не устраиваю, что Даша меня полюбила.

– Ну, это...

– Дай договорить! Со стороны – да, бедная девушка, мама больная, а я богатый. По расчету как бы. Но она все говорила открытым текстом. Ты знаешь, что она была такой откровенной, каких не бывает? Она всегда говорила правду. И мне говорила правду. И если сказала, что влюбилась, это была правда – она врать не умеет.

– Не обязательно врать. Просто человек не всегда знает, что правда, а что нет. А еще умеет

себя убедить.

– Ну да, ну да, так и думал, что ты это скажешь! Постой, что-то я важное хотел... Не говори ничего!

Павел выпил, закусил квашеной капустой с клюквой (горстью в рот положил), морщился – и от кислого вкуса, и от усилия вспомнить, что хотел сказать. Вспомнил.

– Да! Вот что важно: вы все радуетесь! Вы же радуетесь все, я вижу! Не досталась этому старому подлецу, так ему и надо! А еще вы радуетесь, потому что вам теперь ее нельзя хотеть! То есть можно не хотеть. То есть можно и хотеть, только смысла нет. Поздно. Вы все ее хотели, я это тоже знаю!

– Не выдумывай.

– Она сама говорила! Говорила, что всегда чувствует, когда ее хотят. О тебе говорила, что уважает за то, что ты бы ее съел без соли, но выдерживаешь, не подаешь вида. Только иногда прорывается. Скажешь, нет?

– Не скажу. Она не врала, и я не буду. Тебе не понять! Я маму ее любил... И люблю. А она – как... Ну, как реинкарнация. Это не просто хотеть, это сложнее, я тебе даже объяснять не буду. Я этим жил. Лилей и Дашей.

– И ждал: Лиля умрет, останется одна Даша. И начал бы действовать.

Коля приподнял руку с вилкой, крепко зажатой в кулаке.

– Слушай, не дразни меня!

Тут где-то стукнула дверь. Коля оглянулся и положил вилку.

– Давай успокоимся. А то дойдем черт знает до чего.

– Вот именно, – согласился Павел. – Только ты знай: она меня всего переделала. Я другим человеком стал.

– Не верю. Никто никогда другим не становится. Хотя – бывает. Редко. Но это не про тебя.

Павел махнул рукой:

– Можешь не верить, мне все равно.

Выпили еще одной, помолчали.

– А братика вы правда сослали? – спросил Коля.

– Вроде того. Так получилось.

– Прав Илья: если бы Даша в кого влюбилась после свадьбы, ты бы его тоже сослал. Или пристукнул бы.

– Нет. В этом и разница: сейчас не сослал бы, пальцем не тронул бы. Лишь бы она счастлива была. Я только одного хотел – чтобы она была счастлива. Говорю же, она меня переделала. То есть я сначала хотел просто, для себя, а потом понял – на все готов, лишь бы ей было хорошо. Потому что если такому человечку будет плохо, тогда вообще весь этот мир копейки не стоит! Я бы сам ее за руку отвел к тому, кого бы она полюбила! – говорил Павел и верил своим словам.

Опять выпили. Опять помолчали.

Павел начал плакать.

Плакал долго, молча, потом вытер лицо платком, выдохнул:

– Ффу, не могу, жуть какая-то. Жалко, Николай. Ты не представляешь, как жалко. Никого так не жалел. Двадцати лет не было девочке, ребенок. За что?

– Вечный вопрос. Нет ответа. Правда, священники умеют отвечать.

– А ты верующий?

– Да, – твердо ответил Коля.

– Священник, говоришь? – хмыкнул Павел. – Это мысль. Будет тебе священник!

Он позвонил отцу Михаилу и стал напрашиваться на встречу, готов был приехать хоть сейчас. Упирал на то, что батюшка не должен отказывать скорбящему. Отец Михаил согласился, но принять у себя не мог – приехала жена, хворает, ни к чему ее беспокоить. Павел послал за ним машину, и через полчаса отец Михаил уже входил в кабинет, где расположились Павел и Коля. Он был в цивильном – в рубашке, джинсах и кроссовках.

Иванчук тут же встал, хотел попросить благословения, приложиться к ручке.

Но отец Михаил протянул руку для обычного пожатия.

– Я без чина сегодня, частным порядком.

И Павлу тоже пожал руку.

– Не знакомы? – спросил его Павел. – Это отчим Даши. А это отец Михаил, человек большого природного ума. Присаживайтесь, отец Михаил, сделайте милость.

– Можно ты сегодня, – сказал отец Михаил. – Вы водку пьете, чего мы будем церемониться?

– Что же вы тут, не священник? – спросил Иванчук.

– Я везде священник, но не всегда при службе.

– Вот я в епархию нажалуюсь, – пошутил Павел. – Выпьешь с нами?

– Не откажусь.

Павел налил ему стопку, отец Михаил, не садясь, произнес:

– Соболезную!

И выпил.

Только после этого сел, отщипнул кусок хлеба.

– Что же ты, отец Михаил, не сказал, как положено: за упокой души новопреставленной рабы божьей или как там? Не достойна, значит? – спросил Павел. – Ты, может, для этого и приоделся так? Чтобы тебя служить не упросили?

– Я и в облачении не стал бы служить. Я ведь объяснял уже, Павел Витальевич. Архимандрит Рафаил Карелин хорошо высказался, помню близко к тексту: «Церковь в своих молитвах не поминает некрещеных из-за любви. Благодать церковной молитвы, которую не может воспринять некрещеный, только усугубляет его страдания. Невоспринятая благодать как бы обращается против человека: чувство потери становится для него особенно остро ощутимым».

– Не понял. Не поминает мертвых из-за любви к живым? А ее, Даши, значит, будто и на свете не было?

– Она была. Но мы же о метафизике говорим, правильно?

– Да? – удивился Павел. – Ладно, о метафизике. Про это твой архимандрит тоже что-то изрек?

– Изрек. Некрещеные в загробной жизни остаются под властью демона и в узах первородного греха как проклятия. Они – темное сокровище вавилонского царя, о котором говорится в Библии. Служить погребение над некрещеным и петь «со святыми упокой» — это значит лгать и ложью расширять власть демона над ними.

– То есть им же будет хуже?

– В какой-то мере.

– Да как же хуже, если хуже быть не может? Что хуже ада? Ты издеваешься, что ли, отец Михаил? Даша – темное сокровище вавилонского царя, дьявола то есть? Это же ни в какие ворота не лезет! Между прочим, извини, мы ее все-таки отпели. В церкви при кладбище. Там поп даже ничего не спросил.

– Я его знаю, он человек простой, доверчивый. Если люди решили отпеть, он верит, что у них есть на это право.

– А его нет?

– Нет.

– Почему?

– Странный ты, Павел Витальевич. В Бога ведь не веришь, как я начинаю догадываться, а от Бога милости просишь. Противоречие.

– Да я хочу верить, но вы же мне и мешаете! Попы, в смысле.

– Эту песню я слышал. Давай не будем расширяться. Ты обижаешься – я не стал служить панихиду, заупокойные молитвы читать отказался. Но с таким же успехом ты мог бы обратиться и к раввину, и к мулле. Больше того, ты мог бы позвонить начальнику военного округа и потребовать, чтобы твою невесту похоронили на лафете и под салют. И что скажет начальник? Извините, не могу, она в армии не служила, присяги не давала и погибла не на поле боя. Ты ведь не удивишься?

– Браво, отец Михаил! – сказал Коля и даже немного похлопал в ладоши, одобряя.

Отец Михаил посмотрел на него недовольно:

– Перестаньте, я не в театре!

– Извините. Но я первый раз слышу, чтобы священник так доходчиво объяснял.

– А вы разве еще кого-то слышали?

– Нет. Читал кое-что. Журнал «Фома», еще что-то. Я интересуюсь этим. Ищу путь, можно сказать, – сказал Коля таким голосом, словно уверен был в одобрении батюшки. Но тот остался равнодушен.

– Да постойте вы со своими путями! – сказал Павел. – Еще вопрос, отец Михаил. Я-то вот – и крещеный, и все-таки верующий, хоть ты сомневаешься. Я хоть чем-то могу ей помочь? Меня-то Бог может услышать? Почему мне молиться нельзя?

– Я уже объяснил. Хуже сделаешь.

– То есть ничего нельзя сделать? Архимандрит на этот счет тоже молчит?

– Налейте-ка еще, – сказал отец Михаил.

Павел налил.

Отец Михаил выпил и сказал:

– Не молчит. Говорит следующее: для облегчения загробной участи некрещеных святые отцы рекомендуют подавать милостыню, раздавать духовную литературу, кормить бездомных животных и птиц.

– И это ты опять всерьез? Не издеваешься?

– Зачем мне это?

– Хорошо. Еще один вопрос. Самый простой и самый сложный. За что? Что архимандрит глаголет на этот счет?

– При чем тут архимандрит? Давно сказано: есть промысел божий и проникнуть в него никому не дано. Но причины всегда имеются.

– Точно и верно, отец Михаил! – не удержался Коля, который, похоже, просто влюбился в священника, умеющего говорить просто и ясно.

– А других объяснений никто еще не сочинил? – спросил Павел.

– Их не сочиняют, они есть.

– Все равно не понимаю. Почему я, говнюк, сволочь, ворюга, сладострастник, душегуб – жив, а она погибла? Почему у меня шансы на рай есть, потому что, повторяю, ты ошибаешься, Михаил, я верую и я крещеный, а у нее нет? Ведь из ада в рай уже не переводят? После смерти не исправишься? Кстати, тоже почему? Жизнь ведь это что? Череда изменений. Значит, после смерти все-таки жизни нет, если измениться нельзя? Условно-досрочного освобождения из ада не предусмотрено? За хорошее поведение?

– Простите, отец Михаил, но теперь ему браво, – сказал Коля. – Я бы на такой вопрос не ответил.

– И я не отвечу, – сказал Михаил. – Да, душа некрещеная будет терзаться. Возможно облегчение участи? Думаю, да. Если те, кто остался, будут что-то делать. Естественно, не только птиц кормить, вы же понимаете. Будете что-то хорошее делать – будет меньше зла на земле хотя бы на каплю, сатане меньше радости, а душе вашей покойницы полегче будет.

– Два-один! – сказал Коля и тут же сложил ладони. – Отец Михаил, не сердитесь. От простоты душевной.

– Да нет, не от простоты, – сказал отец Михаил.

– Ты с ним поосторожней, – предупредил Павел, нехорошо усмехаясь. – Батюшка наш насквозь людей видит.

– Если вопросов нет, то я пошел бы, – сказал отец Михаил. – Жена болеет...

– Сейчас пойдете. На посошок! – налил Павел. – Выпей, Михаил, а я кратенько кое-что расскажу. Я об этом давно думал. Ты говоришь: есть промысел божий. Но он ведь касается и жизни на земле, а не только Царства небесного?

– Естественно.

– Хорошо. То есть, от того, как ты тут живешь, зависит, что с тобой будет после смерти. Или не зависит?

– Зависит. Но еще и от того...

– Извини, перебью! От того, крепко ли веруешь, молишься ли, исповедуешься ли и так далее. Знаю. Но и просто от жизни, от того, кто как себя ведет, зависит?

– Да.

– Тогда слушай историю. Есть у меня знакомый, Владик зовут. Подлюга – живого места нет. Да еще и кокаинщик. И вот он однажды этого кокса нанюхался и поехал по городу. Вылетел на тротуар и сшиб женщину с девочкой. Насмерть обеих. Сразу. И скрылся. Но на его беду были свидетели. Нашли, началось разбирательство, следствие и тому подобное. Следователей, адвокатов, прокурора, судей – всех Владик, конечно, подмазал, кого прямо, кого через третьих лиц. Кто-то взял, кто-то не взял, но результат налицо: сочинили дело, по которому вышло, что женщина с девочкой вышли на проезжую часть, а Владик хотел свернуть, чтобы не сбить, а они растерялись и сами бросились ему под колеса. И ему не только условного срока не дали, у него права не отобрали, штрафа даже за превышение скорости не наложили. Ни-че-го! А месяца через два встречаю его в Успенском соборе. Говорю: чего, Владик, грехи замаливаешь? Да, говорит, недавно с сыном пособачился, не сдержался, матом его ругал. Нехорошо. Я говорю: да нет, Владик, я про женщину и девочку. Так он весь засветился. Да, говорит, нехорошо, но ты представляешь, говорит, я специально узнал, они чуть ли не вообще мусульманки, потому что мама полукровка, отец дагестанец, хотя в мечеть никто не ходит.

Павел в этом месте замолчал, налил половинку стопки и в одиночку выпил.

– И? – нетерпеливо спросил Коля.

– Всё. Вся история. Теперь вопрос, отец Михаил, все тот же самый вопрос: у Владика, убийцы, если разобраться, скота природного, я делал с ним дела, знаю, у него есть шанс быть прощенным и попасть в рай? Есть или нет? Просто и ясно, без комментариев? Я же помню: «Пусть слово ваше будет да да, а нет нет».

– Да, – сказал отец Михаил.

– А у этих, которые наполовину мусульманки и даже хуже, если в мечеть не ходили, которых убил этот гад, есть шанс?

– Нет.

– Почему?

– Потому что не ими жизнь началась. Если проследить цепочку, обязательно будет логика.

– То есть они ответили за грехи предков?

– Мы все за первородный грех отвечаем.

– Что же, Бог хуже Сталина? Даже тот сказал, что сын за отца не отвечает!

– Павел Витальевич, будешь такие вещи говорить, я или уйду, или, вот те крест, не выдержу и в морду дам. Не юродствуй и не охальничай.

– Виноват, не буду. Но это еще не все. Этот Владик потом говорит: конечно, все равно, говорит, грех, но, говорит, мне какая-нибудь луковка зачтется. Я не переспросил, а потом думал – что за луковка? У других спрашивал, и одна кандидатша филологических наук сказала, что это известная легенда. Она даже у Достоевского есть, в «Братьях Карамазовых». И я нашел. – Павел встал и пошел к книжным шкафам. – Я его вообще-то не очень, Хемингуэй мне ближе, хоть иностранец. У него – радость жизни, вино, женщины. Но и понятия чести тоже. А у Достоевского... Сейчас, я, видите, даже бумажкой заложил.

Павел открыл книгу, открыл и начал читать вслух:

«Жила была одна баба злющая презлющая, и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти и кинули в огненное озеро. А ангел-хранитель ее стоит да и думает: какую бы мне такую добродетель ее припомнить, чтобы Богу сказать. Вспомнил и говорит Богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И отвечает ему Бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее

вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставаться бабе, где теперь. Побежал ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и тянись, И стал он ее осторожно тянуть, и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидали, что ее тянут вон, и стали все за нее хвататься, чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злющая презлющая, и почала она их ногами брыкать: „Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша“. Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А ангел заплакал и отошел».

– Я эту легенду помню, – сказал Коля. – Красивая легенда. Это ты к чему?

– А к тому, что я книгу всю перечитал и не только это нашел. Я еще нашел, как там один персонаж высказывается: если, вроде того, Бога нет, то все позволено!

– Известная фраза, – кивнул Коля.

– Для тебя известная, а я сам открыл. И подумал: да, так и есть, действительно. Я людей знаю, когда над ними что-то не висит, они всякую совесть теряют. Потому стал думать дальше: но ведь для многих Бога нет, а они ничего, не подличают. Не каждый день, по крайней мере. Потом вспомнил про Владика. С чего это ему так эта история понравилась? Вряд ли он, конечно, ее у Достоевского вычитал, кто-нибудь рассказал, наверно. И пришла ко мне, мужики, страшная мысль. Я ее забыл, чтобы не мучиться, а сейчас опять вспомнил. Мысль такая, то есть она даже не моя мысль, но, мне кажется, очень многие тайно к ней пришли: если Бог есть, то все позволено!

– Ого! – воскликнул Коля. – Это почему?

– А потому, что, когда нет Бога, то неправда, что человек ничего не боится. Самый последний подлец боится – люди осудят, совесть заест. Да и просто – срок дадут, если перестараешься. А когда Бог есть, у самого последнего подлеца есть надежда.

– Чем это плохо? – спросил о. Михаил.

– А тем, что каждый преступник рассуждает так: если за одну луковку можно все грехи искупить, только при этом не надо жлобиться, других ногами не надо пихать, пусть и других вытянут, то, значит, грешить не страшно. Во-первых, покаюсь, во-вторых, какую-нибудь луковку обязательно найдут. Все позволено – потому что все может быть прощено! Если Бога нет, думает такой человек, то как-то страшновато, что сдохнешь и на этом все кончится, и на земле о тебе ничего хорошего, кроме плохого, не останется, люди на могилку плевать будут. А суда высшей инстанции при этом нет, апеллировать некому, приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Если же инстанция есть, думает он, может, скостят еще. Пару кило лука надо еще раздать – точно скостят. А пока можно и погрешить – раз есть надежда. И я начинаю думать, что все религии объединяет одна и та же ложь – вранье о загробном мире, которого никто никогда не видел и не увидит! Вы говорите, что это дает всем надежду на спасение где-то там, а я говорю, что эта надежда выбивает из-под людей почву здесь! Идет вор на дело и думает: да, нехорошо, опять украду, но я зато потом луковку кому-нибудь подам.

– Что ты с этой луковкой...

– А то, что логики понять не могу! Или она у вас, в церкви, какая-то не Божья! Вот та же история христианства...

– Про крестовые походы начнешь рассказывать? – спросил отец Михаил.

– Не обязательно! Я люблю исторические книги о нашей великой Родине. И знаешь что, отец Михаил, у меня волосы дыбом встают, когда читаю, что творили наши святые! Александр Невский, красавец, братался с Батыем, тот ему помогал Русь делить, походом на брата ходил, сына сослал, вместе с татарами соотечественникам носы резал и глаза вырывал. И что? Как что – святой! За сколько луковок, интересно? Или это вопрос политической целесообразности? Ольга равноапостольная обиделась за мужа Игоря, которого древляне убили – за что, кстати? За грабеж убили. А потом хотели помириться, прислали послов, она, верная жена, закопала их живьем. Попросила других прислать, прислали, она их в бане сожгла. Мало ей показалась, сама к древлянам отправилась, сколько смогла, людей пожгла и порезала. Результат? Святая! Канонизирована! За какие такие луковки? А Лев Толстой (зацепило Павла, как и купца Постолыкина), отечество в

Севастополе защищал, великие книги написал, люди их читают и думают о душе. Это хорошо для Бога или нет? если думать о душе? Зато он посмел что-то свое насчет религии сказать, пусть не очень умное, – анафема! Отец Михаил, ведь это ни одна голова не выдержит, чтобы понять!

– Особенно если голова пьяная, – заметил отец Михаил. – Церковь от Бога, но служат люди. А они от путаницы не застрахованы.

– То есть мухи отдельно, а котлеты отдельно? Имею право признавать хотя бы ошибки церкви? И на том спасибо! А теперь я тебе честно скажу. Знаешь, зачем я к вере хотел прибиться? Тоже надеялся на какую-нибудь луковку. Я же понимал и понимаю, что сам хорош гусь, наворовал столько – на десятерых хватит!

– А без этого нельзя было? – спросил Иванчук.

– Нельзя. Если те же луковки взять – я их десять украл, но зачем? Сожрать, что ли? Я украл, чтобы посадить и людям сотню вернуть!

– Продать, – уточнил Коля.

– Ну, продать. И купить тысячу, и вырастить из них десять тысяч.

– Лук не картошка, из одной одна и вырастет, – заметил отец Михаил.

– Я же для примера!

– У тебя все для примера. А не красть луковки – никак?

– Никак! В нашей стране, вернее, в нашей системе – никак! Или надо десять жлобов прикормить, чтобы они десять бумажек подписали на покупку этих луковок! А прикормить – с каких шишей? Опять надо украсть. То же на то же получается.

– Ну, все, спасибо за беседу, – поднялся отец Михаил. – Я пойду.

– Не хотите отвечать?

– Так нет вопроса, Павел Витальевич. Вернее, некорректный он. Как я могу объяснить вам про справедливость или несправедливость попадания в Царство небесное, про святость и прочее, если вы не верите в Царство небесное и святость? Я не понимаю, почему вас мучает вопрос попадания в то, чего нет.

– Три-один! – сказал Коля, на этот раз не извинившись, потому что уже довольно сильно опьянел.

– До свидания, – сказал отец Михаил.

Но вдруг улыбнулся и сел.

– Эх, простит меня матушка, надеюсь! – сказал он и выпил еще стопку. – Я, знаете ли, в школе увлекался математикой...

– И сейчас математически докажешь существование бога? – спросил Павел.

– Нет. Попробую объяснить, почему мы так плохо понимаем друг друга. Вам нужна не вера, а доказательства. Теорема. Если «а» равно, к примеру, единице, то... Ну, и так далее. А у меня не так. Мне повезло, мне открылось, что «а» есть единица. Без «если». Вы говорите: если «а» равно единице – и строите на этом свои рассуждения. А я говорю: «а» равно единице. Без всяких «если». Это мое убеждение, заблуждение, как хотите назовите. Но я на этом стою. И у тебя, Павел Витальевич, кстати, есть такие же твердые убеждения. Стопроцентные.

– Например?

– Например, ты стопроцентно убежден, что через минуту не умрешь. Ведь так? Даже не думая об этом, просто убежден. Так?

– Не поспоришь. Умру-то – это ясно, но не сейчас. Убедил.

– Четыре-один, – мотнул головой Иванчук. – Но минуточку! А как же у мусульман, у евреев? Бог-то один, говорят?

– Конечно. У них так же: «а» равно единице. Не если, а сразу. Но дальше начинаются разночтения, потому что идет вторая часть. У нас: «а» равно единице, то есть Бог существует, а «б» равно, ну, к примеру, двойке – то есть, Господи, прости меня, Христу. «А» равно единице, «б» равно двойке – получаем христианство. «Б» равно тройке, то есть Мухаммеду, получаем ислам. «Б» равно Будде – получаем буддизм. Но, повторяю, без всяких «если». И как нам спорить, когда я знаю, что «а» равно единице, а «б» двойке, а вы говорите: если «а» равно единице, а «б» двойке?

У вас теорема, требующая доказательств, у меня утверждение, доказательств не требующее. Вот и все. Тем более, что у вас сплошь и рядом «а» равно и пятерке и семерке, а у меня всегда единица. Всегда, понимаете? И вы либо готовы принять, что «а» имеет только одно значение – либо не готовы. Потому что не можете или не хотите.

– То есть ислам вам ближе, чем атеизм? – спросил Павел.

– Конечно. Потому что у нас «а» общее. А у атеистов оно или каждый день разное, или они доказывают, что такого понятия вообще нет. Вот так и живем: одни по вере, другие по математике. По математике смерть вашей невесты – частный случай теории вероятности, обусловленный тысячью сошедшихся парадигм. По вере – логичное, не сердитесь на меня, событие. Имеющее смысл не только частный, но и общий. А тебя, Павел Витальевич, на самом деле интересует одно – как оправдать себя. Ты же с этим ко мне уже приходил. Ты уже тогда знал, чем все кончится. Подсказывало тебе что-то, и я даже знаю, что.

– Шесть-ноль! – сказал Коля, сбившийся со счета. – Но я про общий смысл частной смерти не понял. Может, все-таки растолкуете?

– Нет, простите. Уже не могу задерживаться. И вообще, у вас близкий человек умер, а вы, вместо того, чтобы погоревать, начали какую-то байду разводить. Это даже для атеистов нехорошо. Впрочем, скорее всего, ошибаюсь, вы как раз от горя. Простите меня.

И с этими словами отец Михаил вышел, стараясь не выглядеть торопливым, хотя его что-то слово выталкивало отсюда, хотелось бежать без оглядки. Но нельзя. Надо терпеть.

57. СУНЬ. Проникновение

———————
———————
———— ————
———————
———————
———— ————

Положение ваше запутано. Не позволяйте уговорить себя на такие действия, которые считаете неуместными и ошибочными.

Следователь районной прокуратуры Центрального района Герман (Гера) Рябинский был самым молодым, можно сказать, юным кадром, но именно ему поручили вести дело по факту инцидента на свадьбе, то есть убийства Дарьи Соломиной и сопутствующего злостного хулиганства Ильи Немчинова, получившего при этом касательное огнестрельное ранение в виде незначительного ожога кожи. Кому-то из более опытных и солидных повезло оказаться в отпуске, кто-то вдруг взял больничный, а кто-то сослался на позарезную занятость. Гера догадался, что никто не хочет связываться с историей, в которой замешаны Костяковы. С одной стороны, картина происшедшего простая и прозрачная, да и свидетелей куча, с другой, шут их знает, какой изнанкой захотят вывороти дело Костяковы, можешь попасть в двусмысленное положение. Умные люди советовали Гере сразу же с ними посоветоваться и узнать, какого исхода они ждут, но он счел это для себя недопустимым. Молодо-зелено, решили умные люди, человека еще жареный петух не клевал.

Гера должен был вынести постановление о возбуждении уголовного дела с предварительной квалификацией: либо мы предположительно имеем убийство по неосторожности (ограничение свободы до трех лет или лишение свободы на тот же срок), либо это превышение необходимого предела обороны (до двух лет). И третий вариант: выполнение служебным лицом, т.е. охранником, своих прямых обязанностей, в таких случаях дело, бывает, вообще не возбуждается. Правда, убил он не того, кто нападал, значит, все-таки убийство по неосторожности налицо. Если бы милицию сразу вызвали на место происшествия, все было бы легче: уголовное дело в таких об-

стоятельствах возбуждается немедленно. Но милицию не вызывали, только «скорую помощь». Впрочем, была там милиция, однако неслужебным порядком, в качестве гостей: заместитель начальника сарынского ГУВД Чиркин, еще какие-то чины. Да и прокурор Центрального района Лаврентьев тоже был вместе с прочими боссами, однако находился в таком состоянии, что суть инцидента понял лишь на другой день, да и то по докладам подчиненных. Правда, часа через два все же приехал милицейский наряд по чьему-то указанию (до сих пор не выяснено, чьему), но их машину даже не пустили на территорию, вывели Немчинова и Шуру, они увезли их, но не к себе в отдел, а сдали сразу в следственный изолятор прокуратуры Центрального района, где дежурные, не разобравшись, приняли, за что впоследствии получили от Лаврентьева могучий втык.

Гера не знал, что делать: до возбуждения дела он не имеет права вести следствие, даже предварительное, а возбудить дело должен на основании следствия. Но в отношении кого, вот вопрос! Первичное дознание могли взять на себя работники УВД, именно поэтому кто-то (возможно, сам Чиркин) сообразил сразу сдать Немчинова и Шуру прокуратуре и умыть руки.

Нашелся еще один умный старший товарищ и, соболезнуя, подсказал Гере: заводишь дело на того, кто там с саблей бегал, выносишь постановление о покушении на убийство, прокурор запросто его завизирует, и уж в этих рамках можешь преспокойно расследовать само убийство на вполне законных основаниях, а потом выделить его в отдельное производство.

И Гера завел это дело, и прокурор мигом одобрил, и он приступил к опросу свидетелей. Начал, как учили в юридическом институте, с второстепенных, незаинтересованных – чтобы составить более или менее объективную картину. Узнать подробности, сравнить мнения и взгляды, а уж потом беседовать с главными действующими лицами – во всеоружии фактов.

Все катилось более или менее гладко, учитывая, что опрашиваемые говорили практически одно и то же, пришла пора встретиться с главными свидетелями, но вызвать их оказалось непросто. Гера поневоле вспомнил слова бывшего сокурсника Димочки Трубина, бездельника и сынка богатого папы, что знать надо не законы, а людей: кто есть кто в городе Сарынске. И тогда ясно станет, как себя вести с тем или иным человеком, какой к нему закон применить, надо ли вообще его беспокоить.

Павел Витальевич, Максим Витальевич и Петр Чуксин, когда Гера дозвонился до них, сказали одно и то же: прийти пока не могут, заняты, а он пусть не торопится.

– Есть установленные сроки, – сказал Гера.

– Есть сроки, а есть люди, – ответил Максим Витальевич.

– Мне придется вызвать вас повесткой, – сказал им Гера.

Павел Витальевич ответил грубо (и вообще, похоже, был пьян), Петр просто отключился, а Максим Витальевич разгневался:

– Какую еще повестку? Я же сказал тебе: не торопись!

После этого разговора Максим Костяков немедленно отправился к Лаврентьеву. Лаврентьев по негласной табели о рангах был ниже Максима, поэтому Максим с ним не церемонился:

– Олег Федорович, кто у тебя там ерундой занимается? Уже дело завели, свидетелей таскают! Вы куда торопитесь?

Лаврентьеву ссориться с Максимом не было расчета, поэтому он хоть и обиделся, но вежливо:

– Не надо, Максим Витальевич, извините, давить на следствие. Вы что, хотите, чтобы убийство обошлось без уголовного дела? Знаете ли, при всем к вам уважении...

– Но посоветоваться можно было? Мы что, совсем чужие люди? Почему охранника не выпустить под подписку или под залог? Павел Витальевич не понимает. Почему тот же придурок этот, Немчинов, у вас тут сидит? То же самое – подписка или залог, он же не бандит какой-нибудь. А ситуация простоя, я с юристами консультировался: охранник даже не превысил меры обороны, стрелял в человека с холодным оружием в руках. Промахнулся не по своей вине, застрелил при этом девушку, то есть убийство по неосторожности, год-полтора условно максимум. Так ведь? А Немчинов был в состоянии аффекта, саблей махал, но никого убивать не собирался. Тоже условно годик-два. Или даже административное наказание. Мы, как видите, крови не жаждем. (Максим

не сказал, что это Павел Витальевич крови не жаждет, сам бы он не прочь упечь Немчинова лет на пять, а то и больше – уже за то, что болтает лишнее.)

– Грамотные у вас юристы, я смотрю, – сказал Лаврентьев.

– А то. Тебе что, не нравится перспектива?

– Почему, предложение нормальное. Нам тоже статистика по тяжким уголовным ни к чему. Но формальности надо соблюсти. Я там пацанчика на это дело посадил, недавний выпускник, он что надо, то и сделает.

– Да в том-то и дело, что он нам с братом повестки собирается прислать, уже кучу людей перетаскал! И так шум по городу, а он добавляет!

– Не знал. Сам понимаешь, сколько работы.

– Есть, Олег Федорович, работа текучая, а есть приоритетные дела, связанные с дружескими обязанностями, – мягко упрекнул Максим.

Хорошо сказал, зараза, надо запомнить, подумал Лаврентьев.

После ухода он позвонил Гере и потребовал немедленно отпустить Немчинова и Шуру. До суда, если суд будет.

– А разве суда по такому делу может не быть?

– Может, все может. Короче, выпускай.

– Хорошо, но побеседовать с ними перед тем, как выпустить, я должен или нет?

– Побеседуй, кто против? Побеседуй и отпусти. А Костяковых зря не дергай, сам можешь к ним прийти, не переломишься.

Гера решил, что пора показать характер – он не сопливый мальчик для битья, он пришел работать, а не бессловесно выполнять указания.

– Я не переломлюсь, – сказал он. – Но в любом случае обязан опросить всех, кто там присутствовал и кто может что-то сказать. Вы, Олег Федорович, тоже там были, может, тоже поделитесь, хотя бы в неофициальном порядке?

– Ты, Рябинин, с ума, что ли, сошел? – спросил Лаврентьев. – Меня там не было! А если и был, то вышел до того, как! И уехал. Понял меня?

Гере не привыкать, что Лаврентьев каждый раз называет его по-разному: Рябининым, Рябинцевым, Рябинкиным, Рябкиным и Рябовым. Ему объяснили, что на прокурора обижаться не надо, у него просто такая память: фамилии новых сотрудников запоминает месяца через три, а в лицо начинает узнавать при встрече не раньше, чем через полгода.

Он промолчал, а Лаврентьев добавил:

– Кстати, там, как я понял, вырисовывается убийство по неосторожности при выполнении служебных обязанностей. Плюс пьяное хулиганство, чистая бытовуха, на пятнадцать суток не тянет. Повезло тебе, легкое дело для начала.

Гера остался недоволен разговором. Ему не казалась очевидной простота, на которой настаивал Лаврентьев. Все думают – случайное убийство, а на самом деле, может, инсценировка? С одним договариваются, чтобы буянил, с другим, чтобы стрелял. За что? Изменила невеста, вот и мотив.

И Гера тут же устыдился своих несерьезных, мальчишеских фантазий. Подобные случаи можно увидеть только в каком-нибудь детективном сериале, в жизни все, как правило, намного проще.

Он вызвал Немчинова, который с первого взгляда показался ему странным. Гера не видел в его глазах ни страха, ни растерянности, ни даже озлобленности, на которую иногда нарочно настраивают себя некоторые временно заключенные, психологически помогая себе таким образом держать линию сопротивления. Немчинов же выглядел равнодушным, вялым, больным.

– Как себя чувствуете? – спросил Гера.

– Плохо.

– А что с вами?

– Голова. Пройдет.

– Тогда начнем.

И Гера попросил описать события злосчастного вечера.

– А что описывать? Пришел на свадьбу, напился, начал саблей размахивать. Охранник выстрелил.

– Но вы же не просто размахивали, вы против кого-то размахивали? Даже будто бы стукнули кого-то.

– Кого-то... Будто вы не знаете? Стукнул Петра Чуксина за то, что он... Слушайте, что вы тут комедию ломаете? – раздраженно спросил Немчинов. – У вас уже все решено, объявляйте, сколько и за что мне хотите впаять, отпускайте убийцу, делайте свое дело, не тяните из меня жилы!

– Я делаю свое дело. Исходя из следственной необходимости и требований закона.

– Да неужто? – усмехнулся Немчинов.

Гера насупился.

– Я знаю, у некоторых существует предубеждение к органам исполнительной власти, но...

– Извините, не буду вам больше мешать, спрашивайте! – нетерпеливо перебил его Немчинов, явно не желавший слушать лекцию о предубеждении некоторых к органам исполнительной власти.

– Спасибо. И впаивать не я буду, а суд, – все-таки вставил Гера. – Итак, вы схватили саблю и, угрожая ей, ударили кулаком по голове Петра Чуксина. Правильно?

– Правильно.

– За что ударили?

– Знал бы за что, вообще бы убил. Анекдот такой есть. За то, что он меня бил.

– А он вас бил? Когда?

– Господи, опять вы! Ну, бил, не бил, что от этого изменится?

– Мотивы изменятся. Есть мотивы – одна квалификация. Нет мотивов – другая.

– Это вы всерьез?

– Конечно.

– Сомневаюсь. Ладно, могу рассказать.

И Немчинов скомкано, будто хотел поскорее отделаться, рассказал о своей обличительной статье, в которой он затронул Костяковых, о том, как братья рассердились, о том, как пытали его, чтобы узнать, кто ему поручил написать эту статью. А на самом деле никто не поручал.

– Прямо-таки пытали?

– А как это называть, если Петр меня лупил кулаком по голове со всей дури? Несколько раз. До сих пор чувствую.

– Действительно...

Гера записывал сказанное Ильей, а тот смотрел и вдруг спросил:

– Что это вы делаете?

– Пишу.

– Что?

– То, что вы мне рассказали.

– Зачем? Что изменится? Девушка погибла, дочь моего друга и моей подруги, я виноват, вот что главное! Ерундой тут занимаетесь! Я ведь на самом деле больше этого охранника виноват! Я спровоцировал! Сажать меня за это надо, я не против! Пусть радуются те, кто этого хочет, их желания совпадают с моими!

– Этого никто не хочет. Больше того, имею полномочия отпустить вас при условии подписки о невыезде.

– Не шутите?

– Нисколько.

Гере было приятно обрадовать человека.

Но Немчинов почему-то не слишком обрадовался.

– То есть все-таки на охранника свалят?

– Его тоже отпустят под подписку.

– Понимаю. Вот теперь понимаю, – задумчиво сказал Немчинов.

– Поделитесь вашим пониманием.

– А то вы сами не в курсе? Костяковы все хотят спустить на тормозах. В самом деле, зачем

Павлу Витальевичу сажать собственного охранника? А я... Я, наверно, им на воле нужнее. Будут в награду за свободу опять меня заставлять книгу писать.

– Какую книгу?

– Неважно. А еще им нужно, особенно Максиму, узнать, что мне еще известно про их брата.

– Какого брата?

– Которого они уничтожили.

Вот тебе и простое дело, подумал Гера. Он, человек еще очень молодой, не знал многих сарынских баек, легенд и сплетен, поэтому начал расспрашивать Немчинова о подробностях.

Илья рассказывал – обо всем, что знал, а следователь разочаровывался: ничего серьезного не было. Попросить брата уехать – не преступление. И даже заставить – тоже не тянет на злостное деяние. Подстроить аварию, результатом которой стала гибель бывшей жены Костякова-старшего, – недоказуемо, да и сколько лет прошло. Что же касается экономических преступлений и административных злоупотреблений братьев Костяковых, то Гера не идеалист, прекрасно знает, что вся экономика страны есть одно большое и общее преступление, в котором каждый замешан в той или иной степени, что за любым администратором числятся десятки ежедневных больших и мелких беззаконий, которые он совершает или невольно, или осознанно и даже с удовольствием, чтобы ощутить полноту власти.

– Я вижу, вам неинтересно, – сказал Немчинов.

– Почему? Но все-таки вернемся к нашему делу. Костяковы не ангелы, согласен, но не они убили Дарью Соломину, ведь так?

– А кто же?

– Вы их обвиняете? Мне это записать? Только что вы говорили, что сами виноваты.

– Да, виноват. Но началось все с них. Прямая логическая цепочка. Вот смотрите: Петр меня избивал. Я специально попал на свадьбу, причем обманом, меня не приглашали. Может, хотел отомстить, может, посмотреть на это безобразие. Но точно знал – я обязательно устрою скандал. То есть, когда шел, не знал, а теперь понимаю, что знал.

– Мне это записать? Что вы хотели устроить скандал?

– Да.

– Но ведь за саблю не собирались хвататься?

– Какая разница? Там ножи есть, вилки.

– Вы собирались ими воспользоваться? Против кого?

– Неважно, вы слушайте дальше. Петр и Максим, которые надо мной издевались, которые меня до этого довели – виноваты? Да. Я считаю их соучастниками. Из-за них я взбесился. Павел Костяков, который вынудил красивую молодую девушку выйти за него замуж, виноват или нет? Ведь если бы не это, она осталась бы жива!

– А он разве вынудил? Вам это известно?

– Это понятно и так!

– Нужны доказательства!

– Вот и доказывайте, вы следователь! А я считаю, что Павел прямо соучастник и виновник. Меня толкнул, ее подставил! Ну, и, конечно, его охранник. Случайно, не случайно, но убил все-таки! Поэтому, извините, как вас зовут?

– Я представлялся.

– У меня голова, говорю же...

– Герман Григорьевич.

– Спасибо. Герман Григорьевич, это же массовое убийство или коллективное, не знаю, как правильно с юридической стороны. Убийство группой лиц, так, кажется?

– Вы, Илья Васильевич, путаете моральную сторону дела с фактической. И давайте по порядку, потому что формально на вас заведено дело о покушении на убийство.

– Так я о том и говорю!

– Не совсем о том. Хотя – состояние аффекта налицо, мотивы налицо. А то, что вы махали

саблей, когда стояли рядом с невестой, не значит же, что вы хотели именно ее убить.

– Значит. Я мог это сделать. В этом состоянии – мог. Так и запишите.

– А причина?

– Не знаю. Чтобы она ему не досталась. Чтобы не опозорилась. Чтобы... Я когда-то любил ее маму. А она на нее очень похожа. У меня было чувство, что я выдаю ее замуж.

– Это новый поворот. Вы зачем-то осложняете себе положение, Илья Васильевич.

– А вы зачем-то хотите его упростить. У вас указание такое? Повторяю – и требую записать: виновными в смерти Даши считаю себя, Петра Чуксина, Максима и Павла Костяковых. И охранника. Нет, охранника можно не считать. Он просто исполнитель.

– Если следовать вашей логике, – пошутил Гера, – то виноват и тот, кто пистолет производил, и кто саблю подарил...

– Да, да, точно! – горячо сказал Немчинов. – Этот самый... Тимур, не помню, как отчество, бывший тесть Костякова по жене, которую он угробил. Он же меня раздразнил этой саблей! И глупостями, которые говорил! Записывайте, записывайте!

Гера не записывал. Он смотрел в странные глаза Немчинова и думал, что, пожалуй, и предыдущие записи не имеют цены – подследственный явно не адекватен. И Гера в данной ситуации обязан назначить судебно-медицинскую экспертизу на предмет вменяемости. С одной стороны – ответственность, с другой – как он будет выглядеть, если окажется, что всерьез допрашивал психически больного человека? Немчинова, между прочим, по голове били, а Гера по «судмеду» был отличником и хорошо помнит последствия травм головы, которые описывались в учебниках.

Поэтому он посмотрел на часы, сказал, что, к сожалению, время беседы истекло.

– Вернетесь пока в... – он замешкался, не хотелось говорить слово «камера», – туда, где были. Ненадолго.

– Вы же хотели отпустить?

– Да, конечно. Просто какие-то формальности.

– Какие еще формальности? По пять раз решение меняете! Вам позвонил кто-нибудь?

Точно, он не в себе, понял Гера.

– Кто мне мог позвонить, мы все время здесь с вами находимся. И вы же не хотели уходить.

– Почему? Отпускайте немедленно!

Гера с трудом уговорил Немчинова успокоиться и побыть «у нас в учреждении», как он выразился, еще некоторое время.

Потом, поколебавшись, позвонил Лаврентьеву.

– Извините, что отвлекаю, Олег Федорович, но, вы знаете, мне кажется, этот Немчинов явно с отклонениями. Я бы хотел назначить экспертизу с привлечением психиатра.

Гера ждал недовольства, разноса: он ведь не выполнил приказа, не отпустил подследственного. Но Лаврентьев неожиданно одобрил:

– А ты соображаешь, Рябцев! Действительно, если он псих, то это всё объясняет. Псих, да еще напился, саблю схватил, в него стреляли, иначе бы он всех в капусту порубил, попали в девушку, роковая случайность. А главное, никто не виноват, разве что Немчинова подержать недельки две в психушке, если он в самом деле псих. Да если и не псих, пусть полежит, никому не помешает.

Одобрение начальства Гере, с одной стороны, понравилось. Но что-то и смущало. Он решил подумать об этом после, а пока вызвать Шору Каримовича Ахатова, непосредственного виновника смерти погибшей.

С ним оказалось проще. Шура находился в недоуменном состоянии ни в чем не повинного человека, которого зачем-то держат в заключении.

– Шора Каримович, – сказал ему Гера. – Должен вас официально предупредить, что пока вы являетесь свидетелем по делу о покушении на убийство. Сейчас я вас опрошу, а потом отпущу под подписку о невыезде.

Шура кивнул, будто ничего другого и не ожидал. Недоумение его тут же рассеялось: все идет, как надо.

– Что попрошу сделать, не откладывая, и, кстати, не понимаю, почему никто не позаботился: во-первых, сдать пистолет.

– Какой?

– Ваш. Из которого вы стреляли. Где он у вас, как можно его изъять? И почему сразу не изъяли?

– Он у Павла Витальевича. Меня увезли, а я ему отдал.

– Почему?

– Как почему? Его пистолет.

– Минутку. То есть вы носили чужой пистолет?

– Почему чужой? Павла Витальевича.

– Он вам его вручил по каким-то документам?

– Какие документы, если я у него работаю? Просто дал и все.

Гера, как говорится в таких случаях, не верил своим ушам.

– А разрешение на ношение оружия у вас есть?

– Нет, – безмятежно ответил Шура. – Наверно, у Павла Витальевича есть. А я при нем.

– Минутку. Вы при нем – кто?

– Водитель и охранник.

– Охранник – от какого ЧОПа? То есть у вас есть свидетельство, удостоверение?

– Зачем?

– Затем, что охрана частных лицо разрешается в установленном порядке только работникам частных охранных предприятий. Ну, и милиции, если лицо государственное, но у нас не тот случай. А вы, получается, охраняли его, как бы это сказать, просто так. На основании того, что он ваш работодатель?

– Ну да.

– А зарплату вы получаете?

– Конечно.

– Как кто?

– Как водитель. Через кассу, по ведомости, все честно. И премию Павел Витальевич дает. Надбавку за охрану.

– Через кассу?

– Зачем?

– Шора Каримович, вы, кажется, не совсем понимаете суть проблемы. Налицо незаконное хранение и ношение оружия. Да еще и применение его. То есть, вы стреляли как частный человек из чужого пистолета. Стреляли при этом тогда, когда на вас не нападали.

– На Павла Витальевича...

– А при чем тут Павел Витальевич? Он вам с юридической точки зрения – никто. Потому что вы – не охранник.

– Как это не охранник? Охранял всегда.

– На каком основании?

Шура пожал плечами. Он не понимал вопроса. Он не понимал, чего хочет от него странный следователь.

А Гера понял, что он теперь имеет вполне законное основание завести второе, то есть на самом деле основное уголовное дело – об убийстве. Он соблюл порядок, допрашивал Шуру как свидетеля по уже возбужденному делу, а в ходе опроса выяснилось – и т.д., и т.п. Но вот как отпустить Шуру после его чистосердечных (вот уж воистину от чистого сердца!) признаний? То есть отпустить-то формально можно, и не таких отпускали, но чутье подсказывает Гере – Шуре могут объяснить, что пахнет все гораздо хуже, чем он предполагает. Человек испугается и сбежит.

Он решился еще раз позвонить Лаврентьеву, чтобы посоветоваться, хотя его предупреждали, что Олег Федорович терпеть не может, когда кто-то из подчиненных звонит ему больше одного раза в день, это для него – свидетельство неумения работать. И все же позвонил, торопливо рассказал то, что узнал от Шуры. И Лаврентьев не рассердился.

– Ну, дают! – сказал он почти весело. – Даже не ожидал от Павла Витальевича, серьезный человек, мог оформить, как полагается. Сунул пистолет – охраняй! А вот будет история, если и у него пистолет не зарегистрированный!

– Минутку!

Гера прикрыл трубку и спросил Шуру:

– Пистолет зарегистрированный?

– А я знаю? Подарили. Табличка на рукоятке золотая.

– Дареный! – сообщил Гера Олегу Федоровичу.

– Тогда очень может быть, что не зарегистрированный, то есть имеем налицо незаконное приобретение и хранение.

– А подарок приобретением считается?

– Учиться надо было лучше, фактически одно и то же. Купил, подарили, нашел – всё едино.

– Да, я вспомнил. Что делать с подследственным?

– Подержи его пока еще немного, а я подумаю, как лучше поступить.

Лаврентьев имел в виду «как лучше» – не для Шуры, не для следствия, а для него лично. Вопрос, действительно, непростой.

Дома, за ужином, Гера рассказывал своей маме в общих чертах о своей работе – все-таки первое дело.

– Понимаешь, тут, в сущности, дел можно завести – хоть дюжину. Избиение человека – не шутка, между прочим, так обработали, что он заговаривается, если вообще с ума не сошел временно. Вообще сплошное сумасшествие. Девушка решила выйти замуж за человека на тридцать пять лет старше себя... Что-то тут не то.

– По нашему времени очень даже то. Ох, Гера, не нравится мне все это. Чему ты радуешься? Первое дело, первое дело! И на каких сразу слонов нарвался! Нет, как мне не нравилось, что ты в юридический пошел, так и сейчас мне твоя работа не нравится. Стал бы врачом – по семейной линии, дело спокойное. То есть тоже тяжелое, но...

– Мадам Рябинская, спокойно! – ответил Гера.

Это «мадам Рябинская» принесла в их дом соседка, парикмахерша Галя. Она за умеренную плату обслуживала весь подъезд – помимо основной работы – и, приходя, говорила:

– Ну что, мадам Рябинская, не пора ли нам пора?

Возможно, она и других так называла, но в маме Геры есть что-то действительно «мадамское»: осанка, манеры и упорное нежелание переходить на современный сленг, будто она дворянка потомственная (на самом деле папа был из колхозников), вечно обрывает Геру, когда он говорит «прикольно», «круто» и т.п.

После ужина Гера залег в своей комнате с ноутбуком.

Он уже рассматривал сайт Даши, ее журнал, но на этот раз все выглядело иначе – будто он теперь лучше знает ее. Хотя, и в самом деле лучше.

Красивая девушка.

Очень красивая. Почти ровесница, могли быть знакомы. Не познакомились, жаль. Очень жаль.

И Гера все смотрел и смотрел на ее фотографии, читал ее записи, и ему все больше жаль становилось эту девушку. Интересно, что нет ни одной хмурой фотографии. Даже на серьезных – улыбается. Глазами, краешком губ, чем-то еще. И записи веселые, вернее, с иронией, с умной усмешкой. Незаурядная девушка. Как это странно – человека нет, а его слова – вот они, написанные несколько дней назад, живые и без всяких предчувствий. Записи человека, живущего интересно и собирающегося продолжать в том же духе. И уверенного, что так и будет.

Была бы жива, влюбился бы. Впрочем, и сейчас уже влюбился, подумал Гера.

И даже слегка испугался этого: не хватало ему, как Немчинову, с ума сойти.

В эту ночь он долго не мог заснуть.

А когда заснул, почти сразу же (так показалось ему, спящему) приснился сон: стоит прокурор

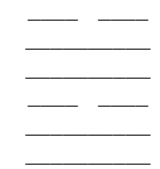
Лаврентьев у доски в седьмой аудитории юридического университета (которая амфитеатром), стоит абсолютно голый, но Геру это не смущает, он только удивляется, как попал сюда Лаврентьев, он же никогда не преподавал! А тот, не смущаясь, ходит, помахивая, и нудно долдонит:

– Данная статья исключает уголовную ответственность лишь в тех случаях, когда обстановка происшествия давала лицу, применившему средства защиты, достаточные основания полагать, что имело место реальное посягательство, и оно не сознавало ошибочности своего предположения. Записали? Идем дальше! Рабиновский, не отвлекаться!

– Я Рябинский!

– Молчать! Кем назвал, тем и будешь!

58. ДУЙ. Радость

Эта гексаграмма имеет отношение ко всему, что связано с органами речи.

Вот сидит человек и говорит, что кто-то умер.

Где-то Лиля его видела.

Она не узнает людей, но ее это не беспокоит. Хорошо, будет узнавать, что изменится? Они станут другими? Она станет другой? Изменится ее состояние?

Нет.

И незачем. Ее состояние Лилю вполне устраивает.

Лиля не узнает людей, но еще помнит, что с ними происходит. То есть что они едят, говорят, передвигаются, живут, болеют, умирают. Она знает, что умирать плохо.

Поэтому Лиля делает печальное лицо.

– Какое несчастье, – говорит она.

Человек пугается. Человек этот – мужчина. Это Лиля тоже помнит: есть мужчины и есть женщины. Зачем – непонятно. От этого сплошная путаница.

Почему он так напуган? Надо его успокоить.

– Все хорошо, – шепчет Лиля.

– Да, – говорит мужчина.

Как легко успокоить людей. Надо им только сказать, что все хорошо. Ведь это на самом деле так. Белый потолок – хорошо. Окно – хорошо. Дерево за окном – хорошо. Но они почему-то не верят, что это хорошо. Или вот эта штука, что стоит у кровати. Тумбочка. Это не просто хорошо, это прекрасно. Она идеальной формы. Прямые линии. Дверка с металлической ручкой, ручка изогнута – это прекрасно. Верхний ящик. У нижней дверки ручка расположена вертикально, а у верхнего ящика горизонтально. Очень красиво. Между ящиком и дверкой небольшой зазор, щель. Щель неровная. Это начинает беспокоить Лилю. Она хочет поднять руку, не получается.

– Что? – спрашивает мужчина.

Лиля показывает глазами на верхний ящик.

Он выдвигает его, достает книгу. Прекрасная вещь: твердая прямоугольная обложка, одинаковые страницы. Но это сейчас не нужно. Как он не поймет? Лиля отрицательно качает головой. Больше в ящике ничего нет. Мужчина задвигает ящик с пустым грохотом. Она недовольна. Мужчина не понимает. Лиля раздражается. Не очень, слегка. Мужчина опять выдвигает и задвигает. Не может понять. Ящик грохочет. Мужчина, похоже, считает, что в этом дело. Он осторожно тянет ящик на себя, приподнимая верх. Вынимает. Там ролики, ящик двигается на них. Мужчина

осматривает ролики, потом планки, по которым они катаются. Вставляет обратно. Осторожно, почти беззвучно вдвигает ящик. Неизвестно, как у него получилось, но теперь щель идеально ровная. Теперь все в порядке. Лиля не выносит асимметрии. Шторы висят по бокам окна ровно. Это правильно. Люстра висит посередине потолка – тоже правильно. Телевизор строго в центре противоположной стены. Был возле угла, Лиля потребовала переставить. Не сразу поняли.

Кстати, и мужчина не симметричен. Как она раньше не заметила? У него рубашка застегнута не на ту пуговицу сверху, от этого коробится.

– Пуговица, – шепчет Лиля.

Мужчина не понимает.

– Рубашка, – говорит Лиля.

Он смотрит вниз, видит неправильно застегнутую пуговицу, перезастегивает. Пальцы путаются, такой неловкий. Люди вообще неуклюжие, и них ничего не получается с первого раза.

Мужчина сидит, молчит. Ему нечего делать, но он стесняется уйти. Это тоже асимметрично. Находись там, где нужен, не будь там, где можно без тебя.

– До свидания, – говорит Лиля.

– Да, пойду.

– Приходите еще, – для симметрии говорит Лиля.

– Конечно.

Получилось очень красиво: вопрос – ответ. Гладко – как ящик сейчас вошел в тумбочку. Даже захотелось продолжить разговор.

– Вы сейчас пойдете на улицу? – спросила Лиля.

– Да.

– Там тепло?

– Очень. Бабье лето. Золотая осень.

– Или лето, или осень, – поправляет Лиля.

– Да, осень, конечно, осень. Октябрь.

– Октябрь. Ноябрь. Декабрь, – говорит Лиля. Произносить эти порядковые правильные слова для нее – наслаждение. Теперь мужчина ей не нужен.

– До свидания.

Мужчина выходит.

Лиля начинает заново:

– Январь, февраль, март... – и так до конца.

Потом:

– Понедельник, вторник, среда...

Она улыбается, она счастлива. Все хорошо и правильно в этом мире.

Коля выходит. У двери – дежурная медсестра. Коля просит ее проводить к главврачу.

– Его нет сейчас.

– А лечащий?

– Ада Николаевна здесь, я видела ее в ординаторской.

Коля идет с медсестрой в ординаторскую, видит Аду Николаевну. Она пьет чай и держит круглое печенье. Почему-то Коле кажется, что она держит его странно. Не кончиками пальцев, а подушечками. Вглядывается, понимает: у Ады Николаевны длинные ногти, иначе она держать просто не может.

– Хотите? – спрашивает Ада Николаевна.

– Нет.

– Поговорили?

– Она ничего не понимает. Это страшно.

– Мы можем перестать делать эти инъекции, вернутся жуткие боли.

– Это что, наркотики?

– Николай...

– Алексеевич.

– Николай Алексеевич, вы муж, я понимаю, но давайте все-таки мы тут сами будем решать, как лечить. Вы нам доверяете?

– Да.

– Выбраны оптимальные средства. Очень дорогие, кстати, но все заранее оплачено, не беспокойтесь.

– Все равно страшно. Дочь погибла, а она не понимает. Но в себя-то придет вообще?

– У нее уже была ремиссия. Сейчас резкое ухудшение. Очень резкое. Облегчение возможно, но, боюсь, не надолго.

– То есть она умирает?

– Да.

– И этого тоже может не понять?

– А нужно ли, Николай Алексеевич?

– Считаете, нет?

– Зачем? Лишняя и ненужная боль.

– Человек должен все знать. Мы же этим и отличаемся от животных – мы знаем. В смысле – вообще. В смысле...

– Я поняла. Мы знаем, что умрем. Это правда, это наше несчастье. Животные этого не знают. Не понимают, по крайней мере. Ладно, когда она будет в более или менее адекватном состоянии, я вам позвоню.

– А сейчас – неужели совсем ничего не понимает? Она же говорит, как нормальная. О других вещах.

– Вы когда-нибудь общались с очень пьяным человеком? Который еще не упал, а идет домой?

– И не раз. И сам таким был.

– Ну вот. Он идет домой, он помнит дорогу, номер квартиры, но, если вы с ним заговорите, он может вас не узнать. Если вы скажете, что у него умерла мать, он может просто не сообразить. Потом до него дойдет, когда протрезвеет. А если и дойдет, оценить реально это известие не сумеет.

– Ясно... Извините, что отвлекаю... Можно вопрос?

– Не замужем.

– С чего вы взяли, что я про это?

– А про что?

– Действительно.... Это что, подлость наша такая? У меня умирает жена, погибла дочь, а я...

– Это норма. Даже большее – самозащита. Я не замужем, никогда не выйду, детей иметь уже не буду, вы мужчина не моего типа.

– Ну, и слава богу. Так позвоните мне, как только она...

– Конечно.

Допив чай, Ада идет в палату Лиле.

– Какая красивая женщина! – улыбается Лиля. – Вы врач?

– Да.

– Можно попросить?

– Слушаю.

– Мне что-то колют и дают таблетки. Таблетки хорошие, круглые. Но вечером дают две не целые, а половинки. Наверно, их ломают руками, они не ровные, у них некрасивые края. Можно попросить, чтобы их чем-то аккуратно обрезали? Ножом или ножницами.

– Я скажу.

– Спасибо. Вы знаете, я так переживаю из-за этой смерти.

– Какой?

– Ну, приходил человек, сказал. Так печально.

– Ничего. Вы же не умерли еще.

– Да. Я очень плохо выгляжу?

– Вы отлично выглядите.

– Дайте зеркало.

– Ладно, вы плохо выглядите, и что?

– Вы не понимаете? Это даже лучше. Когда умирает кто-то некрасивый, больной, старый – все правильно. Если я такая, то все нормально.

– Вы такая.

– Это хорошо. До свидания. Заходите еще.

– Обязательно.

Коле было очень плохо. Почему-то ему казалось, что он накликал все это – своими мутными настроениями, своими мыслями. Ведь ждал он, что Лиля умрет? Ждал. Делал все, чтобы прожила как можно дольше, но ждал. Мучился от тайной своей любви к Даше? Мучился. Представил однажды – пусть только один раз, случайно, невольно, но ведь представил – когда она позвонила и сказала, что едет домой с Володей, а он просил быть осторожней, ночь на дворе – представил ведь, что они сейчас могут попасть в аварию и перевернутся, Даша погибнет, и он перестанет страдать своей запретной страстью? Было, было.

А теперь один. И хоть сдохни. И надо придумывать, чем жить дальше. Странный, кстати, был звонок от Максима Костякова: какой-то московский канал открывает свой филиал в Сарынске, нужны опытные кадры, не хочет ли Иванчук вернуться на телевидение?

Да, хочет. Надо только понять, можно ли принимать предложение от Максима.

А тот не дурак, он сказал:

– Это не мое предложение, просто женщина, которая это организует, попросила меня о помощи, вспомнил о вас, ничего личного. Решать будет она.

Ничего личного: то есть, не желаю услугой замазать какую-то вину. Да и чувствует ли он ее? Да и виноват ли – если говорить о конкретном случае?

Коле очень хотелось поговорить, он напросился в гости к Сторожеву.

Тот встретил приветливо, угостил окрошкой, которую приготовила Наташа.

– Лето прошло, а она квас наконец научилась делать, – сказал Валера, с супружеской ласковостью обнимая Наташу.

– Я у Лили был, – сказал Коля, с жадностью хлебая прохладную окрошку.

– Извините, у меня там... Кое-что надо сделать... – Наташа вышла из столовой.

– Деликатничает, – сказал Сторожев. – На редкость чуткая женщина – с умной душой. Есть, знаешь, умные, а есть душевные. А у нее – умная душа. С такой женщиной можно жить до смерти. И очень откровенная. Невероятно. Я старался соответствовать – дурак. И ведь профессиональный психолог, а как сглупил!

– Почему?

– Потому что, если женщина с тобой откровенна, это не значит, что ты должен быть таким. Их откровенность – провокация. Неосознанная, даже невинная. Ни в коем случае нельзя отвечать тем же. Лирически и милосердно врать, вот наша задача. Они так устроены. Ты говоришь ей честно: я тебя не люблю – и она видит, что ты говоришь правду, и готова тебя убить. Ты ей врешь: я тебя люблю, и она видит, что ты врешь, ты явно врешь, и она верит, и даже если не верит – прощает.

– Ты что, не любишь Наташу?

– Нет. Но раньше я об этом ей говорил, а теперь не говорю. Поумнел. Я так устроен, Коля, я умею любить только невозможное. А с Наташей у меня больше, чем любовь, у меня кровная привязанность. Я это понял наконец. Всю жизнь буду думать о других бабах, это я опять-таки так устроен, но жить буду с Наташей.

– Не знаю. Такая раздвоенность... Это несчастье.

– В общем, да. А кто сказал, что человек должен быть счастлив? Это несчастье, да. Которое

украшает, я бы сказал, мою жизнь. А то напридумывали глупостей: если не можешь изменить положение вещей, измени свой взгляд на них! Да не буду я ничего менять! У каждого своя судьба. Моя судьба – быть недовольным, быть несчастным, но периодически чувствовать себя счастливей всех людей. Это только несчастные умеют. При этом, заметь, я постоянно занимаюсь делом. И даже его люблю. Деньги зарабатывать люблю. Дарить подарки любимой женщине. То есть Наташе.

– Не понял. Ты же ее не любишь?

– Ну и что? Любовь это ведь что, если упрощенно? Когда ты и хочешь женщину, и тебе с ней тепло до и после секса. Такое сочетание – одно на тысячу, не чаще. Это я имею в виду любовь в классическом понимании. Которой на самом деле фактически не бывает. А есть проще: я люблю мороженое, люблю кино, люблю читать. Я Наташу люблю, как мое кино, и понял, что готов его смотреть чаще, чем другие фильмы. Вот и все. Поэтому она – любимая женщина. Никакого противоречия. Я как-то с Ильей на эту тему говорил, мне просто интересно было, почему он ни разу не изменял жене. Так вот, у него как раз классическая любовь, ему повезло. То есть ему и тепло со своей Люсей, и он ее хочет. Я говорю: как это тебе удается? А он говорит: мы решили, что у нас это будет раз в месяц. Представляешь, какие мудрецы? Месяц терпят, а потом набрасываются друг на друга. Мудро! От Ильи я даже не ожидал. А мы, как идиоты, только и думаем, что от нас ждут ежедневного исполнения супружеского долга. И от одного этого впадаем в депрессию.

Валера был немного возбужден, Иванчуку даже показалось, что – выпил. Но нет, видимо просто – нервы. Все себя в последнее время чувствуют на эмоциональном взводе.

– А Илью, кстати, выпустили? – спросил он.

– Нет. Его, представь себе, заставляют пройти психиатрическую экспертизу.

– Может, и лучше? Признают невменяемым.

– Не знаю. Я уже звонил Костякову, требовал, чтобы Илью отпустили. А он, сукин сын, в ответ потребовал, чтобы я приехал и с ним пил. А я не хочу.

– Он с того дня не прекращал?

– Нет. Говорит: пью, чтобы умереть.

– Поедешь?

– Поеду, но не пить. Ночью попробую ему систему поставить, а то сдохнет, в самом деле. Я тебя перебил, ты был у Лили?

– Да. Сказал ей. Но она под какими-то сильными наркотиками, ничего не понимает.

– Ее счастье. Может, выпьешь, Коля? Ты не запойный, тебе можно. И поедем к Костякову и скажем ему все, что о нем думаем.

– Я уже говорил, когда после похорон с ним были. И поп там был, тоже какие-то речи произносил... Глупости все это. А пить не хочу. Слушай, психолог, скажи, только между нами, вот у меня дикая, нелепая мысль. У меня мысль, что Даша это сделала... То есть не она, но замуж-то она решила выйти, а из-за этого получилось... Она это сделала, чтобы я, в том числе, не только я, но я в том числе перестал – ну...

– Понимаю. Никто не мог спокойно видеть, что она свободна и никому не принадлежит. То есть ты хочешь сказать, она своей смертью избавила тебя от нехороших мыслей?

– Примерно так.

– Ну и что? Ничего в этом подлого нет, Коля. Вернее, есть, но это подлость, как бы тебе сказать... Благородная, что ли. То есть ты рад, что теперь нет возможности совершить настоящую подлость.

– Я не рад. Просто – так оно есть.

– Что-то, Коля, есть закономерное в том, что Даша погибла.

Коля поперхнулся хлебом, который доедал после окрошки (привык не оставлять кусков).

– Ты серьезно?

– В любой смерти своя закономерность.

– А Костяков остался жив – это тоже закономерность?

– Ты ему отомстить, что ли, хочешь?

– Никогда никого не хотел убить. А его убил бы. Это из-за него все. Из-за них вообще.

– Только без социологии, ладно? Из-за них, из-за нас, из-за всех. Нет замечательной, красивой девушки, у которой были бы красивые умные дети. Вот что главное. А мы о пустяках.

– Ты прав.

Коля вдруг всхлипнул.

– Чего ты?

– Даша... Тоже умела... Окрошку делать...

Когда он просморкался и вытер красные глаза, Сторожев задумчиво сказал:

– А я вот уже думаю: может, никакой Даши и не было? По крайней мере такой необыкновенной, какой она нам казалась? Просто нам всем очень хочется любить. Любить чисто и красиво. Любить кого-то необыкновенного. Коля, как ты думаешь, мы свою жизнь проиграли насовсем или есть шанс?

– Все впереди, – ответил Иванчук.

Вошла Наташа – словно почувствовав, что именно сейчас можно войти. Увидев покрасневшего, заплаканного Иванчука, положила ему руку на плечо. Это вызвало у Коли новый приступ плача.

Скоро плакали все трое – без голоса, молча.

В то же время, когда Сторожев говорил с Иванчуком, Егор сидел в зале театра и наблюдал, как вешают прожектора. Ремонт был почти закончен, все выглядело просто, уютно, красиво. Он был доволен. Рядом сидела Яна. Она пришла по делу: попросить Егора, чтобы тот позвонил своему могущественному отцу и тот посодействовал освобождению ее отца. Егор немедленно позвонил, что-то долго слушал, зажав трубку, объяснил Яне:

– Пьян в стельку.

И опять слушал. Наконец сумел вставить:

– Принимаю все твои претензии, я плохой сын, но у меня дело. Хорошие люди просят помочь освободить Немчинова. До суда, если будет суд. Под залог или как это делается. Потому что он на самом деле, как ты помнишь...

Костяков-старший перебил его, что-то говорил. Егор выслушал и сообщил Яне:

– Указание уже дано, просто, наверно, какие-то формальности.

– Спасибо.

– Не за что. Левее! Еще левее! – скомандовал Егор рабочим.

Потом, после паузы, произнес:

– Страшно это все. Очень страшно. И город этот – страшный.

– Отец твой, наверно, с ума сходит.

– Может быть. Я уезжаю и не хочу ничего этого знать.

– Куда? В Москву?

– Да.

– А театр? Зачем тогда ремонтировать?

– В Сарынске есть талантливые люди, отдам им. Дар городу. Нет, не городу, кому-то конкретному, кому я доверяю.

– Это хорошо. А я беременна, – сказала Яна.

Она сидела, как и Егор, вытянув ноги, сунув их под кресла переднего ряда, не смотрела на него, но чувствовала что его лицо ничуть не изменилось.

– Я что-то должен сказать? – спросил Егор.

– А нет?

– Не знаю. Ты беременна, что дальше?

– От тебя.

– Возможно. Что дальше? Ты прекрасно знала, что у нас ничего не будет. Кстати, как у тебя это получилось, мы же береглись?

– Неважно. Я беременная от тебя, это твой ребенок.

– Ясно. Ты хочешь, чтобы я взял на себя ответственность и решил судьбу этого ребенка? Срок ведь, наверно, небольшой, можно аборт сделать?

– Ты мне предлагаешь сделать аборт?

– Я ничего не предлагаю. Решаешь ты.

– А ты ни при чем? Тебе все равно?

– В общем-то да.

– Это твой ребенок!

– Не ребенок пока, зародыш. Когда я изредка мастурбирую, я гублю миллионы эмбрионов. И что?

– Значит, ты хочешь, чтобы я сделала аборт?

– Нет. Ты не дождешься, чтобы я решал за тебя. Можешь рожать. Я буду платить тебе ежемесячно какую-то сумму, если это действительно мой ребенок. Сейчас это легко установить.

– И все?

– Что?

– Платить деньги – и все? И не захочешь его увидеть?

– Вряд ли. Я не люблю детей в принципе.

– Ты урод.

– Может быть. Повторяю: все, что будет нужно, я сделаю. За исключением, извини, одного: не смогу на тебе жениться.

– Ты думаешь, я за тебя вышла бы? За такого...

Яна выругалась, встала, ожидая, что сиденье кресла хлопнет. И этот звук поставит точку. Но Егор все продумал: сиденья после того, как зритель вставал, не хлопали, а мягко поднимались.

Яна пошла между рядов, где ей показалось очень тесно.

Быстрее отсюда.

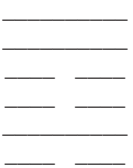
И больше никогда его не видеть.

А Егор постепенно обретал привычное равновесие. Да, совершил ошибку, придется расплачиваться – в прямом смысле слова, деньгами. Но вряд ли это будет обременительная сумма. А с ребенком можно потом и подружиться, когда вырастет. Главное, что оценил в себе Егор, – он меняется. Всю жизнь он старался нравиться – всем. И только недавно понял, как это глупо и опасно. Надо уметь не нравиться, надо этому учиться, если не дала сама природа. Вот сейчас эта девушка ушла в злобе на него, она его ненавидит и презирает. И это правильно, это хорошо.

И то, что Даша погибла, тоже хорошо, если не лицемерить. То есть это плохо и даже очень, но самое страшное событие для кого-то оказывается благодеянием. Теперь он полностью свободен – и в Москву, в Москву! И больше не повторять глупых ошибок, на которые провоцирует этот город, который сам кажется большой ошибкой на теле страны – грязный, разваливающийся, воровской, умирающий, хамский.

Это называется – не повезло с родиной.

59. ХУАНЬ. Раздробление

Вновь восходит солнце успеха.

Володя каждое утро выходил из дома и шел в ближайший магазин, прямиком в винный отдел. Там он покупал бутылку дешевой водки и несколько бутылок дешевого пива. С объемистым пакетом возвращался домой. Сосед Замир, встретив его вчера в коридоре, сказал:

– Вова, я понимаю, горе, но зачем себя убивать?

Володя не ответил, пошел, звякая бутылками, в свою комнату.

Там он ставил все в угол, а через некоторое время сливал в большую пластиковую бутыль, которую ночью тайком опорожнял в унитаз. В кухне почти не появлялся, а если выходил, то взять кусок хлеба и колбасы или сыра, при этом шатался и задевал за столы.

Если кто наблюдает за ним, он уверен, что Володя пьет с горя.

Володя был почти уверен, что за ним наблюдают. Костяковы и те, кто их окружает, знают, какие у него и у Даши были отношения, это теперь все знают. Легко догадаться, что Володя захочет отомстить. Значит, надо сделать так, чтобы эти догадки отпали. Поэтому он изображает, что беспробудно пьет, а сам составляет план.

Уже много вариантов он отбросил, в том числе фантастические, нелепые. Например: продать всю фотоаппаратуру (это приличные деньги), купить самую дешевую машину вместо своей, разбитой, достать где-то гранатомет и несколько зарядов, подъехать к поместью Костякова, выбить ворота выстрелом из гранатомета, въехать, стрелять по окнам.

Володя отбросил этот план не потому, что он показался нереальным, он опасался – Костяков останется жив, а другие в доме пострадают. По этой же причине отпал план нанять вертолет и разбомбить дом с воздуха. Причем ничего невероятного в найме вертолета нет: на аэродроме под Сарынском стоит дюжина геликоптеров, принадлежащих МЧС, санавиации, сельхозникам (для опыления) и т.п., договориться можно; договорился же один из женихов, устроил своей невесте после загса полет до своего родного села, правда, невеста обтошнила все свое платье. Володя при сем присутствовал, снимал.

С Дашей они тоже познакомились во время свадебной церемонии, у загса. Володя был не таким уж робким человеком (робких среди фотографов не водится, профессия предполагает контактность, граничащую с наглостью), но тут, поняв, что Даша ему очень нравится, вдруг как-то затормозил. То есть кивали друг другу, здоровались, но знакомства не возникало.

И, как сейчас, лежа на постели, он перебирает десятки вариантов убийства Костякова, так и тогда представлял – вот подходит, вот говорит:

– ..... (Слова никак не складывались).

Нет, он не подходит, а случайно наступает ей на ногу. И говорит с улыбкой:

– ....

Нет, она оступится на лестнице, начнет падать, он подхватит ее и скажет:

– ....

И т.д. До бесконечности. Володе уже казалось, что он нарочно оттягивает, что мечтать о том, как он познакомится с Дашей интересней, чем знакомиться на самом деле. И однажды решил: хватит, завтра же, без всяких фокусов. Подойти и сказать:

– Слушай, после работы давай куда-нибудь пойдем?

Вышло еще проще. Он не подходил, они просто как-то оказались рядом: Даша ждала у загса свою пару, он свою.

И вдруг повернулись одновременно друг к другу, и одновременно сказали:

– Слушай...

И рассмеялись, и все стало ясно, и больше никаких слов не потребовалось. То есть потребовались, но уже другие, которые после. Есть слова до – неловкие, часто глупые, бестолковые, и есть после – уже нормальные, спокойные, без придумывания, что сказать – само говорится. Люди для этого и сходятся – говорить то, что хотят, не боясь быть глупыми или еще какими-то. Свобода быть самим собой с другим человеком, вот что нужно. Они такими были с Дашей.

Теперь тоже нужно что-то очень простое, догадался Володя. Никаких бомб, гранатометов, снайперских винтовок и подкарауливания на чердаках. Купить пистолет. Усыпить бдительность – будто он все забыл. Потом оказаться там, где Костяков, а он человек публичный, должен бывать среди людей. Спокойно подойти, чтобы не заподозрила никакая охрана. Выхватить пистолет и несколько выстрелов в упор. Возможно, он успеет прохрипеть:

– За что?

И Володя скажет:

– Сам знаешь.

И бросит пистолет, который уже не нужен.

Дальше два варианта – либо его пристреливают охранники, либо забирает милиция. Об этом думать уже неинтересно.

Где достать пистолет, вот что главное.

Интернет не помог: там предлагалось оружие охотничье, травматическое и т.д. – легально, но с предварительной волокитой. Те, кто торгует боевым оружием подпольно, конечно, тут не светятся. Вычислят – даже если подставные адреса и телефоны.

Он долго шарил по оружейным сайтам, поэтому и рекламные баннеры стали выскакивать соответствующие: предложения пистолетов, карабинов, гладкоствольного и нарезного оружия. Кстати, предлагались и гранатометы, и даже ракеты «земля-земля» с припиской: «для производства земляных работ и подрыва устаревших сооружений». Чего только не придумают в наше время.

Володя ради хохмы позвонил по одному из телефонов, спросил, не найдется ли у них пистолет Макарова, например, для производства земляных работ?

– Мы перезвоним, – ответил голос.

Володя ждал.

Это явный крючок, говорил он себе. Какие-нибудь специальные люди создали этот сайт для того, чтобы вылавливать людей, нуждающихся в оружии. А потом хватать их и... А за что хватать? Он скажет, что пошутил. Он не купит пистолет, если поймет, что это провокация. А если купит, скажет, что член секты «мир без оружия» – скупаем все, что стреляет, и уничтожаем. В общем, вывернется. Только вряд ли позвонят. Слишком просто.

Но позвонили. Спросили:

– Вам нужен пробойник Макарова для строительных работ?

– Если вы имеете в виду...

– Нужен или нет?

– Да!

– Полторы тысячи долларов.

– Я согласен, – сказал Володя, удивившись, что так дешево: некоторые из его объективов стоили дороже, когда были новыми (правда, он их купил бэушными за пятую часть цены). Но полторы тысячи он собрать реально может: половину найдет наличными и что-то продаст.

– Мы вам перезвоним, – сказали в телефоне.

Не звонили долго, до вечера. Володя в это время успел связаться с одним из коллег-фотографов и предложил ему на выбор то, что он захочет из его техники. Дескать, завязывает он с этим делом, распродает все. Коллега с характерной фамилией Жукич знал о его горе, посочувствовал. Но, как истинный фотограф, когда учуял возможность уцепить что-то ценное задешево, впал в профессиональную алчность и отбросил все моральные препоны.

И мигом явился, и уже через полчаса выходил нагруженный и счастливый, а Володя имел необходимую сумму.

Позвонили, когда стемнело.

– Насчет пробойника. Не передумал?

– Нет. Ремонт стоит!

– Шутник. Деньги готовы?

– Да. В рублях или долларах?

– Хоть в иенах.

Володе назначили место и время: площадь у драмтеатра, час ночи.

В час он там был. Стоял торчком на пустой площади, видный со всех сторон.

Позвонили:

– Иди на Лермонтова, свернешь на Железнодорожную, стой там и жди.

Володя пошел к Лермонтова, свернул на Железнодорожную.

Здесь тоже пустынное место – с одной стороны забор стройки, с другой – длинный заводской корпус.

Он ждал и думал: вот дурак, сейчас подъедут, тюкнут по голове, возьмут деньги, и все. С другой стороны – за такие деньги тюкать по голове? (Володе казалось, что это стоит гораздо дороже.)

Подъехала машина, открылась дверца. Володя подошел, сел. В машине сидел мужчина лет за сорок, в темных очках. Где-то он, кажется, его видел.

Поехали.

– Куда-то едем? – спросил Володя.

– Ты догадливый, – ответил мужчина. – Думаешь, у меня такие вещи в бардачке, как жвачка для девушек?

Приехали в глухое место, на пустырь с поваленным забором, котлованом и сваями: когда-то здесь начиналось строительство, но было брошено. Мужчина достал телефон, набрал номер, спросил:

– И что дальше?

Услышав ответ, передал трубку Володе.

Володя услышал неспешный разъяснительный голос:

– Значит, так, Вова. То, что ты придумал, это глупость. В кого хочешь стрелять, дурачок? А еще интеллигентный парень. Нехорошо. Ты разве не понимаешь, что это несчастный случай? Тебя убьют, дурака, еще до того, как ты сунешь руку в карман. Мы уже сейчас тебя можем убить. Ты представь, как Даше будет неприятно видеть из другого мира, что тебя тоже убили. Она тебе спасибо не скажет.

С Володей никогда так не говорили. Вроде по-доброму, на самом деле – издевательски. Или наоборот, вроде по издевательски, на самом деле – по-доброму. Он растерялся, молчал.

– Мне кажется, ты все понял, – сказал голос. – Это никому не нужно. И нам тоже. Повторяю, мы могли бы уже сейчас тебя обезвредить. Навсегда. Но зачем? У тебя впереди вся жизнь. Даша тебе дело оставила, самое лучшее – его продолжить. Это будет по-умному.

А он ведь прав! – подумал Володя. Почему я сам об этом не подумал? Она так хотела, чтобы все раскрутилось...

– Кто ты? – спросил он.

– Неважно. Значит, теперь резюме: если ты еще раз попробуешь купить пистолет или гранаты или танк, не знаю, что ты там придумаешь, второго разговора уже не будет. Пресечем сразу. Есть вопросы?

Вопросы у Володи были, но он не понимал, какие. Он весь был – вопрос, но как это выразить?

– Вот и хорошо, – одобрил голос. – До свидания.

Володя отдал мужчине трубку. Тот спросил:

– Пешком дойдешь или подвезти?

– Пешком. Нет, подвезите.

И тут Володя узнал его. Это родственник Костяковых. Володя видел его на фуршете после спектакля – в доме Павла Витальевича. Глаз не видно, но Володя фотографировал и помнит эти скулы: линии щек идут абсолютно параллельно и ровно, будто очерченные линейкой, а потом сворачивают на угол в сорок пять градусов и кончаются почти остро, соединяясь в подбородке, с ямочкой – будто кожу в этом месте пришили к челюсти.

Мужчина ехал по пустому городу с большой скоростью – видно было, что привык к лихой езде. Он резко, почти не снижая скорости, сворачивал к улице, где дом Володи, выкручивая руль влево и тут Володя прыгнул на него и стал крутить руль еще левее. Машина приподнялась на два колеса, стала заваливаться, но мужчина, двинув локтем Володю в лицо, сумел вернуть руль в прежнее положение, не снижая скорости, машина, косо летя вперед, выровнялась, грохнулась об асфальт, подпрыгнула, только после этого мужчина начал притормаживать и остановился в нескольких сантиметрах от грузовика, стоявшего возле тротуара.

Володя сидел, закрыв лицо руками – от удара локтем сразу пошла кровь.

– Добавить? – спросил мужчина.

Володя промолчал.

– Выходи. Моя бы воля, придушил тебя на месте. Иди отсюда, я пока я добрый.

Володя вышел.

Пошел к своему дому.

Оглянулся: мужчина говорил с кем-то по телефону.

Докладывает, сволочь.

Вернувшись домой, Володя выпил сразу два стакана водки.

Достал фотографии, стал рассматривать.

Был весь мокрым – жара, наверное?

Понял, что плачет. Никогда не знал, что можно так плакать – не переставая, будто слезная жидкость не кончается в организме.

Вот одна из первых фотографий, когда они вдвоем. Кого-то попросили снять.

Даша говорила:

– Я по фотографии жениха и невесты, неважно, хорошо снято или плохо, точно могу сказать, будут они жить вместе или нет.

– А ты проверяла?

– Нет, я и так уверена. Сразу видно, подходят друг другу или не подходят. Хотя, знаешь, не это главное. Иногда совсем не подходят, а я вижу – будут жить. Иногда подходят, а я вижу – через месяц разбегутся.

– Сверхъестественное прямо чутье.

– А ты думал. Мы вот очень подходим друг другу. Прямо идеальная пара. Жить вместе сто лет и умереть в один день.

– Я не против.

– Не получится.

– Почему?

– Не знаю. Ощущение такое. Не обижайся.

Но он тогда все-таки обиделся.

Володя пил, плакал, ему становилось все тяжелее, но эта тяжесть уже не была мертвой, безысходной. Он понимал, что сможет теперь с этим жить.

Максим, выслушав Петра, сказал:

– Пока ничего не надо, а там видно будет. Все, отдыхай.

Несмотря на позднее время, Максим совсем не хотел спать. Бессонница давно уже его мучает, он пробовал и таблетки, и расслабляющий массаж со специальными ваннами, и неспешный умиротворяющий секс с молодой красавицей женой – ничего не помогало, раньше четырех часов ночи сон не приходил, хоть убей. Если уж только очень важная встреча ранним утром, тогда приходится принимать сильное снотворное «...»,* которое срубает наповал. Однажды он похвастался этим чудо-лекарством перед коллегой Ёрычевым из департамента ресурсов, тот выпросил две таблетки, не говоря, зачем, и вышел конфуз: Ёрычеву надо было встречать важных московских гостей, вечером пикник, выпивка, а выпивать врачи ему как раз категорически запретили: обострилась печень; но как сидеть трезвым среди пьяных гостей? Им подозрительно и стеснительно, а тебе скучно. Вот Ёрычев и задумал глотнуть какой-нибудь дури, помня, что седативные средства в небольших дозах вызывают необходимое помутнение мозгов и замедление реакции. Употребил для верности сразу две таблетки – и через пять минут упал. Упал мертво, так, что не могли ничем добудиться: прыскали водой, били по лицу. Вызвали «скорую», увезли в больницу, а утром он проснулся – как ни в чем, даже голова не болела.

** Название не упоминается, чтобы не сочли рекламой и не использовали без совета врача.*

И все-таки подсаживаться на снотворное Максим не хотел, пытался справиться сам.

Сегодня, правда, не было необходимости бороться с собой, завтра воскресенье, можно утром поспать подольше.

Максим занимался приятным рукоделием: оформлял альбом. Дубков неожиданно позвонил и сказал, что по некоторым причинам выполнить заказ не может. Аванс вернет.

– В чем дело? – спросил Максим.

Дубков выдал фразу, которую, наверное, готовил заранее (Максим это сразу понял и не мог не усмехнуться ребяческим повадкам взрослого человека):

– Я так дешево не продаюсь!

– А дороже продадитесь?

Дубков растерялся, не ожидал, наверное, такого поворота.

Однако нашелся:

– Ни за сколько не продаюсь. Вообще не продаюсь!

Один из помощников Максима съездил к Дубкову, забрал у него материалы и деньги.

Максиму этот казус был неприятен больше, чем хотелось бы. Как-то вообще все неудачно складывается в последнее время. Глупый наезд Немчинова, глупая влюбленность брата Павла, свадьба, опять Немчинов, сабля, выстрел, гибель невесты. Теперь вот суд впереди, без него не обойтись. Максим всех опросил, и своих юристов, и должностных лиц, и к областному прокурору толкнулся – нельзя ли как-то мирным путем? Оказывается, никак. Слишком будет заметно, повредит Костяковым еще больше. Лучше закрыть дело, списать все на случайность, при этом братья окажутся печальными жертвами обстоятельств, что для имиджа даже хорошо.

И все-таки – не вовремя. Очень не вовремя. Каждые две недели Максим ездит в Москву, уже почти решен вопрос о его переводе. Это то, к чему он шел всю жизнь. Нах Москау, в Кремль. Президентом ему уже не стать, не те стартовые позиции, нет такой приближенности к предыдущему президенту и его команде. Да и не надо, если честно. А вот до министерского кресла добраться – реально. Или в аппарат министерства одним из вторых лиц при министре – тоже неплохо.

Надо быстрее сворачивать эту историю, вот что. Одно и первых дел – привести в себя Павла. Павел обижен, не разговаривает с ним. Максим пробовал объяснить ему, откуда он узнал о том, что Леонид умер (элементарно – от друзей из областного ФСБ, которые по его просьбе держали пальцы на пульсе судьбы Леонида), и почему молчал (тоже элементарно – не хотел огорчать) – Павел не пожелал слушать. Отлучил от себя всех, пьет в одиночку. Хотя, сейчас, наверное, при нем Сторожев – Максим уговорил его поехать к Павлу.

Сейчас Максим перебирал фотографии, примеривая их к страницам альбома. Дубков, стервец, даже стишков не дал, которые он придумал. Сочинить самому? Пробовал ведь когда-то. И разрисовать самому – рисовать он тоже умеет.

Вот фотография: Павел, Максим, Леня, Петр, еще пацаны. У какого-то сарая – человек десять от восьми до пятнадцати лет. Дворовая компания. Господи, как было все легко, хорошо и понятно.

Максим набросал на листке бумаги:

Детство, босоногая пора.
Все детьми мы бегали когда-то.
А теперь мы выросли, ребята,

И застопорилось. Какая там рифма к слову «пора»? И живем теперь все на ура? И теперь уж жизнь нам не игра? Неплохо.

Детство, босоногая пора.
Все детьми мы бегали когда-то.
А теперь мы выросли, ребята,
И теперь уж жизнь нам не игра.

Максим увлекся, начал сочинять дальше.

Но вскоре бросил.

Да, все правильно, но... Не помещается очень важное, что важнее слов про босоногую пору: газировка с сиропом за три копейки, без сиропа – за одну, езда на троллейбусе «на колбасе», схватки с районом, называемым «Дома Первого Мая», сначала на кулаках, потом подросли, пошли в ход велосипедные цепи, арматура... А кино про Фантомаса, куда он протискивался с Павлом, когда был совсем маленьким? А ириски «Дорожные» и «Золотой ключик»? «Золотой ключик» – мягкие, зато съедались быстро, а «Дорожные» жесткие, зато сосались долго, разминались, превращались в тянучки, которые можно было пальцами ухватить и растягивать, зажав зубами (жвачки тогда еще не было). И опять кино – про Анжелику. Кто-то каким-то образом доставал кадры – вырезки из пленки. На некоторых Анжелика была совсем голой, такие кадры стоили большие деньги, не меньше рубля... Кстати о деньгах, кошелек, найденный кошелек, Максиму было уже шестнадцать, а в кошельке было двенадцать рублей. Двенадцать рублей! И он позвал девушку Машу в ресторан «Звезда», и они прокутили все эти двенадцать рублей, а потом в подъезде, в темноте, Максим целовал Машу, яростно гладя ее по колготкам, которые вдруг заискрили и ударили легким током, Маша засмеялась, а Максим, потеряв голову, повалил ее на пол (она была в мягкой искусственной шубке), Маша рассердилась, Максим шипел ей в ухо слова, за которые до сих пор стыдно:

– А чего, ты думаешь, я тебя в ресторан повел? Я же тебя люблю!

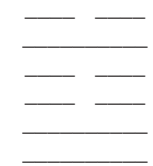
Глупо. Как связаны ресторан и любовь?

Впрочем, не так уж и глупо, как выяснилось впоследствии. Максим сейчас знает много девушек, для которых любовь и ресторан вполне увязываются. Дальше расценки возрастают: постель – обновка из бутика, поездка на пару дней за город – перстенечек или сережки. И так далее.

Да нет, ничего не было хорошего на самом деле. Курили с понтом дрянь за тридцать пять копеек, считая шиком, сигареты эти неимоверно воняли, но никто не замечал – пока не пошел настоящий импорт. Жрали синих кур, подохших от бескормицы. Презервативов приличных, и то не было, о других контрацептивах вообще не слышали, отсюда поголовное пренебрежение к осторожности. Отсюда, кстати, первый брак – именно из-за этих глупых гигиенических причин. А подпольные аборты на грани криминала? Не потому, что были запрещены, а – чтобы родители оставались в незнании. Утром придет бедная девушка на дом к фельдшерице, та ее выскребет, дает полежать до вечера – и все, иди домой. Истекая кровью. В лучшем случае оставит на ночь, маме позвонишь, наврешь, что у подруги.

Так и перебирал Максим фотографии, и прошлое, в котором ему что-то нравилось, а что-то нет, но в итоге он ни за что не хотел бы туда вернуться. Конечно, не молод уже, но еще здоров и, как прежде, живет будущим. Которое обязательно прекрасно и, как минимум, перспективно.

60. ЦЗЕ. Ограничение

Активно принимайтесь за дело, но, разумеется, помня о необходимой предусмотрительности.

Степан Никитович Угольщиков, председатель комиссии по судебно-психиатрической экспертизе, человек опытный и осторожный, позвонил следователю Рябинскому:

– Вы тут нам человека прислали, Немчинова, что нужно-то?

– Экспертиза нужна.

– Это ясно, а что нужно-то?

– Нужны результаты экспертизы.

Странный какой, подумал Угольщиков.

Спросил:

– А в чем обвиняется?

– Не обвиняется, а подозревается. Идет расследование.

– Нет, но что он сделал, убил кого-то или что?

– Вообще-то вы не имеете права задавать такие вопросы и вообще звонить мне. Ваша цель – определить степень вменяемости, правильно?

Совсем чудак, подумал Угольщиков.

– Вы новенький, наверно? – поинтересовался он.

– Это имеет значение?

– Да нет, я так.

Комиссия – это только так звучит. На самом деле весьма часто проводит обследование один человек, а остальные подписывают. Нехватка кадров, не так просто всех собрать, у каждого своя работа. Поэтому Угольщиков, оставив Немчинова в кабинете с милиционером, который его привез, вручил Илье для начала один из стандартных психологических тестов, на прохождение которого требуется не меньше часа. Степану это время требовалось, чтобы спокойно пообедать в соседнем кафе «Поляна», где, во-первых, были недорогие и пристойные бизнес-ланчи от часа до четырех, а, во-вторых, в баре работает очень милая девушка. Судя по всему, она не замужем, хотя Угольщиков еще не спрашивал, без детей, то есть свободна – иначе не работала бы здесь каждый день с десяти до полуночи. Видимо, кстати, и деньги нужны, что тоже хорошо. Помочь симпатичной девушке всегда приятно. В той или иной форме.

А Немчинов придвинул к себе бланки теста и сказал милиционеру с усмешкой:

– Ну, сейчас узнаем, псих я или нет?

Молоденький милиционер, глядя в стенку на карту мира, которая здесь зачем-то была повешена, никак не отреагировал. Он уже год служит и знает, что народ свой тупой юмор упражняет на блондинках и милиционерах. Говоришь с ними, как с людьми, и вдруг вокруг все хохочут, то есть тебя уже подкололи, а ты и не заметил. Так что пошли бы они все к черту со своим юмором.

– Пункт первый, – вслух читал Немчинов. – «Вам понравилась бы работа медсестры». Какой сразу интересный вопрос! Даже и не знаешь, как ответить. Вы бы как ответили? С одной стороны, что плохого в работе медсестры? Благородная работа. Но я же мужчина, правильно? Напишешь, что хотел бы стать женщиной – и все, уже псих. А?

– Вы пишите, пишите, время идет.

– Да, конечно. Напишем – «неверно», не понравилась бы мне работа медсестры. А также стюардессы и продавщицы мороженого. Второй вопрос. Еще лучше. «Вы никогда не выходили из себя настолько, чтобы вас это беспокоило». А если я не выхожу из себя, но меня это как раз беспокоит – почему это я такой спокойный? Или, наоборот, страшно выхожу из себя, но это меня не беспокоит. А? Вы бы как ответили?

Милиционер невольно заинтересовался.

– Как там? – спросил он?

Немчинов повторил вопрос.

Милиционер явно не понял.

– Ну, – объяснил Немчинов, – вот вы выходили из себя? В смысле – злились?

– С каждым бывает.

– Вас это беспокоит?

– Что?

– Что вы злились?

– Да нет. Дурацкий вопрос. Все, все, не отвлекайтесь, а то никогда не кончим!

– Хорошо. Ответим – «верно», не беспокоило. Третий вопрос. Нет, это же сплошные ловушки!

«В детстве вы играли в «классы»». А если играл с девчонками, тогда что? Вы играли?

– Не играл, – ответил милиционер. – Пишите давайте и нечего тут!

Он встал и подошел к карте. Ему захотелось найти Парагвай, команда которого так хорошо сыграла в последнем чемпионате мира. Нашел, удивился: сверху огромная Бразилия, снизу тоже большая Аргентина, а Парагвай между ними – совсем маленький. И милиционер зауважал эту страну еще больше.

А Немчинов чем дальше, тем больше погружался в тест, который стал для него занятной интеллектуальной игрой, учитывая, что вопросы были своеобразные, с подвохами. Наверно, фокус в том, что умный человек этих подвохов видит больше и чаще ошибается, а человек попроще, то есть нормальный, их не видит совсем и отвечает, как на духу. Поэтому надо поменьше думать, а отвечать сразу, как бог на душу положит. «Вас не беспокоит желание стать красивее». Верно, не беспокоит, обойдусь без красоты. «Вы все чувствуете острее, чем большинство других людей». По сути, это верно, а на самом деле – ненормальность. Из большинства не надо выделяться. Неверно. Идем дальше.*

Угольщиков, отобедав и вволю поболтав с милой барменшей (узнал, что ее зовут Вера и удачно пошутил, что теперь нужны еще надежда и любовь), бегло просмотрел результаты теста, задал Немчинову несколько вопросов. На самом деле процедура исследования предполагает довольно нудные и долгие разговоры, применение различных тестов, но Угольщиков уже по анкете понял, что Немчинов человек вполне здравый.

– Вы что сделали-то? – спросил он.

– На свадьбе напился, буянил, саблей махал.

– Саблей? Откуда взяли?

– Жениху подарили.

– Вы всегда по пьянке такой буйный?

– Нет. Просто... Вообще-то у меня бывает в последнее время – как затмение какое-то. Наверно, после того, как по голове настучали.

– Вас били по голове? Когда взяли в милицию?

– Нет, раньше. Я даже к знакомому врачу ходил, томографию делал магнитно-резонансную. Гематома небольшая, а так все в порядке.

– Следователю результаты томографии предоставили?

– Нет.

– Зря. Обязательно предоставьте и проследите, чтобы подшили в дело и пронумеровали. То есть на вас после этого как бы находит?

– Да.

– Типичный посттравматический синдром. Скажите своему адвокату, пусть на этот синдром все и валит. Состояние аффекта. То есть, будучи вменяемым, в определенных ситуациях вы свои действия не контролируете.

– Только не надо этого писать. Я не хочу, чтобы считали, будто мне кровь в голову ударила. Я все делал сознательно.

А человек-то, пожалуй, все-таки со странностями, подумал Угольщиков. Ему явно подсказывают, как избежать ответственности, а он вдруг говорит: сознательно.

За эту ниточку можно было бы ухватиться и обнаружить какой-то тайный невроз, но Угольщикову не хотелось возиться.

Он взял типовой бланк и стал его заполнять.

1. Страдает ли исследуемый психическим заболеванием, если да, то, каким именно? – НЕ СТРАДАЕТ

2. Мог ли он отдать себе отчет в своих действиях (руководить ими) при совершении инкриминируемого ему деяния? – НЕ МОГ ИЛИ МОГ ЧАСТИЧНО ВСЛЕДСТВИЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ И ПЕРЕНЕСЕННОЙ ТРАВМЫ ГОЛОВЫ.

** Читателям идти дальше не обязательно; при желании можно прочесть целый роман на эту тему, который так и называется – «Анкета». На данный момент самый выверенный текст – в книге, выпущенной издательством «Астрель».*

3. Не является ли исследуемый душевнобольным в насто¬ящее время и не нуждается ли он в применении мер медицинского характера? – НЕ ЯВЛЯЕТСЯ.

4. Нет ли медицинских противопоказаний к примене¬нию к данному лицу мер медицинского характера? – НЕТ.

5. Может ли (истец, ответчик, свидетель, обвиняемый, потерпевший) по своему психическому состоянию правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания? – ДА.

6. Не обнаруживает ли он (истец, ответчик, свидетель, обвиняемый, потерпевший) патологической склонно¬сти к фантазированию? – НЕТ.

7. Мог ли потерпевший понимать характер и значение со¬вершаемых в отношении него противоправных дей¬ствий? – – –

8. Мог ли потерпевший по психическому состоянию ока¬зывать сопротивление в криминальной ситуации? – – –

9. Исходя из своего психического состояния, может ли обследуемый (истец, ответчик, свидетель, обвиняемый, потерпевший) участвовать в проведении судебно-следственных действий? – МОЖЕТ.

Походив по кабинетам, поставив подписи других членов комиссии и печать, Угольщиков вручил бумажку милиционеру и отправил его и Немчинова обратно в изолятор.

Через час он был отпущен Рябинским на основании подписки о невыезде, а Шуру еще до этого отпустили по распоряжению прокурора, которое Гера не мог, да и не хотел оспаривать. Он подумал, что, пожалуй, его опасения напрасны: Шура, чувствуя сильную защиту, не догадается скрыться.

Гере очень понравился второй пункт экспертизы. Хоть следователю и положено быть непредвзятым, он чувствовал симпатию к Немчинову, видел: человек переживает, мучается, что из-за него – косвенно – погибла девушка, чуть ли ни готов взять вину на себя. Почему, в самом деле, должен быть виноват он, схвативший саблю, а не тот, кто бил его и привел в такое состояние?

Петр Чуксин, как и ожидалось, на допрос не явился.

Пришлось Гере, взяв служебную машину, самому наведаться к нему на стадион «Смена», где Петр занимался с подростками.

Он нашел его на футбольном поле, где ребята выполняли довольно экзотическое, на взгляд Геры, упражнение: их уложили на землю, потом накрыли большой сетью и они должны были выбраться. Вроде бы не так уж сложно, но ведь суть в том, кто быстрее. Все начинают лихорадочно барахтаться, запутывая при этом товарищей, а товарищи запутывают их, сплошная куча мала. Петр наблюдал с секундомером в руках. Гера подошел, представился.

– Сейчас, – сказал Петр.

Это сейчас длилось не менее получаса. Мальчишки окончательно запутались, но вот один из них, юркий, невысокий, каким-то образом продрался не с краю, а в середине сети, выполз – но тут же раздались возмущенные крики:

– Он ножиком! У него нож!

Петр и его помощница, стройная девушка легкоатлетического вида, выпутали остальных. Построили.

– Так нечестно! – продолжали вопить подростки.

– Тихо! – поднял руку Петр. – Я сказал – выпутаться, вылезти. Я что-нибудь еще сказал? Нет. Могли зубами грызть, зажигалкой прожечь, если у кого зажигалка есть, если кто курит – только выгоню за это сразу. А у Евгения оказался нож, и он догадался, что сделать. Молодец, Евгений. Есть вопросы? Теперь кросс четыре круга. Последний моет полы в раздевалке.

Подростки побежали по дорожкам вокруг стадиона, сопровождаемые длинноногой помощницей Петра, а тот наконец подошел к Гере, сел на скамью трибуны – здесь она была небольшая, как обычно на учебных стадионах, рядов шесть-восемь – и только с одной стороны.

– Слушаю, – сказал он. – Хотя и так все ясно, чего людей отрывать. Я ничего нового не скажу.

Гера раскрыл блокнот.

Петру это не понравилось.

– Под запись, что ли?

– Черновик. Потом перепишу в протокол. Согласитесь – подпишете. Не согласитесь – не подпишете. За что вы избили Илью Васильевича Немчинова?

– А что, он теперь на это все списывает? – удивился Петр.

– Вопросы я задаю, Петр Петрович. За что вы избили Немчинова?

– Я его вообще не трогал.

– Есть его показания, есть результаты медицинского обследования.

– Какие еще результаты?

– Томограмма. Внутреннее кровоизлияние.

– Да ладно вам. Может, он ночью с койки упал? Или оно у него с детства вообще?

– Не с койки упал, и не с детства. Он написал статью, которая не понравилась братьям Костяковым и вам. Вы его избивали в присутствии Максима Костякова.

– Правда, что ли? Вот зверь, – покачал головой Петр. – Какие жестокие люди бывают, я прямо удивляюсь.

– Это вы о себе?

– Почему? Ты про кого-то там рассказываешь, – вдруг перешел на «ты» Петр, – а я возмущаюсь.

Есть совершенно особое остроумие недалеких людей, Гера с этим уже сталкивался. Оно, как правило, построено на одном и том же приеме – на издевке. Но действует. Особенно, когда вокруг другие. Гера помнит, как к нему прицепился один гопник, живущий по соседству, дворовый полевой командир. Гера, ненавидя физические стычки, пытался отбиться словесно.

– Че сидишь тут? – приставал гопник.

Гере не позволяла уйти гордость. Он придумал удачный и вполне остроумный ответ:

– А ты мне тень даешь, вот я в тени и сижу.

Гопник отошел вбок.

– А теперь солнце. Не пекет?

– Наоборот, загорать буду.

– А я скажу тебе, что ты говно, – сказал гопник. – И ты тут спрятался, как говно, чтобы на тебя наступили. Пацаны, осторожно, здесь говно!

И пацаны, даже не улыбнувшиеся, когда Гера находчиво отвечал гопнику, ржали вовсю, радуясь корявой шутке гопника.

– Чтобы говно не воняло, надо его раздавить! – шутил дальше гопник. Нелогичность предложения его не смущала.

Ну, и начали давить.

Эти ссадины до сих пор не зажили...

Петр, видимо, тоже обладал этим гопническим остроумием.

– Я про вас рассказываю, – хладнокровно сказал Гера.

– Да? Ну-ка, ну-ка, интересно. Может, я чего не знаю.

– Вы избили Немчинова. Били его кулаком по голове. В присутствии и, возможно, по указанию брата. И это имеет непосредственное отношение к тому, что произошло дальше.

– Ты стажер, что ли? – спросил Петр.

– Мы не об этом.

– А я об этом. Иди к себе в кабинет и съешь мороженое. Жарко что-то опять стало, будто лето. Денег подкинуть на мороженое?

– Прекратите хамить. Предупреждаю, что ваши действия могут быть выделены в отдельное дело.

– Выделяй, – кивнул Петр. – А теперь, короче, слушай меня. Можешь записать, если память слабая. Никто никого не бил. Никакого Максима не было при том, что никто никого не бил. Вообще ничего не было, понял?

И Петр пошел к беговым дорожкам.

– Я еще не закончил! – должностным голосом окрикнул его Гера.

– Да пошел ты на х.! – ответил Петр. – Видишь, до чего довел, при детях ругаюсь, а мне нельзя, я воспитатель! Я им тоже запрещаю, за слово «жопа» заставляю двадцать раз отжаться. В общем, не мешай воспитательному процессу, будь здоров!

Гера ехал в машине, насуплено глядя перед собой.

Ничего, он еще встретится с Петром в другой обстановке, он еще поговорит с ним.

Но надо быть спокойнее.

А спокойным быть трудно – Гера с детства, с юности ненавидел таких людей, ненавидел, если вспомнить старинный термин, классовой ненавистью. Ему, жившему с мамой очень просто и скромно, всего добившемуся своими мозгами, зубрившему днем и ночью, ни разу не покупавшему зачетов и экзаменов, а то и сразу дипломов, как многие другие, и даже не делавшему преподавателям скромных подарков, был ненавистен этот продажный мир с его культом дешевой силы – и силы-то временной, гнилой, основанной на деньгах, которые в любой момент могут стать трухой. Он слишком долго чувствовал себя тем мальчиком, которого дворовая гопота обижала каждый день, не давала проходу – там тоже была временная сила, но не денег, а подростковой дури, такой же хвастливой и бессмысленной, как деньги. Гера пошел учиться в юридический университет именно для этого:* иметь возможность преследовать людей, считающих, что над ними нет закона, потому что именно неравенство перед законом делает Россию такой до сих пор страшной страной. Нет закона – нет порядка, нет порядка – нет нормальной работы, будь то бизнес или копание ям, нет работы – нет экономики, нет экономики – подите вы куда подальше с вашими пустыми лозунгами о великой России. Тот правитель станет великим у нас, кто покажет словом и делом, что есть сила выше его самого и всех окружающих – Закон!

Поскольку Гера произносил этот монолог мысленно, то вполне мог позволить себе быть слегка наивным, пафосным, будто на трибуне. Мальчишество, конечно, но почему себя не побаловать?

Полтора часа он ждал, когда Максим соизволит принять его.

Тот принял радушно, встал навстречу, пожал руку, извинился, сослался на кучу дел.

– Вам с курьером дважды присылали повестки, – не позволил себе смягчиться Гера.

– В самом деле? Надо в секретариате узнать. Ничего, зато здесь уютней, чем в вашем, извините, клоповнике. Полы у вас там ходуном ходят, стены зеленой краской вымазаны. Надо вам помочь с ремонтом.

– Давайте начнем.

– Конечно. Минут пятнадцати хватит?

– Нам потребуется столько времени, сколько нужно, – сказал Гера, без приглашения садясь в мягкое кресло перед столом Максима и сразу поняв, насколько оно неудобно: низкое, сидишь так, что высовывается одна голова, чувствуешь себя будто утопшим в болоте. А Максим, естественно, на высоте, на кочке, откуда ему сподручнее разговаривать с подчиненными, посетителями, просителями и иной сволочью.

Гера встал и, увидев стул возле застеленного шкафа с грамотами и официальными сувенирами в честь каких-то важных сарынских событий, сел на него.

Максим наблюдал за его действиями и решал, выкинуть сразу этого наглеца или сначала проучить.

Решил проучить.

– А я думаю, нам и пятнадцати минут много, – сказал он. – Вас что интересует? Кто виноват? Отвечаю: никто, несчастный случай. И сколько вы ни вертитесь, другого ответа не будет, и дело закроют за отсутствием состава преступления. В самом худшем случае – дадут охраннику Павла минимальный срок условно. Все. Больше говорить не о чем, до свидания.

И Максим взялся за бумаги, не обращая больше внимания на Рябинского.

Тот сказал:

---

* *См. начало книги «Поход на Кремль».*

– Хорошо. Я понимаю, что организовать принудительный привод не могу, у вас, наверное, статус неприкосновенности.

– Чего? Привод? Ты совсем, что ли, охренел?

– В таком случае, – гнул свое Гера, – показания придется давать на суде. В частности про избиение при вашем участии и, скорее всего, по вашему приказу Ильи Васильевича Немчинова.

– Какое избиение? Это тут при чем вообще?

– При том, что это событие явилось исходным. Человек был унижен, он был не в себе, схватился за саблю, все остальное – следствие этого.

– А я тебе сейчас докажу, что у нас в Торцевом переулке дом упал, потому что три года назад где-нибудь в Индонезии был какой-нибудь тайфун. Ты соображаешь вообще, что лепишь? Кто тебя в следователи взял? Лаврентьев знает вообще, чем ты занимаешься?

– Вы били Немчинова или нет? Отдавали приказ? Чего вы боитесь? Вы же уверены, что вам ничего не будет. Или не уверены? То есть на самом деле вы чего-то все-таки боитесь?

– Пошел вон, я сказал, – огрызнулся Максим.

– Этот вопрос вам на суде тоже буду задавать. И что ответите? Что ни в чем не замешаны? А люди будут смотреть и думать: а Максим Витальевич, оказывается, трус! Уважаемый человек, заместитель Председателя Правительства, а трус!

– Ты чего говоришь вообще? Ты соображаешь?

Максиму настолько невероятным казалось происходящее – никто с ним тут так не говорил, что он даже растерялся.

Гера встал.

– Больше вопросов не имею.

– А я имею. Ты чего так наглеешь, интересно? За тобой, что ли, стоит кто?

– Вечно вам призраки чудятся. Кто за кем стоит, один у вас вопрос. Скучно с вами, Максим Витальевич. Со всеми с вами – скучно. Извините.

И Гера вышел, очень осторожно и аккуратно прикрыв дверь.

Рука Максима потянулась к телефону.

Гера поехал к Костякову-старшему, согласие на встречу с которым получил заранее – причем довольно легко.

В дороге несколько раз звонил Лаврентьев, Гера видел это, но не брал трубку. Еще были какие-то неопознанные звонки. Гера решил не отвечать никому.

Павел Витальевич был не один, с ним находился Сторожев, с которым Рябинский накануне уже имел беседу.

Похоже, толка не будет, подумал Гера, увидев, что стол заставлен напитками и едой. Они пьют. Или пьет один Костяков, что дела не облегчает.

Павел Витальевич был преувеличенно гостеприимен:

– Извините, Герман, как вас?

– Григорьевич.

– Извините, что вынудил вас приехать, обнаружив не столько пренебрежение к следственным органом, сколько... Сколько...

– Состояние здоровья, – мрачно подсказал Сторожев.

– Да. То есть – пью.

– В таком случае я не имею права задавать вопросы.

– Почему? Вот – свидетель, если что, он подтвердит.

– Я подтвержу только, что ты был пьян, как сапожник, – возразил Сторожев.

– Неправда! Я с утра отлично выспался и в форме!

– Тебе бы прекратить сейчас, – сказал Сторожев. – Хороший момент – пока опять не набрался.

– Не хочу! Пью не на живот, а на смерть! – хвастался Павел Витальевич.

Похоже, он в самом деле не был так уж пьян, скорее немного наигрывал, чтобы казаться пья-

ным – чтобы не стыдиться. Так подумал Гера. И тут же себе возразил: будет тебе этот человек кого-то стыдиться!

– Тем не менее, – сказал он, – вы должны понимать, что...

– Что каждое мое слово будет обращено против меня? А я только этого и хочу. Мне уже Максим звонил, чем это вы его так напугали? Гони, говорит, его, не говори с ним ни о чем! Вы что, следователь новой формации? Тонкий психолог? Нам давно нужны люди новой формации. Герман Григорьевич, как мне эта старая формация надоела! Мне противно! Уже в душу не лезет! Я уже заранее знаю, кто что скажет, кто сколько даст и кто сколько попросит. Люди, Герман Григорьевич, это вам для будущей работы полезно, люди, Герман Григорьевич, в своих, как бы это сказать, низменных порывах очень предсказуемы! И вообще все низменное имеет мало вариантов. Это даже как-то оптимизирует. В смысле – вселяет оптимизм. Полюбить человека можно миллионом способов. А изнасиловать только одним.

– Ошибаешься, – заметил Сторожев.

– Я не имею в виду грубо физиологические способы. Я имею в виду – подходы! Насильник, он в любом случае кончает тем, что схватил, придушил, изнасиловал. Все. А в любви все намного разнообразнее. Вы согласны?

– Согласен.

– А почему Максим говорит, что вас не устраивает версия, что это был несчастный случай? То есть не версия, это же правда. Мы не хотим больше никому причинять горя. У Шуры, моего охранника, трое детей, мне надо его сажать? У Немчинова, он друг Валеры, кстати, знакомьтесь, Валерий Сторожев, нарколог...

– Мы уже беседовали.

– Да? Тем лучше. И что ты ему сказал? – спросил Павел Витальевич Сторожева.

– Что было, то и сказал.

– Так вот, у Немчинова, он друг Валеры и Николая, отчима Даши, он тоже любил ее маму, хотя вы этой истории не знаете, у Немчинова тоже дочь, жена, мы не собираемся ломать ему жизнь. Трагический случай, понимаете? Если кто виноват, то я. Я оттолкнул Немчинова, поэтому пуля попала в Дашу. Но если бы не оттолкнул, пуля попала бы в Немчинова, а он тоже человек. Врать не буду, мне было бы его не так жалко, но мы сейчас не об этом говорим, а о том, что было. Согласны?

– Да, но...

– Тогда у вас рабочий день закончен, поэтому выпьем.

– Нет. Есть вопросы. У вашего охранника был ваш пистолет, правильно?

– Да.

– Он зарегистрирован?

– Не помню. А что, играет роль? Ну, пусть оштрафуют за незаконное хранение, я согласен.

– А где он?

– Сейчас.

Гера не ожидал, что выйдет так просто: Павел Витальевич встал, вышел из гостиной и через минуту вернулся с пистолетом. Это был подарочный пистолет, штучная модель с резной рукояткой, с золотым напылением, красовалось число пятьдесят и две лавровых ветки под этим числом.

– К юбилею подарили.

Гера достал целлофановый пакетик, надел перчатки, вынул сначала из пистолета обойму, поместил все это в пакет, аккуратно свернул.

– Надо было раньше нам это отдать, – сказал он.

– А какая разница? Берите сейчас. Будто что-то изменится.

– Вы понимаете, что Шора Каримович Ахатов стрелял из оружия, ему не принадлежащего, и что это осложняет дело?

– Так уж и осложняет! Я ему сунул пистолет в карман, напишите так. Это все решаемо, Герман Григорьевич, я вас уверяю. У вас просто опыта нет, а я знаю – это мелочи, пустяки. Главное – мы не хотим, чтобы еще кто-то пострадал. Можно сказать, мы этого не хотим в честь... Или как ска-

зать... В память Даши. Она бы одобрила.

После этого Павел Витальевич выпил и вытер глаза.

– Простите, пожалуйста, – сказал Гера с подчеркнутой вежливостью (помня, что при разговоре присутствует третий человек – хотя он и без него вел бы себя так же), но я не понимаю вот этих ваших формулировок: «мы хотим, мы не хотим». Это суд будет решать, что он хочет или не хочет. Вернее, что он должен сделать.

– Понимаю, конечно, но мы-то с вами понимаем, что суду тоже лишний раз никого сажать не хочется.

– Первый раз слышу, чтобы нашим судам не хотелось никого сажать.

– А, вы либерал, да? Валера, ты посмотри, я не ошибся: он человек новой формации. Он до сути хочет докопаться.

– Просто вы все сводите к убийству. И к инциденту с Немчиновым. А я вижу моменты, которые позволяют мне выделить новое уголовное дело. И даже не одно. Несколько дел.

– Это какие?

– А такие.

И Гера неожиданно для себя (он не собирался этого делать) пересказал статью Немчинова – не всю, а те пункты, которые касались Костяковых.

– Газетная публикация, как вам известно, может служить поводом для возбуждения уголовного дела. По фактам мошенничества, использования служебного положения, шантажа, прямого грабежа, исчезновении людей, незаконного захвата предприятий, ухода от налогов, то есть по всему тому, из-за чего вы, ваш брат, да и другие тоже, должны давным-давно сидеть в тюрьме.

– В точку! – восхитился Павел Витальевич. – А если я тебе скажу, что у нас весь губернский аппарат в полном составе должен сидеть в тюрьме? А если я скажу тебе, что у нас вся страна в полном составе, исключая грудных младенцев, должна сидеть в тюрьме? Вот сейчас ты присутствуешь, например, при незаконном деянии: данный товарищ, мой лучший друг, являясь наркологом, но в частном порядке находится здесь, лечит меня, я ему денег дам, а налогов он с них не заплатит. Ведь не заплатишь, Валера?

– Это другое дело, – сказал Гера.

– Да все то же! Поздно, ребята! Раньше надо было сажать, а теперь – мест не хватит! И, кстати, не забивайте себе голову, Герман Григорьевич, статья вам основанием служить не может, было напечатано опровержение.

– Ваши братья его выбили из Немчинова. Насколько я понял, Максим руководил, а Петр воздействовал физически. Бил по голове. Кулаком.

– Да я его сам чуть не убил за это! В смысле – Петра. Неандерталец какой-то! Валера, честное слово, я когда узнал, у меня шок был! Я говорю, вы что, с ума сошли? Это же друг моих друзей, вы не могли по-человечески договориться? А вы его отпустили, кстати? – спросил он Геру.

– Да. И охранника вашего.

– Вот и правильно. Ну что, есть еще вопросы?

У Геры, может, еще и были вопросы, но ему расхотелось их задавать. Возникло ощущение бессмысленности всего, что он делает. Чего он хочет, если вдуматься? Кого-то обвинить? В чем? Зачем?

Гера отказался от очередного предложения выпить и ушел.

Вечером мама за ужином расспрашивала, как идут дела, Гера отвечал неохотно:

– Да заурядное дело.

– Это хорошо, что заурядное. Успеешь еще прославиться. А сейчас тебе хватит того, что ты покажешь умение делать вою работу.

Наскоро доев, Гера скрылся в своей комнате, достал одну из фотографий Даши, лег на диван, смотрел. Это фотография стала его любимой: Даша смотрит в объектив, то есть, кажется, на тебя, слегка улыбается и как будто что-то хочет сказать.

Гера пытался угадать – что?

Могла ли она сказать это ему, Гере?

Почему нет? Просто не успели встретиться.

Эти ни в чем не виноватые люди, Костяковы, сделали все – всей своей жизнью – чтобы он не сумел, не успел встретиться с этой девушкой. То есть на самом деле они, конечно, виноваты, но не чувствуют за собой никакой вины, потому что не умеют этого. Это особая порода людей, существовавшая, наверное, всегда, но сейчас особо процветающая – люди, у которых чувство вины отсутствует напрочь, и Гере, взрослому человеку, давно бы понять, что это данность, но он злится, негодует, он готов обвинить и осудить их всех – но это, увы, не в его силах.

И все же это они ее убили.

61. ЧЖУН ФУ. Внутренняя правда

_____
_____
____ ____
____ ____
_____
_____

Начальство оценит вас по достоинству.

В то время, когда происходили все эти события, город навестил большой человек Виктор Викторович Шестаков, у которого, как у языческого бога, было несколько тайных имен, самые ходовые – Земляк и Сват. Земляк – потому что выходец из Сарынска, бывший вице-губернатор, лет пятнадцать назад переместившийся в поднебесную Москву и занимающий там ключевые должности (сразу несколько). Сват – за то, что периодически выдвигал в первопрестольную сарынцев, заслуживших его доверие и симпатию, чтобы иметь под рукой своих людей. Если кто из Сарынска попадал в высшие государственные сферы, можно было к гадалке не ходить, уверенно зная – это Сват хлопотал, рекомендовал, продвинул. То есть – сосватал.

Повестку дня знали все: утром Земляк прилетает, в одиннадцать часов в здании Правительства Сарынской области будет совещание с местной политической и экономической элитой, которое плавно перейдет во встречу с местным активом партии «Единая Россия», для чего не требовалось менять ни зал, ни присутствующих: это были одни и те же люди.

Потом, естественно, обед, а потом до вечернего возвратного самолета был прогал, который тревожил местных гостеприимных начальников, они не знали планов Земляка на эти несколько часов. Кто говорил, что он навестит родственников (и это бы хорошо), кто предполагал, что Земляк захочет заглянуть на какое-нибудь предприятие (не дай бог!) или захочет проехаться по Сарынским дорогам, на ремонт которых в прошлом году были выделены основательные бюджетные средства (это совсем плохо), или пожелает искупаться на одном из сарынских пригородных пляжей (вообще катастрофа). Тут министр культуры вспомнил, что недавно закончили ремонт Сарынского краеведческого музея, куда теперь никого не стыдно повести, надо Земляка туда аккуратно направить. На том и порешили.

Встреча партийно-хозяйственного актива, как говаривали в советскую старину, прошла довольно мирно: Земляк выслушал короткий доклад Сезонтьева, кого-то покритиковал, кого-то слегка похвалил, задал несколько нелицеприятных вопросов, но довольно мягко, с интонацией: «смотрите тут у меня!». Потом рассказал, какие задачи ставят перед всеми президент, премьер-министр, перешел к насущным задачам партии, обмолвился о необходимости укрепления губернского аппарата новыми кадрами – тут все насторожились, это-то и было главным. Раз будут укреплять губернский аппарат, значит, кого-то из прежних передвинут. Кого в отставку, а кого и в

Москву. Но кого? Все знали, что Земляк в приятельских отношениях и с Сезонтьевым, и с братьями Костяковыми, и вот тут-то возможны рокировки: Сезонтьева, к примеру, в Москву, а Павла или Максима в губернаторы. Или Сезонтьева оставят, а эмиссаром в Москву возьмут Павла. Или Максима, что даже вернее по многим соображениям, да у него и пост выше, хотя ясно, что Павел на своем скромном месте имеет больший реальный вес – в областном, однако, масштабе.

Потом обед, на который были приглашена по списку от силы пятая часть присутствовавших, а потом кто-то подкинул Земляку идею насчет краеведческого музея.

И Земляк к общей радости, согласился посетить его.

В музей отправилась треть от тех, кто был в застолье – чтобы не создавать в его довольно тесных залах ненужной толчеи. Самые главные лица, то есть: губернатор (он же Председатель Правительства), вице-губернатор (он же Первый заместитель Председателя), еще шесть заместителей Председателя Правительства области (включая Максима Витальевича), семнадцать министров, восемь начальников управлений, двенадцать председателей комитетов, десять начальников думских отделов, четырнадцать руководителей думских аппаратов (включая Павла Витальевич), да еще представители силовых ведомств, да городское начальство – в общем, больше уже некуда, но и меньше нельзя.

Земляк, едва войдя в музей, умилился: справа от двери стояло чучело огромного бурого медведя, слева, на подставке, чтобы не казался слишком маленьким, средневековый рыцарь в доспехах и с мечом. Ни медведи, ни рыцари в сарынских краях не водились, это были давнишние подарки каких-то центральных музейных фондов, но стоят вот уже полвека и вызывают неизменную радость детей.

– Надо же, как сорок лет назад! – улыбнулся Земляк и ласково дотронулся до лапы медведя.

Присутствующие тоже улыбнулись, будто дотронулись до них.

– А вот тут еще один рыцарь был, на коне, – показал Земляк на место возле широкой лестницы с лепными перилами.

Все переглянулись. Ясно было, что рыцаря на коне в ближайшее время вернут.

Земляка встретила сама директор музея, заслуженный работник культуры Мария Константиновна Синякова, которой было то ли восемьдесят, то ли девяносто лет: все присутствующие помнили ее уже старушкой.

Она растроганно обнялась с Земляком и сказала, что сама будет экскурсоводом, если где что нужно объяснить, хотя многое и так понятно: стараниями работников музея информация размещена так, что все можно увидеть и прочесть без устных пояснений.

Земляк чувствовал, что путешествует в детство. Первые залы были о природе – за стеклом, среди искусно сделанных веток и травы, были волки, лисы, зайцы, косули, бобры, орлы, всякая мелкая птичность, змеи, страшные даже будучи неживыми, и прочие представители фауны и флоры.

Земляк вспомнил: когда школьником попадал сюда, ему казалось, что вот сейчас экскурсия уйдет, зал опустеет, и животные оживут. Однажды он отстал, быстро вбежал в пустой зал – нет, все было на своих местах. Хотя ему показалось, что волк все же слегка поменял место. Сейчас, уходя из зала, он оглянулся, вспоминая свои детские фантазии, усмехнулся и пошел дальше.

И зря: как только люди убрались, волк зевнул, потянулся, выгнув спину и вытянув передние лапы, слегка щелкнул зубами, лиса тут же оглянулась и тоже выгнулась, готовая и юлить рядом, и сбежать. Убедившись, что волк не намеревается нападать, она повернулась к зайцу и оскалилась. Упитанный белый заяц ничуть не испугался, он был не настолько дурак, чтобы не понимать, что мертвый и лисе от него никакого удовольствия.

Но тут кто-то вошел из служителей музея, и звери опять замерли.

Мария Константиновна вела дальше по залам флоры и фауны и оправдывалась:

– Мы, конечно, обновляем эти отделы, но, знаете, некоторых животных уже просто нет, а если их найти, то где отыскать приличного таксидермиста? Вымершая профессия!

– Если надо, найдем, – сказал Земляк. – Только, знаете, ничего не меняйте. Ведь это как при-

ятно: прийти через двадцать, тридцать лет – и окунуться опять в детство, увидеть то же самое, что ты видел, но другими глазами. Понимаете?

Мудро, отметили сопровождающие. Не дурак Земляк, оказывается, не зря его в Москву взяли.

Потом был зал палеонтологии. Кости мамонтов, трилобиты, фрагменты скелета ихтиозавра.

– Сто сорок миллионов лет, – прочел Земляк подпись. – Это даже представить невозможно.

Окружающие покачали головами: действительно, представить невозможно.

– Это если поделить на мой возраст, на сорок пять лет, это сколько будет, интересно?

Все посмотрели на министра финансов. Тот вспотел, хотел достать из кармана телефон с калькулятором, но поднапрягся и сосчитал в уме:

– Примерно три миллиона сто тысяч.

– Ого! То есть моих прожитых жизней, представляете, поместилось бы три миллиона сто тысяч! Масштаб!

В зале древних народов, населявших когда-то сарынские земли, были фрагменты захоронений скифов и сарматов. Ничего интересного, косточки и черепушки. У стены стояли два манекена, изображавшие мужчину и женщину сарматского племени. Женщина в длинном, расшитом золотом и цветными бусами халате, а мужчина в куртке и коротких штанах, с саблей. Земляк с любопытством глянул на мужчину, который был слегка скуласт, как и он сам, и отправился дальше.

Когда зал опустел, мужчина сказал жене:

– Большой человек.

– Да, – сказал жена.

– Ничего не изменилось, он впереди, а они сзади ему пятки лижут. Как было, так осталось.

– Да, – сказала жена.

– Только оружия у них нет.

– Да, – сказала жена. – Но у меня тоже нет. А мы воевали не хуже мужчин. Они нарушили правду истории.

– Напиши в комитет по историческому наследию, – пошутил мужчина, нахватавшийся от экскурсантов за множество лет разных современных слов и понятий.

– Пока они рассмотрят и примут решение, я вся истлею. И ты разве забыл, что у нас не было письменности?

– Упущение, – вздохнул мужчина. – Теперь никто не узнает о нас правды.

– С письменностью еще хуже, – возразила жена. – Вот нам написали, что мы сарматы, а это все равно, что написать – европейцы. Неконкретно. Мы аланы! Так что не завидуй, о них тоже потом такого понапишут, что сами себя не узнают!

Последними на этом этаже были залы недавнего прошлого: девятнадцатый век, дворяне, крестьяне, первые технические устройства. С любопытством все осмотрели курную избу в разрезе: крохотное оконце, закопченные бревна, на полатях лежит дед – аккуратно одетый, в новеньких лаптях, за прялкой бабка, за столом над пустыми глиняными мисками мужик с женой, за ними люлька с дитенком, подвязанная к матице.

– Жили же люди в такой тесноте, – заметил Земляк, – а по десять детей имели. А мы, если будем и дальше придерживаться такой демографической политики, обнулимся за сто лет.

Окружающие, понимая, что это не просто слова, а высказывание на государственную тему, сделали озабоченные лица.

Все пошли наверх – к экспозициям двадцатого века и современным.

Мужик хмуро сказал вслед уходящим:

– Кургузые какие. Я, чай, немцы? Димигрифическая, говорит.

– Продали, что ль, бы нас кому, – запричитала жена. – Никакой подмоги нету, сидим тут натощак, дитё, слышь, даже не орет уже. Не померло ли? Встань-ка, глянь.

– Тебе надо, ты и встань, – ответил муж.

– И не надоест? – простонал спросонья старик. – Лет семисят про одно и тоё же собачится!

– А тебе какое дело? – тут же встряла старуха. – Лежи да попёрдавай!

И она не звонко рассмеялась.

– Я бы пёрднул, было б чем! – ответил старик.

Он даже нарочно поднатужился, но ничего не вышло, даже пустоты в животе нет, кишка к кишке присохла...

– Видно стать помирать нам, – пожаловался он.

– Кто мертвый, тому не страшно, – весело ответила бабка, ловко крутя колесо и протягивая готовую нить к веретену, а потом наматывая ее и начиная сызнова. Дело ладилось.

Залы двадцатого века были Земляку, как и в детстве, не так интересны. Слишком много бумажек: листовки, прокламации, старые газеты. А также бумажные деньги и монеты разных периодов, всяческие вещи – мебель, посуда, старые велосипеды, патефоны и проч. Был отдел с вывеской поверху: «Наши знаменитые земляки». Среди государственных деятелей, артистов, художников и писателей, прославивших Сарынск, был портрет и Земляка, он прошел мимо, усмехнувшись и показывая, что относится к этому иронически.

Последним был отдел о современном Сарынске, гордостью которого являлся макет города, над которым кропотливо трудилась группа работников два с лишним года, зато видны были и каждая улочка, и каждый дом.

Земляк рассматривал с интересом.

– Надо же, – сказал он. – Красота какая. Прямо как с высоты птичьего полета. А это что, не узнаю? Что новенького появилось, кто расскажет?

Окружающие чиновники были не дураки, они понимали, что самовольно на этот призыв никто не должен откликаться, даже сам губернатор. Вот он, момент сватовства, вот сейчас будет сделан намек, кому лететь к звездам.

Они молчали.

– Давай ты, что ли, Максим Витальевич, – предложил Земляк, то есть в данный момент Сват.

Максим подошел к огромному столу с макетом, взял указку.

Но тут решительным жестом указку у него перехватил брат, Павел Витальевич.

У всех мгновенно появилось предчувствие скандала. Кто-то из задних благоразумно вышел на цыпочках, чтобы при сем не присутствовать.

Проморгал Максим, не устерег Павла. Он, узнав о приезде Виктора Викторовича и понимая, что Павлу не присутствовать на встрече нельзя ни под каким предлогом (включая трагическую гибель невесты), прислал в помощь Сторожеву еще двух специалистов, приехал сам, выслушал от брата много неприятного, отвечая одним и тем же:

– Павел, надо прийти в себя! Сам понимаешь, что надо! Для дела, для семьи, для города, в конце концов!

И добился своего: через день Павел бросил питье, еще два дня лежал пластом, и вот сегодня восстал и появился – бледный, осунувшийся, но это-то как раз можно объяснить Земляку, если спросит: горе у человека.

Павел Витальевич взял указку, что, конечно, вызвало легкое удивление в глазах Земляка, но он тут же кивком головы выразил согласие: ну что ж, Павел Витальевич, так Павел Витальевич.

И Костяков-старший начал:

– Что новенького, Виктор Викторович? Вот тут, где стоят красивые длинные коробочки, это у нас, как вы сами знаете, бывшие предприятия оборонной промышленности, из которых половина простаивает, а в этом овощехранилище, а здесь рынок сделали, тут дилерский центр по продаже автомобилей, мы же не производим уже ничего, Виктор Викторович, мы торгуем. Что новенького, спрашиваете? А вот смотрите – в центре семь домиков бизнес-класса, каждая квартирка по двести метров, есть двухэтажные. А вот видите, на окраине, это дома класса экономического, целых четыре штуки. Метров так по семьдесят максимум, а чаще по сорок-пятьдесят. А вот это комбинат мясопродуктов, который по профилю занятий принадлежит нашему министру сельского хозяйства Михалюку, то есть не министерству, а именно министру, а это частный пансионат на берегу Волги, рядом с городом, который, пансионат то есть, принадлежит, тоже по профилю, министру

здравоохранения Галине Максудовне Зариповой, она же Гюльчатай, как мы ее любовно называем. А вот эти пятьдесят гектаров нашего лесопарка, где строятся коттеджи, видите, какие красавцы, принадлежат министру лесного хозяйства, уважаемому Дмитрию Ивановичу Постникову, напополам с вами, Виктор Викторович. Но это мелочи! Главного тут не видно, Виктор Викторович! Главное – бюджетные деньги из центра, которые зарыты в канализацию, водопровод и прочие коммуникации! А дороги! Смотрите, какие они тут все ровные, красивые, хотя на самом деле во всем Сарынске не найдешь ни одного километра приличного асфальтового покрытия, кроме как перед Домом Правительства. А ведь деньги выделялись огромные, Виктор Викторович! Федеральные деньги! Вы же помогали их выделить, благодетель, спасибо, миллиарды рублей спустили нам сверху! Но министру дорожного строительства семью содержать надо? Надо. Вот он пару миллиардов себе и взял. А у него замы и вообще целый аппарат. Остальное разворовали низовые звенья. Да еще вам, Виктор Викторович, надо вернуть законные шесть процентов на развитие партийной деятельности и для вашего личного пользования. Надо? Надо. Иначе откуда у вас триста миллионов долларов состояния, о чем вся страна знает, притом, что вы никогда в жизни не занимались предпринимательской деятельностью? А? Если бы вы были ихтиозавр, тогда бы успели честно накопить с зарплаты за миллионы лет, но вы ведь не ихтиозавр, Виктор Викторович! В том-то и ужас, что вы не ископаемый, вы не истлели, вы живее всех живых или, если хотите, мертвее всех мертвых, как вам больше нравится?

Все окаменели. Один только Виктор Викторович приятно улыбался, будто ему говорили сладкие вещи. И, улучив момент, когда Павел Витальевич запнулся, переводя дух, Земляк вставил:

– И охота вам сплетнями пробавляться?

Павел Витальевич швырнул указку на макет, сломав несколько красивых домиков, и закричал:

– Да б., вы железные, что ли, все? Сплетни? Все тут знают, что это правда! И я знаю, я что, не тем же, б., повидлом мазан? Но хоть бы, твари, глаза опустили, когда вам это говорят, нет, б., улыбаются! Вот ты смотришь на меня, Виктор Викторович, сука, и у тебя же, б., ни одна жилочка не дернулась! Тебя где-то так выучили или сам научился? А эти тоже – макетик состряпали! Стоят, любуются, и каждый ведь здесь видит место, из которого он хапнул, за исключением честных людей, которые тоже есть и которых я прошу выйди отсюда, из этого поганого места! Честные, уйдите, не марайтесь! А?

Никто не шевельнулся.

Павел Витальевич захохотал.

– До чего дошло, Виктор Викторович, смотрите, никто не вышел, честные боятся признаться честными, потому что страшно оторваться от коллектива! Нет, я все понимаю. Можно жульничать, обманывать людей, воровать явно и тайно, все можно, то есть нельзя, но вы понимаете, о чем я. Можно! Меня другое мучает – как вы терпите собственную подлость, как вы живете со своим сучьим лицемерием каждый божий день? Как у вас глаза не лопнут от вранья, как вас паралич не е...т, как вы спите, суки, вот чего я не понимаю! Вы же сейчас даже молча врете – молчите, значит, врете!

Павел Витальевич выбился из сил, вытер пот со лба.

И в этой паузе ясно послышался голос Максима Витальевича:

– Да, в краеведческий музей. Посталкогольный синдром, белая горячка, попросту говоря. Ждем!

Все повернулись и увидели Максима с телефоном в руке, стоявшего в сторонке, у окна.

И всем тут же стало легче: каждому известно, что Павел Витальевич подвержен запоям. Вот оно, оказывается, в чем дело! То, что Костяков старший выдавал тут за правду, их действительно не волновало, их волновал скандал, им неловко было перед Виктором Викторовичем. И вот все разъяснилось – просто и легко.

Максим подошел к брату и сказал:

– Как ты, Паша?

– Нашел выход? – спросил его Павел. – Умный, весь в меня. Ладно, пусть будет так. Все равно ничего не изменишь. Эх, суки вы, суки.

– Пойдемте, – вежливо скомандовал всем Виктор Викторович. – Человеку плохо, а мы тут... Ему воздуху не хватает. Мария Александровна, что же у вас в такую жару окна все закрыты?

– Температурный режим, – ответила директорша. – Это спасибо, кстати, вам, кондиционеры поставили, а до этого большие трудности испытывали.

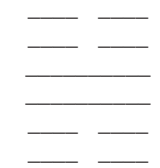
«Скорая помощь» прибыла с невероятной быстротой, будто стояла на соседней улице. Врачи прибежали, стали хлопотать вокруг обмякшего и ставшего серым Павла Витальевича. Максим дал врачам кое-какие указания и через несколько минут оказался опять возле Виктора Викторовича. До самолета было еще время, поэтому Максим предложил посетить Холм Славы, недавно насыпанный в честь очередного юбилея Победы в Великой Отечественной войне; недавно там школьники по собственной инициативе высадили аллеи и клумбы. Мероприятие достойное, патриотичное и, главное, прикрывающее собой тот скабрезный инцидент, что произошел в музее. Все оценили находчивость Максима Витальевича, Виктор Викторович тоже отнесся доброжелательно.

Посетили холм, постояли в скорбном молчании. Возвращаясь, многие отметили, что Земляк и Максим Костяков, отойдя в сторонку, несколько шагов сделали вместе, о чем-то говоря.

Сватает, думали они. Ох, сватает!

И по-доброму завидовали. При этом никто не сомневался, что монолог больного Павла Витальевича не окажет ни малейшего влияния на отношения между Виктором Викторовичем и Максимом Витальевичем. Известно: если Сват что решил, он своих решений не меняет.

62. СЯО ГО. Переразвитие малого

Не воспринимайте все слишком трагично.

Пришла настоящая поздняя осень – с дождями, со слякотью, с опавшими листьями, прилипшими к грязному асфальту; дворники их не убирают, ждут, когда все подсохнет. А там, глядишь, ветер налетит и разнесет листву по закоулкам, в кучки, где ее легче собрать, или по чахлым газонам и скверикам, где ее убирать вовсе не надо – выглядит природно, естественно, как так и было. В Сарынске эта мудрость – подождать – преобладает во всех видах деятельности. И часто оправдывает себя. Вот, например, постоянной газетной критической темой в течение двух, а то и трех десятилетий было отсутствие телефонов-автоматов в огромном, длинном поселке Приовражный. На несколько тысяч домов приходилось две будки, и те никогда не работали: местные хулиганы отрывали трубки, разбивали стекла. Районное начальство обещало принять меры, но ничего не делало: то не дают новых будок, то нет свободных средств, то нет свободных рабочих, нет стекол, нет трубок... На самом деле все это можно было найти, но начальники понимали: на другой же день стекла побьют, трубки оторвут. А две будки покурочить или пять – разница небольшая. Казалось бы, они ленивые нерадивцы. Но смотрите, что произошло? Произошло то, что у каждого жителя теперь есть мобильный телефон и необходимость в телефонах-автоматах просто отпала, будки ржавеют, никому не нужные, лишенные стекол, трубок и самих аппаратов.

Мудрость?

Мудрость.

Пусть мелкая, бытовая – но характерная.

Или вот мудрость покрупнее, но тоже из городского быта: десятилетиями велись споры о реставрации исторического центра, менялись проекты, архитекторы, начальники – и что же? Когда

утвердили, наконец, план (в общих чертах) и начали обследование объектов, чтобы прикинуть смету, выяснилось, что фактически все здания ни реставрации, ни ремонту не подлежат, а реконструировать нет смысла – небось, не Растрелли строил. И поэтому их на вполне законных основаниях снесли, чтобы построить те самые бизнес-здания, о которых упоминал в своей сумбурной речи Павел Витальевич.

Он говорил еще о дорогах, в которые якобы закопаны миллиарды (оставшиеся от уворованных). Пафос понятен, но те, кто вместо капитального ремонта занимался так называемым ямочным или вовсе ничем не занимался, в своей ожидательности оказались тоже правы: канализационные сети, теплотрасса и водопровод в Сарынске традиционно прокладывались именно под дорогами – иные в послевоенный период, а иные и до войны. Они почти одновременно начали катастрофически рваться, рушиться, пришлось повсеместно вскрывать дорожное полотно, и как было бы обидно, если бы оно было ровное, новое, а по старому – и не жаль, и намного экономней.

Но город городом, а люди людьми.

Лиле становилось все хуже.

Был у нее момент просветления, когда она торопливо позвала Аду и сказала ей:

– Вы должны знать, это я виновата. Мне всю жизнь Бог не давал никакой радости. А потом вдруг дал, я вас полюбила. И он тут же за это у меня отнял дочь.

– Бог ни при чем...

– Не перебивайте, я сейчас опять... как это сказать... Затуманюсь. Не перебивайте. Я вас ненавижу, Ада. Но вы тут ни при чем. Вы не виноваты, что мне встретились.

– Значит, вы понимали, что вам говорили?

– Нет. Потом вспомнила и поняла. Это было ночью. Я поняла и потеряла сознание. И обрадовалась, думала, что умираю. Не умерла. А теперь хочу, потому что с этим жить нельзя. Вы можете сделать так, чтобы поскорее? Я очень прошу. С этим жить нельзя, я думала, что любую боль могу стерпеть, а это терпеть не могу. У меня ничего не болит, все бесчувственное стало, а это – болит. Я не представляла, что бывает такая боль. Если правда есть ад и если правда есть душевные муки вне тела, я как-то этого не понимала, не представляла, ну, психофизика все-таки, отдельно ничего не бывает, как может какая-то... ну, субстанция, то есть душа... Как она может болеть, если болеть нечему? Вы же сами понимаете – рецепторы. Даже психические болезни, помните, вы говорили, это все равно химия и обмен веществ. Иначе почему какая-то паршивая таблетка может помочь, это же только химическое вещество? Так вот, чтобы вы знали: может болеть то, в чем нет никакой химии. И никакие таблетки не помогут. Это так болит, это такая тоска, что... Дайте, пожалуйста, что-нибудь. Зачем мы будем врать, мы обе понимаем, что все равно конец.

– Не могу, – сказала Ада.

– Вы гадина. Вы-то останетесь, будете красивой еще долго, и душа спокойная, а я... Или так надо? Чтобы вот такая мука? За все, что Даша от меня не получила? Тогда ладно, я буду терпеть. Это я схитрила, понимаете? Человек вытерпит любую боль, если найдет в ней смысл. Все, я нашла. Уже легче. И я вас все-таки люблю. Спасибо вам. Знаете, некоторые любят задавать вопросы: если бы вы прожили заново жизнь, то так же или иначе? Я прожила очень скучную и противную жизнь, но всегда отвечала – так же. Знаете, почему? Потому что любая другая жизнь была бы враньем. Это была бы не моя жизнь. Но сейчас бы я ответила: лучше всего – никак. Тогда бы я не родила Дашу и ничего бы этого не было.

– Что-то лучше, чем ничего, – заметила Ада.

– Всё! Больше ничего не надо говорить. Я в это не верю, но мне сейчас кажется, что правда – лучше, чем ничего. Так меня и оставьте. Только вколите что-нибудь, чтобы я спала.

– Хорошо.

Через несколько дней Лиля умерла во сне.

Хоронили ее Коля Иванчук, Сторожев с Наташей, Немчинов с Люсей и Яной, обязательная

Маша Нестеренко, которая обзвонила всех бывших одноклассников, но никто, увы, не пришел. Павел Витальевич быть не мог – находился в психиатрической лечебнице. Была только еще от больницы Ада – не по службе, а по собственному желанию. Смотрела на лицо Лили, блистающее последней смертной красотой, и о чем-то думала, ни с кем не заговаривая. Был Володя, от кого-то узнавший о похоронах.

Поминки устроили в квартире Коли. Очень скромно и традиционно: кутья, щи, гречка с кусочками говядины, компот из сухофруктов – это женщины, Люся и Наташа, приготовили заранее.

О Лиле не вспоминали – как-то не получалось. Тихо вели разговор о своих делах, что на похоронах не возбраняется. Немчинов сказал, что, похоже, его могут сделать редактором «Свободного времени», а он и не рад, затеял написать роман. На этот раз не на документальной основе, а художественный.

– Их сейчас столько пишут, – заметил Сторожев. – Я без обид, Илья.

– Пусть пишут. И я напишу. Это мне нужно.

– Тогда – вперед!

Коля рассказал, что начал работу в только что открывшемся филиале московского телеканала. Упор будет на репортажи, новости, без ангажированности. Придумали несколько пристойных развлекательных шоу. Пошла реклама. Дело движется.

Люся и Наташа, которые и раньше чувствовали симпатию друг к другу, говорили о чем-то совсем простом: как гречку варить, чтобы не слипалась, в какие сарынские магазины ходить, а каких чураться, но на самом деле им было просто приятно слушать друг друга и чувствовать какую-то внутреннюю схожесть – очень редкую среди людей. Люсе даже захотелось что-то сказать сверх простого, обнаружить свою симпатию, и она сказала негромко:

– Валере повезло, что он вас нашел.

– Это я его нашла.

– Неважно.

– Только он человек тяжелый, путаный.

– Я знаю.

Люся была уверена в таком ответе, иначе не говорила бы так откровенно о Сторожеве.

Володя сидел рядом с Яной, почти ничего не ел, она тоже, только грызла соленые огурцы.

– Ты прямо как беременная, – сказал Володя, теоретически знавший, что беременные женщины любят соленое.

– Угадал, – ответила Яна. И неожиданно добавила: – Это от Егора, который к твоей Даше подъезжал.

– К ней все подъезжали, – ответил Володя со странным равнодушием. Ему теперь действительно стало все равно, кто к ней подъезжал – ее ведь нет.

Но говорить о Даше хотелось.

– А ты с ней была знакома?

– Как с тобой – мимоходом. Хотя я, конечно, была готова ее убить.

– Это понятно.

– А ты Егора не хотел убить?

– Нет.

– И правильно. Ну их всех вообще.

– Я его отца убить хотел.

– Всерьез?

– Ну да. Перехватили. А потом он с ума сошел. Или симулирует.

– Такие люди ничего просто так не делают. Если он в психушке, значит, ему для чего-то это надо.

Яна ошибалась: Павел Витальевич находился в психушке не по своей надобности, а по указанию брата Максима. Отделение было для буйных шизофреников, строгое, с зарешеченными

окнами, двери без ручек, в туалет можно только в сопровождении санитара, который открывает дверь железнодорожным трехгранным ключом и стоит в двери, пока не управишься. По тому, как с ним тут обращаются, Павел Витальевич понимает, что выйдет не скоро, если вообще выйдет. Лекарства заставляют пить насильно, откажешься – привяжут к койке и сделают инъекцию.

Посетителей к нему не пускают. Павел Витальевич все чаще замечает за собой, что ему ничего не хочется. Когда вывели на прогулку под присмотром двух санитаров, он заволновался, занервничал, попросился обратно. Одно ему не нравится – койка, как и у других больных, стоит не у стены и не у окна, а так, чтобы к ней с любой стороны был возможен подход санитара. Павел Витальевич понимает рациональность такого расположения кровати и даже остатками разума одобряет его, но ему страшно хочется иногда свернуться калачиком и лечь лицом к стене, чтобы никого не видеть. Он пытался это сделать на полу, но его поднимали пинками.

А что с другими?

Вячик посылает свою поэму в различные журналы и издательства. Большинство не отвечают и не возвращают рукопись (впрочем, Дубков пользуется и электронной почтой, а там и возвращать нечего), некоторые отделываются двумя-тремя строками, Вячик коллекционирует эти ответы и у него вызревает план сатирической книги: «Они отвечают!», в которой он с цитатами, наглядно, предъявит миру примеры безмерной тупости редакторов. Он читает эти тексты вслух жене Татьяне, а та размышляет, что, пожалуй, пора уходить от этого странного человека, а то сама станешь такой странной, что никогда уже больше не выйдешь замуж.

Максим переместился в Москву – мгновенно, как комета, оставив пока семью, но собираясь всех перевезти в ближайшее время. Вся сарынская элита, включая губернатора, довольна: еще один наш человек в высших эшелонах власти.

Лаура Денисовна Едвельская оправилась, больше не жалуется на сердце, устраивает очередную экспозицию отца. Приходила к Немчинову, сказала, что совершила ошибку, просила вернуть письма, Илья сказал:

– А вдруг с вами все-таки что-то случится? У меня надежнее.

Лаура обиделась, но, впрочем, настаивать не стала. Немчинов не сомневался, что она и так знает все письма наизусть, хотя клялась, что не читала ни одного, кроме первого, адресованного ей.

Егор, не открывая сезона, уехал ставить спектакль в Магнитогорский театр – и репутация неплохая у коллектива, и предложение достойное. А уж оттуда можно двинуть и в Москву. И уже там, в театре, у него завязалась интрижка с самой, естественно, красивой женщиной театра и всего города, но Егор стал осторожнее – в плане чисто практическом, контрацептивном. Пока ничего, обходится.

Равиль Ахтямов строит дом в крепком, надежном месте, и он опять уже подведен под крышу, еще месяц – и новоселье.

Шура ждет суда (как и прочие) и пока занимается домашними делами.

Тимур Саламович в считанные месяцы одряхлел и, главное, потерял интерес к своей коллекции. Раньше он часами мог рассматривать кинжалы, сабли, палаши и ятаганы, а теперь неделями не открывает заветную комнату. Иногда все-таки отомкнет, зажжет свет, посмотрит издали, поморщится и уходит.

Леонард Петрович Шмитов, самоотверженный зампред общества ВОГ, торжествует: здание

им оставили и дали твердую гарантию больше никогда не покушаться. Лично Максим Витальевич пообещал и сказал, что, если кто сунется, обратиться к нему. Славный он все-таки человек, дай бог ему здоровья.

Рада становится одной из самых популярных блоггерш рунета, она постепенно разорвала связи с сообществом childfree – слишком все-таки маргинально, нашла свою тему: жизнь одинокой, но счастливой красавицы в большом городе, коллекционерши мужчин. Встречу и секс с каждым из них она описывает подробно, с деталями, заодно учит неопытных, как и что нужно делать. В реальности последний секс у нее был полгода назад, но это не играет никакой роли.

Гера Рябинский уволился по собственному желанию (то есть по предложению Лаврентьева), не дожидаясь суда. Но он не во всем разочаровался. Просто понял, что зря выбрал такую специальность и, главное, зря полез в государственную структуру. Он решил переучиться на адвоката. Там, рассуждал он, ты сам себе хозяин. Ну, и закон над тобой, конечно. Трудности будут, Гера реалист, но о них знает и готов к ним. Мама, однако, недовольна еще больше и твердит, что надо было, как она советовала, учиться на зубного протезиста. Гера отговаривается тем, что ему с детства отвратителен вид зубов, включая собственные.

Отец Михаил служит и об оградке тужит.

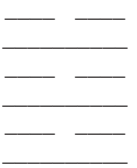
Ада Николаевна лечит.

Продольнов продолжает собирать досье на изменников Родины.

Режиссер Саша Сокольков пытается пробить фильм о свадьбе с убийством. Продюсеры коммерческие говорят – «артхаус», продюсеры артхаусные говорят – «попса». Саша злится, а пока вынужден снимать очередной сериал.

В краеведческом музее появился рыцарь на коне.

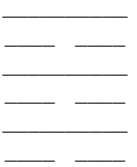
63. ЦЗИ ЦЗИ. Уже конец

Если поссорились с кем-либо, срочно обратитесь к третьему лицу с просьбой выступить посредником между вами.

Суд состоялся перед Новым годом. Ввиду очевидности и простоты дела слушание длилось не больше пятнадцати минут. Дело на Немчинова было закрыто на основании экспертизы, результаты которой свидетельствовали о состоянии шока в момент инцидента, Шуру освободили в зале суда из-за отсутствия состава преступления: он выполнял служебные обязанности, будучи работником частного охранного предприятия «Гарант», стрелял из пистолета, подаренного ему хозяином и оформленного по всем правилам. Само собой, оформление Шоры и пистолета было сделано задним числом, но это никого уже не волновало.

64. ВЭЙ ЦЗИ. Еще не конец!

На подходе счастливый период вашей жизни, ждать которого остается совсем недолго.

«Милая Ирина!

Очень трудно в письме нащупать тот голос, каким ты говоришь в жизни.

Но мне легче – у меня в определенном смысле не было своего голоса, был придуманный. Каждый раз разный.

Я не знаю, с чего начать.

С правды, хотя я – лживый сын лживого времени. С детства я придумывал себя, я придумывал себе мысли и даже чувства.* Мне иногда казалось, что я хочу быть кем угодно, только не собой.**

Я прятался и скрывался – от других и от себя. Я завидовал своим братьям, у них все было просто и откровенно. По крайней мере, мне так казалось. Они ненавидели ту нищету, в которой жили. Ненавидели отца. Презрительно относились к маме, хотя, в общем-то, жалели ее по-своему. Они рано начали отстаивать свое место под солнцем. А я завидовал, но почему-то не мог делать того же, что они. Всем казалось, что я, в отличие от них, люблю отца и маму, но я просто не показывал, что у меня такое же отношение. Почему? Это лицемерие или трусость? Или игра в шпионство? Я не знаю до сих пор. Может, все дело в том, что я очень рано почувствовал свою двуличность и подлость. Я не знаю, откуда они взялись. Но они были, и я с этим жил. Как будто я был при рождении отравлен и знал, что с этой отравой надо как-то жить. Или избавляться от нее, или, наоборот, использовать. То есть я чувствовал себя умным, талантливым, но не был уверен, что все это пригодится и что это вообще достоинство. Ты скажешь: парадокс, как можно не любить свой ум и свой талант? А что в них хорошего? Я сам себе напоминаю академика Сахарова, который сначала создал атомную бомбу, а потом начал протестовать против ядерного оружия. Правда, я не создал ничего такого, но, может, это и к лучшему. К слову, он же, Сахаров, сказал однажды, что есть человек разумный, общее название, а есть человек сомневающийся, и эти сомневающиеся люди (преимущественно интеллигенты) не дают человеку разумному разгуляться во всю ширь. А то бы он такого наразумил!

Да и наразумил уже.

Хотя еще Декарт сказал: «Я сомневаюсь, следовательно существую». И если бы не урезонивание сомневающихся, то бойкое человечество давно бы кончилось.

А иногда мне казалось, наоборот, что я не такой уж подлый, а просто себя зачем-то убедил в этом. Что, наоборот, я слишком даже хороший человек, но лучше об этом не думать и не развивать этого, потому что с этим жить труднее.***

Но я увлекся, тебя интересуют не эти теоретические рассуждения, а то, что случилось, потому что ты, может быть, до сих пор этого не понимаешь.

А случилась простая и сложная вещь: когда я увидел тебя вместе с Павлом во мне поднялось все плохое и хорошее, что было. А проще говоря – зависть. Я просто заболел, но мне показалось, что это любовь. Все, что я тогда делал, то есть успехи на публичном поприще и т.п., на самом деле было для тебя. Я использовал любой момент, чтобы понравиться тебе. Я часами тренировался перед зеркалом, говоря целые монологи, которые могли бы тебе понравиться. Я отрабатывал ин-

* *См. «Искренний художник. Ненаписанный роман».*

** *См. «Я – не я».*

*** *См. «Первое второе пришествие».*

тонации, делая их глубокими и убедительными. Я стал просто гением модуляции голоса. *

Постепенно я убеждался, что приближаюсь к цели. Я видел, что тебе нравится Павел, но многое тебя в нем не устраивает. И выставлял напоказ как раз то, что было противоположно Павлу, чтобы это нравилось тебе. Я долго кружил вокруг и около, пока не убедился, что ты испытываешь ко мне симпатию. Потому что мне надо было бить наверняка. И, когда мне показалось, что наступил решающий момент, я признался тебе в любви. Я сам не ожидал такого быстрого отклика. Но любовь наказуема, и я сразу понял, что не стоит ждать ничего хорошего. **

Любил ли я тебя тогда на самом деле? Мне казалось, что нет. Я купался в своей удаче, в том, что ты тоже меня любишь. Я вообще в тот период осмелел, действовал решительно на всех фронтах, писал статьи для всех газет, выступал на всех трибунах – такое было время. Мне казалось, что я поймал жар-птицу, *** забыв, что это чревато неприятностями.

Я помню тот вечер, когда ты сказала, что хочешь во всем признаться Павлу. Конечно, я сказал, что сам возьму на себя. И взял, как ты помнишь, был тот разговор на балконе с мордобитием. Но теперь я могу признаться, что именно такой реакции и ждал от Павла. Я все предвидел. Я знал, что недостоин тебя, что очень скоро ты обнаружишь мои чувства фальшивыми и проклянешь меня. И я своим поступком сделал наши дальнейшие отношения невозможными, а тебе сказал, что не могу пойти против брата.

В итоге ты все-таки сделала выбор в его пользу. Конечно, это была ошибка, лучше бы, если бы был кто-то третий, Павел ведь не мог забыть твоей «измены». Но потом я понял: нет, не ошибка, его ты тоже любила, хоть и по-другому. Такое в жизни бывает. Тем более, что Павла (как и Максима) любили все, они умели возбуждать к себе симпатию естественным образом, ничего для этого не предпринимая. Бывает такой талант у людей. **** Хотя, может я и заблуждаюсь.

Мне же для возбуждения любви к себе, а я этого тоже хотел, приходилось прилагать неимоверные усилия. Я работал на контрасте – если Максим и Павел избрали стезю откровенных дельцов, то я взялся за роль спасителя народа, если можно так выразиться. Парадокс в том, что я действительно видел, что многое надо спасать и многое можно сделать. Я был, можно сказать, готов на подвиги. В это время развернулись политические баталии, я принимал активное участие, не поняв еще, что мы, кто сшибались лбами напрямую, были игрушками в тех руках, о которых мы даже не подозревали, что умные наблюдают за войной придурков, ***** а сами в это время таскают из наших складов боеприпасы и продают враждующим армиям. Извини за батальные метафоры, не близкие женщинам.

А потом наступил период апатии, когда вокруг не оказалось никого, кроме одной женщины, о которой здесь неуместно говорить. Меня охватило ощущение преждевременной старости (что-то вроде репетиции будущего одряхления), ****** я, если ты помнишь, тогда мало где показывался, а на самом деле, о чем не помнишь и не знаешь, как маньяк, ходил по врачам и находил у себя все болезни, какие только возможно. Я попытался сделать рывок, даже закрутил роман с одной девушкой с телевидения, чтобы взбодриться, почувствовать себя в тонусе, но это кончилось ничем, очередным разочарованием.

Но жить было как-то надо, я решил, что самое лучшее – ничего не придумывать, плыть по воле волн, то есть жить маргинально, как большинство провинциальных интеллектуалов: работать, где придется, выпивать, с кем придется, балаболить, балагурить, мечтать о каком-то неожи-

---

* *См. «Здравствуй, здравствуй, Новый год...»*

***См. «Висельник»*

*** *См. «Жар-птица»*

**** *См. «Гибель гитариста»*

******См. «Война балбесов»*

****** *См. «Качество жизни»*

данном крупном заработке с тем, чтобы уехать, куда подальше* – то есть туда, где то же самое, что и здесь и где ты нужен не больше и не меньше, чем здесь.**

Но при этом многие, кто меня встречал, помнили еще мою юность, я существовал как бы в двух измерениях: в прошлом и настоящем. Меня еще любили – прошлого. Это было обидно. Нет, сказал я себе, нельзя опускать планку, надо делать то, на что ты максимально способен. Я решил поступить на государственную службу (естественно, без помощи Максима и Павла, но понимая, что их имена мне помогут), и устроился, как ты помнишь, не куда-нибудь, а в самое пекло, в пресс-центр при областном управлении внутренних дел (ты потом говорила, что удивлялась этому решению). Но я работал там недолго, оказавшись чуждым этой системе. Самое интересное, что я искренне считал, что сумею адаптироваться, я ведь думал, что во мне сидит та ранняя подлость, которую я в себе обнаружил. Русский человек подозревает себя во всех грехах, но мало ему этого, он хочет еще свои подозрения проверить делом.*** У меня, к счастью, не получилось.

И это был момент приятного открытия: я понял, что не настолько уж лицемерен и фальшив, как мне казалось, Просто моя планка выше, извини за повтор сравнения, и если для кого-то перепрыгнуть двадцать сантиметров нравственного уровня – уже много, мне было мало и двух метров. Это я хвалюсь, что позволительно в силу сама понимаешь каких обстоятельств.

Потом был еще один необъяснимый поступок, который ты расценила как побег от нашей любви, и я не отрицал, хотя это было неправдой. И желания, как у народников 19-го века, пойти в народ и просвещать его, у меня тоже не было. Хотя отчасти было, что уж я себя так. На самом деле оказалось, что у меня ни жилья, ни денег, зато есть образование и я могу работать в сельской школе. Я пошел в областной отдел народного образования и тут же получил направление в село Антоновку, где проработал целых два года. По моим рассказам ты помнишь, что это село показалось мне идиллией с простыми людьми, которые бывают от бедности злыми и жестокими, но в большинстве своем добросердечные, особенно если узнать их поближе (но нее слишком близко).**** Это неправда, что они принимают чужаков в штыки, скорее они к ним равнодушны – лишь бы не лезли в их жизнь. Я и не особенно лез, учительствовал, выполнял свой долг. И выполнял охотно, мы с детьми собирались не только в школьное время, но и по вечерам, мы вместе решили сочинять фантастические книги и написали целых две, в которые я, правда, внес слишком много взрослого элемента, поэтому они, наверное, не очень удались.*****

Но через год мне показалось, что я отлыниваю, что мало мне учить крестьянских детей, надо как-то воздействовать и на их родителей. Я даже книги по домам носил, совал хозяевам и хозяйкам, советовал прочесть. Но активная попытка вмешаться в их жизнь не по службе, а по душе, почему-то встретила отпор. Учителем они меня признавать соглашались, а своим – нет. Ощущение чужеродности – самое печальное чувство в любой местности, а особенно в сельской,****** где иногда не с кем поговорить. Иногда захочешь пообщаться с каким-нибудь зоотехником, но вспомнишь, что до него два километра, а на улице дождь и грязь, и охота проходит.

А потом я вернулся и первым делом встретился с тобой, отсюда у тебя и возникло ощущение, что я не выдержал, приехал именно к тебе. И при первой же встрече ты спросила, что бы я сказал на то, если бы ты ушла от мужа с детьми ко мне. Надо иметь в виду мое состояние: после деревни, где самым романтическим приключением был сеновал в коровнике с дояркой Катей 45-ти лет, после одиночества, после всего этого у меня возникла полная иллюзия, что я тосковал по тебе, люблю тебя и готов ради тебя на все. Поэтому мой ответ был: да.

---

* *См. «День денег»*

** *См. «Уезжаю!» (пьеса)*

*** *См. «Анкета»*

**** *См. «Участок»*

***** *См. «Пропавшие в Бермудии», «Пропавшие в Стране*

****** *См. «Заколдованный участок»*

И были два счастливых месяца, когда мне показалось, что я все время до этого жил какой-то чужой жизнью, а вот теперь – настоящий, единственный.* Правда, мы жили не семьей, неполноценно, а только встречались, но будущее казалось не за горами.

Приступаю к самому страшному моменту, который я вынужден честно объяснить.

Когда братья позвали меня на рыбалку, я понял, что состоится серьезный разговор. Я не был готов к нему. Я знал, какие мне будут задавать вопросы, но не знал, что буду отвечать.

При разговоре Павел сказал, что я коверкаю его с тобой жизнь. Что у вас сложные отношения, но это отношения мужа и жены. А я веду себя подло уже потому, что за попытки отбить жену брата можно и убить. О том, что я тебя почти отбил, он не знал (меня, кстати, меньше мучило то, что я вру и не говорю об этом, чем то, что вынуждаю тебя врать). И вот тут настал момент истины. Я мог бы признаться Павлу, что на самом деле наша любовь односторонняя, что я люблю тебя не так, как ты меня. Он бы обрадовался, но как бы это подействовало на тебя? Он требовал одного: чтобы я не встречался с тобой ни под каким видом. Он не требовал, чтобы я уехал. Но я представлял, насколько сложно будет жить в одном городе и не встречаться. То есть для меня переносимо (прости!), а как будешь жить ты?

Вот тогда я вдруг и предложил вариант, который, как мне казалось, все решит окончательно. Я сказал, что лучше всего мне исчезнуть. Пусть они скажут, что я утонул – и все. И нет никаких проблем. А я исчезну и клянусь больше никогда не напоминать о себе. Павел и Максим сказали, что их могут заподозрить в моем убийстве, я рассмеялся и ответил: это слишком невероятно. И потом, нет трупа – нет убийства. Унесло течением, вот и все.

Они (и Павел, и Максим, и Петр) согласились не сразу. Им казалось, что я иду на жертву. Они не подозревали, что в моем поступке было на самом деле много позерства и гусарства – я ведь тогда не представлял, на что я иду.

И вот наступила моя смерть.

Я не могу представить, как на тебя это подействовало, и никогда об этом не узнаю, потому что ты получишь это письмо, как и другие только тогда, когда меня окончательно не будет (а я при своих болячках в этом уверен, то есть в том, что умру намного раньше тебя). У меня, правда, есть источник информации, но я не хочу им пользоваться, я хочу честно соблюсти правила игры.

Но я буду писать тебе, хоть ты и не будешь получать этих писем.

Мне это необходимо.

Во-первых, для того, чтобы сказать тебе, Ириша, что после многих лет изломанности, сомнений, преследований самого себя в самом себе, я понял простую вещь: что я Люблю Тебя – и только тебя, по-настоящему, теперь уж на всю оставшуюся жизнь. Любви двух людей могут помешать только они сами, следовательно, любовь не встречающихся мужчины и женщины не имеет предела – некому мешать.

Я хочу попросить у тебя прощения. Я мог изменить твою жизнь, но мне не хватило мужества и, главное, понимания, что я действительно хочу это сделать.

Четыре года я не решался написать тебе это письмо. За эти четыре года произошло многое. В рабочем поселке, где я живу, то есть почти в селе, срез общества такой же, как во всей стране. Я много наблюдал, думал.

Был страшный период прострации, когда я был бомжем, без всякой метафоры, я был бомжем, я отринул все социальное, я не хотел никем быть. Мне в ту пору казалось, что даже половое во мне угасло и мне нравилось чувствовать себя бесполым, как амеба.**

Но человек, если он остается человеком, ищет опору, а помойка – слишком зыбкая субстанция. Да и пахнущий мочой матрас, на котором лежишь ночью, полупьяный, тоже устойчив лишь до тех пор, пока не попытаешься встать.

Я встал. Встряхнулся. Окольными путями попросил Максима оформить мою выписку из Са-

* *См. «Синдром феникса»*

** *См. «Оно»*

рынска, чтобы иметь тут нормальные документы. С его связями это вышло легко. Я устроился преподавателем в техникум, мне дали комнатку в общежитии, а потом я встретил женщину с двумя детьми, которая мне очень напомнила тебя. Мы стали жить вместе, но тут явился бывший муж и бывший милиционер (он сидел в тюрьме за превышение власти), началась дурацкая криминально-бытовая история из-за квартиры, из-за детей, которая заставила меня окунуться в гнилую пучину социальных отношений нашей страны, где, когда доходит до дележки чего-либо, каждый становится друг другу если не волк, то собака.* И очень бывает трудно сохранить человеческое достоинство в этих условиях. Был момент, когда я чувствовал, что моя семья и я – заложники, нас держит под прицелом всякое отребье, шаг вправо, шаг влево – побег, расстрел.** Это не шутки, моей жизни действительно угрожали. Но мне удалось сохранить и свою жизнь, и свое достоинство, и свою семью.

Это теперь мои самые родные люди. Я, Ириша, только теперь понял, что такое тепло родства, живительное семейное беспокойство – понял то, чего не понимал в семье отца и матери и не успел понять с тобой, ясно почему. Мы живем вместе, я, моя жена, ее сын и дочь, у нас все статично, но на самом деле мне удается заразить всех энергией движения, так мне кажется – сын стал читать книги, дочь бросила курить (извини за мелочи и тривиальность). Потому что движение – это жизнь. В первую очередь – движение людей друг к другу.***

Я сам себе напоминаю какого-то проповедника, а это смешно, учитывая, сколько зла я тебе причинил. Утешает, как ни странно, то, что все эти проповеди ты прочтешь, когда я буду мертвым. А покойники могут себе позволить порассуждать на банальные темы.

Надеюсь, тебе не покажется парадоксом, что я продолжаю любить тебя, хоть и недостижимо. Я рассказываю об этом своей жене Галине и, ты не поверишь, она это понимает. Она понимает, что это другая любовь (потому что я ее тоже люблю), в этой любви все мое прошлое, а настоящее – здесь.

То, что я пережил, на самом деле, не представляет собой ничего выдающегося. Но я вижу сейчас какой-то новый смысл в том, что уже было. И в том, что есть. Хотя бы уже тот, что я изменился и, надеюсь, не в худшую сторону. Но не мне судить.

Извини, ничего не написал конкретного, но оставлю для других писем.

Мне нужно их писать.

Наверное, человеку мало одного мира и одного себя. Не надо только считать это раздвоением, это как раз и есть норма. Так мне кажется.

В общем, жить тяжело, но интересно. И в этом, может, мой ответ на собственный вопрос, который меня всегда преследовал и преследует: если жить так тяжело, почему так не хочется умирать?

Люблю, прости.

Счастья тебе, моя навсегда утраченная и навсегда обретенная радость!»

(В связке еще 54 письма, которые имеют собственную ценность, но уже ничего не добавят к этой книге.)

Саратов – Москва – Саратов – Москва, 2007 – 2010 гг.

* *См. «Они»*

** *См. «Пересуд»*

*** *См. «Поход на Кремль»*

Светлана БУНИНА

Вариации на темы Энн Секстон*

Dearest Foxxy...
("Love Letter Written in a Burning Building")

I

Дражайший Фокси!
Стоит ли лезть в бутылку
из горящей бочки? –
здание подломилось
и колёса из гаража не выкатишь.
Между нами:
сколько я вам (осталась)
за вкус салата
с маслом кедровым,
нежные приношенья,
право быть нужной –
гладить ваши рубашки?
Опыт прошедшей зимы:
белоснежное охлаждает.

Думаете ли вы,
что мои признанья –
к вам –
написаны на борту сумбура
(на груди болезни:
лежи, подвинься,
белая собака с медвежьей шкурой)?
Вот тому пример:
после прошлой ссоры
у друзей, где просеки
прямо к дому
подбегают,
кто бы еще решился
утверждать, что вы –

** Энн Секстон (Anne Sexton, 1928–1974) – американская поэтесса, лауреат Пулитцеровской премии (1967). Страдала хронической депрессией, покончила с собой в гараже, задохнувшись выхлопными газами.*

Светлана Бунина родилась в Харькове в 1974 году, живет в Москве. Доктор филологических наук, лауреат премии им. Бориса Чичибабина. Стихотворения и переводы публиковались в журналах «Новая Юность», «Дружба народов», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Новый Берег», «Волга», «©оюз писателей», антологии «Анор-Гранат», сетевом литературном журнале «TextOnly» и др. Произведения С. Буниной переводились на украинский, белорусский и немецкий языки. Автор книги стихов «Удел цветка» (2009).

золотой лисенок.
Лисье удивленье,
лисья сноровка,
вам ли удивляться
лесным пожарам?
Восходить в святые,
когда удача –
только
четыре быстрые лапы,
ветер навстречу,
ручей в придачу?

Это потому что –
дражайший Фокси! –
только огонь понимает силу
старых привязанностей,
сиротливых звуков
(просто рушатся стены).
И пока я безумствую, вы все ближе,
все действительней
(в свете, весне, Париже) –
вы сгораете, мы сгораем, что-то
выгорит:
вечное друг о друге.
Стиховать, как север о юге,
север о юге...
Окунаюсь в кровать,
но не меняю темы...

II

Потом я думала о тебе в кровати.
Этот декабрьский день был, пожалуй, лучше
многих других.
Как исслеженная дорога,
он пробивался к солнцу на горизонте.
От него сохранились число и запах.
Я думала, что способность слова
предаваться лжи – как последней ставке
на корриде (деньги, любовь, расплата) –
ценится в производстве истин.
Потому все больше подручных средств
в наши дни находится, чтобы слову
быть уверенней, округлиться, выбрать:
провода, резисторы – что потом?
Межпланетные мега- и инфра- (шины)...
Как подросший мальчик, привравший маме,
мир все чаще, чаще съезжает в детство.

Мы желали быть заодно с прудами,
выбирать зеленое, сняться в белом –
сниться с теми, кого рождаем.
Но чем дольше наш календарь тянулся
к горизонту ясности – тем сильнее
бунтовал в тебе собиратель истин,
каждый день вытачивал по болванке.
Так я думала о тебе в кровати –
протяженно, ласково, неразменно –
двадцать девятого дня, в субботу,
в декабре, под новым нечетным годом
(нечетные, как известно, лучше).

III

И когда она все-таки
сделала, сделала это
на том же простом,
сумасбродном
своем языке (диалекте любви,
несомненно сходящей на нет), –
ни угла она, ни междо-
метия не выбирала.
Подломился – сама ты лисенок! –
твой дом, и колёса
из гаража не бегут.
Но когда она сделала это,
четырнадцать раз
прозвенело в будильниках:
пусть говорят лицедеи,
оскорбленные мальчики,
ваши четырнадцать лет
(I am the only actor).
Королеве угодно молчать.
И ее занимают отныне
пейзажи, пейзажи...

Андрей ПЕРМЯКОВ

***

Начитавшийся «Опытов», сядешь в кровати:
сон пропал и никто не друг.
Позапрошлые ходики, стрелки утратив,
тикают: «Нет рук, нет рук».

Скользит возле сада машина,
дом побеждает дрожь.
А часы с ослабевшей пружиной
шкрябают: «Штык-нож, штык-нож».

Невероятное всё же бывает,
точнее, бытует – в каждом глаголе,
достигающем неба без ангелов и дураков.
Только из окон дует и капель отбивает:
«до комков в горле, до комков в горле,
до комков в горле, до комков...»

Нине

Падает крохотный свет
на переводные картинки.
Вот ты не застала кассет,
а я ещё помню пластинки.

И отрывной календарь
в убогих картонках корок.
Там был настоящий январь:
свобода и минус сорок.

Там тонкое время плыло
и дальше хотело плыть.
И много такого было,
что больше не может быть.

Там телик показывал
меньше одной программы,
там дядька привязывал
велик на берегу.
Музыка кончилась, мама домыла раму.
Зайцы попрятались в ненастоящем снегу.

Андрей Пермяков родился в 1972 году в городе Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую медицинскую академию. Публиковался в журналах «Арион», «Воздух», «Волга», «Дети Ра», «Урал», на сайте polutona.ru. Лауреат литературных фестивалей «Свезар» (Екатеринбург) и «А-Либитум» (Пермь), организатор фестиваля поэзии «Камский Анлим» (Пермь). Живет в Подмосковье, работает на биотехнологическом производстве.

***

Э.П.

И всё-таки: что случится в самом конце?
Даже, не в самом, а, скажем так, в самом-самом?
После сияющих капельниц, после сестры с очёчками на лице,
после прощанья с детьми и после встречи с мамой?

После банек с этим ихними пауками,
после кучи космических или обычных лет,
После ста миллиардов закатов на Каме
После ста миллиардов прогулок на «Каме»
(в детстве я продал бы брата за этот велосипед).

Вот по окончании вечности, перед началом другой,
когда будет по-настоящему любопытно и жутко?
Пока не рассказывай. Просто коснись рукой.
Милая моя девочка, плюшевый мой мишутка.

О полётах

Бологое печального облика,
Петербург и ещё города.
Входим в облако, вышли из облака.
Вечер гаснет. Редеет гряда.

Вот навстречу какие-то двое
Перья, шляпки, брильянты в часах
Чуть касаясь руки: «Всё – пустое».
Пляшет море в сплошных небесах.

***

Вроде ещё разбег,
а вроде уже ползём:
вот это ещё человек,
а это уже чернозём.

А это опять человек
только совсем другой.
Вроде закончился век,
вроде продолжился бой.

Вроде такая дрянь,
что вообще никуда.
А вроде цветёт герань
и в лужу летит звезда.

«Начитавшийся «Опытов», сядешь в кровати» и др.

Попутное

Владимиру Иванову

– Говорят, будто есть поезда, что идут через Кострому.
Костромы-то и нет никакой, а они сквозь неё идут.
Состав покачнётся на стрелке, нырнёт во тьму,
а выскочит вроде бы тут же, однако не тут.

И тьма та не вроде как ночь, а скорее как дым:
ну, пахнет хорошим таким, совсем огородным дымком.
Попал ты в неё, допустим, почти молодым
А выйдешь по виду похожим, однако, в себе – стариком.

Другие там слышат слова, но об этом молчат,
хотя богатеют, женятся, много спиртного пьют.
А детишки у них нарождаются с глазами волчат,
быстро растут, уезжают и во всяких группах поют.

Катался туда из посёлка парнишка, меня зазывал.
Вернулся довольный, а потом не дожил до зимы.
Слушай, вот ты вот везде побывал, всё видал.
Успокой меня, а? Расскажи: правда ж нет никакой Костромы?

Техноутопия

Река, огибая остовы каменных коробков,
кажется сделанной из фольги и совсем простой.
Краны, похожие на слоников и пауков
носят какие-то ящики над разноцветной водой.

Грузят какие-то ящики на белые теплоходы,
хохочут, скрипят, бормочут о чём-то своём,
боятся грозы и дождливых явлений природы,
кидают обломки бетона в промышленный водоём.

Иногда появляются люди, плачут от несовершенства.
Маленькие такие, полуодетые ящерки.
Краны и теплоходы выгибаются от блаженства:
просто грузить ящики! Просто таскать ящики!

Наталия ЧЕРНЫХ

ЭЛЕГИИ СОКОЛЬНИКАМ

Екатерине Шевченко

I.

Человек живёт не задумываясь, пока не истончится –
до солнечного луча и нити, держащей крест. Но и тогда его не покинет беспечность.
Беспечность как сахар хрустит на зубах, – а вот и сестра беспечности ярость.
Легка как летнее насекомое, махаю крылами,
чтобы ветер унёс пыльцу времени прочь.
Сердце чурается гнева и громкой музыки при входе в Сокольники.
Страшно видеть внутри прозрачного тела беспечность и ярость.
Не в золото оправлена, не кровью выпачкана. Кирпич Матросской Тишины вокруг.
В храме пасхальные песнопения, в парке – срамные, и все об одном.
Мне чужд гул многолюдный в храме и в парке, приятнее тишина.
Молиться люблю по дороге в Сокольники.
Со дня, который припомню лишь в будущей жизни,
любая дорога приводит в Сокольники.
Мне нужно жить именно там,
будто в другом месте я умираю.
Катя, как парк Сокольнический огромен! Дриаду ты видела там.
Сонную весеннюю дриаду, спящую на лубяном ложе ствола.
Мы тоже дриады, мы духи лесные, перенесённые в парк,
мы умерших души, поселившиеся в душах живых –
нам удивительно здесь.
Твои Сокольники – север, мои – восток.
Нам бы выйти гулять навстречу друг другу,
нам бы молиться о целомудрии сердца,
чтобы Господь нам послал единое – любящее лишь раз,
а не множество раз, получувствами, страшно.
Страшно мне, Катя, хочу я быть однолюбкой,
не знать ничего из того, что было в жизни со мной,
только майские эти Сокольники, в которых дриада проснулась,
чтоб мне указать озарённым от Бога перстом на того, кого я полюблю.
Сердце моё, дриада,
Катя, как тяжело любить не однажды,
нет золота в тяжести этой.

Наталия Черных родилась в 1969 году в Челябинске-65, ныне Озерск. Училась во Львове и в Москве. С 1987 года живет в Москве. В 2001 году – победитель «Филаретовского конкурса религиозной поэзии». Куратор поэтического Интернет-проекта «На середине мира». Автор восьми поэтических сборников. Стихи печатались в журналах «Воздух», «Волга», «Новый мир»; эссеистика и малая проза опубликованы в кн. «Очень короткие тексты: В сторону антологии» / Сост. Д. Кузьмин. (М.: НЛО, 2000), журналах «НЛО», «Кольцо "А"», «РЕЦ» и др.

Но, может быть, мельхиор
примирения с немощью.

2.

Как ты хорош – весь ты крылья; нет, так не бывает, а я вижу.
Даже игра изумруда и золота, осенью ли, весной, перед тобою бледнеет.
Вот кипарисы по бокам крохотной аллеи в преддверии лугов,
уже одичавших от многолюдья, вот тенистые дорожки – и всё замирает.
Протуберанец горечи серебряной, вот кто ты.
Здесь, в парке порой мне так славно, что не хватает только волшебного оленя.
Но что мне олень. Ты навстречу идёшь, мерцают голос и глаза,
то листья и звёзды вокруг. Нет, это слёзы: не радости и не печали,
а тонкого прошлого, которое вдруг позабыли, а оно в нас ожило.
Как пережить воскресение прошлого – не знаю.
Внутри оно жжётся, мерцает и серебрится.
Всему виной ты. Весь ты крылья. Но обоим нам уже не подняться с земли.
Заплатила бы цену любую, душу свою изготовила б как древний лук,
чтобы сказать от всего сердца, стрелой, тетивою:
лучше, чем жить – умереть с тобой рядом.
Другой дороги не вижу. Была бы она, вырвала б левый и правый глаза.
Но так получилось, что несколько дорог предлагают себя, а камня заветного нет.
Жить с тобой – всё равно что погибнуть.
Не пригрезилось это тенистое адское лето, нет, в нём я осталась.
Как страшно идти, предваряя ответ, сердцем вонзаясь в будущее,
в неосязаемое грядущее, в огнезрачную вечность твою.
Весь ты – Неведомое. А сквозь меня ходит ветер – посвист разбойничий.
Мерцание лиственных снов исчезает, оставляя невзрачную музыку,
крашеных лебедей да магнитные автомашинки.
Что осталось от моего желания – умереть вместе с тобой –
после пустяковой размолвки?
Дым поверх городища. Сказать бы тебе, что любовь здесь выстроит храм,
не солгу ли? Мне бы прежде выстроить стены.
Вот храм Воскресенья Христова, преддверие парка Сокольники.
Клёны, светлое их молодечество, окроплённое осенней кровью,
да липы, чьи вдовьи наряды пока не видны за сердечками листьев.
Ах, пей утешенье как воздух, иди сквозь эту дурацкую музыку
к наготе тишины, к прикосновеньям её, к той кружевной чувственности –
Боже мой! – не описать.
Ты любишь бурную яркость весеннего сада,
вздрагиваешь от вьюжного холода зимнего леса.
Что тебе чувство – ведь сердце твоё лениво.
Нет, чувство не купишь.
А я бы хотела вместе с тобой умереть,
не знать никого до тебя, и после тебя,
я бы хотела быть однолюбкой.

3.

Вот, наконец, подруга моя, одиночество, тень моя –
говорю с собою, как бы помешалась от горя.
Друг и подруга; я тень их – они мои тени,

а одиночество ясно, что слепнут глаза.
Сначала мурашки и холод – затем юной цыганкой идёт,
церковной старухой с корневищами пальцев; из них растут свечи.
Аллея, ведущая к парку, вымощена не так давно. Дивно хороша весной,
когда всюду плесканье искренних сил,
а одиночество молится рядом со мною.
Но порой, когда набегают сизые тучи и простирают свой строгий шатёр,
что там палатка в лесу, тут побоище рядом; вон и татарская музыка –
одиночество стучится изнутри.
Оно мне уже не гадает, предсказывая, что было и будет,
что написано у меня на лице и в судьбе,
не ходит мигренью в висках и по сердцу, нет.
Как дева речная – вестница смерти, идёт изнутри.
Тогда ничто не заменит храма: ни голос подруги, ни хлебные руки твои.
Лишь там, у тёмных кивотов, перед едва заметным ликом Иверской,
смогу пережить видение этой девы речной –
видение смерти.
Ах, когда я бежала причастницей в день Великой Субботы через шоссе,
ног у меня как бы не было, а я бежала,
и путалась, путалась в своём дыхании,
когда это светлое, это мрачное солнце так щедро дарило себя
оледеневшей земле, чтобы потом, памятью об исступлённом свете,
преодолеть нашествие мокрого снега, –
я была больше чем счастлива.
Шла по воздуху, по снегу, поверх синего-синего асфальта,
по роковым асфоделиям – свободна как радуга и легка.
Тогда я сама была чашей. Забывала о смерти и тяжести.
...прочь.
Нет, не вернуться мне из Сокольников,
как не возвращаются из воспоминаний.
Со мною – иное. Храм для меня только образ
того, что начнётся за ним. Я жила в будущем.
Зачем возвращаться мне к асфоделиям плоти:
они не накормят и не напоят меня.
Сокольники – ты, подруга, и моё одиночество – все.
Не вернуться. Сердце моё – дриада.
Как мне быть твоей пленнице - ведь я рождена свободной.

Павшино, 2008 г.

Галина РЫМБУ

***

Дай мне тему, и тема забудется, будет одна:
Осень, огни рябины, прерванная страна,
Перепуганная особь, пулевые осы стрелка,
Раскрытая слишком, возможно, чужая строка,
Здесь споткнусь:
Будничная пляска, телесные сумерки, кокаиновая страда...
И меня здесь нет.
Дай мне шпаргалку, я всё не выучу и не так всё по ней прочту:
Перевёрнутый мегаполис, над ним – солнце в меду,
Солнечные кошки, рыжие забияки, иду, иду
Мимо вас, мяуки, с хлебом горячим иду
С работы тебя встречать.

Перевёрнутый, проплывает трамвай, прибывает трамвай,
Вот как в детстве: плачь и желай, все слова проговаривай,
Дай мне слово одно, и я его никому не скажу,
Не потревожу, в дверку не подгляжу,
Как прекрасного птицу, Петю, Петеньку, ощипывают, потрошат,
Или как холодные двое в свете лунном лежат, -
Не умею подглядывать.
Не умею орать.
Только где-то далёко-глубоко хочется жадно и обо всём.
Вот – сидят на баулах цыгане, молчат, вот – колокол начинает звонить,
Вот – железные баки, урны с бинтами, вот – звери пробуют говорить.
Алфавит.
Посмотри, светофоры горят, огни горят,
Ясный воздух вокруг колышется и дрожит.
Ты кладёшь мне сладкую буковку под язык.
Мы идём домой. - Я люблю тебя. - И я тебя.
Мы обнимемся и лежим. Целый мир горит.
Вдоль огромных империй белые птицы летят.

***

Вот человек, он сеет лёд,
он плачет, мать зовёт, и вот
приходит мать в чужом песке
и с синей ленточкой в руке.
Она торопится в роддом,
она волнуется, ведом

Галина Рымбу родилась в 1990 году в городе Омске. В настоящее время учится в Литературном институте. Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Сибирские огни», интернет-изданиях «Альтернация», «Знаки», «Новая реальность» и др. Шорт-лист премии «Дебют» (2010), финалист премии «ЛитературРентген» (2010). Гран-при фестиваля «Молодой литератор» (2010) в номинации «поэзия»

её волнением, под лёд
ныряет сын который год.
Там у него семья, друзья,
бычки в томате, дачный сад,
трамвай, в котором еду я
назад, назад, назад, назад.
В окне сверкает мишура,
мне кажется, что это ад,
ведь там – вот так, и ничего,
и мандарин в руке легко
лежит, и полон крупных слёз
крещенский пламенный мороз.
И до конечной весь во льду
мне снится голубь на беду.
Потом стою я у ларька,
и жду железного хлопка,
желаю яблоки купить,
желаю счастьем заплатить.
Но в самом деле сон другой, -
солёный, ясный, голубой,
и в день седьмой я в нём смеюсь,
бегу к Тебе и не боюсь,
в нём как всегда одна зима,
подарки, яблоки, хурма.
Там мама мне несёт домой
пальто с ромашкой шерстяной...

В ДАЧНОМ ДОМЕ

Обрывая у слов окончания, -
Ночь, и дождь от небесных сошед,
Открываются стены печальные –
Сумасше, сумасше, сумасше...
Мирна тень от пузатого чайника.
Я тебя забуду вообще.

Посторонняя, злая, домашняя
Пустота. По ковру нагишом
Ходит белая, бледная, ясная
И живая, и простоволосая...
Хорошо, хорошо, хорошо

В белом теле чужом раскаяться
И лежать, отвернувшись к стене.
По тебе можно больше не маяться,
Разве только увижу во сне.

Но откуда здесь осы блестящие,
Разрезающие темноту?

И на стенах слова настоящие,
И серебренник тает во рту.

Закричит, сбросит плед и расплачется,
Голой выбежит в мокрый сад
И застынет. – На ветках детские платьица,
На земле - золотые тыквы лежат.

***

В светлой арке дети летят за щенком,
И у них в крови не гудит совнарком.
Над стоглавым собором висит гроза,
Дождь, что мамкино молоко.

Лето открывает старушьи глаза:
Черемша, кукуруза, удочки и шары –
Расцветают рынки; ночные жужжат дворы –
Парусина колясок, простыни, ягодная мелюзга...

В Лианозовском парке мальчик гладит ежа,
У него в крови не болят полножа,
Только злые орки, что казаки,
Переходят вброд полреки.

Детям снится Африка и кино,
Месяц смотрит в пластиковое окно,
И волшебник несёт золотой мандарин,
И не страшно, когда один

Самый смелый мальчик в гору идёт,
Если только снится стране народ,
И народу народ и стране – страна
Наудачу, как пуля, дана.

Если в яслях топочет прекрасный ёж,
Если сам не заплачешь, когда упадёшь
На горячий асфальт, и предки твои
С фотокарточек выплывут, как рыбари.

Не беги. Лето кончится в полкостра.
Вот улитка сталинского двора,
Там весь новый Пушкин скачет верхом
На парижской ноте, а за углом

Ходят воры и черти в модных трико,
И собака выпила лужу тайком,
Дождь по-прежнему мамкино молоко,
И урчит разрисованный кадиллак,
Турки в душной кафешке сидят до зари.
Научился сжимать-разжимать кулак,
И ещё раз сжимать и сжимать кулак, –
И не плачь теперь, говори...

***

Сколько минут назад всё это было:
Облако в небе плыло и облаком было,
Образом было, просто самим собой,
Как человек на столе лежащий к дверям ногами,
Голубь взмывающий в небо, худое пламя
У постамента, трудно – самим собой...

Лепет французский в столичной сырой кофейне...
Сколько времён назад дед заходит в отдел бакалейный,
Тростью трясёт, вдоль витрины себя несёт,
Дни как во сне, стрелка переползает столетье,
Я просыпаюсь однажды, и, кажется, вижу всё:

Гул не ослаб. Это музыка мирно стихла.
Вишня цветёт в усадьбе, пылает вишня.
Роботы плачут в поле, но им не слышно:
Гул нарастает, к земному ядру зовёт.

Вот он сейчас вдоль кофеен, квартир плывёт,
Призрак бумажный, лебедь мой тонкий, нездешний...

****

« Я во сне перестал побеждать.»
Ю. Кузнецов

в черепной коробке земных передач
наступает ночь, я сложусь воедино.
чёрный эпос кифары своей циркач
разбивает волной цветную витрину,
белый эпос нудит на щекастой трубе
что-то пошлое, красное спьяну.
осень едет на старом горбе
к той горе, где звучать перестану.
ждать, курить, во дворах поджигать целлофан
и во сне золотой целовать нотный стан, -
беглой музыки жало иное,
алкогольное, ледяное.
почему так легко зарыдать?

причастившись заморской двойной пустоты
на асфальт, на сухие в прожилках цветы
лить вино, умирать без героя.
а вернёшься домой, - всё иное,
подоконник в шмелях золотых.

Михаил ОКУНЬ

ТЮРЕМНЫЙ ФУТБОЛ

Шло лето 1986-го – второго года перестройки. Ленинградский обком комсомола усиленно осваивал новые «формы работы с молодежью». Одной из них стали поездки «спортивно-культурных делегаций» в колонии для несовершеннолетних – «железный занавес», до той поры надежно скрывавший исправительно-трудовые учреждения (ИТУ), начал тяжело приподниматься.

На одно такое мероприятие подписали, как относительно молодого литератора, и меня. Отказываться было себе дороже – в обкоме как раз формировали «группу поддержки» для поездки в Болгарию, на Универсиаду. И любая отмазка от выступления в колонии могла бы напрочь перекрыть дорогу на Балканы – к невиданному изобилию темно-зеленых пузатеньких бутылочек с этикетками «Слънчев Бряг», «Плиска», «Поморие». Что в разгар непримиримой отечественной борьбы с пьянством и алкоголизмом приобретало особое значение. Да и некоторый опыт уже был – довелось выступать в лечебно-трудовом профилактории где-то за Павловском. А ЛТП мало отличались от ИТУ – во всяком случае, контингентом.

На площади перед обкомом в воскресенье утром нас ожидал «Икарус» Напротив, в ярко-синем небе, блистали купола Смольного собора. Народ потихоньку подтягивался.

Как выяснилось, нашу делегацию составляют в основном балетные юноши и девушки из театра-студии «Дорога». Подобные молодежные труппы возникали в то время как грибы после дождя, – по «инициативе снизу», так сказать. Нынче выделенные для них когда-то под репетиционные залы помещения на первых этажах занимают кафе или магазины.

Место впереди у окна занял разговорчивый толстяк. Рядом с ним расположился молодой человек спортивного вида. Подождав последних опаздывающих, наш автобус, несмотря на явное волнение спортивного молодого человека, отошел полупустой. Почему – выяснилось позднее и сыграло определяющую роль в этой футбольной истории.

Колония находилась в пригородном поселке Металлострой. Выступление состоялось в мрачноватом актовом зале и прошло, можно сказать, успешно. Толстяк, оказавшийся иллюзионистом, продемонстрировал изумительную ловкость рук, чем вызвал неподдельный восторг юных правонарушителей, отбывавших срок в основном за посягательство на чужую собственность.

Я произнес краткое слово о свободе и неволе и прочел несколько стихотворений – для надежности Есенина, – забыв, впрочем, объявить фамилию автора. После «Письма матери» («Ты жива еще, моя старушка?..») из зала послышалось одобрительное: «Классно, мужик!..» Но главный успех выпал на долю танцовщиц из «Дороги».

Десятки горящих глаз ловили каждое движение гибких девичьих тел, прикрытых весьма скудно. В особо фривольные моменты одного танца, в котором две юные красавицы изображали в ненавязчивой форме однополую любовь, из груди несовершеннолетних страдателей вырывался общий мучительный стон. В какой-то момент показалось, что если сгустившаяся донельзя эротическая эманация толкнет юных воспитанников на сцену, то уже никакие воспитатели в погонах, сидевшие там и сям в зале, эту толпу сдержать не смогут. И тогда бедным артисткам придется

Михаил Окунь родился в 1951 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский электротехнический институт. Работал радиоинженером, литературным консультантом в ленинградской писательской организации СП СССР, редактором. Автор шести сборников стихов и двух книг прозы, а также публикаций в журналах, альманахах, антологиях в России, Германии, США, Финляндии. Сборник стихов «Чужеродное тело» (Гельзенкирхен, 2007) вошел в шорт-лист Бунинской премии-2007. Лауреат премии журнала «Урал» (2007) в номинации «Поэзия». С 2002 года живет в Германии.

туговато...

После концерта нас пригласили отобедать тюремной пайкой – для ознакомления, так сказать, с условиями содержания. Тут одна из девушек спохватилась, что забыла на сцене газовый шарф. В своем номере она изображала как бы борьбу с пламенем, роль которого играл ярко-рыжий лоскут легкой материи. В финале она отбрасывала его в угол. А подобрать шарф потом забыла.

Воспитатель, к которому девушка обратилась с просьбой поискать реквизит, лишь усмехнулся кривовато:

– Бесполезно – ничего мы уже не найдем.

А на недоуменный вопрос оплошавшей исполнительницы: «Да зачем же он им?!» – вновь ухмыльнулся и промолчал. Да, обрел какой-то юный фетишист ночную усладу...

– Ну, а теперь полчаса на отдых – и футбол! – бодренько заявил замначальника колонии по воспитательной части. В отличие от воспитателей, он был в цивильном темно-сером костюме и бордовом галстуке, и больше походил на дипломата мелкого ранга. Тут-то и выяснилось, почему наш «Икарус» был заполнен лишь наполовину.

Оказалось, что из команды заводского спортклуба «Металлист», которая должна была в составе нашей делегации принимать участие в поездке, в наличии имеется только один защитник – тот самый молодой человек спортивного вида. Все остальные по какому-то невероятному недоразумению отсутствовали.

Замначальника опешил:

– Но ведь ребятам обещали футбол! Они тренировались, ждали...

И тут же, как тёртый дипломат, постарался исправить ситуацию:

– Матч нужно провести обязательно! Давайте попробуем составить команду из гостей.

Как ни странно, мы согласились на эту авантюру.

Мальчики из «Дороги» репетируют, танцуют, – значит, могут и по полю побегать. Толстяк-иллюзионист поддался на уговоры нашего единственного футболёра, которому хотелось, видимо, непременно отработать свой номер. Фокусника уломали стать «столпом обороны» – мол, бегать почти не потребуется. Ну а я...

Год, напомню, шел 1986-й. В эти дни в Мексике проходил чемпионат мира по футболу, на котором поначалу блистала датская «футбольная машина», неожиданно с треском обрушившаяся в четвертьфинальном матче с испанцами. А одним из лучших в сборной Дании был 36-летний ветеран, полузащитник Мортен Олсен. «А я чем хуже? – подумалось с неоправданной самонадеянностью, – всё же, на год помоложе Олсена». И согласился. Действительно, почему бы не размяться, не побегать с детьми? В последний раз выходил на поле стандартных размеров лет десять-одиннадцать назад, в студенчестве, когда работал летом в пионерлагере. Играл тогда персонал против первого отряда. Даже, помнится, хет-трик сделал. Но, с другой стороны, сколько воды (да и алкоголя) с тех пор утекло...

Нам подобрали какую-никакую форму и обувку (особенно пришлось повозиться с фокусником).

– Раз вы в нападении играли, встанете впереди, у их штрафной, – наставлял меня заводской полупрофессионал. – А я в защите. Буду вам через всё поле набрасывать. Может, и закатим.

Он из кожи вон лез, пытаясь организовать из нашей разношерстной толпы хотя бы подобие команды со своей тактикой.

Мы вышли на поле. Мать честная! – ему же ни конца, ни краю не видно. Но главное...

Перед нами стояли одиннадцать тренированных бритоголовых атлетов, большинство на вид лет девятнадцати – двадцати.

– До какого же возраста держат в вашей колонии? – тихо поинтересовался я у замначальника, который к этому моменту, скинув свой парадный костюмчик, уже преобразился в футбольного арбитра.

– До восемнадцати, – ответил он. – Но в крайних случаях имеем право оставлять и до двад-

цати.

По-видимому, эти самые, оставленные «на крайний случай», и составили сборную родного ИТУ. Вот тебе и дети...

Игра началась. Проходила она исключительно на нашей половине поля. Бесполезно метался перед штрафной наш футболёр. «Столп обороны», иллюзионист, оказался действительно «столпом», точнее, столбом. Ловкость его ног, как выяснилось, значительно уступала ловкости рук. За весь матч он так ни разу и не коснулся мяча.

Субтильные балетные мальчики пушинками порхали по полю, выделывая невероятные па при соударениях с крепкими воспитанниками колонии. Впрочем, те старались играть корректно. Им, разумеется, было бы гораздо приятнее, если бы на поле против них играли «дорожные» девочки. Тогда, глядишь, у нас и был бы шанс...

Девочки же, тесно прижавшись друг к дружке, сидели на лавочке у поля под бдительной охраной воспитателей и тонкими голосками болели за своих. Хотя болеть было бесполезно – счет рос, как на дрожжах, и естественно не в нашу пользу.

Я сиротливо торчал у штрафной соперников под присмотром пацанчика лет пятнадцати, самого молодого в команде соперников. Видимо, ребята посчитали, что и этого будет вполне для моей нейтрализации достаточно. Время от времени паренек рвался в бой – убегал, забыв обо мне, на другую половину поля, к своим. Но грозные окрики вратаря возвращали его назад. «Значит, всё же остерегаются меня», – удовлетворенно подумал я, хотя оснований для оптимизма не было. За весь первый тайм мяч лишь раза три-четыре летел в моем направлении. Но не долетал...

Второй тайм мало отличался от первого. Разве что, забив пятый гол, «колонисты» сбавили обороты и шестой мяч закатили уже словно по инерции. Матч шел к бесславному для нас завершению.

От нечего делать я, стоя рядом с опекавшим меня защитником, стал в шутку канючить:

– Эх, нехорошо так поступать с гостями! Разделали, как бог черепаху...

К моему удивлению, восприимчивый паренек принял мои слова вполне всерьез. Он пошептался со своим капитаном, потом с вратарем. И «чудо» свершилось!

В единственной контратаке мы в результате неимоверных усилий закатили мяч за лицевую линию соперников. Вратарь, пробивая удар от ворот, как бы случайно зарыл носок бутсы в землю и легонько катнул мяч ко мне, стоящему у линии штрафной площадки. Защитник метнулся, но явно без должного рвения. Удар! Вратарь исполнительно бросился в противоположный угол. Гол! Мортен Олсен мог бы мной гордиться.

Финальный свисток прозвучал сразу же. Итак, 1:6. Результат не слишком почетный. Впрочем, футбольная история знает множество примеров и гораздо более катастрофического счета. Вот, скажем, на уже упомянутом чемпионате сборная СССР со счетом 6:0 обыграла отнюдь не слабых венгров, а Уругвай с нашим счетом – 1:6 – слил моей любимой Дании.

На обратном пути девушки из «Дороги» стреляли в мою сторону глазками – что ни говори, а герой дня. Футболёр, кажется, раскусил истинную природу ответного гола и посматривал на меня иронически. А может быть, просто завидовал чужому успеху.

На следующий день ломило всё тело. Размялся, называется... Но зато в Болгарию всё же поехал.

Прошло почти четверть века – восьмидесятые, девяностые, новое время... Все они, соперники тогдашние, уже взрослые дядьки, за сорок. Татуированные, наверное. Хлебнувшие жизни. Или захлебнувшиеся ею. На футбольном поле уже никогда не встретимся. А на других «полях» лучше и не встречаться...

Постскриптум. А Мортен Олсен на последнем чемпионате мира в ЮАР был главным тренером сборной Дании. И хоть лавров она вновь не снискала – молодец, старина, – держится на плаву!

Борис БЕЛКИН

ПРОГУЛКИ У ЗАЛИВА

***

Вечерним гостем постоянным
Брожу с собакой у моста
Когда-то мне казалось странным
Любить открытые места

Где гуси гулко чистят глотки
Где роют суслики приют
И зайца бурые ошметки
На шпалах вороны клюют

***

Ветер тише
Краски глуше
Потемнели небеса
На холмах в зеленом плюше
Собирается роса

Мокрый пес
Воняет тиной
И высматривает где
Флот покажется утиный
На сиреневой воде

***

Князь татарник шапкой машет
Над заросшею тропой
Холмик сусличий
Украшен
Мелкой птичьей скорлупой
В серой пашне ветер ходит
Гонит пыльную волну
Ничего не надо вроде
Разве жизнь
Еще одну

***

Ночь улица фонарь
Аптеки

Борис Белкин родился в Свердловске в 1953 году, рос в г. Ангарске. Служил во внутренних войсках МВД. Окончил Московский физико-технический институт. С 1992 года жил в Израиле, Канаде, в настоящее время живет в г. Ньюарке (Калифорния, США). Публикуется впервые.

Лишь нет
Свисая головой
Свет мертвецам подымет веки
Не говоря про кто живой

Под синим светом галогена
Собачий пес
Бежит ко мне
И тень его
Сбежав из плена
По серой стелется стене

***

Исполнив радугу
Собака
Каталась мокрая в пыли
На придорожных желтых маках
Кормились толстые шмели

Еще теплом дышали шпалы
И тени не были длинны
А над холмами проступала
Улыбка странная Луны

***

Какая ранняя весна
Над полем воздух в легкой дрожи
В слободке сусличьей похоже
Идет окопная война

С задетых зеленью вершин
В долину теплый ветер веет
И гонит бусины машин
По ниткам спутанным фривеев

***

Еще кедровая смола
Тепло увязшее хранила –
Ночь над долиной разлила
Свои лиловые чернила
Степной прикинулась совой
Следила кто там рыщет в травах
И слушала далекий вой
На юг идущего состава

***

Из мест
Где солнце обглодало
Заблудших крылья облаков
Где шмель трудился запоздалый

Среди сурепкиных цветков

Мы шли к стоянке
Там дышало
Из клетки толстых две трубы
И две вороны завершало
Собой фонарные столбы

***

Сквозь дыры синей ватной тучи
Пробился толстый желтый свет
На горизонте свален кучей
Холмов поношенный вельвет

В небесной рыкнуло утробе
Дождь провалился до земли
И капли крупные на дроби
В дорожной делятся пыли

***

Просветлел на южном склоне Ориона поясок
Все окрестные вороны спать слетели во лесок
Кедры тянут над аллеей лапы темные свои
И доносится с хайвея запах скунсовой струи

***

Употребить остаток суток
На пару верст до тростника
Где шуганет уснувших уток
Неутомимый пес Лука

Где по долине полуночной
С залива тянет легкий бриз
И мост гирляндой позвоночной
Над темным зеркалом провис

РАЗГОВОРЫ С АНДРЕЕМ ПЕРМЯКОВЫМ

Андрей ПЕРМЯКОВ – Олег ДОЗМОРОВ

– Олег, Вы начали печататься с 18 лет, стало быть, присутствуете в литературе уже давно. Как, на Ваш взгляд, изменился пейзаж русской поэзии за последние 15 лет?

– Пейзаж поэзии за это время изменился очень сильно. Достаточно сказать, что пятнадцать лет назад, в 1994 году, был, например, жив Бродский. Еще работали «старые» иерархии, сложившиеся в советское время. Актуальным было, например, противопоставление советской и неподцензурной поэзии. Мы ориентировались строго на тех, кого не печатали или печатали не полностью. Волна возвращенной и эмигрантской поэзии была высока. Например, в 94-м году вышел трехтомник Георгия Иванова, был издан Б. Поплавский. В том же году или в 95-м начала выходить поэтическая серия «Пушкинского фонда» – Кублановский, Гандлевский, Новиков и многие другие. Сейчас это все многократно прочитано и освоено всеми. А тогда это был взрыв. 90-е очень интересное время для исследователей, ведь шли одновременно два процесса – завершался поэтический 20 век и начинался 21-й. Мне трудно говорить о том, как пейзаж изменился за 15 лет, тогда я еще был малосознателен, а с другой стороны, если взять период в 10 лет, изменения были не такими сильными.

– Ну, например, первые годы публичной, активной деятельности «Вавилона» приходятся как раз на тот период...

– Что касается «Вавилона», то это был совсем не тот «Вавилон», каким мы его знаем теперь. Не верится, но я участвовал во II фестивале поэзии «Вавилона» в 1993 году. В жюри были Евгений Рейн, Иван Ахметьев, Владимир Корнилов; победительницей фестиваля стала Альбина Синева из Воронежа. Участвовали и Станислав Львовский, и Ольга Зондберг, но были и те люди, которые теперь никак не ассоциируются с «Вавилоном». Тогда не было акцентированного новаторства, упор делался скорее на возраст, вводился ценз, кажется, 25 лет.

Но я жил не в Москве, а в Екатеринбурге, поэтому, наверное, мой пейзаж был немного другим. Я помню, что привез с этого фестиваля много книг – то, что выходило тогда в Москве или в Питере вообще не доходило до провинции, и вылазки, которые я совершал в столицы 1-2 раза в год, приводили к прорывам в чтении. Что касается конкретно 1994 года, то я привез книги Гандлевского, Рейна... Рейна можно было почитать и до этого, но Гандлевского открыл тогда.

Нет, я, наверное, не готов ответить насчет тогдашнего пейзажа. Просто были другие имена вокруг, совершенно другие. Писали еще многие советские поэты, и только что вышли на сцену представители неподцензурной литературы. В общем, время было интересное, но, наверное, я был слишком маленьким, чтоб его понять.

Тогда литературные журналы, например, еще имели какое-то влияние, и публикация в толстяке давала очень серьезный импульс.

Пятнадцать лет не такой большой срок для глубокого разговора о поэзии; изменилось за это время все, но каких-то готовых формулировок для оценки у меня пока нет.

– Полезен ли был опыт длительной жизни в провинции? Посоветуете ли Вы известным региональным авторам ехать в Москву?

– В таких вещах советовать вообще-то не нужно, каждый должен решать сам. Могу сказать, что постоянное метание между двумя решениями: оставаться или уезжать – это примета нашего

Олег Дозморов – поэт, прозаик. Родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филологический факультет Уральского университета и аспирантуру. В настоящее время живет в г. Абериствуит (Великобритания). Публиковался в журналах «Арион», «Воздух», «Волга», «Звезда», «Знамя», «Новая юность», «Таллинн», «Урал». Автор книг «Пробел» (1999), «Стихи» (2002), «Восьмистишия» (2004). Стихи переведены на английский, голландский и итальянский языки.

вертикального устройства – и государства, и культуры. Для человека, родившегося в провинции, вопрос: оставаться ему дома или ехать в Москву существует всегда. Есть, конечно, люди, которые не думают об этом: где родился, там и пригодился. Проблема возникает, когда появляется выбор: или человек остается, и это его решение, либо уезжает, и это тоже его решение. Неотъезд – это приятие судьбы. Отъезд – вызов судьбе.

Я не могу порекомендовать всем: «Ребята, надо уезжать». Этот выбор возникает не у всех. Но если ехать, то ехать надо в возрасте юном и нежном. Я переехал, когда мне было уже 29 лет, достаточно, по-моему, сложившимся стихотворцем, и для меня переезд в Москву был не столько литературным шагом, сколько житейским. Я просто поменял работу. На поэзию переезд уже никак не повлиял.

– Несколько лет назад в Италии вышла антология современной русской поэзии, куда вошло 16 российских авторов. С Урала, точнее из Екатеринбурга там было трое: Борис Рыжий, Олег Дозморов и Елена Тиновская. Борис умер, Елена уехала в Германию, Вы в Москву. Кто на Ваш взгляд сейчас достойно представляет Урал? И в целом, и в поколении?

– Сначала необходима пара уточнений. Антология вышла летом 2008 года. И это, конечно, не единственная антология, где есть поэты с Урала. В Милане издается журнал Poesia, и несколько лет назад в одном из номеров была большая публикация уральских поэтов на итальянском языке. Составлял ее Виталий Кальпиди, кроме него в подборку вошли, из Екатеринбурга – Юрий Казарин, Аркадий Застырец, Роман Тягунов, а также поэты из Перми и Челябинска, целая обойма уральских авторов.

Кто сейчас достойно представляет Урал? Прежде всего, те же, кто и представлял его. На Урале живут замечательные поэты. Опять же, Юрий Казарин. Евгений Туренко, правда, он недавно переехал в Подмосковье. Я очень люблю стихи Димы Рябоконя. К сожалению, я не очень прицельно слежу за уральскими авторами, не все книги, издающиеся там, доходят до меня. Но думаю, что переезд в другой город – это не уход из местного пространства. Меня, например, до сих пор на Урале считают своим, правда, пишут «Екатеринбург–Москва». Елена Тиновская уехала в Германию, но она продолжает здорово писать, мне кажется, что даже еще лучше, чем раньше.

Что касается поколения... Я люблю стихи Василия Чепелева, он мне кажется одним из самых интересных уральских поэтов, и не только уральских, это тот поэт, которому на Урале тесновато. Есть очень хороший поэт Алексей Сальников, есть Елена Сунцова. Она, правда, уехала в Нью-Йорк около года назад. Есть Наталия Санникова. К сожалению, многие погибли или уехали.

В перестроечное время на Урале происходил ренессанс. В театре Оперы и балета выходили гениальные постановки, прорывные, на свердловской киностудии снимались интересные фильмы, свердловский рок гремел, и все эти явления были известны в масштабах страны. И казалось, что вот оно: начинается что-то очень интересное. Я застал самый конец этого процесса, года с 1989-го. А в 1991-м все закончилось.

Из Москвы кажется, что если человек живет на Урале, то он знает весь Урал. Урал на самом деле очень большой и неоднородный. Я, например, не очень хорошо знаю, что происходило в Перми и в Челябинске, а там тоже были очень интересные вещи. Но ситуацию в Екатеринбурге того времени я знаю хорошо. Тогда из подполья вышли очень сильные художники, я уже сказал, что был прорыв в музыке, в кино, в театре. И то же самое произошло с поэзией. Литературная жизнь тогда бурлила, и будущее казалось прекрасным: стояло еще вполне советское время, и институты продвижения реально работали, а эстетические запреты уже были сняты, хотя гайки в Москве отворачивались быстрее, конечно. Свердловск же был закрытым городом. В отличие от Москвы, скажем, там не было никакого серьезного диссидентского и правозащитного движения, туда не доходила эмигрантская пресса, не пускали иностранцев. Военный, промышленный город. Изредка доходили распечатки Бродского. И все. Андеграунд существовал в точечном формате: несколько художников и поэтов. Рок-клуб функционировал под патронажем обкома ВЛКСМ. Того, что мы называем неподцензурной поэзией и неподцензурной литературой, как явления не существовало. Там просто были талантливые непечатаемые авторы. Скажем, в семидесятые годы ты мог бы быть отличным поэтом, но пробиться к книгам в Средне-Уральском книжном изда-

тельстве у тебя б не получилось лет до 45. Все мариновалось, процесс искусственно сдерживался, и году в 87–88 все взорвалось.

Повторю: казалось, что это было начало, но это был конец. Получился такой взрыв, за которым последовало затишье. Но энергии этого взрыва все же хватило на много лет. К началу девяностых все поутихло, к середине девяностых затихло совсем, многие театральные режиссеры, кинорежиссеры уехали, Хотиненко, например. Но островки, где сохранялась пассионарность, остались. Когда я уезжал из Екатеринбурга в 2004 году, у меня было ощущение, что я уезжал из пустыни. Несмотря на то, что там жили и живут мои друзья, ощущение было таким. Это не значит, что я бежал оттуда, потому что мне было плохо, в бытовом смысле все было нормально. Но вот теперь я вижу, что на Урале, во всяком случае, в поэзии, что-то случилось, что-то сдвинулось. Возможно, повлиял Борис Рыжий, он раскрепостил многих, и заставил обратить внимание на Урал. Но то, что сейчас там происходит, совсем новое.

Процесс очень интересный, но я уже наблюдаю его со стороны. Опять же, отходя от имен, средний уровень текстов на Урале очень высок. Может быть, он даже выше среднего московского. Во всяком случае, скорость протекания процессов на Урале очень высока. И это здорово.

Еще одна особенность нынешнего уральского времени по сравнению с восьмидесятыми – девяностыми, это сильный подъем в Перми и Челябинске. После того, как из Перми уехал Кальпиди, потом Решетов, наступило затишье. Из новых имен в девяностые появился только Антон Колобянин. А теперь в Перми вновь пошел интересный процесс, и в Челябинске тоже.

– На Ваш взгляд, приносят ли пользу поэтические фестивали? Насколько соответствуют заявляемым масштабам региональные кураторы?

– Я в своей жизни участвовал всего в двух или трех поэтических фестивалях, причем это было очень давно. Единственным фестивалем, где я участвовал недавно, был «ЛитератуРРентген», я там был в жюри. Чем больше фестивалей, тем лучше. Если они есть, значит, жизни много. И значит, есть конкуренция не только между поэтами, но и между кураторами. И это очень хорошо.

– Какова оптимальная для Вас лично форма преподнесения текста публике? Публикация, литературный вечер, фестиваль, еще какой-то вариант?

– В поэзии существует всего два события: первое, это когда поэт пишет, и второе, когда читатель читает. На литературном вечере поэт ничего не пишет, а читателей там нет, туда в основном ходят поэты.

Я сошлюсь на Блока. Он говорил, что в поэзии есть три этапа. Первый это когда поэт слышит музыку сфер, второй – когда он эту музыку выражает стихами и третий, когда он выносит то, что у него получилось к людям. Так вот, мы сейчас говорим только о третьем этапе, очевидно, что он не главный, но именно здесь поэту и можно помешать. На первых двух этапа поэт зависит только от своей внутренней свободы, а третий – это единственный момент, когда он встречается с внешними силами.

Публикации, книги нужны всем. Хорошо, когда признание приходит вовремя, но это не главное. Поэт должен в какой-то момент расстаться со стихами, отдать их кураторам, что ли. Ему не надо, наверное, заниматься вот этим третьим этапом.

– Насколько серьезно размежевание между основными литературными журналами? Если верить декларациям и критическим статьям, журналы различаются весьма. Это так? И вообще, насколько теперь велика роль журналов?

– Журналы, как и фестивали, это способ организации литературного процесса, одна из форм бытования литературы. Это не единственная и не новая форма. Все мы видим, что время главенствования этой формы прошло. Мы видим это и по количеству читателей, и по другим признакам. Институт подписки почти прекратил свое существование.

Книги, журналы были дефицитом, и, стало быть, предметами престижного потребления, символами. Их могли не читать, как могли не читать Мандельштама – синий том из «Библиотеки поэта» с предисловием Дымшица. Но его покупали, точнее, доставали, тираж по нашим временам был оглушительный, несколько десятков тысяч экземпляров. И достать книги было невозможно:

Пастернак с предисловием Синявского стоил как джинсы, его меняли на пластинку «Дип Пепл». Теперь Пастернака можно скачать из Сети или, если так хочется книгу, купить за 100 рублей. Но теперь это не предмет символического потребления.

Книга перестала быть вещью и стала просто книгой. И это прекрасно! Поэт свободен, потому что он пишет неприсвоенные тексты. Словом занимаются многие: филологи, журналисты, но единственный способ заниматься неприсвоенным словом – это художественная литература. Когда я, скажем, пишу материалы как журналист, я знаю, что получу за них деньги, и слово тут заранее присвоено.

По поводу того, насколько различны журналы... Журналы различаются «по краям». Роль литературных институтов – кураторов, журналов, критиков – состоит, как известно, в том, чтобы указать читателям на те моменты литературного процесса, которые кажутся им наиболее интересными. Журналы, конечно, не умрут. История показывает, что по мере развития, новые медиа не вытесняют, а дополняют старые, причем старые мутируют, учатся работать в новых условиях. Это как с появлением цветной фотографии исчезла портретная живопись, но не живопись вообще.

– Существуют ли в современной поэзии некие конвенциальные фигуры? Как в целом среди авторов, так и в пределах «поколения тридцатилетних»?

– Последней такой фигурой был Бродский. Почвенники противопоставляли ему Юрия Кузнецова, но, по большому счету, Бродский был единственной символической фигурой. Теперь у каждой группы есть одна или несколько собственных конвенциальных фигур, но они существуют в рамках групп. Хотя несколько лет назад проводился опрос среди авторов, кого они считают наиболее значимым поэтом. Победил Сергей Гандлевский. Наверное, Гандлевский наиболее подходящий поэт на роль консенсусной фигуры.

Хорошо, когда есть бесспорная фигура, эталон, но это бывает не всегда.

– Продолжает ли сказываться в современной поэзии гипертрофированная роль метафоры в 80-е – начале девяностых годов? Влияние Александра Еременко продолжается?

– Значение метафоры сейчас, на мой взгляд, близится к нулю. Символ явно побеждает метафору. Мне кажется, что метаметафористы были искусственной группой, но это было единственное поэтическое течение, осмысленное с эстетической точки зрения. Влияние их было невероятным. Скажем, Еременко очень сильно повлиял на уральскую поэзию, по сути, создал заново, изменил ее атомарный состав. И во многом он это сделал благодаря личному общению, он часто ездил в Свердловск и общался с поэтами. И это влияние продолжается. Оно продолжается через Тягунова, через Санникова, через Кальпиди, через Казарина. Это не единственное, конечно влияние на каждого из них, но он единственный смог повлиять на всех в нашем регионе. А в Питере его влияния почти нет.

Еременко развязал язык целому поколению уральских поэтов, не только свердловских. Если представить поэта такой молекулой, то в каждом уральском авторе есть атом Еременко.

У поэта в жизни есть, может быть, полчаса, определяющих, что будет дальше. Если в эти условные полчаса поэта било током от стихов Еременко, это одно, а если, скажем, от стихов Бродского, то путь у поэта будет другой совсем. Ты читаешь, тебе 15 или 17 лет и тебя бьет этим током. Всё. После этого у тебя уже другой состав крови, и писать ты будешь по-другому. Для меня Еременко очень важный поэт, многие его стихи я знаю наизусть.

– Периодически в рамках русского стиха возникают попытки введения твердых форм. Например, сейчас чрезвычайно популярна танкетка – 2 строки, 6 слогов. Есть ли перспективы у твердых форм вообще и считаете ли Вы твердой формой восьмистишье?

– Искусственно создавать новую твердую форму – рискованная задача. Исторически твердые формы все-таки возникали естественным путем. В случае с танкеткой это литературный эксперимент. Посмотрим, что будет дальше, интересно.

Хорошо, что есть много форм: от танкетки до верлибра. В одном случае поэт полностью зажат, в другом – совершенно свободен внешне от версификационных обстоятельств. В чем-то верлибр – это суперпоэзия, поэзия в чистом виде. И планка в верлибре установлена очень высоко. Писать верлибр – то же самое, что участвовать в Олимпийских Играх. То, что я говорю, не ново, но, на

мой взгляд, лучшие верлибры написаны поэтами, успешно пишущими рифмованные стихи.

Восьмистишье, или октет, только оформляется как твердая форма. Для меня восьмистишье – это осколок сонета, первые два его катрена.

– Алексей Алехин оценивает общее количество любителей поэзии в России приблизительно в 150 000 человек. Сколько читателей хотелось бы лично Вам?

– Глянцевый какой-то вопрос. Давайте зададим его кому-нибудь другому.

– То, что по образованию Вы филолог, влияет ли в какой-то степени на Ваши стихи?

– Ровно в той же степени, в какой это влияло на Блока, Мандельштама, Анненского. Наверное, никак. Возможно, более систематическое чтение. Не вижу здесь проблемы.

– Роль водки в русской литературе. В какой степени образ поэта как молодого человека, ведущего асоциальный образ жизни, соответствует действительности? Может ли повлиять на автора жизненный успех в общепринятом понимании этого слова?

– Образ не соответствует ни в коей мере. Мы сидим, беседуем, ты в обычной жизни работаешь начальником цеха, а я – в инвестиционном банке.

Большинство современных поэтов этому стереотипу не соответствуют. Посмотри, они, как правило, неглупые, образованные, уверенно стоящие на ногах, самостоятельные люди. «Пьющий поэт» – чаще всего форма литературного поведения, игра, маска. Можно иногда взять с вешалки байронический плащ и какое-то время «играть в поэта».

С одной стороны, поэт не полуживотное, которое в припадке вдохновения с выключенным сознанием выдает гениальные тексты, а в остальное время валяется в канаве. На практике мы знаем, что такого не бывает. Но с другой стороны, поэт – это профессия, в которой главное произведение – это он сам. А над собой надо работать. Когда у Бориса Рыжего спрашивали, над чем он работает, он, цитируя Бродского, отвечал: «Над собой». Тут уж кто как над собой работает, кто-то и с помощью водки.

Не нужно думать, что раз ты поэт, общество тебе что-то должно. Ничего оно не должно. Это не значит, что не нужно помогать журналам и талантливым авторам. Конечно, нужно. Но сами поэты не должны считать, что им все должны. Поэзия не кормит – ничего страшного. Она и не кормила никогда. Я видел хороших поэтов, считающих, что производят для общества такую ценность, что оно должно их содержать, причем на довольно приличном уровне. Какая-то ущербная позиция. Я рад, что зарабатываю деньги непоэтическим трудом. Я свободен.

Если представить, что у нас, как в Америке, была б должность поэта при университете, профессора, то какая бы там была конкуренция? Взяткоемкая и коррупционная должность была бы. Государство должно поддерживать культуру, но люди, идущие к государству с просьбами о поддержке, почти всегда так или иначе заботятся о себе. А те, кому действительно нужна помощь, не ходят и не просят.

Мои знакомые хорошие поэты в основном успешны и не асоциальны. Хотя, да, водка играет в их жизни серьезную роль.

– Феномен «первого поэта города», скажем, такого автора, каким был в Перми, а затем в Екатеринбурге Алексей Решетов, насколько сильно он влияет на формирование региональной поэтической структуры? В Москве, например, подобное явление просто невозможно.

– На мой взгляд, наличие «первого поэта» – признак региональности, но не причина. Это неизбежное следствие ограниченных размеров города. В городе с населением в миллион человек не может быть нескольких толстых журналов, у них просто не хватит авторов, также там не может быть много фестивалей, много кураторов. Даже если их будет два, случится война.

Проблема провинции в том, что она копирует, она вторична, обречена на тавтологию. Провинция тоже хочет быть столицей. Существует серьезная конкуренция среди российских миллионников за право называться «третьей столицей». Это тоже следствие комплексов. Если у тебя комплекс, то уже не важно, уехал ты или остался создавать и пестовать у себя маленькую литературку.

Это такой оптический обман. Человек, родившийся в регионе и имеющий способности, быс-

тро достигает некоего уровня признания, за которым следует квазипризнание. У него издаются книги, его куда-то приглашают, везде зовут. Выбирают каким-нибудь председателем местного Союза писателей. Но это слава первого парня на деревне, за пределами деревни все это ничего не значит.

У Гандлевского в романе «НРЗБ» описана встреча двух местных поэтических царьков на литобъединении. В Москве таких царьков много, много литераторов, много поэтов. Поэтов, живущих в Москве, вполне достаточно, чтобы раскупить тираж поэтической книги. В провинции масштаб меньше, и человек, став первым парнем на деревне, перестает развиваться.

А Решетов не был первым на деревне, он был поэт Божьей милостью. Уралу повезло, что консолидирующей фигурой оказался такой поэт. А мог оказаться, в принципе, кто угодно. В провинции всегда много дутых величин. И они обязательно занимают какие-то посты. И талантливые люди быстро останавливаются. Там тебе на второй-третий день скажут: «Старик, ты гений!» И ты поверишь, что гений и остановишься. А в Москве так не скажут, или, если скажут, ты будешь знать, что рядом еще 200 таких гениев. В Москве труднее заболеть звездной болезнью.

Андрей ПЕРМЯКОВ – Данила ДАВЫДОВ

– То, что сейчас, в самом конце первого десятилетия нового века происходит в литературном мире Москвы – это принципиально новое явление или продолжение начатого в т.ч. и Вами в девяностые? (ясно, что носители советской традиции в данном дискурсе – за скобками).

– Этот вопрос заключает в себе сразу несколько других. Во-первых, он отсылает нас к проблеме: едина ли литература как таковая? И если мы говорим, что наше время чему-то наследует, то мы должны понять, что именно наследует чему. Я сторонник идеи того, что литература, конечно, целостна, но целостность эта литературой не осознана, и, более того, литература активно и очень сильно сопротивляется осознанию своей целостности. Трудно представить себе адекватную ситуацию, где Дмитрий Быков и Станислав Львовский оказываются равноправными участниками процесса. Они оба присутствуют, они есть, но с точки зрения антропологической, с точки зрения того, как люди изнутри литературы и особенно люди окололитературные воспринимают процесс, эти фигуры несовместимы. Вместо этих имен можно назвать другие.

Нет целостного континуума с точки зрения литературной политики, с точки зрения бытования литературы. И я не понимаю, кто кому наследует. Например, Дмитрий Быков, очевидно, наследует шестидесятникам, думая при этом, что наследует акмеистам и Пастернаку. Та же поэзия, которую принято называть «кругом Вавилона», и мне б хотелось называть ее именно так, действительно наследует русскому андеграунду 50-90 годов.

Существует, конечно, прямое наследование, но вообще вопрос наследования – это вопрос понимания того, как устроено творчество, того, что художник в первую очередь судится сам с собой, с Богом. Отвечает за своё высказывание и за себя. И это погубило все возможные попытки гражданственности в русской поэзии начиная с 19 века. «Ты царь, живи один» – вот базовый принцип. Но принцип этот в сущности не является эстетическим, это проблема этики. А с точки зрения эстетики я не уверен, что идеи, заложенные русским андеграундом 50-90 годов, реализованы полностью теми, кто писал позже и пишут сейчас. Именно потому что «ты царь, живи один» – каждый автор создает свою, несовпадающую эстетику. Так что речь, опять-таки, идет о наследовании этических, но не эстетических моментов. И многие идеи, очень тонко разработанные в предшествующую эпоху, не получили развития. Более того, многие авторы не прочитаны даже самими поэтами.

Хотя есть случаи прямого продолжения, например, Дмитрий Воденников – явный последователь Елены Шварц. Мы знаем многих подражателей Бродского, как правило – неудачных подражателей. Бродский это вообще отдельная тема. Я писал уже о том, что с моей точки зрения,

существуют «открывающие» и «закрывающие» эстетики. Продуктивные в смысле подражания им и контрпродуктивные в смысле подражания. Так вот, Бродский – самый, пожалуй, очевидный пример «закрывающей эстетики». Сюда же можно отнести Пастернака, Цветаеву. А вот Мандельштам или Хлебников – носители продуктивных эстетик. Они не захватывают полностью своей интонацией подражающего поэта, оставляя ему свободу выбора внутри избранной эстетики

– А кого, на Ваш взгляд, можно отнести к подражателям, или, скажем корректнее, продолжателям поэтики Хлебникова?

– Хвостенко. Сапгир. Волхонский. Это, конечно, фрагментарное наследование, но Хлебников и сам очень фрагментарен, он, как известно, был шизофреником. Но дело, опять же, не в шизофрении. Если мы вспомним всех тех, кто наследовал, например, Мандельштаму – от Пуханова до Барсковой – это наследование тоже окажется фрагментарным. Каждый выбирает у автора то, что ближе лично ему.

– Всё-таки, если мы говорим об авангарде 50–90 годов, как об основном источнике того, что сейчас происходит в поэзии, то можете ли Вы сформулировать какие-то общие черты той эстетики?

– Во-первых, мы говорим не об авангарде, но об андеграунде. Авангардистами там были далеко не все. Там были люди, писавшие гипертрадиционно, традиционнее, чем современные им советские поэты. Например, покойный Олег Охапкин. Теоретически, Станислав Куняев мог его печатать в «Нашем современнике», но на практике Куняев получал свои премии, а Охапкин, сделав личный выбор, был поэтом андеграунда.

И я ещё раз повторю мысль, которую может быть, выразил в ответе на предыдущий вопрос недостаточно ясно: не было никакой общей эстетики! Была общая этика. Именно следование каждого автора своей собственной эстетике и отказ от включения в эстетику официальную и создавало андеграунд. Эстетикой была этика. Можно было работать в НИИ, преподавать или быть дворником, но принципиальным было осознание своего выбора. И это осознание несотрудничества с властью, незамечание ее и наследуется той частью современной литературы, которая интересна лично мне.

Я очень уважаю Юрия Шевчука, выходящего против власти, но на каком-то уровне не существует ни его, ни Путина, например, а остаются какие-то гораздо более важные вещи.

– Очевидно, что современная поэзия не живет исключительно сама собой, она непрерывно подпитывается другими жанрами искусства. Насколько продуктивно такое взаимодействие – чтения на выставках, ставшая сверхпопулярной видеопоэзия? Насколько всё это относится к собственно литературе?

– А что такое «собственно литература»? Вот есть в Калининграде такой Дима Булатов. Великолепный, талантливый художник и поэт, который уже два десятилетия занимается эстетическим уничтожением литературы в том виде, в каком ее понимал, например, Белинский. Сначала его проекты были связаны с визуальной поэзией, затем с sound poetry, были акционные виды искусства, а теперь он занимается вещами, выходящими с нашей точки зрения даже за пределы искусства. Он занимается биологическим, генетическим конструированием. И это тоже поэзия.

Что такое поэзия? Мы понимаем, что после концептуализма всякий акт, всякое высказывание может быть объявлено поэзией. И вопрос о том, что же такое есть поэзия в действительности вы-

---

Данила Давыдов – поэт, прозаик, критик. Родился в 1977 году. Окончил Литературный институт, кандидат филологических наук, специалист по наивной и примитивной поэзии. Дипломант Фестиваля малой прозы имени Тургенева (1998); первый лауреат национальной молодежной литературной премии «Дебют» (2000). В 1999–2004 годах возглавлял Союз молодых литераторов «Вавилон», соредактор вестника молодой литературы «Вавилон». Один из составителей антологии новейшей русской поэзии «Девять измерений» (2004). Автор множества статей и рецензий в журналах «Новый мир», «Арион», «Критическая масса», «Новое литературное обозрение» и др. Ведущий полосы «Поэзия» в газете «Книжное обозрение» и хроники поэтического книгоиздания в журнале «Воздух». Книги «Кузнечик» (1997), «Опыты бессердечия» (1999), «Добро» (2002), «Сегодня, нет, вчера» (2006), «Контексты и мифы» (2010).

ходит далеко за пределы литературы и даже вообще искусства. Он становится сродни важнейшим метафизическим вопросам вроде того, есть ли Бог? Правильна ли картина мира, предлагаемая нам атеистическим сознанием, или правильную картину предлагает сознание религиозное? И ответ на вопрос о бытовании современного искусства, о бытовании поэзии напрямую связан с ответом на эти метафизические вопросы. Я, например, надеюсь, что в этом споре победит атеизм или, скажем так, агностицизм, или, во всяком случае, те варианты веры, что не подразумевают единобожия, но теперь весы, что совершенно очевидно, находятся на другой стороне.

Известная дискуссия, порожденная Михаилом Эпштейном и Константином Кедровым – это на самом деле поиск того, есть над нами метафизическая инстанция или такой инстанции нет. Концептуализм говорит, что такой инстанции нет. Смысл концептуализма в том, что любой дискурс равноправен. А смысл метареализма – в поиске божества через метафору. Вот в этом и был спор. Об этом нельзя было говорить, нельзя было печатать, но смысл спора состоял именно в этом. И любые поиски новых авторов тоже сводятся к этому расщеплению.

Важно, однако, и то, что стихи существуют в медийной сфере. Это не отменяет цитаты «ты царь, живи один», но медийное окружение исключать нельзя. Все, что мы делаем – часть социального пространства и текст, существующий сам по себе, это абстракция. Вот на этой полке есть у меня книга «Произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости», где Вальтер наш Беньямин объясняет нам, что у искусства утрачена аура, утрачено вот это равенство искусства самого себе, искусство перестало быть личным, оказалось встроенным в индустрию. Заметим: написано это еще в период между мировыми войнами. Мы тем более существуем в эпоху технической воспроизводимости искусства. Но у литературы есть важное свойство: она не есть объект. В изобразительном искусстве объект есть: вот картина, вот скульптура. Современное искусство, правда, тоже ставит объектность под сомнение – очень сложно представить, что есть объект в перформансе. В общем-то, и объектность, скажем, литографии тоже немного двусмысленна – неясно, где здесь собственно оригинал. А литература безобъектна изначально. Что в ней объект? Книга? Нет, книга это произведение типографского искусства. Что такое стихотворение? Это то, что крутится у тебя в голове, или то, что легло на бумагу, выложено в Живой Журнал? Поэтому возникают попытки конкретизации объекта, например, наши с Дмитрием Строцевым опыты в области голосового стиха. Слэм в этом смысле хуже. Я ничего не скажу дурного ни про Славу Курицына, ни про Андрея Родионова, это замечательные люди, но сама идея слэма, идея того, что стихи можно оценить голосованием, на мой взгляд, плоха. Получается какое-то фигурное катание, танцы на льду. Впрочем, почему не быть игре, только главное понимать, что это игра. Если задача в чистом предъявлении мгновенной реакции на сегодняшний день, которая выражается в стихотворении – это занятно конечно. А вот фестивали, где оценок нет, это, на мой взгляд, очень хорошо.

– Однако у фестивалей есть свои проблемы. Там абсолютно на равных правах участвуют, скажем, Аркадий Штыпель и Адель Циферблат. Заметим, я называю имя весьма интересного и перспективного автора, но уровень ее и уровень Штыпеля все-таки очень разные.

– И правильно. Фестиваль это свободное пространство. Мы должны назвать вещи своими именами и выделять разные уровни. На одном из этих уровней нынешняя актуальная поэзия является субкультурой и действует как субкультура. И этот уровень не имеет к поэзии никакого отношения. И к критике тоже не имеет никакого отношения, потому что критикуют субкультуру, как социум. И к этой критике социума, будь она вменяемой, я был бы готов присоединиться. Но к механизму письма, повторю, все это не относится. По публикациям в «Воздухе», в «Знамени», в «Новом мире» мы знаем, что у нас есть отличная поэзия, наверное, далеко не худшая поэзия в рамках текущей европейской культуры, о которой мы, впрочем, очень мало знаем. Так вот, в фестивалях как раз часто участвуют те самые авторы, которые делают нашу поэзию сегодняшнего дня столь яркой.

Но фестивали, конечно, небезвредны. В частности, их вред в том, что они пропагандируют представление о поэзии как о шоу. Поэзии надо, конечно, придавать фактурность, оформление,

но это оформление не должно становиться главным. Когда мы занимаемся голосовым стихом, все понимают, что дело здесь в стихах, ну, или в синтетическом голосовом произведении, но именно в произведении, а не в антураже. А на фестивалях побеждает шоу.

Я больше скажу: с точки зрения поэзии фестиваль почти столь же бессмысленен, сколь турнир поэтов. Но с социальной точки зрения это явление сугубо положительное. Потому что когда в город Н приезжает некоторое количество авторов из Москвы, Питера, Нижнего Новгорода, Казани, Екатеринбурга, Перми и так далее – наверняка кто-то из местных студентов поймет, что современная поэзия существует. И города, где проводятся фестивали, становятся поэтическими центрами, мы видим это.

По поводу же того, что на одной сцене друг после друга оказываются поэты разных поколений и разных уровней... Здесь так: состоявшемуся автору от его принятия или непринятия публикой не станет ни жарко, ни холодно. И русской поэзии ни жарко, ни холодно не станет. А вот у молодого, перспективного поэта есть выбор – он может прийти в восторг от того, как тут ему аплодировали, и быстро перестать быть молодым и перспективным, а может чему-то научится. И второй вариант, к счастью, бывает нередко.

– Каково, на Ваш взгляд, будущее толстых журналов? Возможна ли полная смена структуры? И нужна ли такая смена?

– Нет, конечно, никакой смены не будет. Будет тихое и медленное умирание. Смерть толстым журналам предрекали еще 10 лет назад, но тогда они выжили. И на нашем веку они выживут. Если процесс умирания станет совсем необратимым, государство найдет деньги для их поддержки, потому что это некоторые бренды – как крейсер Аврора, как Эрмитаж. Нечто запрещенное к уничтожению.

Нужны они или не нужны... Собственно, сами журналы ничего не определяют, все определяют люди, работающие в них. На мой взгляд, сейчас журнал «Новый мир» обладает идеальным составом сотрудников. Там абсолютно все на своих местах. «Знамя», на мой взгляд, слабее, но там есть гениальный отдел поэзии, возглавляемый Ольгой Юрьевной Ермолаевой. А вот журнал «Дружба народов» практически не присутствует в пространстве литературы. Но в целом толстые журналы сейчас это такой пелевинский мертвец – не тихо лежащий в гробу, но активный мертвец.

С другой стороны, есть очень хорошие региональные литературные журналы, та же «Волга», выдержавшая борьбу с местными функционерами. И за многими из этих журналов стоят мифы: в «Волге», «Урале», в журнале «Дон» когда-то печатались вещи, которые невозможно было напечатать в Москве или Ленинграде. А в провинции многое проходило. В конце восьмидесятых, когда я начал собирать собственную библиотеку, я всегда покупал журнал «Волга». Тогда там печатали Владимира Казакова, Генриха Сапгира. И я тогда понял, что это вот примерно мой путь.

– Хорошо, но за последние годы возник ряд новых литературных журналов и альманахов: «Абзац», «Альтернация», «Новая Реальность». Они в основном копируют структуры журналов, уже существующих ныне. Существует ли принципиально новый путь?

– Абзац никогда никого не копировал. У нас при создании была идея полного противопоставления себя толстым журналам.

А в целом структура должна быть такой и работать так, чтобы ни Андрей Василевский, ни Сергей Чупринин, ни Дмитрий Кузьмин, ни Данила Давыдов не занимались созданием новых журналов, а в университете какого-нибудь дальнего города три молодых студента, один из которых пишет прозу, а два другие – стишки, создавали новый журнал, а потом находили новых авторов из других городов.

– Но это ж, в сущности, структура журнала Альтернация, созданного в Омске Дмитрием Дзюминым!

– Дзюмин молодец, конечно... Он совершил фальстарт, на мой взгляд, но он молодец, как всякий, кто проявляет инициативу. Другое дело – что получается... Дело тут вот в чем: уверен, что причина буквально всего негативного в нашей культуре исходит от непонимания университетской культуры. В Америке есть культура кампусов, и как бы мы над Америкой этой радостно не смеялись, там выходит в сотни раз больше журналов, чем в России. Такие журналы, как «Альтер-

нация», должны возникать везде. И они возникнут, буду, как всегда, утопистом. В каждом университете, в каждом педвузе, должно быть по три-четыре журнала.

А мы для следующего поколения будем гумусом, культурным слоем. Мы создаем культуру, которая позволит следующему поколению создать шедевры. И в этом есть смирение, а оно тебе, как христианину, должно быть близко.

– В последние годы вышло множество литературных антологий. Есть ли на Ваш взгляд среди них близкие к совершенству?

– Совершенных антологий нет и не может быть. Антология должна иметь цель, и в рамках этой цели она может быть близкой к совершенству. Если бы мы сейчас увидели, как глубоко уважаемый Евгений Евтушенко в очередной раз пытается собрать всю русскую поэзию под одной обложкой, случилась бы еще одна неудача. Потому что целостности, как я уже говорил, нет. Ну, не получится собрать в одной антологии Ваншенкина и Сатуновского, плохо они смотрятся. А я назвал вполне значимых поэтов.

Антология есть онтология. И составить полную антологию может только Господь. Или иная какая там метафизическая инстанция, с моей точки зрения его замещающая.

Значит, наша задача в том, чтобы составлять хорошие тематические антологии. И среди тематических антологий есть блестящие. Например, все три тома, составленные Дмитрием Кузьминым – и «Освобожденный Улисс», и «Девять измерений», и «Нестоличная литература» абсолютно выполняют свои задачи. То же можно – с поправками – сказать о новой двухтомной антологии поэзии 1950-2000 годов Ахметьева, Лукомникова, Орлова и Урицкого.

– Цитата из Вашей статьи о послевоенных литературных школах: «Принципиальный элемент характеристики литературных групп той эпохи: соединение по внешнему, внеэстетическому признаку». В более поздние времена, в 80-е, 90-е годы что-то поменялось?

– На этот вопрос я уже ответил. Совместной эстетики не было, но не было и «дружбы против». Нашей эстетикой была этика предшествующего поколения андеграунда.

– В другой Вашей статье, в общем-то, ставшей почти знаменитой, опубликованной в «Арионе» почти 8 лет назад, Вы оценили инфантилизм в качестве главной движущей силы современной поэзии. Набор имен, представленных там (Иванив, Пащенко, Шостаковская), показывает, что эти авторы состоялись как поэты. Сейчас инфантилизм – по-прежнему самая продуктивная стратегия?

– Я считаю, что поколение, вступающее в литературу теперь, в общем склоняется к более серьезным методикам письма. Панковское начало немного ослабевает. Мне это, скорее, обидно, поскольку я – человек панковского поколения. Но все, сделанное раньше, не пропало зря. То, что сделала Анна Горенко, то, что делают Ира Шостаковская, Олег Пащенко, прочитывается людьми других тусовок и других поколений.

В своей статье я не высказал одной мысли, по своей сути довольно интимной. Все, что происходит с человечеством, точнее, с наблюдаемой нами частью человечества, с сегментом, входящим, условно говоря, в иудео-христианскую цивилизацию, связано с отсутствием инициации. Я человек сложных религиозных представлений, но понимаю культурную ценность инициации. И ее отсутствие заставляет нас любить то, что в традиционных культурах должно было остаться в материнском доме. Мы воспеваем собственную невозникшую мужественность или женственность, возникавшую именно в процессе инициации. И есть несколько человек, услышавших эту боль, эту печаль. Ирина Шостаковская, безусловно, одна из них.

А новое поколение – это люди такие взрослые, что мне страшно делается. Мы такими не были. Я смотрю на Дениса Ларионова, на Андрея Черкасова, на Кирилла Корчагина – они абсолютно взрослые. И взрослые изначально. Хотя они читают и любят авторов предыдущего поколения. Нашего, скажем так, поколения.

– Формат обзора книг в «Воздухе» будет эволюционировать, или нынешнего, по сути информационного сообщения достаточно?

–Вообще, в целом, критикой я занимаюсь этим в какой-то степени для получения денег, в какой-то степени для сложного психиатрического исследования самого себя, но самое главное

– если книга вышла и достойна того, чтобы быть отмеченной, она должна быть отмечена. Что касается «Воздуха», то здесь важна именно третья причина. О ней надо написать прежде всего в плане собственно информативном.

– Хорошо, а насколько необходимо собственно критическое, негативное высказывание?

– Негативное высказывание в большинстве случаев не нужно. Жалко занимать журнальную и газетную площадь галиматьей, когда выходит так много хороших книг, причем не только художественных, но и литературоведческих, и философских. Вот о них и надо писать. Но бывают такие моменты, когда книга особенно раздражает. Тогда имеет смысл написать о ней. Но, опять-таки, не ругательную рецензию, а сделать некоторое осмысление феномена, ее породившего. Например, я написал про Дмитрия Глуховского. Я, может быть, и не хотел бы писать собственно о нем, но не мог не написать о том, во что выродился жанр антиутопии. И случай этот не единичный, конечно.

– Владимир Губайловский не так давно написал, что поэт, чтобы состояться, должен печататься в разных лагерях. Вы согласны с этим или некоторое направление есть магистральное?

– Если бы мне предложили напечататься как поэту в «Нашем современнике», я б напечатался. Мне было бы забавно, но он не позовет меня никогда. Хотя, например, «Литературная газета» с недавних пор печатает авторов, которых раньше там представить было нельзя, но газета от этого лучше не становится, только хуже. В такой среде могут существовать только, по психотипу, советские поэты. И никакого реального изменения дел в этом пространстве не может произойти по причинам даже не литературным, а чисто социальным.

– Следующий вопрос – единственный, задававшийся мною почти всем собеседникам в этом цикле интервью. Теперь, когда противостояние архаистов и новаторов в том смысле, какой в него вкладывал Тынянов, малоактуально, что может стать движущей силой, решающим противоречием в развитие литературы?

– Вообще, постановка вопроса дурацкая какая-то.

– Ну, мне половина собеседников говорили, что вопрос дурацкий, а половина давали развернутый ответ.

– Я сказал уже, что вопрос дурацкий? Теперь дам развернутый ответ. Есть такое странное представление, что тоталитаризм разрушает художественную деятельность. Это не так. Возможно, в России было нечто подобное, но, например, в Германии такого не было. Теперь, вроде бы, наше правительство позволяет себя мне не замечать. Это хорошо, конечно, но к искусству отношения не имеет. Россия, в сущности, болото, но у любого болота есть своя уникальная экоструктура, и там появляются разные интересные создания. Тем более, в нашей стране живут авторы, пишущие на разных языках, и когда-нибудь мы прочтем авторов, пишущих на татарском, башкирском, удмуртском. И это будет стимулировать нашу, русскую, поэзию. Возникнет очень интересный сплав. Возможно, получится какое-то нефашистское евразийство. Я очень на это надеюсь. И движущей силой станет не противоречие, а взаимодействие культур. Хотя это утопия, конечно...

– Вы – поэт, безусловно, сложившийся, оттого интересно: значительно количество современной поэзии, читаемой Вами, как для удовольствия, так и по профессиональной необходимости, оказывает влияние на стиль?

– Да, продолжает оказывать влияние. На меня оказывают влияние Сапгир, Сатуновский, Кривулин, Шварц, Холин, Аронзон, Миронов. Бродский, как это не смешно. Они влияли и продолжают влиять. Это мои собеседники, – как и очень многие из живущих поэтов. Специально не называю, поскольку понятие любимый поэт и поэт, оказывающий влияние – очень близки. Таких авторов среди живущих много, разных причем поколений (есть и моложе меня), обидно было бы забыть кого-нибудь.

Анна ГОЛУБКОВА

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ИЗБЫТОЧНОГО

Дмитрий Данилов. Горизонтальное положение. – М.: Эксмо, 2010. – 320 с.

Первое, что привлекает внимание в романе «Горизонтальное положение», – это его форма, которая может показаться, и действительно кажется очень многим, весьма искусственной. Между тем произведение такого типа вовсе не является для Дмитрия Данилова случайным. К этой форме писатель шел более десяти лет, постепенно переходя от условно ранних (то есть написанных в начале 2000-х годов), более или менее привычных «реалистических», иногда с элементами фантастики, рассказов к прозе подчеркнуто обезличенной. Достаточно сравнить, к примеру, микроцикл про Мелентьева («Нина Ивановна», «Нагорная», оба – 2002; «Черная металлургия», 2003) и рассказы «Более пожилой человек», «Вечное возвращение», «Праздник труда в Троицке», «В Москву» (2006). Если в первых мы еще встречаем относительно прописанных героев и пусть пунктирный, едва намеченный, но все-таки близкий к традиционному сюжет, то со вторыми дело обстоит намного сложнее. В рассказе «Более пожилой человек» есть персонажи, но нет сюжета – его герои просто перемещаются из одной точки пространства в другую, причем автор так и не объясняет нам ни кто они, ни зачем едут туда, куда они едут. Примерно то же описывает рассказ «В Москву», хотя в нем все-таки можно вычленить некий условный образ повествователя. «Вечное возвращение» представляет собой описание дороги домой всего многомиллионного населения города Москвы и ближайших окрестностей. Здесь персонаж вообще коллективный. «Праздник труда в Троицке» посвящен некой «изнанке» журналистских будней, и здесь опять-таки, очень постаравшись, можно обнаружить повествователя, а своеобразным сюжетом стало само это несколько странное мероприятие.

Если прямо сопоставлять рассказы первого и второго типа, может даже показаться, что написаны они двумя разными писателями. Впрочем, у Данилова есть произведение, которое можно, на мой взгляд, счесть переходным от одной формы к другой – это повесть «День или часть дня» (2003). Несмотря на отстраненную манеру изображения, в этой повести в редуцированном виде сохраняется повествовательный сюжет и отчасти – образ главного героя. Название намекает на то, что описываемый день – самый обычный в жизни персонажа, но на самом деле это не так, потому что в этот день происходит весьма важное для героя событие – от него уходит любимая девушка. Переживание личной драмы показано в той же как бы отстраненной безличной манере: «Встал, походил по комнате. Подошел к стене. Ударил по стене кулаком. Прислонился предплечьем к стене, лбом прислонился к предплечью, постоял так некоторое время. Походил по комнате». [1] Но, на мой взгляд, форма и содержание этого произведения фактически вступают в конфликт и начинают довольно-таки мешать друг другу. И не случайно, видимо, в дальнейшем Дмитрий Данилов совершенно исключил из своих произведений личные переживания. По крайней мере, мы не найдем их в романе «Горизонтальное положение», ставшем полноценным художественным исследованием всех возможностей выбранной писателем стилистики.

Дневниковая форма имеет в художественной литературе давние и весьма устойчивые традиции. Писатели эпохи классицизма использовали имитацию подлинных записей для подчеркивания достоверности своих произведений. Именно через дневники и разного рода записки романтики показывали сложную внутреннюю жизнь исключительной личности. Например, значительная часть «Героя нашего времени» оформлена как дневник Печорина. К концу XIX века в связи с распространением эстетики натурализма необходимость создавать художественные тексты в форме дневника практически исчезает, зато литературными произведениями становятся

[1] *Данилов Д. Черный и зеленый. М., 2010. С. 123.*

реальные дневники. Достаточно, к примеру, вспомнить невероятный успех дневника Марии Башкирцевой. Таким образом, выбрав для своего романа форму объективных ежедневных заметок, Дмитрий Данилов сразу же оказался в русле как минимум двух традиций – классицистской и натуралистической, причем если первая требует имитации подлинности, фактически – подражания жизни, то вторая настаивает на точном соблюдении принципа ежедневных записей, то есть превращения в художественный текст самой «жизни».

В конце романа стоит дата – «15 января 2009 года – 14 января 2010 года». И действительно, писатель скрупулезно отмечает каждый день календаря, не пропуская, насколько удалось заметить, ни одного, разве что иногда объединяя в одну главку несколько следующих подряд одинаковых дней: «1, 2, 3, 4, 5 и 6 июля / <...> Дома, праздность, мелкая деятельность. Время от времени – прием препарата ортофен. Время от времени – принятие горизонтального положения и погружение в сон».[1] И на первый взгляд более актуальной здесь оказывается именно традиция натуралистическая – то есть показ жизни такой, какая она есть. Недаром некоторые читатели и первые наивные критики восприняли эту книгу в прямом смысле как собрание подробных ежедневных записей обо всем, что случилось с автором в течение дня, недели, месяца и целого года. Но не все тут так просто. Во-первых, на самом деле писателем был произведен достаточно жесткий отбор фактов. Например, в книгу не вошло все то, что можно условно назвать «личной жизнью» автора. Единственное исключение – запись от 9 июля, включающая упоминание «маленького семейного торжества в узком семейном кругу».[2] И на этом все – между тем как домашняя жизнь и семейное общение при условии того, что герой в основном работает дома, не могут не занимать значительной части его времени. Точно так же и в описании различных литературных мероприятий Дмитрий Данилов, как мне кажется, сознательно ограничивается самым общим, исключая более мелкие подробности и индивидуальные впечатления для создания обобщенной картины.

Во-вторых, ближе к концу книги писатель, как бы «устав» от принятых на себя обязательств, начинает пропускать записи, размещая в тексте даты не в хронологическом порядке, а чисто графически – просто перед каждым новым предложением: «13 октября / Повествование становится все более отрывочным. / 14 октября / Потому что сколько уже можно. / 15 октября / Сколько уже можно описывать все эти бесконечные поездки на автобусах, метро и такси. / 16 октября / Все эти объезды из Кожухово и приезды в Кожухово»[3] – и так далее с одним исключением до последней обширной записи, датированной 13 января. И в этой завершающей книгу главе происходит своеобразное обнажение приема. Данилов последовательно описывает работу над романом: «Как хорошо, что это наконец закончилось. / Как хорошо. / Не нужно теперь мучительно вспоминать пустые, ничего не значащие подробности прошедших дней. / Не нужно мучительно вспоминать, в какой именно день произошло то или иное событие. / Не нужно мучительно думать о том, что же написать об этом дне или вот об этом».[4] Как видим, принцип спонтанности и непосредственности записей все равно оказывается фикцией, в чем писатель сам честно признается в конце книги. Получается, что при всем правдоподобии получившегося результата, фиксация жизни, «как она есть», все равно требует художественного усилия автора. Следовательно, перед нами не сам дневник, а его искусная имитация.

На самом же деле «Горизонтальное положение» – это самый настоящий роман, написанный в форме дневниковых заметок. У этого романа, по-моему, можно выделить несколько структурных уровней. На первый взгляд повествование держится исключительно на датах, играющих важную семантическую и графическую роли. Именно даты разделяют текст романа на разные по объему и значению фрагменты. Более пристальный взгляд выделяет постоянно повторяющуюся матрицу – пробуждение, выход из дома, поездка куда-

[1] *Данилов Д. Горизонтальное положение. М., 2010. С. 165.*

[2] *Там же. С. 170.*

[3] *Там же. С. 300-301.*

[4] *Там же. С. 316.*

либо, возвращение, принятие горизонтального положения, сон. Эти события описываются практически одними и теми же словами, так что читателю на каком-то этапе начинается казаться, что в жизни героя ничего не происходит. Но это неправда. На этом фоне Даниловым очень подробно и обстоятельно описываются, во-первых, путешествия, во-вторых, разнообразные перипетии с многочисленными работами, в-третьих, попытка жить правильной религиозной жизнью, в-четвертых, проблемы со здоровьем, из-за которых, собственно, и не удается правильная религиозная жизнь. Все эти четыре сюжетные линии писатель отчасти маскирует под ежедневную повторяющуюся рутину, но у него, естественно, это не получается, потому что при всем однообразии жестов и движений человеческая жизнь все-таки к ним не сводится. И на протяжении одного описанного в романе года с героем на самом деле происходит много интересного – взять хотя бы миссионерскую поездку в Архангельскую область или же путешествие на книжную ярмарку в Нью-Йорк.

Однако и несколько наивный читатель, утверждающий, что в романе нет ничего, кроме «бесконечности безликой повседневности»,[1] все-таки отчасти прав. Именно такого впечатления и добивается Дмитрий Данилов, разрабатывая свою максимально отстраненную манеру повествования, в которой почти невозможно обнаружить эффект авторского присутствия. Почти, впрочем, не значит – невозможно. В романе «Горизонтальное положение» писатель мастерски использует разнообразные средства русской грамматики для создания или же имитации монотонного безэмоционального повествования. При этом ему удается обходиться вообще без местоимений, так или иначе обозначающих присутствие в тексте автора или героя-повествователя. Читателю кажется, что автор пишет от третьего лица – по крайней мере, на это все время намекает контекст описываемых событий и сознательно создаваемая дистанция, но на самом деле – это первое лицо. Писатель рассказывает «о себе», но в то же время как бы и не о себе, и в результате получается, что лирический по изначальной интенции текст создается эпическими средствами.

К этим средствам относятся безличные предложения: «Очень скользко и неудобно»; отстраненные описания: «Тротуар покрыт сплошным, хоть и тонким, слоем льда», в том числе и собственных переживаний: «Быстро идти не получается»; номинативные предложения: «Место у окна, хороший обзор»; предложения с использованием отглагольных существительных: «Продвижение по обледенелому тротуару Святоозерской улицы»; сослагательное наклонение: «Надо бы не опоздать» и т.д. Но и лирическое начало, при всей своей редуцированности, здесь все-таки имеется. Даже в приведенных примерах, если к ним как следует присмотреться, можно обнаружить авторское присутствие. Скользко и неудобно – кому? Кто замечает, насколько тонок слой льда? У кого не получается быстро идти по обледеневшему тротуару? Кто боится опоздать на автобус? Кто садится в автобусе у окна и начинает рассматривать окрестности? Конечно же, герой-повествователь фактически, так сказать, незримо присутствующий в каждом предложении романа. Объективность, таким образом, является точно такой же искусной имитацией, как и подлинность ежедневных записей в дневнике. Зато эта скудная поэтика позволяет, как мне кажется, высвободить скрытый изобразительный и смысловой потенциал художественного произведения.

Некоторые из критиков, уже успевшие высказаться о «Горизонтальном положении», так или иначе сводят этот роман к одному приему, воспринимая всю виртуозную словесную эквилибристику исключительно как оторванный от реальной русской жизни литературный эксперимент. «Русский язык и без того пострадал от нашествия варваризмов, а в наши дни ему стали навязывать чужие грамматические формы. <...> Абсолютный чемпион здесь московский писатель Дмитрий Данилов», – пишет Сергей Беляков.[2] Мнение это достаточно странно, ведь к сфере научных интересов Белякова, сообщает нам википедия, относится литература 1920-х годов, для которой как раз и характерен

[1] *См., например, колонку С. Белякова – http://www.chaskor.ru/article/blistatelnaya_pobeda_kota_leonardo_19961.*

[2] *См.: http://www.bp01.ru/public.php?public=798.*

широчайший спектр художественных поисков и экспериментов. Видимо, по мнению критика, позволенное Леониду Добычину – совершенно не позволено Дмитрию Данилову, считающему именно Добычина одним из своих литературных предшественников. Интересно также, что литературный эксперимент, по мнению многих, производится исключительно ради литературного эксперимента, то есть является в первую очередь способом обратить на себя внимание, выделиться из толпы современных литераторов. Возможно, это так и есть, но только не в отношении Дмитрия Данилова, чей творческий поиск, на мой взгляд, существует в тесной связи с запросами нашего времени. К примеру, одна из самых интересных для меня проблем, затронутых в романе, – это соотношение проживаемого события и его описания: «Надо заканчивать. / Хватит уже. / Пора. / Постановка последней точки. / Описание постановки последней точки».[1]

Собственно говоря, крайне современна уже сама форма этого романа, похожего в том числе и на ежедневные записи в Живом журнале. Еще более современна поставленная в «Горизонтальном положении» проблема соотношения общего и частного, типического и индивидуального. Где и как может проявить себя человек во времена всеобщей стандартизации и почти полного стирания различий между людьми и предметами? Данилов показывает, что даже если постараться убрать из повествования все личное, в нем все равно будет некий неделимый остаток – своя собственная судьба, свой собственный взгляд на вещи, свои собственные ощущения от происходящего. Проблема эта в романе прямо не решается, вероятно, она и не может быть никогда решена, но сама ее постановка и особенно – в такой вот форме – является, на мой взгляд, необыкновенно важной. Ну и самое главное, по-моему, достижение писателя – в романе показана наша современная жизнь «как она есть», без примеси сложных отвлеченных конструкций или каких-то непонятных дополнительных измышлений. Это у Дмитрия Данилова получилось вовсе не потому, что он взял кусок «жизни» и оформил его в виде романа, а потому что – как было показано выше – писателем была проведена большая работа над художественным преображением действительности.

Еще одним общим местом по отношению к Данилову является его стилистическая преемственность с творчеством писателя Анатолия Гаврилова, доходящая, по мнению некоторых критиков, чуть ли не до прямого подражания.[2] Отчасти это верно – у Гаврилова тоже можно найти номинативные предложения или же использование перечисления вместо описания, тем не менее, различий здесь безусловно больше, чем сходства. Во-первых, у Гаврилова есть рассказы, написанные от первого лица, да и во всех остальных случаях он не пытается вывести за скобки повествования свою авторскую позицию. Во-вторых, Гаврилова совершенно не интересует современная жизнь, да и вообще реальность представляется ему безблагодатной и полностью лишенной красоты,[3] в то время как Дмитрию Данилову удается увидеть даже в самых непривлекательных вещах какую-то особую красоту и экзистенциальную значимость.[4] В-третьих, в произведениях Анатолия Гаврилова очень жестко противопоставлены идеальное и реальное, чего у Данилова нет вовсе – мир у него несовершенен и как-то особенно хорош именно в этом своем несовершенстве. В-четвертых, оба писателя используют в своих произведениях эстетику абсурда, но если у Гаврилова она обозначает принципиальную невозможность достижения идеала, то у Данилова абсурдной оказывается часть современной жизни, связанная с бездумным автоматизмом и механизацией человеческих жестов и движений. Если совсем уж упрощать это сравнение: «Жить нельзя!» – говорит Анатолий Гаврилов, «Ну что уж тут поделать – как-нибудь проживем...», – как бы отвечает ему Дмитрий Данилов. В этих обстоятельствах уподобление одного писателя другому с

[1] *Данилов Д. Указ.соч. С. 317.*

[2] *См., например, статью В. Топорова – http://www.chaskor.ru/article/kriticheskij_realizm_chto_i_kak_15794.*

[3] *См., например, миниатюру «Ну где же розы?»*

[4] *К примеру: «... дом, построенный при Хрущеве, пятиэтажный и убогий, с низкими потолками, такие дома считаются некрасивыми, хотя они и не лишены какого-то особого очарования, и сейчас, когда прошли десятилетия, можно сказать, что они прекрасны» (рассказ «Солнце»).*

профессиональной точки зрения выглядит несколько странно – как результат либо крайне поверхностного чтения, либо насильного подчинения живого литературного явления спекулятивной критической концепции.

Роман «Горизонтальное положение» – книга для нашего времени крайне важная и безусловно знаковая. И прежде всего потому, что роман не пытается втиснуть современную жизнь в рамки не свойственной ей проблематики. В отличие от многих других писателей, берущих классическое литературное произведение и подтягивающих к нему имеющийся у них материал, Дмитрий Данилов обращается непосредственно к современной жизни и находит в ней то же самое, что всегда интересовало русских писателей – проблему существования личности в обществе и в истории. И его роман тем самым оказывается устремленным в будущее, в то время как большая часть современной литературы, наоборот, старательно подмигивает прошлому.

Алексей КОЛОБРОДОВ

РОМАН С ЛЕКАРСТВОМ

Михаил Гиголашвили. Чертово колесо – М.: Ad Marginem, 2009. – 784 с.

Я всегда знал, что российско-имперская земля может рожать собственных Берроузов с Керуаками.

И не таких скучных, без натужных попыток передать наркотический трип человечьим языком. И не столь, по-репортерски, занудных в деталях и рецептах, как Том Вулф («Электропрохладительный кислотный тест»).

Умные люди всегда говорили: пьянка в России – никакое не развлечение, а тяжелая мускульная работа. Что же тогда наша наркомания, с ее гонками, ломками, криминалом, растущим в геометрической прогрессии от состава к составу – хранение, распространение, особо крупные?.. Каторжный труд, тонны энергии, которой должно хватить если не на строительство, то на разрушение Империй.

Мне припомнят Баяна Ширянова с его «Пилотажами» – эпигонскими, по отношению, скорей, не к берроузам, а к Голливуду («На игле», «Дневники баскетболиста», «Высший пилотаж»). Однако тексты Ширянова не тянут даже на физиологические очерки, оставаясь перенесенным в виртуал, а после на бумагу, собранием баек наркоманов из семейства «винтовых».

Роман Михаила Гиголашвили «Чертово колесо» не вошел в шорт-лист Русского Букера–2010 (при этом представительствовал в длинном списке Нацбеста и финале «Большой Книги»), и, судя по блогосфере и откликам именитых, не только для меня останется одним из главных литературных впечатлений последнего времени.

Автор из Тбилиси родом, солидный филолог, живет и преподает в Германии. Почти восьмисотстраничное «Чертово колесо» писал около двух десятков лет. Роман таков, что хочется не рецензировать, а цитировать. Вот несколько цитат, практически наугад:

«Манана. Помнишь ее? Курчавая такая, со мной в ЛТП была, с ворами все время путалась... Вчера хоронили. Передозировка. Помнишь, как она о своем здоровье заботилась? В день по пять раз ханкой кололась – а леденцов боялась: «Леденцы, – говорила, – на эссенции делают, для печени плохо!» Таблетки глотала пачками – а яйца из холодильника не ела: «Не свежие!» Гашиша выкурила тонну, а к орехам не прикасалась: «От них, – говорила, – зубы цвет теряют!» Представляешь? На кодеине сидела годами – а шкурки с помидоров счищала: «Для желудка нехорошо!» А как она, бедная, мучилась, чтобы уколоться! У нее же в конце концов все вены сгорели!»

«Эх, Нижний Тагил, каленая сковородка! – ответил Байрам. – Каждый Божий день с зоны покойника несли, а то и двух... Ты тогда тоже помоложе был, зёма...

– Естественно. Меня печень съела, – угрюмо признался Анзор. – Доширялся до цирроза. Теперь вот приходится отраву курить. Я ж ее и не курил раньше, помнишь? Только кололся.

– Я тоже себе печень ханкой загубил. Ханкой – печень, колесами – желудок, теперь вот отравой легкие добиваю...»

« – Мы там, в Дюсике, про тебя спросили. Элтеры говорят: «Да, слышали! Справедливый вор, в зоне его сильно уважали. С Антошей вместе правил...»

– Антоша был золото-человек, – сказал Нугзар. – Мы с ним бок о бок семь лет пролежали. В палате на двоих в санчасти. Медсестры по утрам и вечерам морфием кололи... Такие чудесные времена...»

Таким образом, связующим звеном романной географии (Тбилиси, Кабарда, Узбекистан, Ленинград, Амстердам), равно как всех сюжетных линий и судеб персонажей является наркота. У нее в «Чертовом колесе» множество жаргонных имен, главное из которых – «лекарство». (Наркоманы в романе именуются как угодно, но чаще – «морфинистами».) Вертикаль героинового шприца в Грузии 1987 года (!) нанизывает на себя обитателей тбилисского дна и богему, инструкторов комсомольских райкомов и партийных боссов, барыг и ментов, воров в законе и цеховиков... Свободными от каких-либо взаимоотношений с дурью остаются считанные персонажи – шестиклассники Гоглик и Ната, да грузинские националисты – сванские шапочки, лекции Гамсахурдиа. Есть в этом странном сближении какая-то причудливая рифма – мостик к постсоветской и нынешней саакашвилевской Грузии.

Вместе с тем, автора ловишь на странном парадоксе – не демонстрируя явного расположения или антипатии к своим героям, готовности клеймить, осуждать или защищать, он дает читателю горькое право на симпатию, или – как минимум – понимание. Более-менее сукиным сыном в романе выглядит только один из морфинистов, причем не вор, бандит или мент, а директор магазина.

Тут нет пафоса Высоцкого из палаты наркоманов: «добровольно принявшие муку, эта песня написана вам». Нет достоевского любовно-брезгливого интереса к опустившимся. Но есть пушкинская щедрая к ним, падшим, милость. Я, естественно, не сравниваю масштабов, но говорю об авторской позиции.

Роман Михаила Гиголашвили сделан вполне просто, крепко, сюжетно. Я бы даже сказал – «лихо», что и вовсе удивительно для книги такого объема. Спотыкаешься лишь на традиционных, похоже, для грузинских писателей, главах с «мифологией» – каковые сюжетной нагрузки не несут, но задуманы придавать тексту иное, магическое измерение.

Вообще, в прямолинейности приемов – считанные минусы романа. Слишком уж назойливо все, от криминалов до министров, матерят «перестройку» – для метафоры распада и гниения империи это нормально, но для 87-го года, даже в Грузии – не слишком правдоподобно. Жаргон русских немцев, беженцев в Германию из Казахстана (и, разумеется, морфинистов) сначала забавляет, потом утомляет. В бесконечных его повторах есть что-то от преподавательского, филологического занудства. При этом акцент Гиголашвили передает виртуозно – все (или почти все) вроде говорят на чистом русском, но в принадлежности героев к тем или иным народам – не сомневаешься.

Механическая увлекательность чтения не отменяет многоуровневости романа.

То, что чудовищный размах коррупции и гнили начался с окраин Империи и предвосхитил общероссийскую ситуацию девяностых и нулевых – на поверхности. Интересней другое – «Чертово колесо», иногда до полного дежавю, перекликается с русской литературой о гражданской войне (Бабель, Есенин, Шолохов и др.) – та же ситуация слома эпохи, смены «понятий», реанимации языка и схожее ощущение потери смысла дальнейшего существования. В этом ключе из современных русских авторов к Михаилу Гиголашвили ближе всего «Адольфыч» Нестеренко, бывший наблюдателем и участником не «той, единственной», а новой гражданской на другой, украинской, окраине (знаковая тавтология). Параллели тбилисского филолога и киевского братка – тема для отдельного разговора.

Поразительно, но «Чертово колесо» завершается практически хеппи-эндом, неожиданным, двусмысленным, в духе «черных комедий». Мы, знающие все дальнейшее про СССР и социальные болезни, проникаемся странным оптимизмом от подобного финала...

И вообще, роман стопроцентно кинематографичен, готовый сценарий, в диапазоне

от полнометражного блокбастера до сериала. И найдись хороший режиссер (наколка тому же Балабанову), наше «Чертово колесо» будет покруче ихнего TRAINSPOTTING`а.

Олег РОГОВ

ВОСПОМИНАНИЕ О **60**-*х* – *ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ*

А.И. Степанов. Старые / новые шестидесятые. – СПб: Юолукка, 2010. – 180 с.

Питерско-финское издательство «Юолукка» продолжает знакомить читателей со знаковыми произведениями питерской «второй культуры» (недавно изданы книги «Фиоритуры» Евгения Звягина, «Ритм эпохи» Аркадия Бартова, «Кнега Кинга» Владимира Эрля).

В сборник Александра Степанова вошли работы разных лет и разных жанров, что коррелирует с разнообразным кругом его интересов. Как сказано в справке об авторе на его сайте (http://alestep.narod.ru), А.Степанов «с конца 1970-х и в 1980-е годы – один из авторов самиздатских журналов «Часы», «Обводный канал», «Митин журнал» (по разделу литературная критика; темы – советский авангард 50-х – 80-х гг.)... В настоящее время занимается вопросами прикладной культурологии, в частности на стыке с политологией». В 2004 году в издательстве «Языки славянской культуры» вышла его книга «Число и культура: рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории».

Большую часть новой книги занимают легендарные «Главы о поэтике Леонида Аронзона», напечатанные в сборнике «Памяти Леонида Аронзона» – машинописном приложении к машинописным же «Часам» в 1985 году (вторая публикация – в 4 номере «Митиного журнала» того же года). Эта пионерская работа о классике «бронзового века» стала основой для сокращенного и переработанного вступления к знаменитому двухтомнику Леонида Аронзона, изданному Иваном Лимбахом. Сейчас читатель может познакомиться с первоначальным вариантом, сохранившим, как отмечено в редакционных примечаниях, «характерные особенности социально-культурной обстановки» тех лет. «Особенности», действительно, впечатляют. Например, справочный аппарат. 27 ссылок – рукописи, западные альманахи, питерская самиздатская периодика. Одно перечисление машинописных журналов может дать представление о плотном и насыщенном культурном быте тех лет: «Часы», «Обводный канал», «Евреи в СССР», «ЛЕА», «37», «Транспонанс».

«Главы о поэтике Аронзона» – очень увлекательное чтение, как и любая монографическая работа, посвященная значительному поэту. Но это особое исследование – первое такого масштаба, на сто с лишним страниц. С любопытством первооткрывателя А.Степанов изучает образную систему Л.Аронзона, рассчитывает метафизические и философские координаты его поэтики, выявляет явные и скрытые цитаты. Хочется воскликнуть: господа филологи, оторвитесь от Пушкина и Мандельштама, обратите свои взоры к поэтам глухого времени. И благодарные потомки еще много десятилетий будут украшать ваш текстовой монумент венками неизбежных ссылок.

Вторая часть книги – «Четыре статьи по культурологии» – знакомят с кругом тем, который стал актуален для автора в постсоветский период. Замыкает книгу, как бы закольцовывая её, неопубликованная рецензия на книгу Владимир Эрля «Хеленуктизм» (рецензия о том, какой могла бы быть эта рецензия).

Книга производила бы впечатление сборника разнородных работ и «рассыпалась» бы, если бы не сквозная тема, объединяющая тексты в некое сверхъединство, заданное названием: «старые / новые шестидесятые». Анализу этого периода и вполне убедительному чаянию новой культурной революции посвящена первая из культурологических работ («Пора готовиться к “новым шестидесятым”?»). Вторая статья – сопоставительный анализ памятников Минину и Пожарскому и Рабочему и Колхознице в связи с введением нового государственного

праздника 4 ноября («Два старых памятника и один новый праздник»). В статье «Революционность–консерватизм, конформизм–нонконформизм» рассматривается социально-культурная тетрада взамен привычной триады (революционеры – консерваторы – «болото») в связи с троичными и четверичными структурами, начиная с античности и заканчивая политическими парадоксами 1990-х. Последняя работа – «Беседа о диалоге и беседе» вводит читателя в круг понятий «диалога» и «беседы»; тоже, разумеется, с античных времен вплоть до новейших деконструкций и московско-питерской неофициальной литературы.

Сергей ТРУНЕВ

УМНЫЙ ПРИСТЕБ – ОСНОВА ДЕМОКРАТИИ?

Абубакиров Э., Стрелков Е., Филиппов В. Выше, дальше, ниже: Новейшие опыты краеведения Поволжья. – М.: Три квадрата; Нижний Новгород: Дирижабль, 2010. – 160 с.

Постмодернистская культура, являясь, согласно мнению Б. Парамонова, прямым выражением либеральной демократии, стремится продемонстрировать неоднозначность реальности, к какому бы виду та не принадлежала. В подобном подходе есть определенная логика, тем более, если речь идет о физической реальности (конкретном ландшафте), исторически сложившаяся специфика которой отражена в соответствующих литературных жанрах. Это в учебниках истории и географии все понятно, по меньшей мере, вплоть до очередной смены политической власти. Но мы-то должны осознавать, что никогда не общаемся с реальностью, какова она есть на самом деле, но всегда лишь воспринимаем ее посредством наших органов чувств, неизменно нагружая полученные образы идеологически корректными (или же не корректными) культурными смыслами.

Тоталитаризм тяготеет к смысловой прозрачности реальности. Ему важно задать человеку четкий и недвусмысленный образ мира, в рамках которого этот самый человек, будучи всецело зависимым от власти, одновременно чувствовал бы себя совершенно комфортно без всяких сопутствующих повседневности размышлений. Демократия (в лучших ее теоретических проявлениях) дает человеку максимально возможную свободу выбора. В том числе, свободу выбора адекватных ему образов реальности и соответствующих данным образам стереотипов поведения. Здесь, собственно, мы и подходим к анализу творения группы авторов, включающей Э. Абубакирова, Е. Стрелкова и В. Филиппова.

Книга с интригующим названием «Выше, дальше, ниже: новейшие опыты краеведения Поволжья» в общем и целом представляет собой попытку переосмысления специфики ряда населенных пунктов, в совокупности образующих карту указанного Поволжья. Однако если определять ее более точно, то перед нами беспрецедентный опыт придания «никакой» (с точки зрения обеих столиц) в культурном отношении территории богатого культурного прошлого, опыт наделения «пустого» места новой авторской мифологией, опыт возвращения смысла в обессмысленную за многие годы забвения провинцию. Одновременно книга является посильным ответом на экономическую, политическую и культурную экспансию Запада. Вместо того чтобы с апокалипсически-чаадаевскими настроениями констатировать, мол, «одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его», авторы гордо заявляют, что волжане предвосхитили в своих кустарных гипотезах важнейшие открытия европейской науки, что их иногда нелепые технические достижения на самом деле оказались предшественниками развитой европейской техники. Короче говоря, исторически, точнее, «краеведчески» поволжская провинция всегда и во всем (пусть лишь на пару столетий!) опережала не только столицы, но также и их ближайшего соседа – Западную Европу.

Волею авторской фантазии Царицын становится родиной феминизма, Углич – кинематографа, Капустин Яр – космонавтики, Юрьевец – местом зарождения идеи искривления пространства; в Козьмодемьянске появляется

первая русская азбука, в Городце – культивируются первые в мире картофельные поля (точнее, леса), а в Горьком местный изобретатель Иван Егорович Бенардаки последовательно опережает исследования и открытия А. фон Гумбольдта, Л. Гальвани и Г. Маркони. Наличествуют в тексте книги и альтернативные гипотезы происхождения как реальных вещей и концепций, так и вымышленных. В этой связи, исследователей истории народного творчества порадует остроумная гипотеза возникновения народных промыслов в Хохломе и других заслуженных российских деревнях; адептов сравнительной филологии заставит задуматься новая интерпретация мифа о противоборстве бога-громовержца и Змея; интересующиеся историей техники восполнят свои знания рассказом о легендарных самодвижущихся повозках – самарах (давших имя городу), а также о пирогах и расстегаях, «снующих» в протоках города Калязина; этнологи получат совершенно новую информацию об этносах, к настоящему времени органично сплавившихся в огромном казанском котле: о диких эчпочмаках, злобных чакчаках и кочевых беляшах.

Появляется в повествовании и Москва – город, где во тьме подземного Некрополитена «хтонические чудовища охраняют несметные сокровища: шапку-мономаху, алмаз-орлов и яйца-фаберже». Единственный город, где на самом деле (то есть, с точки зрения авторов) никогда не было кремля, но, исключительно по преданию «московского мифологического цикла», кремль не только был, но и неоднократно возрождался «после сожжения неисчислимыми врагами: от Мамая, Бабая и Тохтамыша до Лжедмитрия и Наполеона». Образ кремля как места сосредоточения и символа политической власти вообще проходит через всю книгу, фактически превращая умный постмодернистский пристеб в рассказ о трагедии. По замыслу авторов в достопамятные мифологические времена собственный кремль был в каждом из описываемых городов, но все они по какой-либо вполне правдоподобной причине оказались к настоящему времени разрушенными. Лишь в Москве, где кремля отродясь не было и быть не могло, он, как мы все знаем, стоит до сих пор. Вот и получается, что от России как совокупности относительно равноправных и имеющих свою культурную специфику городов мы пришли к России с одним кремлем, одним городом и одной культурой. В этом аспекте книгу Э. Абубакирова. Е. Стрелкова и В. Филиппова можно рассматривать как трогательно-героическую попытку привести простое к сложному, ясное к смутному, тоталитарное к демократическому.

Иван КОЗЛОВ

ТРИ РУССКИХ ФИЛЬМА С ДВУМЯ ГЕРОЯМИ

«Мелодия для шарманки»

«Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал». Собственно, малюток в новом фильме Киры Муратовой двое – брат и сестра, сбежавшие от угрозы помещения в разные интернаты после смерти матери. И отправились они в большой город искать своих отцов, давным-давно бросивших семью. Дело происходит накануне Рождества, брат с сестрой два с половиной часа экранного времени претерпевают боль и унижения от равнодушных обитателей мегаполиса, цепь несчастливых совпадений приводит к их разлуке, девочке светит колония, мальчик замерзает в недостроенном особняке богача.

Как обычно у Муратовой, экран населен разно рода и вида монстрами в человеческом облике, педалируется некоммуникабельность и экзистенциальное равнодушие. Вполне трэшевый сюжет (своего рода индийское кино с несчастливым концом) любопытен своим построением – скитания детей в городе позволяют режиссеру пройтись по веренице типажей, уделяя каждому персонажу от нескольких фраз до развернутых монологов. Собственно, это фильм скетчей, связанных между собой перемещениями главных героев (вокзал, аукцион, казино, супермаркет).

Первые аналоги, которые приходят в голову – это фильм Бунюэля «Достойные сострадания» и роман де Сада «Жюстина». Их добродетельные герои также безнадежно воюют с судьбой, также терпят поражение в этой неравной схватке. Любопытно, что в этом фильме появляется некое зеркало для человеческого бестиария, которым заселены все фильмы Муратовой – бедные детки. Но гуманизм, которым режиссер явно не «страдает» (хотя, можно вспомнить ранние фильмы, «Чувствительного милиционера» и «Увлечения»), вряд ли проснется у зрителей, – «несчастья добродетели» в фильме Муратовой зашкаливают за разумный предел, что не позволяет относиться к происходящему на экране всерьез. Но образы этого фильма еще долго будут преследовать зрителя.

«Как я провел этим летом»

Двое героев нового фильма Алексея Попогребского («Коктебель», 2003; «Простые вещи», 2007, призы на «Кинотавре» и в Карловых Варах) – обитатели метеостанции на Чукотке. Огромные пустынные просторы не отменяют существование персонажей в замкнутом пространстве. Начальник метеостанции – немногословный мачо, стажер – инфантильный юнец. Неизбежный конфликт оказывается травматичным для обоих.

Этот фильм впервые за пять лет представлял Россию на Берлинском кинофестивале и получил двух Серебряных медведей – за работу кинооператора (с формулировкой «выдающийся вклад в киноискусство») и за мужские роли (начальника метеостанции сыграл выпускник Саратовского театрального училища, работавший в 1990-е в Театре юного зрителя Сергей Пускепалис). Плюс приз «Лучший фильм» на 54-м Лондонском кинофестивале,

Некоторые критики называли этот фильм триллером. Несомненно, элемент саспенса в фильме присутствует, но это, вместе с тем, абсолютно медитативное зрелище и по визуальному ряду, и по ритму повествования. Собственно, сюжетный слом происходит ближе к второму часу фильма.

Хоть героев и двое, третий, столь же важный – природа, безумно красивые пейзажи, на фоне которых разворачиваются человеческие драмы. Равнодушие пейзажа, его глобальность и несоизмеримость человеку лишь усиливает подспудно кипящие на экране людские страсти.

«Овсянки»

Фильм Алексея Федорченко («Первые на Луне», тоже, кстати, обласканный Венецианским фестивалем пять лет назад, как и «Овсянки» в этом году) снят по одноименной повести Дениса Осокина, его прозу «Сухая река» в 2007 году печатала «Волга-XXI век» (так назывался наш журнал до 2008 года).

Два героя этого фильма отправляются в путешествие, из которого им не суждено вернуться. У директора бумажного комбината умерла жена, и он просит работника этого предприятия помочь похоронить ее по древнему обряду – персонажи являются представителями мери, малого народа костромской земли. Фильм почему-то обозначался на афишах как эротическая драма, разве что считать эротикой свадебные и погребальные обряды и ритуальное же «дымление» – пересказ интимных подробностей жизни умершей.

Фильм, конечно, получился экспортный, на одной полке с лентами Звягинцева и Вырыпаева. «Загадочная русская душа» теперь явно проигрывает «загадочной мерянской душе». И пусть демонстрируемые в фильме ритуалы «не основываются на научных фактах», хотя автор литературной основы фильма – знаток обычаев и фольклора малых народов Поволжья, это не отменяет, конечно, возможности поэтического вымысла, да еще такого красивого и загадочного.

Эта лента невероятной красоты и затягивающего ритма. Камера совершает медленные развороты вместе с паромом, медленно кружит внутри автомобиля, так что половина экрана на несколько секунд становится черной по диагонали, чтобы уткнуться в заднее стекло, задумчиво глядя на удаляющуюся дорогу. То же происходит с размытым фоном во время плавания на лодке – мокрая зелень, желтая листва, на мгновение становящаяся невыносимо насыщенной, чернота моста. Зритель тонет в кадре, как герои фильма в реке, и ему так же невозможно выбраться из этого тягучего течения.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «ВОЛГА» ЗА 2010 *ГОД*

ПРОЗА

Бару Михаил. Кольчуга из щучьей чешуи. №3–4 (425). С. 30
Бузулукский Анатолий. Менеджер и охранник. Сын-полуночник. Рассказы. №11–12 (429). С.3
Володин Валерий. «Что-то не тянет домой» и др. рассказы. №1–2 (424). С. 105
Горланова Нина, Букур Вячеслав. Моя тихая радость. Рассказ. №3–4 (425). С. 18
Горланова Нина. Рожь, ты о чем поешь? Рассказ. №3–4 (425). С. 27
Грантс Янис. «MARSHAK». Короткий роман. №7–8 (427). С. 110
Кузьменков Александр. Десятая годовщина. №5–6 (426). С. 12
Лавриненко Анна. Там, где нас нет. Повесть. №5–6 (426). С. 63
Окунь Михаил. Тюремный футбол. Рассказ. №11–12 (429). С. 233
Палей Марина. Хор. Роман-притча. №7–8 (427). С. 7
Рубанова Наталья. [Её университеты]. Из цикла Love-story. №7–8 (427). С. 123
Слаповский Алексей. Большая Книга Перемен. (Начало). № 9–10 (428). С. 3; (Окончание). №11–12 (429). С. 15
Титов Александр. Кот Марс. Повесть. № 9–10 (428). С. 209
Шапко Владимир. Время стариков. Повесть. №1–2 (424). С. 9
Шикера Сергей. Идущий против ветра. (Записки неизвестного). №7–8 (427). С. 83
Щербина Татьяна. Аргус (одноклассницы). №5–6 (426). С. 38
Ярмолинец Вадим. Чемоданы – за борт! Рассказ. №5–6 (426). С. 57

ПОЭЗИЯ

Александров Алексей. «Как нас накрыло летом и повело...» и др. № 9–10 (428). С. 220
Бельченко Наталья. «На Рождество» и др. №3–4 (425). С. 12
Бунина Светлана. Вариации на темы Энн СекстонN№11–12 (429). С. 220
Власов Герман. «живи не трогая эскизы...» и др. №5–6 (426). С. 3
Григорьев Дмитрий. «Я за хмелем ходил в богадельню, где делают бога...» и др. №3–4 (425). С. 57
Дозморов Олег. «Кофе, бисквит, пирожок европейский...» и др. № 9–10 (428). С. 193
Друк Владимир. Спи, Шанхай! < version 1.9 c, beta > №11–12 (429). С. 9
Евстратов Алексей. «У бывшего барака медицинского рабфака...» и др. №1–2 (424). С.143
Жагун Павел. Carte Blanche. №5–6 (426). С. 90
Изварина Евгения. «Пятипалая боль под перчаткою нитяной...» и др. №5–6 (426). С. 88
Калинин Максим. «Продрался ветер сквозь чертополох...» и др. №7–8 (427). С. 126
Каневский Геннадий. [12 декабря] и др. №7–8 (427). С. 3
Караулов Игорь. Промежуточные итоги. №5–6 (426). С. 43. Послесловие Сергея Слепухина: «Абсурдная катавасия». С. 51
Ключарева Наталья. «Весна» и др. №7–8 (427). С. 130
Коровин Андрей. «летающий остров: уходим» и др. №3–4 (425). С. 60
Кравцов Константин. «Частичные галлюцинации» и др. №3–4 (425). С. 3
Ли Арсений. «Я наблюдал, как с гулким «бум» из тела...» и др. №3–4 (425). С. 16
Лихтенфельд Борис. «Работай, нескончаемый завод...» и др. №5–6 (426). С. 84
Палей Марина. Из цикла «Слова исключения». № 9–10 (428). С.201
Пермяков Андрей. «Начитавшийся «Опытов», сядешь в кровати...» и др. №11–12 (429). С. 223
Плотникова Марианна. «обычное дело – начинаться...» и др. №3–4 (425). С.62
Порвин Алексей. «Ветвью, к облаку подводн й...» и др. №1–2 (424). С. 146
Рымбу Галина. «Дай мне тему, и тема забудется....» и др. №11–12 (429). С. 229
Слепухин Сергей. Что-то случилось. №1–2 (424). С. 96
Трунев Сергей. «в знойном мареве лиманов...» и др. №5–6 (426). С. 8

Усачева Анастасия. «Там хороший ветер...» и др. № 9–10 (428). С. 224
Ханин Семен. «Что-то с координацией движений». №7–8 (427). С. 106
Херсонский Борис. Машина имени. №1–2 (424). С. 3
Черных Наталия. Элегии Сокольникам. №11–12 (429). С. 226
Чечик Феликс. «В чистом виде поэзия – без...» и др. № 9–10 (428). С. 198
Шустерович Рафаэль. « no discharge» и др. №1–2 (424). С. 99
Щербина Татьяна. Дыханию одиноко. №1–2 (424). С. 93
Юрьев Олег. «Стихи и другие стихотворения». №7–8 (427). С. 99

ДРАМАТУРГИЯ

Палей Марина. Salsa for Singles (Сальса для одиночек). №5–6 (426). С. 129

ДЕБЮТ

Атанесян Григор. Теория литературы. Рассказ. №3–4 (425). С. 65
Белкин Борис. Прогулки у залива. Стихи. №11–12 (429). С. 236
Быков Илья. Разговор над покойником. Рассказ. № 9–10 (428). С. 227
Дигол Сергей. Мои пыльные ноши. Рассказ. №1–2 (424). С. 150

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Абросимов Андрей. «это не спам и не розыгрыш суперприза...» и др. №1–2 (424). С. 170
Горенко Хлоя. «С креольского кладбища...» и др. №1–2 (424). С. 166
Гуменюк Павел. «молодость моя θεοδοσῖa...» и др. №5–6 (426). С. 156
Манилов Илья. «один не переживай...» и др. №1–2 (424). С. 168
Поспелова Алла. «Я крови не боюсь...» и др. №1–2 (424). С. 172
Стрелкова Полина. «Вот ещё какие бывают ветра...» и др. №5–6 (426). С. 159

ПУТЕШЕСТВИЕ

Брумме Кристоф. На голубом слоне: 8353 километров на велосипеде от Берлина до Волги и обратно. Отрывки из книги. №1–2 (424). С. 173
Пермяков Андрей. Десятая часть года. Почти документальная повесть. №1–2 (424). С. 185
Соловьев Сергей. Индийские мотивы. №5–6 (426). С. 93

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Лопатин Вячеслав. Борисов-Мусатов–2010: ступенчатый колорит. № 9–10 (428). С. 233
Шарыпов Александр. Рассказ, повесть, монолог. Вступление и подготовка текста Олега Зоберна. №3–4 (425). С. 139

ВОСПОМИНАНИЯ

Позапрошлое, прошлое, настоящее: ***Борис Белов***. Художник Н.М. Гущин. Подготовка текста, предисловие, комментарии ***Л.В. Пашковой. Александр Белов.*** Пассажиры бумажного кораблика №3–4 (425). С. 104

В КРУГУ СМОГА

«Нас мало и очень много». Вступительная заметка ***Олега Рогова*** №3–4 (425). С. 69
Наталия Слюсарева. На Первой Мещанской. Предисловие ***Владимира Алейникова.*** №3–4 (425). С. 70

Леонид Коныхов. Рассказы. ***Вячеслав Горб***. Невесомая тяжесть. Стихи: ***Олег Хмара, Юрий Каминский, Рудольф Кан, Владимир Пожаренко.*** Предисловия ***Владимира Алейникова.*** №5–6 (426). С. 163

ЗАОЧНЫЙ ДИАЛОГ

Разговоры с ***Андреем Пермяковым:***
– ***Максим Амелин – Юрий Цветков, Данил Файзов.*** №3–4 (425). С. 196;
– ***Евгения Вежлян – Виктор Куллэ***. №5–6 (426). С. 218;
– ***Олег Дозморов – Данила Давыдов.*** №11–12 (429). С. 239

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александров Алексей. Двадцать лет спустя. №5–6 (426). С. 245; Название для книги. №7–8 (427). С. 134

Аржанов Николай. В струях прозрачного воздуха... №5–6 (426). С. 247

Водонос Ефим. «И вот оказалось – вещунья...» №3–4 (425). С. 221

Голубкова Анна. Лирический каталог Андрея Сен-Сенькова. №7–8 (427). С. 138; Отложенное признание. № 9–10 (428). С. 284; Избавление от избыточного. №11–12 (429). С. 250

Дайс Екатерина. Орфей в метро. №7–8 (427). С. 141

Колобродов Алексей. «Околоноля»: книга нулевых, или Правительство как первый писатель. №1–2 (424). С. 247; Мультики без пульта, или Конец чебурашки. №5–6 (426). С. 233; Время Прилепина. №7–8 (427). С. 147; Большой Довлатов в малой серии. № 9–10 (428). С. 291; Роман с лекарством. №11–12 (429). С. 254

Палей Марина. Портреты в режиме клипа. №3–4 (425). С. 210

Пермяков Андрей. Возможность времени. №1–2 (424). С. 251; Для честного просмотра. №3–4 (425). С. 216; Книга надеющегося. №5–6 (426). С. 232; Печальные и взрослые стихи. №7–8 (427). С.136; Стихи на асфальте. № 9–10 (428). С. 287

Рогов Олег. Саратовские корни «Пустынной Церкви». №1–2 (424). С. 253; Поэзия философии: три трамплина для прыжка в глубину. №3–4 (425). С. 215; Шевелящиеся виноградины. №5–6 (426). С. 248; С запада на восток России. №7–8 (427). С. 133; Воспоминание о 60-х – воспоминание о будущем. №11–12 (429). С. 256

Романов Александр. Новые страницы саратовского краеведения. №3–4 (425). С. 224

Селезнев Виктор. Сумбур вместо мемуаров №1–2 (424). С. 254; Тираны мира, трепещите! №5–6 (426). С. 250; Та самая история. №7–8 (427). С. 154; «Всё наше! Всю Россию потребуем!» № 9–10 (428). С.295

Трунев Сергей. Кошкам, собакам, траве посвящается. №1–2 (424). С. 249; По гамбургскому счету. №3–4 (425). С. 219; Продолжение достоинств. № 9–10 (428). С. 290; Умный пристеб – основа демократии? №11–12 (429). С. 257

Черных Наталия. «Слушая голоса на воде». №3–4 (425). С. 218

Щербинина Юлия. Море волнуется – раз, море волнуется – два. №1–2 (424). С. 241; Преодоление пространства. №5–6 (426). С. 237

КИНООБОЗРЕНИЕ

Козлов Иван. Искусство карикатуры №1–2 (424). С. 257; Спецэффекты: цена вопроса. №3–4 (425). С. 232; Опасные фантазеры. №5–6 (426). С. 254; Уже безумие крылом души накрыло семь девятых... №7–8 (427). С.162; Три попытки влиться в мэйнстрим. № 9–10 (428). С.298; Три русских фильма с двумя героями. №11–12 (429). С. 259

Редколлегия журнала:

Анна Сафронова
Алексей Александров
Алексей Голицын
Алексей Слаповский
Олег Рогов

Подписано в печать ___ декабря 2010 г.
Журнал отпечатан в типографии
Адрес типографии:

Заказ №
Цена свободная

Рукописи принимаются по адресу:
E-mail: safronova-volga21@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://magazines.russ.ru/volga/

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.